

ПОДЪЁМ
РЕГИОН

*Воронежский
простор*

Этнокультурные
особенности
края

Воронеж ■ 2016

*Издается в рамках подпрограммы
«Этнокультурное развитие Воронежской области»
государственной программы Российской Федерации
«Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Составители *В.В. Будаков, Е.Г. Новичихин*
Редактор-составитель *В.Е. Новохатский*

Воронежский простор. Этнокультурные особенности края. — Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2016. — 304 с.

В рамках издательского проекта ГБУК ВО «Журнал «Подъём», посвященного этнокультурным особенностям Воронежской области, уже вышли сборники «Истоки», «Отчий край». Новое приложение к журналу рассказывает об истории заселения региона, самобытности традиций и обычаев наших предков, на формирование которых, помимо прочего, повлияло также и ландшафтно-природное своеобразие края. Статьи ученых, писателей, журналистов о духовном наследии поколений адресованы широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТЕЧЕСТВО	Владимир ФЕДОТОВ. Воронежский простор 5
	Виктор БУДАКОВ. Стремнина . Эссе 24
	Валерий КУЗНЕЦОВ. «Богу чара сия!» 39
ИСТОРИЯ	Алим МОРОЗОВ. Князь Игорь, Каяла и половцы . (Где произошла легендарная битва, описанная в «Слове о полку Игореве») 43
	Владимир ГЛАЗЬЕВ. Не хотел «сидеть в избе» . (Основатель города Воронежа Семен Сабуров) 50
	Дмитрий ВАСИЛЕНКО. Экспедиция воеводы . (Поход И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь) 54
	Елена ЖУКОВА. Сражение атамана Заруцкого . (Из истории Смутного времени) 58
	Иван ХАРИЧЕВ, Петр ЧАЛЫЙ. Бурлаки на Дону 62
	Игорь МАРКИН. «В песнях мы великий народ» . (Творческий подвиг Митрофана Пятницкого) 66
ДУХОВНОЕ ПОЛЕ	Ольга ПЕПЕЛЬНИКОВА. Рожденный в годы боевые . (Хроника Воронежского русского народного хора) 69
	Слушать, как разговаривают друг с другом звуки... Письма Константина Массалитинова к дочери Наташе. (Публикация Риммы ЛЮТОЙ) ... 74
	Иван ЩЁЛОКОВ. Вечные странники . Эссе 84
	Юрий КУРГУЗОВ. «У меня всё, что начинается, никогда не заканчивается...» 97
	Евгений НОВИЧИХИН. Начиная с Ксенофонта и Иоасафа . (Дивногорье). Жемчужина палеолита . (Костенки) 106
	Эдуард ЕФРЕМОВ. Преображение земли . (Каменная Степь). С Белой горки прямо в Дон . (Источник «Белая горка») 110
СЕМЬ ЧУДЕС	Владимир НОВОХАТСКИЙ. Конь — в подводу и под воеводу . (Орловский рысак) 117
	Владимир ЕЛЕЦКИХ. Царь почв . (Чернозем) 122
	Елена ПЕЧЕНЮК. От Большой Глушицы до Крутого Яра . (Хоперский заповедник) 126
	Виктор БЕЛИКОВ. Нет богатств дорожке и ценнее .. 136
	Александр ВЫСОТИН. Родник находит жаждущий . (Как сохранить «сознание о былом») 140
	Сергей ЛУЦЕНКО. Мои родные якоря 145
ИСТОКИ	Павел ПОПОВ. Семилукские усадьбы 147
	Очерки давних дней . Этнографические заметки священников. (Публикация Валерия ПЛАТОНОВА) 158

НАСЛЕДИЕ

Анна КОРОЛЬКОВА. «Я слова-то разбираю да в карман покладаю...» Встреча народной сказительницы со студентами-филологами. (Предисловие Татьяны ПУХОВОЙ)	171
Татьяна МАНУКОВСКАЯ. Голоса времени. (Воронежские народные песни в записи С.А. Ананьина)	207
Геннадий КОВАЛЕВ. Природа края в микротопонимии	234
Валентина ФИЛАТОВА. Деревянное узорочье	247
Мария МЕДВЕДЕВА. Легенды и предания. (По материалам этнографических исследований в селах Лискинского района)	250
Евгений РОМАНОВ. Где клад зарыт!	258

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

Донская лира. Река Дон в русской поэзии от Пушкина до наших дней	263
---	-----

Владимир Федотов,
*доктор географических наук,
декан факультета
географии и геологии
Воронежского государственного
университета*

ВОРОНЕЖСКИЙ ПРОСТОР

Земля Воронежская — наша малая родина. Здесь нет ни заоблачных горных вершин, ни ярких контрастных красок юга, ни успокаивающего душу морского прибоя. Но места эти не оставляют равнодушными ни прикипевших к этой земле старожилов, ни путешествующих в летнюю пору транзитом на скоростных автомобилях любителей морского отдыха. Они радуют сердце каждого российского человека.

Пространства Воронежской области располагаются на обширном Волго-Днепровском междуречье, на полпути из Москвы к российскому побережью южных морей — Азовскому и Черному. По площади, равной 52,4 тысячи квадратных километров, область уступает немногим субъектам Европейской части России. Но это не единственный отличительный признак нашего края. На Русской равнине редко встретишь административные субъекты страны, где сразу можно было бы наблюдать ландшафты нескольких географических зон, как в Воронежском регионе. Таких ландшафтных уникамов здесь два — лесостепь и степь. Граница между ними до сих пор остается дискуссионной. Линию разграничения, хотя по существу и близких ландшафтов, на пространствах области мы склонны, вслед за Л.С. Бергом, проводить по направлению Валуйки — долина Потудани — Давыдовка (долина Хворостани) — Бобров — Каменная Степь — Новохоперск — Борисоглебск — Камышин на Волге.

К северу от этой линии до самой Оки издревле чередовались на равных широколиственные леса с разнотравно-луговыми степями, а к югу господствовала открытая всем ветрам, уходящая за горизонт, степь.

Сегодня Воронежскую область с севера на юг и с запада на восток пересекают ленты асфальтированных автомобильных дорог, к которым до самого горизонта примыкают пшеничные поля; горят золотом душистые корзинки подсолнечника; отливают блестящей зеленью плантации сахарной свеклы; радуют глаз сиреневые поля эспарцета и белоснежное цветение гречихи.

Среди полей иногда поднимаются заросшие дерезой и степным травостоем курганы, встают трепещущие кусты осин, разбросанные по сырým западинам. Незабываемое впечатление оставляют русские степи, островки которых уцелели от рас-

пашки по склонам балок да вблизи опушек лесных полос. Весной и в начале лета — это причудливо вытканый ковер, калейдоскопически меняющий свою раскраску вслед за цветущими степными травами — прострелом, адонисом, незабудкой, горным клевером. Во второй половине лета многоцветное разнотравье выгорает, а на желтовато-сером фоне злаковых дерновин вздрагивают на ветру перья ковылей.

По всей области поля окаймляют темные полосы леса. Это рукотворные полевые защитные насаждения, но встречаются дубравы — зеленое украшение среднерусской природы. В самых старых из них — Шиповом лесу и Теллермановской корабельной роще, — рядом с великовозрастными экземплярами дуба тянутся высь ажурный ясень, разлапистый клен, душистая липа, вяз, а в густом подлеске — лещина, бересклет, жостер.

На песках древних речных долин доминирует властелин песков — сосна обыкновенная. Попадая в Усманский или Хреновской бор, ощущаешь сухость воздуха. Далеко вглубь просматриваются стройные бронзовые колонны деревьев.

Особую прелесть среднерусской природе придают не самые многоводные, но известные всей стране реки — Дон, Воронеж, Хопер. Лениво петляют они среди высокотравных заливных лугов и густых пойменных лесов из дуба, ветлы, тополя. В тех местах, где русла рек прижимаются к меловым и глинистым кручам правобережья, вытекают из-под земли чистые, как слеза, воды родников.

На этой земле родились и прожили недолгую жизнь певцы воронежского Подонья А.В. Кольцов и И.С. Никитин. Среднерусская лесостепь — родина выдающегося прозаика и поэта И.А. Бунина. Земля Воронежская вдохновляла на творчество сказочницу А.Н. Королькову, фольклориста и литературоведа А.Н. Афанасьева, собирателя и исполнителя русских народных песен М.Е. Пятницкого, прозаиков А.П. Платонова и Г.Н. Тропопольского, — всех и не перечислить.

Природа Воронежского края восхитительна и разнообразна. Здесь после почти 400-летнего непрерывного ведения хозяйства сохраняются многие природные феномены среднерусских ландшафтов.

ЛЕСА ВОРОНЕЖСКИЕ

Леса — важнейший компонент воронежского лесостепного ландшафта. Они на территории области представлены преимущественно тремя формациями — *дубравами, борами, ольшаниками*. Из разбросанных по всей области участков дубрав, пожалуй, самыми привлекательными остаются Шипов лес, Теллермановская роща, Жировский лес.

Шипов лес — одна из самых крупных островных дубрав в степной зоне Европейской России. С ней на Русской равнине может соперничать лишь Черный лес в Кировоградской области Украины и Тульские засеки. Южнее, вплоть до самых предгорий Кавказа, не встретишь ни одного такого лесного массива, как Шипов лес. Тянется он по правому, нагорному берегу Осереда, левому притоку Дона, неширокой (6–12 километров) лентой от Павловска до Бутурлиновки. Площадь этого уникального массива около 32 тысяч гектаров.

Широкую известность лес получил в начале XVIII века. В 1709 году в поисках удобного места для строительства кораблей на Дону Петр I обнаружил недалеко от Павловска нетронутый топором девственный лес с дубами 400–450-летнего возраста. За островное расположение и высокое качество древесины назвал Петр лесной массив «Золотым кустом государства Российского». Вплоть до 1770 года рубили Шипов лес для нужд отечественного кораблестроения, и почти весь вырубил. Второе наступление на лес приходится на 1810–1830 годы. Современные старовозрастные насаждения — второе, порослевое поколение дуба, а молодняки и средневозрастные насаждения — третье.

В 1846 году было проведено первое лесоустройство, и с этого времени начинается планомерное ведение лесного хозяйства в массиве. Известный лесовод Н.К. Генко в 1875-1879 годах заложил на бывшей пашне первые искусственные культуры дуба. Сегодня это памятник лесокультурному делу в России. В возрасте почти 140 лет сохраняется насаждение хорошего качества. Стройные, высотой 26–30 метров, дубы доминируют над появившимися здесь позднее липой, кленом, лещиной.

Сильное впечатление мощью деревьев и обилием зелени производит высокоствольная старовозрастная дубрава в квадратах №55–59. На площади около 100 гектаров находится один из редких сохранившихся в Шиповом лесу естественных древостоев. В возрасте около 210 лет высота дубов достигает 40 метров, а средний диаметр — около полуметра. Запас древесины на одном гектаре 500–550 кубометров. Ствол одного только дерева в объеме составляет 5–6 кубометров. В первый ярус к дубу здесь поднимаются немногие экземпляры ясеня. Во втором ярусе растут спутники дуба и его свита — клен остролистный, ильм горный, липа; в третьем, подлеске, господствуют толстоствольная лещина и клен полевой. Травянистый покров представлен снытью обыкновенной, копытнем европейским, ясенником пахучим, медуницей, осокой волосистой. Во всем Шиповом лесу доминирует позднораспускающаяся разновидность дуба, деревья которой отличаются прямоствольностью и очень высоким качеством древесины.

В центральной части Красного лесничества отобраны сотни плюсовых деревьев, отмеченных специальным белым пояском и номером. Это деревья-маточки, от которых заготавливают желуди для лесоплеменного дела в лесхозах Центральной Черноземья и других районах России.

Животный мир дубравы богат и своеобразен. Косули, кабаны, лесная куница — обычные животные леса. Опушка дубравы населена множеством мелких птиц: овсянок, славок, дроздов, трясогузок, сорокопутов, зябликов, зеленушек, сизоворонок, щурков.

Сегодня Шипов лес отнесен к особо ценным лесам. Вместо хозяйственных рубок начинают преобладать рубки восстановительные; все больше появляется лесокultur дуба.

Лесоведам России хорошо известен еще один древнейший и интереснейший лесной массив — Теллермановская роща, произрастающий по долине Хопра и, главным образом, по долине его притока Вороны широкой полосой, более чем на 40 километров.

Уже в начале XVIII века Петр Великий повелел создать после Шиповой еще одну «корабельную рощу», названную Теллермановой. После окончания азовских походов и прекращения кораблестроения значительная часть Теллермановского леса перешла во владение графа Кулешова-Безбородько, оставаясь совершенно запущенной и безнадзорной. Позже лес попал в руки купцов и подвергся хищническому истреблению, и только в 1847 году впервые здесь было произведено лесоустройство на научной основе. Теллермановская роща, раскинувшаяся на площади более 40 тыс. гектаров, представляет собой пеструю мозаику из многих, значительно отличающихся друг от друга типов леса, возникших при разных сочетаниях природных условий, в их взаимных связях, при постоянном воздействии человека. Здесь и субори, и сухие боры левобережья, и роскошные дубравы. Это разнообразие объясняется, прежде всего, характером рельефа. Долина Вороны здесь широкая. Ее правый, коренной берег, высокий и крутой, поднимается над гладью реки на десятки метров. А тут, наверху, между Вороной и небольшим притоком Хопра — Карачаном привольно раскинулось волнистое водораздельное плато. Отсюда к Хопру и Вороне протянулись глубокие и крутые овраги.

Совсем иначе выглядит левобережная сторона долины: широкие и совершенно

пологие, песчаные сухие террасы уходят к горизонту, незначительно поднимаясь над зеленым простором поймы. На широкой пойме между многочисленными протоками и старицами вытянулись песчаные гряды, намытые внешними водами, по краям — болотистые низины с непроходимыми ольшаниками — «трясины».

Безраздельное господство в Теллермановском лесу принадлежит дубравам. Но и они не одинаковы. Например, осоковая дубрава на южных карнизах балок или на переломе склонов определено «обижена»: дотянуться до грунтовой воды трудно, почвы бедноваты перегноем и часто солонны. А вот осоко-снытевая дубрава на слабопокатых склонах — это царица Теллермановского леса. Здесь еще можно увидеть уцелевшие дубы-гиганты, возраст которых насчитывает не одну сотню лет.

В Теллермановской нагорной дубраве основной породе — дубу сопутствуют ясень, клен, липа, густой «подлесок» из лещины, клена полевого, бересклета бородавчатого и других кустарников. На земле расстилается пестрый ковер влаголюбивых трав.

Разнообразен животный мир дубравы. Обычными стали здесь лось и благородный олень. На склонах глухих лесных оврагов роет свои глубокие норы неуклюжий барсук. В чащобах встречается куница. По ночам на лесных опушках, в пойменных зарослях юркая ласка охотится на мелких грызунов, лягушек, птиц. Довольно многочисленны и очень жизнедеятельны лисы. Кое-где в глухих крепях отдаленных яруг можно еще набрести на волчье логово.

Украшением Теллермановской рощи являются птицы. За последние годы их заметно прибавилось. Одних только певчих птиц насчитывается около сорока видов.

Многие животные уже давно начали расселяться за пределами заповедника, и теперь можно увидеть где-нибудь на берегу Вороны редкого зверька — выхухоль, сохранившего свой род с далеких времен и обитающего лишь в нескольких местах нашей страны. Появляются бобры.

Большую работу по изучению Теллермановской рощи проводит расположенное здесь опытное лесничество Академии наук России.

Если подняться на высокий правый берег Дона у сел Гремячье или Рудкино, то в хорошую, ясную погоду можно видеть всю широкую в этом месте пойму, спускающийся полого уступами сам берег, причудливо извилистую, искрящуюся на солнце ленту реки, за нею — серовато-зеленые участки костровых лугов, большей частью распаханых, а совсем далеко, у противоположного берега долины, — светлую полоску крупного озера Погоново и левее — туманно темнеющее пятно леса, издавна известного под названием Жировского. Этот островной лес является остатком ленточных пойменных лесов, тянувшихся в допетровские времена почти без перерывов на всем протяжении долины Дона на юг за пределы Воронежского края. В состав высоких древостоев этих лесов обычно входили дуб как доминант, затем ясень, вяз, несколько видов кленов и тополей, в совокупности создавших условия плотной тени и сырости на протяжении теплого времени года.

Этот незональный ландшафт как бы сквозным коридором проходил с севера на юг от южной окраины лесной зоны до типчаково-ковыльных степей включительно. Вместе с полосой нагорных дубрав правого берега Дона он сыграл большую роль в расселении европейских лесных видов с севера на юг после окончания ледникового времени, Великой зимы.

Известный зоолог Воронежского университета К.К. Сент-Илер еще в 20-х годах прошлого века обратил внимание на Жировский лес и не раз предпринимал туда поездки. Тщательно исследовался природный режим поймы и годовой цикл всех явлений жизни. В пору мартовского снегопада темный, но хорошо просматривающийся лес как бы настораживается в тревожной тишине, в ожидании прилива могучих вод и льдин. Совсем другое впечатление он оставляет после спада

половодья в конце мая, когда весь зеленый массив от края и до края оглашается бесчисленными трелями и криками птиц, тенькающими стонами жерлянок, иступленным кваканьем лягушек, образующими в совокупности мощный гимн торжествующей жизни. Поражает большое разнообразие кровососущих комаров, слепней, крупных стрекоз.

В 1930-х годах в Жировском лесу К.К. Сент-Илером была организована биологическая станция, где проходили практику студенты, исследовавшие растительный и животный мир донской поймы.

Великая Отечественная война нанесла немалый урон лесу: погибли научные материалы по его комплексному изучению, нет теперь биостанции, нет высоченного, стоявшего в центре леса, тополя, настоящего «патриарха» лесов. Однако сам лес, хотя и поредевший, продолжает жить по неизменным природным законам речной поймы.

Лес и теперь тянется вдоль левого берега русла Дона на 8–10 километров к устью реки Воронеж. Его ширина колеблется от 1,5 до 2 километров. Как будто и невелик лес, а в летнее время нетрудно в нем и заблудиться. На темных зернисто-слоистых почвах, удобряемых ежегодно слоем тонкого наилка, произрастает буйная травянистая растительность. Выше человеческого роста стоят заросли крапивы, гигантские лопухи, сныть, дудник, купырь. Еще выше теснятся заросли ветел, черноклена, крушины, черемухи. Стволы осокорей и ив перевиты хмелем.

Тропинка то поднимается вверх по склону, то спускается вниз, проходя сквозь густые заросли — настоящие джунгли. По дороге встречаются характерные для Жировского леса пойменные озера, соединенные в одну цепь полупересыхающими протоками — Жировское, Сонькино, Кременчуг, Некосное. Озера эти более или менее сильно заросли надводной растительностью. Озеро Погоново является естественным продолжением цепи Жировских озер.

Украшением Жировского леса ранее служили поляны — поляна Киселева и Жировская, пестревшие ковром луговых цветов. В настоящее время они распаханы, как и примыкавший к лесу обширный костровый луг. Наиболее ценной частью Жировского леса можно назвать дубово-ясеневый лес с примесью клена и ильма, расположенный узкой полосой на более возвышенной части поймы, а также участок дубравы с ясенем в первом ярусе на юго-восточной окраине Жировского озера. Эти леса занимают, однако, не более 15 процентов лесной площади всего урочища. Вся остальная площадь занята осокорниками и ветляниками.

Жировский лес на донской пойме играет важную водоохранную роль, роль станции в пролете птиц; он все еще богат представителями околородной и влаголюбивой фауны. Растительная жизнь небогата качественно, зато достигает высокой плотности, а нередко и мощи роста. Ритмичность сезонных явлений природы в связи с широким разливом вод здесь своеобразна и резко выражена. Это одно из интересных мест нашего Подворонежья, заслуживающее внимательного комплексного изучения, охраны и рационального использования ее природных ценностей.

Ольшаники — третья лесная фация, часто встречаемая в нашем крае. У нас практически нет рек, где бы на периодически заливаемых в половодье поймах не росли леса из ольхи. Ольховые заросли из черной ольхи обычно называют черноольшаниками или черноольховыми топями. На малых реках, где поймы очень узкие, черноольшаники растут от одного долинного склона до другого, подступая к самому руслу. На широких поймах они чаще всего приурочены к притеррасным понижениям. Здесь вода остается не только после весеннего паводка, но и выклинивается родниками, пополняя влагой низинные болота ольховых лесов.

Черная ольха произрастает на богатых перегноем, избыточно увлажненных почвах. Кроме ольхи черной в зарослях сумрачного леса встречается изредка осина, а в подлеске — черемуха. Стволы и ветви деревьев нередко увиты среднерусской ли-

аной — хмелем. Сквозь густые заросли из черной ольхи, поднимающиеся на высоту 15–18 метров, даже в полдень едва пробивается луч солнечного света. Каждое дерево растет на приподнятых над водой возвышениях — коблах, прикрытых густым травяным покровом из осок, папоротников, тростника, крапивы, болотной таволги. Не случайно в народе бытует поговорка: «Там, где ольха, там сена вороха».

Черная ольха — дерево стройное и очень выносливое. Оно хотя и приспособлено расти в местах избыточного увлажнения, но не теряет своей жизнестойкости при подсыхании болот в пору сильной засухи. В высоту дерево может подниматься на 25–30 метров. В первичных насаждениях ольха растет одним стволом. После рубки лесного массива пневое возобновление ольхи имеет форму «куста» — растут два-три, а то и десяток стволов. У основания стволов образуются ходульные корни высотой до 0,5–0,7 метра.

Черноольшаники — хранители влаги. Словно губка, удерживают они воду, отдавая ее рекам в самое тяжелое для них время — летнюю засуху. Там, где произрастают ольшаники, русла даже самых малых водотоков никогда не пересыхают. На многие километры тянутся черноольшаники по поймам Икорца, Усмани, Дона, Битюга, Воронежа. В пойме реки Девичы против села Новосолдатка Репьевского района располагается урочище «Ольха». Лес из ольхи черной здесь растет на правосторонней пойме, оттесняя русло реки под самую подошву мелового склона.

Из всех черноольховых лесов области особой известностью пользуется урочище «Мордва» на реке Потудань в Острогожском районе. Черноольшаник находится на месте озеровидного расширения у хутора Калинин. Под пологом густых зарослей скрывается замысловатый лабиринт речных протоков. Местами заросли из тростника и рогоза так близко подступают друг к другу, что возникает сомнение в существовании здесь речного рукава. А то вдруг стена высокотравья расступается, и перед вами открывается широкий плес с цветущими розетками белой кувшинки, кубышки желтой, стрелолиста и сусака. Урочище «Мордва» — благодатное место для водоплавающих птиц и кабана. Водоемы урочища богаты рыбой.

Леса, где господствует сосна, в народе чаще всего называют красносельем. Ботанический ряд сосен включает больше ста видов. Но на огромных пространствах нашей страны преобладает над всеми своими сородичами сосна обыкновенная.

Справедливее было бы назвать ее сосной необыкновенной. Без преувеличения можно сказать, что нет у нас другой породы дерева, которая бы так мало требовала и так много давала. В широких масштабах используется древесина сосны, особенно мачтовой. Запас столовой древесины в иных борах достигает тысячи кубометров на гектаре (это около 40 вагонов бревен).

Сосновая древесина идет на химическую переработку. Из живицы получают скипидар и канифоль, из пней гонят смолу. Хвоя сосны перерабатывается на кормовую муку, дает витамин С, каротин, лечебную пасту, экстракты. Лечебное, санитарно-курортное значение сосновых лесов так же огромно, как и водоохранная и почвозащитная роль, особенно на песках и в горах.

Боры — одно из замечательных по красоте явлений среднерусской природы. А.И. Бунину принадлежат удивительно величественные стихотворные строки, воспевающие сосновые рощи на песчаных массивах Донского бассейна.

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый,
Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

Сосновые леса в нашей стране занимают огромную площадь, произрастая от ее западных до восточных границ и от лесотундры на севере до южных степей, где они встречаются уже в виде отдельных островов, лент, роц.

Подлинным царством светлых сосновых лесов на Русской равнине являются обширные территории с песчаными почвами. В нашей области эти леса приурочены преимущественно к полосе песков, сравнительно недавно (в геологическом смысле) отложенных вдоль левых, низменных берегов рек. По яркому определению классика науки о лесе Г.Ф. Морозова, это самые южные отпрыски наших могучих северных боров. Представлены они двумя крупными массивами — Усманским и Хреновским. *Усманский бор*, площадью около 60 тысяч гектаров, расположен между городами Воронеж и Усмань, по левобережью реки Воронеж и ее притокам — Усмани, Ивнице с впадающими в них речушками и ручьями. Северная часть массива находится на территории Липецкой области. *Хреновской бор*, площадью 35 тысяч гектаров, расположен в Бобровском районе, по левобережью реки Битюг.

Большую перспективу имеет создание сосновых лесов посадкой на песках и меловых склонах. Уже сейчас рукотворные (саженные) сосняки составляют три четверти сосновых лесов нашей области. В естественных борах своеобразно сочетаются степные и таежные растения. Наряду со «степняками» — ковылем и типчаком — тут можно встретить таких «северян», как можжевельник, вереск, чернику, северные лишайники из рода клядони — олений мох, даже клюкву на сфагновых торфяных болотах северного типа в Усманском бору. «Блуждая по этим борам, — писал известный ботаник академик Б.А. Келлер, — чувствуешь себя как бы перенесенным из степной области в более северную зону хвойных таежных лесов».

Боры многолики. На разных по рельефу, богатству и влажности почвы участках формируются разные типы сосновых лесов. Вершины песчаных бугров занимают сухие лишайниковые боры с разреженным светлым древостоем из кряжистых, суковатых сосен. Почву под ними местами сплошь покрывает белесыми подушками олений мох. Травяной покров очень скудный, преимущественно — из степных видов, встречаются даже ковыль перистый, типчак (овсяница Беккера).

На участках с влажными почвами формируются высокопродуктивные влажные боры с древостоем из стройных, гонких и высоких сосен с тонковетвистыми неширокими кронами, с примесью березы и кустарниковым подлеском. В напочвенном покрове — зеленые блестящие мхи; мягкие шелковистые заросли широколистного злака молинии голубой; пышные куртины папоротника-орляка. В Усманском бору в сосняках этого типа на ровных местах сплошные заросли образует низкий ягодный кустарничек черника и часто встречается красивый кустарничек севера — вереск с вечнозелеными листьями и блестящими розовыми цветками.

Наиболее распространенными у нас являются сосняки с примесью других лиственных пород, особенно дуба — так называемые сложные боры или суборы. В таких лесах примесь к древостою сосны, нижние ярусы и подлесок образуют дуб, липа, лещина и другие породы. Особенно хороши сосново-дубовые боры типа свежая суборь. Это, пожалуй, самые привлекательные сосновые леса. Бронзово-желтые маховые стволы сосен создают образ величавой колоннады; ее оживляет примесь дуба, кое-где березы, осины. В напочвенном покрове — красочное разнотравье, играющее в начале лета всей живописной палитрой цветов — малиновых, красных, синих, золотисто-желтых, белых.

Здесь часто можно видеть шныряющих по деревьям белок, слышать крик сойки, стук по стволу дятла — «самой лесной из всех лесных птиц». Пронизанный солнцем, пахнувший земляникой, такой бор очаровывает человека, пробуждает ни с чем не сравнимое чувство восхищения родной природой.

В Усманском бору, особенно на территории заповедника, и в Хреновском бору еще сохранились участки величественных первобытных старовозрастных сосновых лесов. Более чем двухсотлетние древостой сосны — памятники природы — можно видеть вблизи Хреновского лесотехникума и у поселка Вислый, где охраняемый бор — *Морозовская роща* — подходит к обрыву песчаного берега Битюга и отражается в воде Вислинского плеса, создавая незабываемую по красоте картину. Сильное впечатление на этих участках производят и отдельные великаны-деревья со стволами в два обхвата и высотой до 40 метров времен Екатерины II, которая в 1770-х годах подарила весь Хреновской бор основателю знаменитого конного завода графу Алексею Орлову. Эти древние сосны, по аналогии с исполинскими «мамонтовыми деревьями» Калифорнии, лесоводы иногда — не без гордости — называют «воронежскими секвойями».

Бескорыстная любовь к Родине, ее природе — обычное состояние души русско-го человека. Притягательность нашей среднерусской природы запечатлена в поэтических строках поэта-земляка Ивана Саввича Никитина.

Но мне милей роскошной жизни юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз и ветер, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами...

РУССКИЕ СТЕПИ

Больших массивов нетронутых человеком степей на всем пространстве Русской равнины теперь уже не осталось. Хотя в середине XIX века степная целина здесь была обычным ландшафтом. Природа исчезающих с лица Земли русских степей запечатлена в трудах многих поколений отечественных естествоиспытателей. Среди них в первую очередь следует назвать лучшего знатока среднерусских степей В.В. Алехина, нашего земляка-зоогеографа и эколога Н.А. Северцова, геоботаников Б.А. Келлера, Н.Ф. Комарова, Е.М. Лавренко, Н.А. Прозоровского, Н.С. Камышева, географа Ф.Н. Милькова.

В девственной природе Воронежской области господствовали две разновидности травянистой растительности — разнотравно-луговые степи в лесостепной зоне северной половины области и разнотравно-типчаково-ковыльные в степной на юге нашего края. Расположенные на плодородных почвах: разнотравно-луговые степи на выщелоченных и типичных черноземах, а ковыльники — на обыкновенных и южных, — они рано привлекли к себе внимание землепашцев. Теснимые человеком степи постепенно уступили свое место сельскохозяйственным полям. Но уцелевшие в заповедниках, заказниках и памятниках природы фрагменты русских степей сохранили свои основные экологические особенности: 1) необычайное видовое разнообразие, когда на одном квадратном метре можно встретить от 40 до 77 видов травянистых растений, и 2) красочную физиономичность, связанную с попеременным массовым цветением разнотравья за период вегетации.

В Воронежской области осталось три участка степной целины — Хреновская степь в Бобровском районе, Каменная Степь (степные залежи в микрозаповедниках НИИ сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы им. В.В. Докучаева) в Таловском, и Хрипунская степь в Богучарском.

Хреновская степь занимает около 100 гектаров плакорных местностей в междуречье реки Битюг и его левого притока Чиглы. Это единственный сохранившийся крупный массив разнотравной степи в нашем крае. Растительность степи очень неоднородна. На плоских плакорах господствуют кострово-типчаковая, костро-

во-перистоковыльная, типчаково-разнотравная и перистоковыльно-типчаково-лапчатковая ассоциации. Максимальное количество видов, насчитывающихся на одном квадратном метре, достигает 40–50, а общее проективное покрытие — 95–100 процентов. Участки степи, подвергающиеся ежегодному весьма интенсивному выпасу лошадей Хреновского конного завода, заметно изменили состав травостоя. Растения значительно ниже (30–40 сантиметров) по сравнению с теми местами, где давление со стороны животных не такое интенсивное. Появляется большое количество бурьянистых видов.

Хреновскую степь из-за произрастающих по западинам осиновых кустов, под которыми получили развитие солоды, часто называют солодной степью. Понижения у осиновых кустов заняты более влаголюбивой флорой, нежели на участках плакорной степи.

Хреновская степь, как и другие разнотравно-луговые степи, отличается многократной сменой физиономических аспектов от зацветающих в разное время растений. На равнинах Хреновской степи на протяжении всего периода вегетации различают 10 фенологических фаз.

Первая — предвесенняя, приходится на конец марта — первую половину апреля. Степь только сбросила снежное покрывало. Но уже среди буровато-грязных остатков прошлогодних стеблей и засохших листьев пробиваются из земли светло-розовые цветочки брандушки — первой вестницы весны в русских степях.

Вторая фаза — ранневесенняя, относится ко второй половине апреля. Несколько по-летнему теплых дней, и степь заметно начинает зеленеть. На зеленовато-сером фоне выделяются желто-жгучие пятна адониса волжского и весеннего, светло-фиолетовые куртинки сон-травы.

Третья — средневесенняя, приурочена к первой половине мая. На всем пространстве степи выделяются желтые массивы цветущего адониса весеннего, крупки сибирской, лапчатки распростертой и отцветающего адониса волжского. Рядом встречаются лазоревые и синие пятна от скоплений гиацинтика беловатого, касатика низкого, белые куртинки цветущих валерианы клубненосной и чины.

Четвертая фаза — поздневесенняя, протекает во второй половине мая. Желтый фон степи придают уже новые цветущие в это время виды — ракитник русский, крестовник Черняева, лютик многоцветковый, мытник Кауфмана. Голубой аспект степи связан с цветением незабудки лесной, колокольчика алтайского, вероники простертой и вероники дубровник, истода хохлатого. Розовый фон майской степи придают козлец пурпуровый и пион тонколиственный, страдающий от чрезмерных сборов, белый — валериана русская, земляника зеленая, сочевичник сероватый.

Пятая фаза — раннелетняя, продолжается практически весь июнь. Ранним летом цветет максимальное количество растений. Белые тона степи в это время создают цветущие экземпляры ковыля перистого, лабазника шестилепестного, клевера горного, песчанки длинностной, подорожника степного. Лилово-голубые поляны сформированы шалфеем луговым, шалфеем понижающим, ломоносом цельнолистным, вероникой австрийской, колокольчиком сибирским, горошком мышиным и многими другими. Желтые куртины в июньской степи представлены лапчаткой донской, чистецом прямым, дроком красильным и массово цветущим в конце июня подмаренником настоящим. Розовато-красный фон в раннелетнюю фазу придают следующие цветущие виды: румянка, смолка обыкновенная, эспарцет песчаный, наголоватка паутинистая, тимьян Маршалла, клевер альпийский.

Пестрота красок в июньскую пору усиливается от цветущих основных степных злаков: ковылей перистого и узколистного, тонконога, ковра берегового, типчака, мятлика узколистного, — придающих ландшафту буроватый оттенок.

Шестая фаза — среднелетняя, приходится на конец июня — первую декаду июля. Красочность степи несколько уменьшается, но еще ярко выражена. Частичное сохранение аспектов в эту пору определяется растениями, цветение которых началось в предшествующую фазу. Белый фон степи во многих местах создают в основном ковыль узколистный и поповник, а желтый — подмаренник настоящий, люцерна серповидная, астрагал пушистоцветковый, коровяк восточный. Разные оттенки красного появляются от цветения гвоздики Андриевского, тимьяна Маршалла, зопника клубненосного, клевера среднего. Зацветают и новые виды — хатма, резак, горечавка, тысячелистники.

Седьмая фаза — позднелетняя, продолжается с 5–10 июля до конца месяца. Зеленый наряд степи начинает затухать, подсыхают многие растения. Красочность степи сохраняется цветущими экземплярами порезника, тысячелистника, бедренца-камнеломки, а также володушки серповидной, скабиозы, девясила британского.

Восьмая фаза — летне-осенняя (конец июля и август). В это время травы засыхают все больше и желтовато-бурый тон степи заметно увеличивается. Желтый и белый цвет степи придают в эту пору жабрица однолетняя, ястребинка зонтичная, одуванчик поздний.

Девятая фаза — осенняя, наступает в конце августа и длится весь сентябрь. Степь приобретает серый цвет. Оживляет ее пейзаж вторичное цветение некоторых растений: икотника, скабиоза, гвоздики полевой, истода хохлатого.

Десятая фаза — позднеосенняя, относится по времени к октябрю-ноябрю, когда степь готовится к зиме. Серовато-желтый и светло-бурый тона придают степи в эту пору не цветение растений, а расцветивание листьев готовящейся под зиму флоры.

Каменная Степь — второе место в Воронежской области, где охраняются небольшие массивы степных залежей. Общая площадь трех степных микрозаповедников Каменной Степи составляет немногим более 60 гектаров. Самый ранний срок организации микрозаповедников приходится на 1882 год, а наиболее поздний — на 1914 год. Своеобразие каменистостепных залежей обусловлено тем, что они находятся среди лесных полос и испытывают на себе их сильнейшее влияние. Некоcosимые степные залежи интенсивно зарастают кустарником. Напротив, косимые по характеру травостоя больше напоминают настоящие степи. Их отличает господство степных трав и многокрасочность летних аспектов.

На самом крайнем юге Воронежской области среди сельскохозяйственных полос и квадратов лесных полос затерялся крохотный, площадью около 80 гектаров, островок никогда не паханной степной целины — *Хрипунская степь*. Хрипунская степь — последний и единственный в Центральном Черноземье сохранившийся в зональных (плакорных) условиях ландшафт разнотравно-типчаково-ковыльных степей — тех самых злаковых степей, которые господствовали на водоразделах, занятых обыкновенными и южными черноземами, южнее линии Валуйки — Черная Калитва — Дон — Толучеевка.

Открытую для науки ботаником Н.Ф. Комаровым только в 1928 году, ее и теперь несведущий человек не скоро отыщет. В ставшей библиографической редкостью книге «Степи Центрально-Черноземной области», опубликованной в Воронеже в 1931 году, Н.Ф. Комаров писал, что степь находится в пяти километрах южнее села Хрипун. Но села с таким названием теперь нет на карте области. Оно переименовано в Новоникольское.

В погожую сухую погоду единственным видом транспорта, которым можно добраться до Хрипунской степи, является автомобиль.

Степь неожиданно открывается в разрыве лесополосы. На совершенно плоской поверхности плакора господствует перлово-сизый фон цветущего ковыля. В

середине 1950-х годов Н.С. Камышев отмечал здесь восемь видов, что «практически охватывает весь список ковылей, произрастающих в Центральном Черноземье». Наши экспедиционные обследования степи много позже (1999 г.) подтверждают флористическое богатство ковылей. Половина произрастающих в Хрипунской степи ковылей включена в Красную книгу России: ковыль Залесского, красивейший, опушеннолистный и перистый. Среди ковылей в степи доминирует ковыль Лессинга, а местами с ним соперничает тырса. Реже встречаются куртинки из ковыля узколистного. К ковылям из злаков присоединяются типчак и тонконог.

Значительные участки разнотравья в травяном покрове Хрипунской степи обуславливают неоднократную смену красочных аспектов. Количество и яркость их хотя и уступает аспектам разнотравно-луговых степей, но является важной чертой степей разнотравно-типчачково-ковыльных. Не случайно В.В. Алехин присвоил нашим южным степям название красочного злаковника.

Однотонный спектр злаков в разгар лета расцвечивается розоватыми пятнами обильно цветущего вязеля разноцветного. Плотны сомкнутые группы образуют земляника зеленая и клевер ползучий. Встречаются ажурные скопления румянки, василька скабиозового и молочая степного. По всей степи рассыпаны бледно-фиолетовые соцветия шалфея поникающего и кремовые — наголоватки паутинистой. Среди степного травостоя встречаются одиночные кустики дерезы и дрока красивого.

Несмотря на частое сенокосение, Хрипунская степь не утратила черт, свойственных ковыльным степям. В надземной массе растительного покрова степи господствуют злаки. Их доля в общей массе заготовленного сена превышает 92 процента. Видовая насыщенность на один квадратный метр здесь снижается до 15–25 против 40–60 видов в ковыльно-луговых степях под Курском. Травостой разрежен. Проективное покрытие не превышает 75–80 процентов.

Оригинальность ландшафту Хрипунской степи придают хаотично разбросанные холмики-сурчины. Здесь их множество, и практически на каждом можно увидеть находящуюся в вертикальной стойке рыжеватую фигурку сурка европейского или байбака.

Сурчины в Хрипунской степи создавались многими поколениями байбаков. По размерам некоторые холмики напоминают курганы, которыми так богата европейская степь. Над поверхностью Хрипунской степи они поднимаются на 1–1,2 метра, в поперечнике достигают 13–15 метров.

Обилен степной комплекс насекомых, многие виды которых либо редкие, либо включены в Красные книги РСФСР и СССР. В июне-августе 1989 года Н.Ю. Пантелеева в Хрипунской степи отмечала из отряда бабочек махаона, галатею, шашеницу-аврину, пеструшку сапфо, бархатницу-краеглазку, голубянку мелеагр, бражника глазчатого, из отряда прямокрылых — сверчка лобастого и степного, кобылку краснокрылую и голубокрылую, из отряда равнокрылых — цикаду горную, из отряда жуков — коровку незаметную, скрытоглава величественного, медляка песчаного, медляка степного, пимелию шаровидную, из отряда сетчатокрылых — муравьиного льва европейского, из отряда перепончатокрылых — сколию гигант и степную.

Многочислен состав опылителей, среди которых большого внимания заслуживают одиночные пчелы из родов антофора, андрены, галикты и шмели — земляной и каменный.

Сохраняющийся как памятник природы ландшафт Хрипунской степи имеет большое научное, ресурсосберегающее и средообразующее значение.

По соседству с Хрипунской степью, на противоположной стороне автомагистрали Воронеж — Ростов-на-Дону, находится несколько участков степной целины

вокруг села Криница Богучарского района. Степные залежи и непаханная степная целина приурочены здесь к плакорам и останцовым поверхностям, сложенным засоленными песчано-глинистыми грунтами палеогена. Выделяющиеся в равнинном ландшафте степного юга Воронежской области останцы местного населения именуют шпилями, сопками, «быками». Особенно приметные имеют собственные названия: Великий шпиль, Вершинный шпиль (Кантемировский район), Дзюбина сопка, Бык (Богучарский район).

Южнее села Криницы на залежных плакорах и останцах находится в хорошей сохранности ковыльная степь урочища Шлепчино, объявленная памятником природы. Площадь памятника около 10 гектаров. Наше посещение Шлепчино в августе 1988 года показало представительное участие в травяном покрове ковылей Лессинга, украинского, перистого. В травянистом покрове степи в большом количестве встречаются василек мелкоцветный, грудница мохнатая, девясил шершавый. На солонцеватых почвах распространены ромашниковые сообщества из пижмы тысячелистниковой, кермека опушенного, гониолимона татарского. Полупустынный характер степей в окрестностях села Криницы подтверждают белые пятна полыни одностолбиковой, зеленовато-светлые — келлерии Талиева и представителя среднеазиатских полупустынь змеевки растопыренной. В составе травостоя отмечаются редкие и исчезающие виды: эфедра, тюльпан змеелистный и Шренка.

Уникален энтомологический комплекс Шлепчино. Из редких и занесенных в Красную книгу России здесь зафиксированы толстун степной, махаон, сатир Дира, ленточница камилла, голубянка мелеагр. Богат комплекс опылителей: шмели — земляной, армянский, глинистый, лезус, полевой, дикие одиночные пчелы из родов андрены, галикты, коллеты.

В километре западнее села Криницы располагается останец *Маккартэ*. Происхождение необычного для нашей области топонима, по-видимому, связано с трансформацией слов «макитра», «макортеть». Э.М. Мурзаев в «Словаре народных географических терминов» (1984) пишет, что в Воронежской области местные жители словом «макортеть» называют оползневую вершину балки или отвертка. Это предположение о наименовании останца становится еще более утвердительным, если учесть обнаруженные на его поверхности следы старых оползней. Площадь урочища — 3–4 гектара. Непаханная и мало выпасаемая степь отличается исключительно пестрым спектром растительных сообществ, напоминающих полупустынные ландшафты крайнего юга страны. Разнотравно-типчакново-ковыльные, разнотравно-типчакловые, типчакново-грудницевые, грудницево-попынные, грудницево-типчакново-разнотравные и попынно-эфедровые ассоциации мозаично устилают покатые склоны останца. Куртины эфедры с крупными рубиново-красными плодами буквально усеивают в ряде мест поверхность урочища. В среднем на одном квадратном метре произрастает 12–15 растений эфедры, а максимум — 20–25 экземпляров.

Оригинальность степному комплексу Маккартэ придают растения, относимые к особой жизненной форме «перекати-поле» — зопник колючий, качим метельчатый, катран татарский, синеголовник равнинный, резак, гониолимон татарский.

Моховой ковер в ковыльных степях развит значительно слабее, чем в разнотравно-луговых, и образован мхами из родов Тортюля и Бриум.

Изученный на Маккартэ комплекс насекомых относится к типично степному. Редкие для Воронежской области краснокнижные виды включают уникальных опылителей: бабочки — ленточница камилла и голубянка мелеагр; прямокрылые — сверчок степной, кобылка краснокрылая и голубокрылая, кузнечик певчий и серый; перепончатокрылые — шмель армянский.

Очевидная генофондовая, ресурсосберегающая и средообразующая значимость урочища Маккартэ достойна того, чтобы отнести его к числу охраняемых ландшафтов Воронежской области.

СТИХИЯ ВОД

Воронежский край — не самый водообильный регион. Но здесь есть водные источники, играющие решающую роль в выборе видов хозяйственной деятельности, прилива душевного вдохновения, творчества. И прежде всего к таким важным феноменам нашего края относятся Дон с многочисленными притоками, родники и родниковые реки и, конечно же, созданные изобретательностью человека искусственные водоемы.

Дон — великая русская река. Она встречается в древних исторических и географических описаниях. На берегах Дона отливают золотом купола православных храмов в старинных русских городах Данкове, Лебедяни, Задонске, Павловске, поднимаются к небу колоннады заводских труб промышленных новостроек Новомосковска, Донского, Семилук, Нововоронежа, Лисок, утопают в кипении цветущих весной плодовых садов сотни сел, деревень и казачьих станиц. Жизнь и хозяйственная деятельность миллионов россиян неотделимы от этой реки.

Дон, одна из крупных голубых артерий Русской равнины, берет свое начало у города Новомосковска Тульской области. Затем воды Дона пересекают Липецкую область (делят ее пополам) и текут с севера на юг через Воронежский край, орошают южную половину Волгоградской области, где почти соприкасаются с Волгой, и заканчивают свой многокилометровый путь в Ростовской области, вливаясь в Азовское море. Общая длина Дона — 1870 км. Среди крупнейших рек Евразийского материка по этому показателю Дон занимает 25-е место.

Отрезок Дона от центра до устья реки Воронеж принято именовать *Верхним Доном*. Здесь справа в него впадают Непрядва, Красивая Меча, Сосна, Снова, Ведуга и Девица. Слева — один из самых многоводных притоков Дона — река Воронеж. От устья Воронежа до города Калача-на-Дону — *Средний Дон*. Справа, со стороны Среднерусской возвышенности, река принимает Потудань, Тихую Сосну, Черную Калитву, Богучарку, а слева — Икорец, Битюг, Осередь, Толучеевку, Хопер, Медведицу, Иловлю. *Нижний Дон* — от Калача-на-Дону до впадения в Азовское море — встречает справа крупный приток Северский Донец, слева — Сал.

Все правые притоки, что берут начало на Среднерусской возвышенности, соседствуют с притоками Днепра, а левые — Хопер и Медведица, — проникая вглубь Приволжской возвышенности, почти соприкасаются с притоками Волги. Здесь на Приволжской возвышенности проходит водораздел двух самых популярных в народе европейских рек России — Волги и Дона.

В древние времена Дон был известен как река Танаис. Древнегреческий географ и историк Страбон, автор семнадцатитомного труда «География», проводил в I веке н.э. по реке Танаис границу между Европой и Азией. Первые достоверные сведения о природе Дона встречаются в русских летописях. Но самое раннее подробное и точное описание Дона и его притоков с указанием населенных мест и отдельных урочищ содержится в «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 году.

Значительные сведения о русле Дона и его долине были получены в самом конце XVII и начале XVIII века в связи со строительством русского флота в Воронеже и Азовскими походами Петра Великого (1695, 1696 годы). Под его непосредственным руководством была завершена топографическая съемка Дона. Известный историк и географ Д.М. Лебедев отмечал, что это было «первое крупное геодези-

ческое мероприятие, выполненное в России с соблюдением основных научных приемов того времени».

Вторая половина XVIII века ознаменовалась изучением бассейна Дона участниками известных академических экспедиций 1768–1774 годов И.А. Гюльденшtedтом и С.Г. Гмелиным. И.А. Гюльденшtedту принадлежит идея о степной природе верхнего течения Дона. Он первым в истории науки высказал гипотезу о растительно-наземном происхождении черноземов. С.Г. Гмелин в окрестностях Боброва встретил табуны диких лошадей-тарпанов и дал подробное описание этих животных, теперь полностью истребленных человеком. Сегодня трудно представить, что немногим более 200 лет назад местные крестьяне в окрестностях Воронежа страдали от набегов диких лошадей, поедавших заготовленные стога сена. У села Костенки С.Г. Гмелин обнаружил кости мамонта.

В середине XIX столетия в исследование донского бассейна большой вклад внесли наши земляки П.П. Семенов Тянь-Шанский («Придонская флора в ее отношениях с географическим распределением растений в Европейской России», 1851) и Н.А. Северцов («Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской области», 1855). Монография Н.А. Северцова и сегодня не потеряла своего научного значения.

Воронежское Подонье во второй половине XIX столетия стало местом изучения верхнего девона и докембрия. Имена Г.П. Гельмерсена, Р. Пахта, П.Н. Венюкова, А.А. Штукенберга входят в число знаменитых исследователей Воронежского края. В настоящее время детальное изучение докембрия Воронежского Подонья продолжает коллектив геологов под руководством Н.М. Чернышова.

Фундаментальное значение для познания геологии и гидрогеологии бассейна Дона имеют многочисленные труды А.А. Дубянского (первая половина XX века).

Отложения континентальных оледенений стали предметом исследований М.Н. Грищенко и Г.В. Холмового.

Большая плеяда ученых занималась изучением рельефа долины и бассейна Дона — А.А. Вирский, Н.С. Бевз, К.А. Дрозов, И.Н. Ежов, С.З. Максимов, А.И. Спиридов. Связь рельефа с тектоническими движениями в четвертичное время подробно изучена Г.И. Раскатовым.

Луга пойм, ландшафты степей и воронежские леса — объекты исследований в прошедшем столетии А.Г. Раменского, М.И. Ненарокова, Б.А. Келлера, Н.Ф. Комарова, С.В. Голицына, Н.С. Камышова, А.Л. Григорьевской, М.М. Вересина и других ученых.

Первый опыт ландшафтной характеристики долины Дона от истоков до южных границ Воронежской области был осуществлен в книге «Долина Дона: природа и ландшафты» (Воронеж, 1982).

Особое место в исследовании Дона занимают гидрологические наблюдения. обстоятельная сводка, посвященная поверхностным водам бассейна Дона, содержится в 7-м томе «Ресурсов поверхностных вод СССР» (Л., 1973).

В водном кадастре страны основные морфометрические данные по Дону сводятся к следующим показателям. Исток Дона лежит на небольшой высоте над уровнем моря — 179 метров, что определяет малые скорости течения из-за незначительного падения русла (9,5 см на 1 км длины потока). Дон — крупная река не только по длине, но и по площади бассейна, составляющей 422500 квадратных километров. Несмотря на большую площадь бассейна, Дон — маловодная река. Годовой сток его всего 27,4 куб. километров, а средний расход воды — около 930 куб. метров в секунду.

В трех областях Подонья — Тульской, Липецкой и Воронежской — сосредоточено несколько десятков памятников природы. Больше всего их находится в Воронежском крае, где донская природа отличается разнообразием. Все охраняемые

природные памятники делятся на геологические, ландшафтные, ботанические и водные.

Водные памятники в Воронежском Подонье охраняются с 1975 года.

Цепочка старинных озер в пойме Дона у села Гремяче Хохольского района придает на этом отрезке реки всей долине особо живописный вид. Озеро Погоново — пока единственный памятник природы этих мест. Оно является резерватом редкой растительности — водяного ореха чилима, сальвинии плавающей и других видов.

Издавна устье реки Потудани считается одним из красивейших уголков в Подонье. Здесь много воды, леса, дичи. Поражают богатство и разнообразие ландшафта, тишина, чистота, прозрачность воздуха. Участок реки от села Солдатское до впадения в Дон объявлен памятником природы и передан под охрану Коротооякскому лесничеству. В охраняемой зоне река Потудань представляет извилистую ленту с множеством озер- стариц, затонов, болот.

Памятником природы в 1975 году объявлен 6-километровый участок Дона от Коротоаяка до Дивногорья, так называемая Царева лука. Здесь река делает несколько крутых поворотов, чтобы сменить южное направление на восточное и устремиться к Лискам. Река только что приняла притоки: Девицу, Потудань и Тихую Сосну справа и Хворостань слева, она широка и полноводна. Прозрачны ее воды, буйна зелень пойменных вязовых лесов, золотисты песчаные пляжи.

Последние два водных памятника на Дону расположены на отрезке: село Нижний Карабут — село Казинка в Подгоренском районе и от станицы Красногоровки до хутора Оголева в Богучарском районе.

Первый — это 8-километровый участок Дона, объявлен памятником природы за полноводность и чистоту реки. Признание водного объекта памятником — важный акт в охране природы Воронежской области. Практически это означает, что в 300-метровой зоне по берегам Дона запрещены строительство и земляные работы, в том числе бурение скважин, неумеренный забор воды, содержание и выпас скота, рубка деревьев и кустарников, сброс неочищенных сточных вод, то есть все то, что неблагоприятно сказывается на поддержании водных ресурсов в хорошем состоянии.

Второй — это фактически ландшафтный комплекс, куда входят и широкое русло, и его окружение с густым, почти непроходимым пойменным лесом. Дон здесь, словно спохватившись, поворачивает вдруг почти в противоположную сторону, на северо-восток, но потом снова устремляется на юг. Образовавшаяся петля вместе с устьем реки Толучеевки, впадающей слева в Дон, придает всему урочищу большую эстетическую ценность. Здесь много нетронутых девственных уголков, много птицы, зверя.

Сохранить жемчужины природы Воронежского Подонья можно только при условии соблюдения режима, определенного охранными обязательствами. В 1980 году решением Воронежского облисполкома объявлены памятниками природы еще 37 редких и особо ценных природных объектов. Среди них в Подонье источник минеральной воды «Белая Горка» в Богучарском районе, ландшафтные урочища Белогорье в Подгоренском районе, Шатрище и Акваорешники в Лискинском районе и другие примечательные объекты, примыкающие к донской долине. Наибольшее число памятников природы в Бобровском, Павловском и Рамонском районах.

Чарующие ландшафты Воронежского Подонья никого не оставляют безразличными. В моем личном архиве хранится неоконченное эссе Виктора Васильевича Козинцева, учителя словесности, самодеятельного поэта и композитора, последнего руководителя сельского хора, великолепного, хлебосольного человека, об истории родного села Колыбелка Лискинского района. В своей рукописи он эмо-

ционально и точно пишет: «Тихий Дон! Как не любить твоих спокойных ласковых вод, плакучих ив на твоих берегах, белеющих повсюду холмов. Ты орошаешь поля, луга, украшаешь нашу счастливую землю своей нежной красотой. Кто бывал на твоих берегах, видел первый луч восходящего солнца, тот никогда не забудет всей твоей прелести.

Тишина... Ничто не шелохнет... Защелкал соловей, эхо откликнулось на зов кукушки, потянул ветерок, зарябил по реке. Все эти звуки слились в единый ансамбль, полилась музыка, и над проснувшейся природой золотым шатром повисло смеющееся солнце...»

Донская природа для Виктора Васильевича Козинцева и сотен тысяч людей, проживающих на донских берегах, — это и жилище, и рабочий цех, и место отдыха.

«Родник, источник, ключ, — читаем в Энциклопедическом словаре географических терминов, — естественный выход на земную поверхность подземных вод». Много десятков больших и малых родников рассеяны по районам области. Они возникают везде, где речные долины, овраги и балки пересекают насыщенные водой пласты горных пород. Как правило, самые водообильные источники связаны с местами распространения мело-мергельных и известняковых толщ.

Нередко воду родников приспособляли для работы водяных мельниц. В селе Колодежное Подгоренского района Воронежской области в 1980-х годах была восстановлена водная мельница, которая ранее обеспечивала помол до 10 центнеров зерна в сутки. До сих пор широкой известностью в Воронежской области пользуется водообильный источник у поселка Нижний Кисляй Бутурлиновского района. Из-под мелового склона здесь каждую секунду вытекает не менее 250 литров прозрачной и прохладной влаги. Даже в самые жаркие дни лета температура воды в источнике не поднимается выше 7–8°. Сразу от родника начинается речка Кисляй, впадающая через 11 километров слева в Битюг.

Родниковые реки — уникальные водные урочища. Круглый год пополняют они своей живительной влагой более или менее известные в нашем крае реки — Дон, Воронеж, Битюг, Потудань, Таганка, Девица.

Большинство родников и родниковых рек в нашей области остаются единственными природными источниками, которых мало коснулись отрицательные последствия хозяйственной деятельности людей. Среди самых крупных родников выделяются выдающиеся источники. *Сердюковский ключ* находится на южной окраине бывшего хутора Сердюки Репьевского района напротив села Бутырки. Вода вытекает у подошвы вытопанного пасущимся скотом мелового склона. Семь струй, вытекающих из меловой толщи, сливаются в один овальной формы водоем, из которого и начинается водообильный Ольховатский ручей. Через 3,0–3,5 километра он впадает в реку Потудань. Совокупный дебит Сердюковского родника составляет около 20 литров в секунду. Первое наше посещение Сердюковского ключа в 1990 году оставило удручающее впечатление: лишенный растительности меловой склон, щебенка с которого беспрепятственно скатывалась вниз, забывая места выхода родниковых струй; стравленная скотом вокруг источника растительность; необранные кострища; рядом летний лагерь для скота.

Сегодня все поменялось к лучшему. По нашей рекомендации при участии сельской администрации и краеведа-любителя, учителя словесности из села Новосолдатка Н.А. Ярцева расширены выходы для воды, огорожена территория вокруг источника, предусмотрены места для отдыха. Местные жители считают воду Сердюковского ключа лечебной.

Серебряные ключи в селе Верхние Марки Каменского района изливаются пятью струями из-под подошвы мелового склона, собираясь в деревянный сруб, из которого вытекает один поток. Общий дебит Серебряных ключей составляет около 18–20 литров в секунду. Ближайшее окружение источника аккуратно обуст-

роено. Кроме деревянного сруба выше по склону запрещено пасти скот. Снижение пастбищного давления на растительный покров способствовало быстрому восстановлению степного травостоя. На крутом склоне разрослись приземистые кустарники — дрок красильный и раkitник русский. Плотно скрывают почвенный покров лугово-степные травы — шалфей поникающий, скабиоза желтая, румянка, ковыль перистый, келлерия, типчак, мятлик луговой, много бобовых — лядвенец рогатый, люцерна серповидная, горошек мышиный.

Анализ химического состава воды Серебряных ключей в 1965 году показал близость его с известной питьевой слабоминерализованной водой «Смирновская». Следы серебра стали главной причиной наименования источника. Серебряные ключи и ряд других мелких источников являются главной причиной существования родниковой речки Марковка, вливающейся справа в Дон.

Крепацкая криница находится против села Александровка Павловского района на правом берегу реки Осередь, в устье балки Княжья. Это единственное известное в Воронежской области место, где подземная вода изливается из глубокого разлома. Родник относится к типу напорных источников. Место выхода на земную поверхность подземной воды отсечено от поймы Осереды невысокой (1,5 метра) дамбой. Между меловым склоном и дамбой собирается родниковая вода Крепацкой криницы. В средней части плотины сделан трубчатый водослив, у которого и определяется расход воды родника. Замеры, сделанные нами в 1999 году, показали, что дебит Крепацкой криницы равен 4,5–5 литрам в секунду. Вытекающая из родника вода собирается в подпруженном притеррасном понижении. Существующий здесь водоем родниковой воды именуют Крепацким прудом. Зеркало воды пруда почти сплошь заросло малопроезжимой тростниковой крепью. Вода из пруда по небольшому тальвегу перетекает в реку Осередь.

Большая криница у западной оконечности села Стояново Острогожского района — один из самых ухоженных родников нашей области. У отвесного обрыва, из-под подошвы которого вытекают несколько струй подземной воды, в меловом монолите высечено корытообразное углубление размером 6 на 2,5 метра и глубиной 0,5–0,7 метра. Вода в кринице отличается исключительной прозрачностью. Из криницы вытекает ручей шириной около 0,5 метра. По широкой, заболоченной пойме он несет родниковую воду к руслу Тихой Сосны. Проведенные замеры показали, что общий дебит Большой Криницы составляет около 17 литров в секунду.

Вода родника регулярно разбирается на житейские нужды. Обычно в селах, где организовано центральное водоснабжение, внимание к родникам ослабевает. С Большой Криницей в Стояново этого не происходит. По высеченным в мелу ступеням за родниковой водой жители села приходят и в летний зной, и в зимнюю стужу.

Еще с языческих времен родниковая вода считается водой, возвращающей здоровье и бодрость потерявшему силы человеку. Многие родники области освящены. Рядом с ними появляются храмовые строения и православные атрибуты.

Пруды — рукотворные озера русских степей. Как полосы искусственных ленточных лесов защищают посевы и почвы распаханых степей от суховеев, так «спрятанная» по ярам и суходолам прудовая вода подчас остается для населяющих нашу область зверей и птиц единственным местом, где можно пережить период жестких летних засух.

По неполным сведениям, вместе с водохранилищами в области насчитывается около 2,5 тыс. прудов. Начало строительства искусственных водоемов мелиоративного назначения в нашем крае относится к концу XIX века. С 1886 года существует пруд Таловский — 1-й в балке Таловая. Докучаевской экспедицией были сооружены в 1895 году три Большеозерских пруда в балке Большие Озерки.

В прекрасном состоянии находится каскад Хорольских прудов, построенных в Каменной Степи.

Первый бум строительства прудов в Воронежской области произошел после 1948 года, когда искусственным водоемам вместе с лесными полосами и многолетними травами государством отводилась значительная роль в преобразовании новоземледельческой территории России. За шесть первых лет (1948–1954 годы) в Воронежском крае было сооружено несколько сотен водоемов с земляными плотинами. Но проект оптимизации агроландшафтов лесостепи и степи Европейской России по каменностепному образцу по политическим мотивам был приостановлен. Ослаб уход за водосливами, что и послужило причиной разрушения тела плотин. «Сухие» пруды в это время можно было встретить в верховьях всех маломальски крупных эрозионных систем. Такая ситуация существовала до тех пор, пока в середине 70–80-х годов XX столетия многие балочные земли были переданы под садоводческие товарищества. Новые землепользователи восстановили разрушенные плотины. Ложа отремонтированных прудов вновь заполнились талыми водами. Теперь они вместе с плодовыми деревьями заметно оживляют степной ландшафт области. Пруды среди садов стали не только резервом воды для полива, но и местом отдыха — купания, рыбной ловли.

Второй этап массового строительства прудов продолжался с 1965 по 1985 годы. Активизация строительства водоемов в этот период была вызвана двумя причинами — расширением орошаемых земель и развитием прудового рыбоводства. Пруды, построенные в это время, представляют принципиально новые гидротехнические сооружения. Для стока излишней воды из пруда стали использовать водосбросные сооружения, изготовленные из железобетонных конструкций с затворами и без них. Новые конструкции водосливов намного продлили «жизнь» искусственных водоемов и уменьшили трудовые затраты на эксплуатацию прудов.

Рассказ о прудах будет неполным, если не сказать о водоемах, находящихся в границах населенных пунктов. В области нет ни одного сельского поселения, расположенного по склонам логов и малых рек, где не был построен хотя бы один пруд. Пруд среди села — место для отдыха, резерв воды в пожароопасный период, а подчас единственный источник для технического водоснабжения и выращивания домашней водоплавающей птицы.

На прудах юга области остаются на все лето дикие гуси, а некоторые белокрылые красавцы лебеди-шипуны и вовсе прижились здесь. На прудах в селе Титаревка, что построены в верховье Левого Богучарки, лебеди зимуют уже несколько лет. Сердобольные жители села загоняют диких птиц на постой вместе с домашними гусями. А лебедей-долгожителей они наделили именами собственными. Лебедь Яшка не улетает с Титаревских прудов вот уже много зим.

В Воронежской области распространен долинно-балочный тип искусственных водоемов. Одна группа прудов этого типа сооружена в верховьях малых рек — Икорец, Матреновка, Девица, Потудань, Левая Богучарка и многих других. Вторая — приурочена к ложбинам, лощинам, балкам. Особое место занимают водоемы на месте карьерных разработок кирпичных и огнеупорных глин. Одним из самых крупных водоемов этой категории является пруд Среднекарьерный у дачного поселка Старое село Семилукского района. Водоем остался после завершения горнотехнических работ на карьере Средний. Размер пруда по длине составляет 450 метров, а глубина его около 1,5–3,5 метра. Мелководье заросло тростником, рогозом, камышом. Пруд давно стал местом гнездовья крякв.

По территории Воронежской области пруды размещены неравномерно. Первенство по количеству искусственных водоемов держит Таловский район. Здесь сооружено более 300 прудов. Высокий процент «запруженности» характерен для

Панинского, Каширского, Верхнехавского и Эртильского районов. Широкой известностью пользуются каскады прудов около населенных пунктов Степной и Запрудненский Каширского района.

Пруды — главные регуляторы местного стока. Чем больше прудов, тем больше можно задержать в них талой воды. Примерно 40–50 процентов воды весеннего паводка задерживается в прудах. Весь период межени, когда в реках устанавливается самый низкий уровень воды, прудовая вода является существенным дополнением к естественному устойчивому стоку. За счет фильтрации воды из прудов меженный сток больших рек увеличивается до 10 процентов.

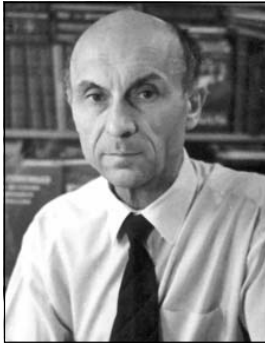
Средняя продолжительность жизни прудов около 60–100 лет. Пруды, окаймленные лесными полосами и поясом луговых трав вдоль берега, увеличивают продолжительность своего существования до 300 лет. Долголетие прудов во многом зависит от окружающей физико-географической обстановки. Большая угроза их существованию сопряжена с оползанием берегов водоема. Известны случаи, когда оползни «выдавливали» воду из пруда, а ложе заполнялось сползшим грунтом. Так были разрушены пруды в балках Новиковская, Робарово, Лещаная. Сильное воздействие оползней испытывает приплотинная часть пруда в балке Горбатый яр в бассейне реки Осередь Павловского района.

Карст — еще один природный процесс, влияющий на устойчивость прудов. Близость к днищу водоема карстующихся пород — главная причина фильтрации воды и снижения ее уровня, а то и полного опустошения ложа. Из-за ухода воды в карстовые воронки на дне сухими стали пруды у хутора Топило (Россошанский район) и села Дроздово (Ольховатский район), и многие другие.

Пруды области — гидротехнические сооружения, необходимые для народного хозяйства и обустройства жизни человека. В то же время искусственные водоемы являются не только потенциальными, но и реальными причинами возникновения чрезвычайных ситуаций. Особенно прохождения паводка из-за прорыва плотин, подтоплений и затоплений. На территории нашей области несколько десятков водоемов, которые могут вызвать затопление сельских поселений, автодорожных переходов, хозяйственных объектов. Рукотворные водоемы области требуют к себе постоянного внимания и заботы.

Во все времена вода ассоциировалась у человека с жизнью. И, наверное, нам очень близки слова, сказанные писателем-классиком: «Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. С тобой во всем существе разливается блаженство, которое не объяснить только нашими пятью чувствами. Ты нам возвращаешь силы и свойства, на которых мы уже поставили было крест. Твоим милосердием снова открываются иссякшие родники сердца». Но эту яркую метафору можно смело отнести ко всему здесь рассказанному. Для сердца каждого воронежца неиссякаемыми родниками являются и тенистый лесок, спасающий в жаркий день, и широко раскинувшаяся степь, и река, и ручеек, и ветерок, веющий с окрестных холмов, и весь простор воронежских далей, дарующий восхищение и любовь.

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

СТРЕМНИНА

Эссе

1

Тяжелые, медлительные накатывающие волны — словно взмахи усталых орлиных крыл... Упрямо и мерно, с вековой настойчивостью бьются они о берег, и нет ничего притягательней и загадочней этого неустанного сизифова труда, непроницаемого, никому не нужного их подвига; век за веком, волна за волной, миллионы лет — волна за волной, теряющийся в глубине времен бег.

Вглядываюсь в мутные, темные воды, там ничего не увидеть. Что же я пытаюсь разглядеть и что я могу найти в уютном, скудном осеннем просторе воды, песка, придонского леса?

Что найду, кроме детских, и поныне тревожащих, воспоминаний? Разумеется, и воспоминания — это много: целая жизнь, далекая и словно бы не моя, а другого человека. Опутанные ржавой проволокой «ежи» на заросшем бурьянами донском берегу; полузатопленный танк, взбираясь на башню которого, мы, деревенские дети, живучие ростки, словно морозом, прихваченные войною, отчаянно ныряли вглубь; россыпи осколков и гильз в прибрежном лозняке, приманчивый армейский хлам, кинутый немцами и итальянцами при отступлении; замершие-недвижные змеи окопов и траншей по придонским кручам и близким к Дону черноземным полям; и непонятные детскому сердцу усмирённые судьбы тех, кто с мечом, а не ветвью мира победно прошествовал до великой реки, но здесь нашими отцами был остановлен, правда, успел напиться из донского родника, да так навсегда и оставил у замшелых глубин армейскую алюминиевую кружку, гнутую, с процарапанными на латыни названиями покорённых земель и градов.

Вырытые враждебными пришельцами окопы войны, для моей земли Великой Отечественной, для всего человечества — Второй мировой, с детства не в воображении моем, но в яви соседствовали и пересекались с древними курганами. И если о фронтовых окопах обстоятельно, с картинками, мог порассказать мне старик-родственник или же сосед, по годам пригодный для войны, но с младенчества изломанный болезнью и потому войною не взятый, то о курганах... Перед замкну-

той, равнодушно и загадочно молчащей их древностью взрослые были такие же дети, как я и мои школьные сверстники. Лишь много позже из старинных и древних книг узнаю я, что за курганы вздымались по горизонту раннего детства и каким рубежным полем враждебных и мирных встреч больших и малых племен и народов был мой Черноземный, мой придонской край. Точкой пересечений, плацдармом завоеваний, дорогой кочевий, пядью отчих обитаний.

2

Киммерийцы и скифы, савроматы и меланхлены, будины и невры, готы и ала-ны, гунны и авары. Хазары, печенеги, половцы. Славяне. И если о замыкающих, хотя бы не сполна, рассказывают греческие книги, арабские хроники, русские летописи, то откуда нам знать о меланхленах, неврах, будинах? Все они для нас — нечто зыбкое, как бы и не бывшее и, если и не сливаются в одно языческое лицо, то лишь благодаря стилю Геродота, отца Истории, который до наших времен до-нес древние были и легенды. Вроде легенды о неврах, на несколько дней в году превращающихся в волков, а затем принимающих прежний, человеческий об-раз, — о неврах-волшебниках, вынужденных тем не менее оставить придонскую степь не по своей воле, но из-за великого нашествия змей. Или же легенды об ама-зонках, юных женщинах-воительницах, что сначала отважно сражались со ски-фами, а затем стали женами тех, чьи отцы погибли от их стрел; «нас берет вели-кий страх, что мы должны жить в этом месте, — как потому, что лишили вас от-цов, так и потому, что много ограбили вашу землю, — жалуются юные ратницы скифским юношам. — Но если хотите иметь нас своими женами, сделайте с нами вот что: оставим эту землю, перейдем за реку Танаис и там поселимся».

Танаис — так древние греки именовали Дон. Трудно ныне утверждать допод-линно, с ударением на каком слоге звучало название. Тана́ис? Та́наис? Танаи́с? Знаем только, что питомцам обжитой, солнечно-теплой Эллады далекая река вну-шала некую мистическую робость гиперборейской стужей, неизведанностью, ве-ликостью, и была она для них — граница Европы и Азии, грозная, таинственная скифская река, река амазонок; Танаис — сын Океана, Великий поток.

Древним грекам все же достало мужества и предприимчивости заглянуть хотя бы на южные, приустьевые донские берега. И даже обустроиться на них. Грече-ская торговая крепость Танаис (Танаиды) просуществовала не один век, подни-маясь даже после больших разорений. А для римлян земля по Танаису, придонс-кая степь всегда оставалась «украиной мира», которую покинули люди и боги, как на основании старинных источников свидетельствует знаменитый создатель «Истории государства Российского». Насчет покинутости. Дон и впрямь знал вол-нооткатывающие эпохи, когда земли по Танаису из-за войн, перекочевий, невзгод и непогод становились безлюдными, безголосыми, пустынными, пока не подсту-пала новая волна — новое кочевье, новое племя.

3

«Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам» — сызмаль-ства знакомые пушкинские строки приподымают завесу начальной отечествен-ной истории, той поры, когда часть восточного славянства оказалась в данниках у волжско-донской Хазарии. Узел, сложно переплетший славянскую, хазарскую, иудейскую, арабскую, тюркскую нити (рассказ об этом — в гумилевской научно-мужественной «Древней Руси и Великой степи»), узел, к которому по-настояще-му не успел, или не смог, не сумел, или даже не захотел подступить князь Олег, стремительно, с одного похода, разрубил другой киевский князь. Святослав, прой-

ды Волгу и Дон, мечами своей дружины рассек громоздкое, рыхлое тело Хазарского каганата — странной империи с процветавшей пришельческой правящей верхушкой и ей чуждыми, угнетенными народными низами, жестокой и несчастной империи, через тысячелетие повторенной...

Донские берега на археологической карте нашего края пестрят отметинами хазарских поселений. Не сплошь, разумеется, но вперемешку со славянскими городищами, скифскими курганами, палеолитическими стоянками. Да и в самом Воронеже иной краезнавец покажет и Хазарское городище, и Казарскую поляну, и Казарский брод, а еще век-другой назад эти названия были здесь в живом обиходе.

4

В начале второго тысячелетия по исчислению от Рождества Христова в донских ковыльно-полынных степях раскинули свои вежи половцы-куманы, они сменили хазар и печенегов. Придонская степь, пространство меж Доном и Днепром — поле затяжной вражды и короткой породненности меж славянским земледельческим и тюркским кочевым мирами. Стычки, сечи. Победы. Поражения. То половецкие ханы — у стен Чернигова и Киева, то русские князья совместно продвигаются в степь.

А соединенные дружины русских, предводительствуемые Владимиром Мономахом, заходят столь далеко, что память о Мономаховом вторжении надолго сохраняется в тюркском предании, и половецкие матери долго еще страшат детишек именем христианолюбивого князя. «Тогда Владимир Мономах пил золотым шоломом Дон», — трудно сейчас сказать, чего больше в словах летописца Волынской летописи: художественной образности или сущей правды, но походы были настолько сокрушительны, что половцы многими вежами откочевали, оттянулись в прикавказские земли и лишь после смерти Мономаха возвратились в донские степи, снова враждуя и роднясь с северянами, полянами, вятичами.

И еще один поход запечатлен в старинной строке. Игорева дружина истаптывает степной ковыль. «О Русская земля, ты уже за холмом!» — горестно восклицает автор «Слова о полку Игореве». И что их ждет в далекой степи, у самого Дона? «Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою все свои воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своеи: «Братие и дружино! Луце ж бы потягу быти, нежели полонену быти, а воссядем, братие, на свои бръзые комони да позрим си-него Дону». Но ратный поход — не славнопогодная прогулка, когда бы можно было нетревожимо полюбоваться синими водами. «Идти дождю стрелами с Дону великого»!

Трагический и бесславный поход стал истоком славы отечественной культуры: «Слово о полку Игореве», полотна художников, опера «Князь Игорь», поэтические строки русской классики.

Больше десятка раз упоминается Дон в «Слове» — «восточнославянской Илиаде», чаще всего — с эпитетом «великий». «Игорь к Дону воя ведет»! Не привел, и даже неизвестен доподлинно путь, каким двигалась Игорева рать. Разброс искомым маршрутов — от Дона до Днепра, несовпадения — на сотни и сотни верст.

Все истолкователи Игорева пути не спорят насчет начального его отрезка — до границ слияния Северского Донца и Оскола. А дальше... У одного княжеские дружины разворачиваются, круто поворачивают к Днепру, сражение происходит у речушки Кривель. У другого сражение закипает близ нынешнего Славянска, у слияния Казенного и Сухого Торца. У третьих сеча случилась близ реки Кальмиус. Карамзин же определяет место сечи — близ Кагальника, в устье Дона, у Азовского моря. Есть даже памятником отмеченное предполагаемое место битвы, куда Игорь добирался по выжигаемой палами степи вдоль Северского Донца, — в бы-

лой области Войска Донского, в безводной степи меж Доном и Донцом. Еще один сугубо донской маршрут — «поливановский», согласно которому битва состоялась близ Россоши, не доходя трех-четырёх десятков верст до Дона. И наконец появился вариант, по которому Игореву войско перебирается через Дон. В очередном исследовании не доберется ли Игорева дружина аж до Волги?

Целинное косогорье, изрезанное ярками-оврагами, на всхолмье — ковыль, перекати-поле, бессмертник, внизу — Северский Донец, принимающий Белую Калитву, железная дорога вдоль реки и через, дома и пирамидальные тополя, — «ростовское» поле сечи. И давно распаханый, чуть холмящийся клин косогорной земли, солончаковая падина, камышовый останец, внизу — Сухая Россошь, неподалеку впадающая в Черную Калитву, — «воронежское» поле сечи. Памятник на скосе у Северского Донца, казалось бы, должен укреплять в мысли и чувстве, что битва русских с половцами была именно здесь. Но камень — всего лишь камень. А так оба «соперничающих» уклона словно бы омываются незримыми волнами вечности и хранят в себе былое, тайну которого человеку нашего времени, пусть и участливо-проницательному, — не разгадать.

Бывал на обоих — и у Северского Донца, и у Сухой Россоши — косогорах. Сходное чувство: припади к земле — услышишь ход Игоревой дружины, шум битвы, стон беды. Но так много было в придонских степях и походов, и сеч, и громов, что все смешалось в скорбном гуле былого. И так глубоко ушло в землю, что и самый чуткий слух немного различит и услышит. Не тьма беспамятства, но тьма времен.

5

Естественен Дон в древнерусской летописи. Или — в половецкой песне. Но Дон — в скандинавской саге? Оказывается, упоминаем он и в скандинавском эпосе, пусть и не так часто, как Днепр — главная река на пути из варяг в греки. «Северные повествователи, — примечает знаменитый наш историк, — безо всякого сомнения выводят Одина из окрестностей Дона». Иными словами, Дон — святая и великая для норманнов река. Разумеется, великая и святая — и для славян.

6

Еще в живых были немногие из тех, кто уцелел в русско-половецкой битве на реке Каяла, как у русских и половцев объявится общий враг: в битве при Калке они, плечо к плечу, схватятся с монголами. Однако не устоят. Как через десяток с лишним лет не устоит и вся Русь, раздробленная, лишенная единой воли и силы. В 1237 году на Воронеже-реке, большом донском притоке, встретятся посольствами русские и ордынцы, и последние потребуют десятину всего — земли, коней, жен, детей. На что русские им ответят: «Все ваше будет — когда нас не будет».

Монгольское нашествие подомнет одно за другим разрозненные княжества, насквозь пронизанная стрелами Русь захлебнется от крови, почернеет от пожара и углиц. Русскую землю удельность погубила прежде, чем поразили ее монголы. Русь превратилась в бессильное, униженное пространство. Утратив внутреннюю мощь, она покорилась мощи внешней, грубой и жестокой. Даже Александр Невский, может, самый сильный и славный тогдашний князь, вынужден был бить поклоны орде — навестить ставку Батыева сына Сартака на Дону, а еще прежде — ставку самого Батыя на Волге, дабы сподобиться непростой и нележкой ханской милости.

Дон, придонской край обезлюдел славянами-землепашцами. Куда подевались поселения, былую жизнь которых ныне способен увидеть лишь археолог, погру-

жаясь в культурные пласты городищ? Часть славянства успела отойти в более безопасные места, другая — полегла под огнем и пеплом. Когда, полтора века спустя, вскоре после Куликовской битвы, московское духовное посольство во главе с митрополитом Пименом держало путь в Константинополь, избрав речную, донскую дорогу, оно не могло не поражиться скорбной безлюдности окрестного и устами своего летописца сокрушалось: «Бысть же сие путное шествие печально и уныло...» Многие глянулось духовным лицам в их путешествии — и придонские леса, и малые реки-втоки, и «видехо столпы каменны белы; дивно ж и красно стоят рядом, яко стози малы; белы ж и светлы зело, над рекою над Сосною», — о Дивногорье речь. И только человек редко попадался на глаза путешественникам. Дикий край. Дикое Поле.

Протяжный по Дону и по морям путь духовного посольства — «Хождение Пименово в Царь-Град» — добросовестно описал его участник дьякон Игнатий Смольянин, а сохранила те записи Никоновская летопись. Игнатий — и по тону, и по образному ряду художник явный: «Увидели татар очень много, как листы и как песок...» Но нас более занимает вскользь брошенное — если и были в древности грады красные, то теперь пусто...

Попытаемся на миг представить, что за грады красные красовались в придонском крае, — какая-то была, надо думать, деятельная раннеславянская жизнь! И конечно же, были свои образы, предметы, памятники — целые пласты культуры. Вспомним, что средневековый арабский географ в конце десятого века называл Дон «рекой славян».

Пимен плыл по Дону, оставив позади, в верховьях реки, поле Куликово. Поле, которое для Руси еще предстанет впереди. Не знаем, благословлял ли преподобный Сергей Радонежский главу Русской церкви на дальнее путешествие, но князя московского Дмитрия на подвиг он благословил, предрек победу, и об этом с немыслимой для тех времен быстротой узнала вся Русь. И объединительное, созидательное молитвенное Слово духовного подвижника было как свет и набат! Русская рать вышла на поле сечи с мечом, но и с хоругвью. С заветом евангельской любви. На сечу выходили дружины, с сечи возвращался народ!

7

Рать перешла Дон накануне сечи. «Долго стояща, думаючи» — переправляться или встретить врага, не переходя реку, чтобы при неудаче было куда отступить. Князь московский воззвал на шаг бесповоротный, все пути к отступлению отсекавший: «Лутче было не идти противу безбожных... нежели пришед и ничтоже сотворив, возвратитися вспять. Пойдем... за Дон и тамо положим головы свои за братия нашу».

А дальше — в преемстве многими поколениями тысячекрат перечувствованное, передуманное и описанное: два враждебных войска на поле, обрезанном двумя соединяющимися здесь реками, тревожная ночь, хищные, чуткие птицы и звери в ожидании кровавой жатвы, утренний туман, словно предгибельный плат, над обоими станами, поединок воина-схимонаха Пересвета и татарского богатыря мирзы Челубея.

Побоище. «И мы ложимся, как скошенный хлеб. И гибнем под копытами», — так почти шесть столетий спустя скажет наш современник и он же воин на поле Куликовом. Ибо тот, кто сердцем переживает весь страдный, скорбный путь родной земли, не может не быть участником ее грозных, испытательных событий.

Словно погребальные гулы самой битвы, словно трагические эпитафии поля Куликова, — звучат навеянные неслыханной сечей строки старинных повествований: «Припахнули к нам от быстрого Дону поломянные вести, носяще великую

беду», — «Задонщина»; «Основание земли сдвинулось от множества сил», — «Летописная повесть о побоище на Дону»; «И сошлись грозно оба великих войска, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими копытами умирали, потому что нельзя было вместиться на том поле Куликовом: то место меж Доном и Мечею было тесным... В единый час, в мгновение ока, о сколько погибло душ человеческих, созданий Божиих!», — «Сказание о Мамаевом побоище».

Когда я впервые попал на поле Куликово, поразили меня не Столп, не Храм даже, но молодые хлеба, колосющаяся нива. Море колосьев — словно море копий.

Тогда по молодости все виделось резче, может быть, живописней, но и без той меры, которая отменяет от правды всякую искусственность. Ночью, под месяцем необычайно светлую, бродил я Полем, и дальние деревья и кустарники, выплывавая из легкого дыма-туманца, словно бы множились и двигались, и казались уже не деревьями и кустарниками, а воинами с поднятыми копиями и мечами. К утру вернулся на Красный холм, где, несмотря на ранний час, раздавался гулкий перестук молотков: кровельными листами-картами кровельщики обшивали купол храма Сергия Радонежского. С мастером-реставратором взошли мы на леса, и он на мой вопрос, как зовут, отшутился: «Строитель! Так вернее: имя-отчество с человеком уходит, а строенье, да ежели соборное, остается». И слова его были как из тех стародревних времен, когда художник на законченном холсте не указывал имени, словно бы видя в сотворенном проявление не столько своего дара, сколько Высшей воли. Перестук молотков на время затих, и строитель успел сказать немного, но такое, за чем проглядывает судьба: «Мы фашиста дальше Поля не пустили. В сорок первом командиром батареи я под огнем отпраздновал здесь свои двадцать лет. Держались насмерть. И храм, как воин, стоял — весь в щербинах и надломах. Может, благодаря ему и мы выстояли. Думал разве, что так — на лесах — снова встречу с ним? Восстановим храм, и память вернется!»

И вновь бродил я исходимым за день и неисходимым за века Полем, встречался со стариками из Куликовки, Монастырщины, Хворостянки, долго беседовал с бессонным стражем Красного холма, легко узнанным мною по солженицынскому о Поле Куликовом рассказу со столь памятными словами: «Молочная туча тумана встала от Непрядвы и Дона»; забредал на Смолку и Дубяк, наконец, вновь вышел на донской берег, и, как в первый раз, Дон почудился мне кроваво-красным...

Дон принял в свои воды потоки крови, то была страшная явь, схватка двух миров. Судьба веры, семьи, родины решалась на поле Куликовом. Гул битвы слал несмолкаемое эхо в другие времена, и чуткие сердца, как Блок, и столетия спутя после сражения на поле Куликовом видели в нем явление, чья разгадка все еще впереди.

Между тем для европейца средних веков Дон — река малоизвестная, неизведанная. А редкие путешественники своими рассказами лишь добавляют путаницы. «Знаменитейшая река Танаис, — излагает Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии» (середина XVI века), — отделяющая Европу от Азии, начинается приблизительно в восьми милях от Тулы, в громадном Ивановом озере, которое простирается в длину и в ширину приблизительно на тысячу пятьсот верст...» Были неточности еще более размашистые. Венецианец Бианко, например, исток Дона на своей карте рисовал едва ли не у берегов Ледовитого океана.

Вышедших на поле Куликово — крестьян, дружинников, казаков, словом, всю христианскую рать — осеняла и икона Донской Богородицы, доставленная казаками на поле сечи и после битвы подаренная князю Дмитрию Донскому. Едва ли

многочисленна была казачья подмога, но ведь каждая рука, державшая меч или копье, была не напрасной, более того, может, — решающей!

В ту пору и весь казачий мир едва ли был многолюден и обширен. Ордынские, азовские казаки, потомки бродников. «Потомки древних хазар в долине Дона приняли наименование «бродники». Потомки бродников впоследствии сменили этноним: они стали называться казаками. Тесные связи с Черниговским княжеством, русский язык, ставший обиходным, и православие, принятое еще в IX веке, позволили им войти в русский этнос в качестве одного из его субэтносов», — так историк Гумилев в «Древней Руси и Великой степи» объясняет раннюю волну донского казачества. Это уже позже доберутся в Придону, Прихоперье наследники новгородской вольницы, осядут здесь казаки запорожские, северские, мещерские, рязанские, устремится, наконец, и крепостной люд Московской Руси.

Первые известные историки донского казачества пытались найти казачьи корни в легендарной древности, может быть, в противовес Карамзину и иным историкам-государственникам, полагавшим, что происхождение казачества «не весьма благородно» и не столь древне: из беглого, в основном московского люда, в чем-то шедшего против власти и закона, чуждого традиции государственности. Но где истина? Как чаще всего бывает, — на примиряющей середине противоположных воззрений. Казаки древнего корня, разумеется, были, но верно и то, что им трудно было рассчитывать на будущее без молодых, некоренных сил. И подобно тому, как Дон, вытекая малым током из Иван-озера, речки Урванки, речки Березки, с каждой верстой все мощнее стремил свои воды на юг, из мест примосковских, болотистых, каменистых, в места южные, неизвестные, манящие, так и подневольные крестьяне Московской Руси устремлялись год от году все более широким потоком на вольный, опасный простор южного Дона, пополняя значительное казачество мощно и живительно.

Через два столетия после Куликовской битвы в местах, где окончательно изготовил свою орду перед броском в славянские пределы Мамай, как прежде до него Батый, на крутом берегу Воронежа-реки, неподалеку от его впадения в Дон, поднялась крепость Воронеж. Не здесь оспаривать, что крепость — вовсе не изначальный Воронеж. Речь о другом. Судьбы Воронежа и казачьего мира неизбежно должны были пересечься. Воронежская крепость замышлялась как преграда кочевому набегу, форпост на южной границе Московской Руси, плацдарм государственного продвижения в южные степи. Но и казачий круг был своеобразный форпост, разве что не государственный, сила порубежно-деятельная, преградная враждебному набегу.

Из Воронежа ежевесенне вниз по Дону отчаливали струги, груженные свинцом и порохом, селитрой и серой, мукой и зельями, сукнами и иными припасами. Эти «донские отпуски» Воронеж стал снаряжать, едва поднялась крепость. Один из отцов-основателей города — воевода Биркин — уже в 1585 году выезжал с «донским отпуском» в главный казачий городок — Раздоры. Он же позднее сопровождал московского посла Ислентьева донским путем в Стамбул, и опять же прибыл в казачьи земли не с пустыми руками: счет шел на большие пуды, поставы, чети всякого боевого и мирного добра. Устроитель Воронежа-крепости не преминул при сем назидательно напомнить казакам: «И как наше царское жалованье Василий Биркин вам, атаманам и всем казакам, отдает, и вы б по нашему царскому жалованью и впредь нам служили».

Сопровождавшие «донские отпуски» воронежцы, случалось, назад не возвращались, находя свою волю и судьбу в донских низовьях. Своими насельниками Воронеж пополнял, ширил казачий круг.

«Воронеж — родина русского флота», — человеку, впервые попадающему в главный город Черноземного края, это горделиво-оповещающее, не без тени похвальбы утверждение бросится в глаза не однажды, начиная с придорожного стенда на въезде в Воронеж. Памятник Петру Первому, рукой опершемся о якорь, щедро растиражирован в сувенирах, значках, печатных изданиях. Гостю, желающему поболее узнать о первом российском императоре, который, в сущности, с Воронежской верфи начинал преобразовательную, державную страду, не забудут показать побережье, где затевалось «великое корабельное строение».

Море. Остров. Корабль. Но море искусственное, забранное плотиной, отравленное техническими стоками водохранилище. Островок — тоже искусственный, намытый. А некогда проплывавший водами Дона и Азовского моря корабль «Меркурий» — игрушечный, стократно уменьшенный, всего лишь макет. Только Успенская, она же Адмиралтейская, церковь — доподлинно петровских времен. Но водохранилище вот уж кои годы подтапливает ее, точит сырью, и хотя укрепили и отреставрировали ее при устройстве Адмиралтейской площади, никто не скажет, простоит ли храм столько, сколько простоял. Если предаваться и дальше подобного рода наблюдениям и размышлениям, придется сказать и так: Азов был взят, и воронежские корабли сделали свое дело, но тот же Азов скоро, после неудачного бессарабского похода царя, был возвращен туркам — прежним владельцам, а корабли рассохлись, истлели, сгорели, ушли на дно и даже были отданы тем, против кого строились.

Сложно сохранилось и в народной памяти «великое корабельное строение» — Воронежская, да еще Тавровская, Рамонская верфи, Немецкая слобода, русские мужицкие, оторванные от семейной страды руки, измученные тяжкими работами, простудами и болезнями, нередко во множестве пластом лежащие строители; но «росли — гроза Азова — корабли». Галеасы, брандеры, струги. «Принципиум», «Винкельгак», «Ойфар»... Обожал царь иноязычный лексикон.

Экология — тоже нерусское слово, едва ли оно было ведомо царю. Но и знай он его будущий тревожный смысл, топор бы в придонском крае не затих. Леса здесь пострадали нещадно. Особенно корабельные — дуб, сосна, ясень. При спешке на один корабль деревьев уходило столько, сколько при налаженно-спокойной и без брака работе ушло бы на три. Но Петр — спешил.

Разно и согласно звучали повелевающий голос царя и духовно-призывающий — первого воронежского епископа. Митрофан освящал корабли, прежде чем им начинать небезопасное донское путешествие — идти под стены Азова.

Трехсотлетняя годовщина отечественного военного флота (в 1696 году воронежские корабли у стен Азова предопределили скорую сдачу турецкой крепости, и в том же году Боярская дума приняла решение — «Морским судам быть!») праздновалась широко и шумно; празднование расцвечивалось салютными залпами и возгласами «виват!», комично и малоуместно звучащими на фоне погод, далеко не лучших для флота, да и всей страны.

При Петре Первом Дон впервые исследовали географически и гидрологически. В Амстердаме был издан Донской атлас. На беспокойном пути самодержца это была приманчивая река. Петр Первый, широко сочетавший размах крушительства и созидательства, замышлял, сохранились свидетельства, новую столицу Российской державы основать, возвести в дельте Дона, на выходе его в Азовское море. Осуществись замысел, как бы сложилась судьба России? Петербург — вне живого духа России, — существует и такой взгляд. А Донбург, или как бы он был назван? Он бы чем стал для Отечества?

Казаки немалыми силами участвовали в азовских походах Петра, и храбростью и воинской сметкой отличились как в первом — неудачном, так и во втором — победном. Казалось бы, московский властелин надолго останется благодарен вольным сынам Дона. Однако стихли громы победы, и казаки скоро почувствовали ломящую длань царя. Тут-то и нашла коса на камень. Донцы были люди неподъяремные, закваски крепкой, духа мятежного. Они не худо знали про недавние славнодеяния своих дедов и прадедов, дерзкое «Азовское сидение» еще было на памяти седовласых. Знали они, что их деды и прадеды не присягали царю крестным целованием, резонно возражая московской власти, что и Поволжье, и Сибирь они добывали не крестным целованием, что они «не лакомцы» и служат государю не из корысти, но из чести. Знали они, что их дедов и прадедов побаивались не только Степь и Крым, но и Стамбул, и Москва, пусть даже они и не знали о взаимных жалобах последних, вроде таковых: «от казака страх на Поле», «не дают казаки пить из Дона». Как и деды-прадеды, они жили по неписаному закону — **с Дона выдачи нет!** Многие из них ходили в раскольниках, крепость казачьего характера удесятерилась крепостью староотеческой веры. Историк Соловьев в своей многотомной «Истории России» говорит об этом вскользь, но существенное: «Тяжел был Дон расколом; тяжел и казацкими притязаниями, которые никак не могли допустить в Москве».

Царь Петр направил на Дон князя Долгорукого со товарищи — так называемыми рассыльщиками, и опричные действия последних — все усчитать и пересчитать, всех подчинить — донцам явно не понравились. О лихом времени даже песня сложилась: «Как у нас-то на тихом Дону нездорово, как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики...» Когда стало невмочь, казаки восстали. Фискально-сыскное воинство Долгорукого перебили. Атаман Булавин возглавил казачий мятеж. Для усмирения мятежников царь послал еще одного Долгорукого, психологически высчитав безошибочно, что тот кровью справит поминки по брату, будет в расправе лют, жесток, что царю и требовалось: вольно-невольно казаки угрожали державному интересу, забирая силы, необходимые для войны со шведами и для иных военных приготовлений.

Долгорукий фамилию свою оправдал вполне, его карательные отряды кровавым шитьем прошли почти все казачьи городки и станицы. Иные из станиц были переброшены в наказание на худые земли, как то случилось с Чигонаками, — станицей, выкинутой на пески и ставшей Вешенской, другие были разорены или вовсе сожжены. Во устрашение всего казачества по Дону плыл виселичный плот. Булавин погиб, некрасовцы — часть булавинских сподвижников во главе с атаманом Игнатием Некрасовым — ушли на Кубань и далее, в иноверческие земли. Дон был усмирен. Общевоинской казачий атаман стал назначаться, а не избираться. Вольница была придушена, о ней остались разве что бередящие душу песни — про Болотникова и Разина, Булавина и Некрасова. Правда, пройдет несколько десятилетий, и Емельян Пугачев, казак донской станицы Зимовейская, снова попытается соблазнить разнородный люд посулами воли, но участь его — не счастливее и не удачливее прежних.

Казачий круг «мирнел»: в послепетровское время уже отпала нужда держать наизготове коня да шашку — защищать свой курень или устремляться в отчаянный набег. Разумеется, казачество — Войско Донское — по-прежнему неизменно сражалось во всех войнах — русско-турецких, Семилетней и иных, на полях дер-

жавы и Европы. Но после того, как граница отодвинулась от казачьего куреня, казак намного больше, чем в прежние, порубежные поры, стал отдавать себя сею, винограду, реке. И — ниве. Допетровского уклада казак хлеба не сеял. Теперь же — тучно росли его хлеба.

12

К концу восемнадцатого века Дон — обжитая река на всем двухтысячекилометровом пути. До поры не освоенный широкий створ между крестьянством по северному Дону и казачеством по южному Дону постепенно заполняет Слободская Украина. От Коротоояка до Богучара, в дружественном соседстве с русскими Гороховкой, Дерезовкой, Ольховаткой, Буйловкой — низка белохатых вишневых малороссийских слобод. Две Калитвы, Нижний Карабут, Николаевка, Семейки, Босовка, Белогорье, Костомарово... Это о них кольцовское: «Что вниз по Дону, по набережью, хороши стоят там слободушки!»

Дон с Украиной дружил и раньше. Еще в шестнадцатом веке, во второй его половине, запорожцы, числом в пять тысяч сабель, во главе с гетманом Вишневецким помогли русскому войску и донским казакам разгромить турок и татар под Астраханью; возвращаясь, запорожцы основали на Дону, близ Азова, казачий городок Раздоры, многие там и обустроили свои курени. В немалом числе запорожцы явились единоратниками с донцами и в «Азовском сидении», когда турецкая крепость более чем за полвека до азовских походов Петра была отвоевана казаками и удерживалась ими не месяцы, а годы, пока московская власть, не готовая к войне с турками, не понудила казаков оставить крепость. Приходили запорожцы на Дон и во дни Петра Первого, на помощь Булавину.

Роднились не одни братские крови. Но и нечаянные, далекие. Судьба и чувство воли влекли на Дон калмыка и турка, татарина и горца, поляка и литовца. Случались выходцы из далекой и родной по вере сербской земли. Казачий Дон, как тигель, переплавлял разнородные массы, принимая под свое крыло все новые и новые людские потоки, а другие отдавая на освоение дальних земель, вплоть до Тихого океана. К концу девятнадцатого века в Российской державе насчитывалось двенадцать или более казачьих войск, образовался редкостный, замешанный на многих кровях сплав, удивительный выплеск славянской веры и воли.

13

Дон девятнадцатого века... Что значил он в судьбе России? Что приметного было в собственной его судьбе? Уже в начале столетия тихому Дону, да и всей стране, царскими волей или сумасбродством назначается неблизкое, затейливое испытание: военной экспедиции донских казаков предписывается идти в Индию, дабы таковым образом поразить англичан. Поход сразу после убийства императора Павла был прерван, но скоро казачеству выпали иные и безотлагательные походы: началось противоборство с Наполеоном. Отечественная война, Бородино, заграничная кампания, Париж... Представ на полях сражений грозной, сплоченной, стремительной силой, казаки заставили говорить о себе на всем материке кого с восторгом, кого с ненавистью, а французский император, познакомясь с донцами на расстоянии более близком, чем того желал, посчитал необходимым предостеречь: «Европа через полвека окажется либо под властью революции, либо под властью казаков».

Война и мир чередуются, крестьянство, казачество заменяют то орала на мечи, то мечи на орала. В години мира донские крестьяне, русские, малороссийские, выращивают хлеб, реже занимаются промыслами, иногда пускаются в отходы,

на заработки. Казаки также выращивают хлеб, еще виноград. Хлеб для Дона стал основной статьей торговли. В летние месяцы река знавала караваны хлебных барж, по обеим берегам открывались хлебные ссыпки. Водились на Дону и свои бурлаки: вспомним, что герой никитинской поэмы «Тарас», распротаясь с воронежскими степями, уходит на донское понизовье, чтобы, пристав к какой-нибудь артели, влачить полногруженные барки.

Дон рыбный не уступал Дону хлебному. Отечественная классика подсказывает и здесь. Герой шевченковской поэмы «Наймичка» везет домой, на Украину, червоное вино из далекого Царьграда, а с Дона — кивьяр, то есть соленую икру. Тысячи пудов редких, дорогих рыб развозились по стране, «уплывали» за границу. Иные рыбы, как вырезуб, водились именно в Дону и его притоке — Воронеже, об этом свидетельствует и Даль в своем «Словаре». Донские жители знали и как рыбачить, и как о рыбе позаботиться. Когда шел нерест, обматывали весла ветошью, чтобы излишним плеском не тревожить рыб. И колокола придонских церквей и монастырей в пору нереста приумолкали, могли звонить лишь набатные, сполошные колокола в час большой беды. Когда пожар, когда война!

14

Первая мировая. Ее окопы — вдалеке от Дона, но мужская сила крестьянско-го, казачьего Дона — в тех окопах. И тысячи моих земляков, кто в гражданскую войну кинется под знамена большевистско-комиссарской власти и кто обреченно уйдет в мятеж против новой власти, будущий комбедовец и будущий белогвардеец, локоть к локтю сражаются и кровью истекают в Мазурском озерно-болотном крае, на Галицийских холмах, тогда так далеких от Донщины.

А что же на Дону: «...жены, дети, любушки, неубранные хлеба, осиротелые хутора, станицы...» И все тот же верный, преданный плач казачек, крестьянок, что и у княгини Ярославны или у осироченных жен, обезбращенных Подем Куликовым.

И еще не сказанное о женской доле казачек, крестьянок проникновенное слово в «Тихом Доне»: «Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться слез — не замыть тоски! Сколько ни голосить в дни годовщины и поминок — не донесет восточный ветер криков их до Галиции и Восточной Пруссии, до осевших холмиков братских могил!..»

15

И вот уже под гуд дезертирских эшелонов и безответственных митингов с временно-правительственными водилами-комиссарами, немцы поят коней из Дона, а развал и хаос набирают скорость, и ни казачьи атаманы, ни военачальники, ни иные сильные патриотические умы ничего не могут поделать: семена раздора, сомнений, разрухи посеяны. Ложными посулами одурманен и обессилен народ. Нет здесь смысла говорить о злых духах революции. Но и люди, может, не из худших, но так или иначе поддавшиеся соблазну скорого и благополучного земного жизнеустройства, вольно или невольно были участниками разрушения устоев русского быта и бытия.

Разумеется, русская революция — особый мир, не сводимый к одному знаку; о ее многомерности, ее пластах, ее явлении и восприятии (эмоционально-бытовом, историческом и религиозно-метафизическом) глубоко сказали отечественные мыслители, поэты, историки. В ней не только нигилистическое отрицание социальных установлений и неурядиц. В ней проявилось вековечное стремление русского человека к чаемой правде, к высшей соборности. «Правда» — слово, непе-

реводимое на другие языки. Понятие, в котором — и праведность, и справедливость, и право, наконец. Русская революция, обворованная революция — и суд, и трагедия, и болезнь, и очищение, и надежда... Огромный массив отечественной культуры двадцатого века — не красный миф, но реальность, без которой трудно представима и мировая культура.

Один из героев булгаковской «Белой гвардии» заявляет, что «настоящая сила идет с Дона». Не было, однако, ничего невозможного, чтоб силу сделать бессильной, — расколоть, развести ее на разные берега.

16

Вторая мировая достигает Дона и на сотни верст окапывается на его берегах. Фронтная черта, геополитический узел, рубеж двух враждебных, почти вселенских масс. Фашистский приказ привел и пригнал сюда немцев, итальянцев, венгров, румын, финнов... Бои за Ростов, бои за Воронеж, изнурительные бои в большой излучине Дона. «Удержались ли наши там, на Среднем Дону?» — спрашивает у живых погибший и от имени погибших в знаменитом реквиеме-стихотворении Твардовского.

Масштабные военные операции — «Малый Сатурн», Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская. Полководцы на донских берегах: советские — Жуков, Рокоссовский, Василевский, Ватутин, Черняховский; немецкие — Бок, Вейхс, Паулюс, Готт, Манштейн. Советский Донской фронт. Группа германских армий «Дон».

Во время последней на нашей земле войны на берегах Дона вырыто столько окопов, сколько, наверное, ни у одной реки мира.

17

«Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Но, видать, для каждого поколения мир припас свои роковые години, числа и грани.

Малую свою родину, послевоенную, разоренную, я узнавал через образы и приметы недавней войны, а еще — через память давно былого. Нижний Карabut и поныне видится мне изрыбленным, изрезанным окопами и траншеями, изрытым землянками, опоясанным рядами колючей проволоки. В Кулаковке подобрал я трофейные лыжи, на каких несколько зим кряду взбирался на придонские холмы, чтобы всякий раз все опаснее лететь с горы к закованному льдом Дону. Семейки, Босовка, Россошь — здесь еще долго после войны обнаруживались следы итальянского Альпийского корпуса, и я и мои сверстники находили применение всему железному, деревянному, пластмассовому, всему, что от него осталось.

На Мироновой горе, у Новой Калитвы, по весне собирал осколки, и казалось, что их никогда не собрать, — не то, что колосья, которые я и мои ровесники, несмотря на угрозы объездчика, тоже собирали, и поле ими убавлялось быстро.

Исподволь узнавал и более отдаленное во времени. В Павловске, куда за двадцать верст ходили с матерью, чтобы раздобыть соли, услышал, что в петровское царствование не столь далеко от моей слободы располагалась верфь. Узнал и о Петре Первом, и о Дмитрие Донском.

Мой край — на стыке и во взаимно добрососедском перемесе русского и малороссийского поселенческих пластов, в родственной близости русского, украинского и казачьего укладов; с детства российская и малороссийская песни звучали над моей зыбкой, с детства пушкинская строка и строка кобзаря были для меня равно притягательные, родные. И совсем по-особенному, но естественно входили

в мою молодость и мою жизнь имена тех, кто крепил «град» духовной общности восточного славянства, отечественной и мировой культуры. Болховитинов, Рылеев, Крамской, Костомаров, Афанасьев — они были мои земляки, близкие мне, как дорогие родственники.

А в придонских полях горизонт укрывал курганы древности, стигматы исторического бытия человечества.

А ведь ознобно и подумать — есть еще и геологическая, разумом трудно вообразимая древность, теряющаяся за непроницаемыми горизонтами. Пра-Дон, Игрень-река, древнейшая река русской равнины, у которой, по мнению ученых, никогда не было молодости. Река, в доисторические времена текшая на север. Река, и поныне на кривоборских береговых склонах хранящая пыльцу доисторической тайги, а на семилукских — отложения девонских пород. Девон — слово-то какое довременное, изглубинное!

18

Дон заполнял детство, удлиняясь и ширясь. И вот я уже за немалыми сотнями километров от малой родины — на Волго-Доне. К месту здесь вспомнить, что две великих реки пытались соединить и турки, и Петр-царь, но по разным причинам от затеи своей вынуждены были отказаться. Школьником-экскурсантом я попал на Волго-Дон в год его открытия, и канал, еще новенький, с белыми дворцами-шлюзами, мощными железными створами казался детскому взору белым, сказочным дивом.

19

Стою у впадения Черной Калитвы в Дон. Отсюда начинается большая донская излучина, удлиняющая реку чуть не вдвое. Тяжелые медлительные накаты — волна за волной, волна за волной. Вглядываюсь вдаль и вглубь, и чудится, что даль пространственная открывается широко и зримо от истока до устья моей реки, и глубь времен чем не отдаленней, тем явственней. А вот нынешний век, в котором родился и живу, словно бы задергивается мрачной завесой. Родной и враждебный век! И знаю я, сколь немилосерден он был к народу, моим дедам, к моим отцу и матери; знаю и ощущаю, сколь безжалостно подрублен мой русско-украинский корень, подрублен с самого начала века до его конца: революцией пятого года, Первой мировой, революциями семнадцатого года, гражданской войной, продразверсткой, расказачиванием, волевым колхозоустройством, губительным голодом в годах двадцатых и тридцатых, Второй мировой, наконец, сломом, крушением Советской державы-империи, на развалинах которой родился монстр — культ всеядного потребления, ненасытно поглощающий души и тела живущих.

Рябь реки, осокоревый лес, лозняки и пески словно возвращают меня в раннюю пору жизни. И впитываю я окрестное жадно-любопытно и признательно, глазами и сердцем, — как в детстве. Но к непосредственному «детскому» зрению подсоединяется и иное — историческое. И литературное — тоже. Геродот и Страбон, Аристотель и Эсхил, Сенека и Овидий, Гораций, — и в их строке назван Дон. Сколько, однако, мифов! Сколько заблуждений! Аристотель считал, что исток Дона — близ Памира; иные полагали, что Дон течет с Кавказских гор на север, затем круто выворачивает на юг; третьим представлялось, что он проистекает из Рипейских, то есть Уральских гор. Более точен Страбон — «Танаис течет из северных стран». Всем им я благодарен за то, что они обратили свой мысленный взор на родную мне реку; а Геродот, быть может, и побывал на донских берегах, и если так — понимаешь, что за сила влекла его в задонскую степь, которая вдали

словно бы сливается с небом, в простор, какому нет конца, — то не древнегреческая агора и даже не загородная местность, все же замкнутая горами.

Если Дон чтим древними, что говорить о русских, для многих из которых Дон — личное переживание, а судьба реки — что судьба родины. Державин в своем знаменитом «Памятнике» изо всех рек Российской державы называет четыре — Волгу, Дон, Неву и Урал. Дон — в строке Пушкина и Лермонтова, Жуковского и Батюшкова, Кольцова и Никитина, Сурикова и Огарева, Майкова и Бунина. А поэты двадцатого века и уже наши современники: Блок, Брюсов, Волошин, Бехтев, Хлебников, Есенин, Клюев, Ахматова, Твардовский, Недогонов, Шубин, Кедрин — долгий, на странице не вместимый ряд.

Еще объемнее, бесконечно объемнее Дон в народном сознании, в душе народной. Не с того ль великое множество донских песен и поныне звучит?

Река у народа течет через всю его жизнь, она не только страда, кормилица, но и песня сердца, радость и печаль души, поэтическая стихия, духовная глубина «живой воды».

Отечественный мыслитель рубежа веков девятнадцатого и двадцатого называл Волгу русским Нилом, не смущаясь ее женским именем. Не вернее ли назвать Дон, Днепр и Волгу — совокупно славянским Нилом? Или, может быть, славянской Месопотамией — Междуречьем? На их берегах едва ли не вся наша восточнославянская история, наша открытая миру культура. Берега вздымаются курганами и городищами, дышат веками и эпохами; реки — как духовные русла, живые с древнейших времен.

20

И не раз я плыл-путешествовал по Дону в не столь давние дни. Уже был осужден и отклонен плоский, безумный проект — воды Дона перебросить в Оскол, а в Дон направить воды Оки. Но сколько безумных, в жизнь воплощенных затей-проектов черными крылами зацепили и Дон. Разве что не настроено на нем, как на Волге, плотин-гидростанций! Могли быть и последние, ибо в мутные революционно-разрушительные времена чего не затевалось, не затевается, и был же Платонов, наш земляк, самобытнейший писатель, философ, «записчик» утопий и антиутопий, ни больше ни меньше как «Председателем комиссии по постройке гидростанции на р. Дон»! Родная река виделась ему в геополитическом размахе: «Воронеж — Константинополь — Неаполь — Задонск. Идея очень правильная... Великое будущее системы Дона и его преимущество перед Волгой, впадающей в закрытую банку».

И без гидростанций бед на Дону хватает. Разве водохранилища — Шатское, Воронежское, Цимлянское — не сточные лужехранилища, прерывающие естественный ход вод? Разве Новомосковский, Данковский, Придонский химкомбинаты — не дымящие техномонстры у берегов донских?

С друзьями и сыновьями я плыл мимо Нововоронежской атомной станции, и не надо было острых глаз, чтобы видеть, что вода на много километров вниз — как неживая! Плыл мимо Лисок, городок тогда назывался Георгию-Деж, и этим чужеродным переименованием из него как бы вынута была живая душа. А сколько подобных переименований на Дону и вокруг! Плыл мимо заглушенных родников, искорчеванных лесков, взорванных гранитных и меловых столпов, обезображенных разработками, в котловинах-карьерах придонской земли. Брюхатые помпы, в две-три, а то и больше труб, назойливо зудяще заглатывали Дон, день и ночь поливая и засаливая поля, — поливая с особенным усердием в туман и дождь. И нельзя было не подумать, что есть драма великого народа, но есть и драма великой реки. Не будь одной, не было бы и другой. И все не уходила из души старин-

ная, многожды петая песня: «Ой ты, наш батюшка тихий Дон! Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?»

От родника к роднику, от села к селу, от станицы к станице, от кургана к кургану. Из вечности — в вечность?

На окраине города, в котором я живу, еще треть века назад бугрилась цепь курганов. Скифские курганы, называют их Частыми. Скифский мир, змееногая богиня-царица, у нее от Геракла рождается трое сыновей, один из них — Скиф; скифский мир, на серебряной вазе, извлеченной из чрева древности при раскопках Частых курганов, — скифский царь Таргитавс и его сыновья с луками и стрелами. «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...» Так ли? И только ли? Что с нами было? Что случилось? И что нас ждет?

От скифских курганов, теперь подмятых бетонными массивами Северного микрорайона, совсем близко до реки. Воронеж подступает к Дону. Новая жизнь подступает к Дону. На донском берегу, как и во времена Разина, детишки пускают струги по мутноводному току. Тут же коробки, обертки, этикетки из-под импортных сигарет, шоколада, пива — пестрые упаковки выверенного стандарта благополучной заморской страны. Волна заверчивает мусор и уносит, горбом напирает новый — она и его уносит, вырастает новый, а она уносит, уносит... Мерно идут воды на мою малую родину и дальше, к Азовскому морю, и дальше, — никто не скажет куда.

И как прежде, когда в детстве часами я выстаивал в одиночестве на донском берегу, а к моим ногам подкатывала волна, как прежде, меня захватывает то душевное состояние, при котором неразделимы радость, грусть, чувство давнего родства с прибереговыми осоками, лозами и песками, меловыми кручами и останцами; чувство, что я уже когда-то жил... Словом, такое состояние, когда из сердца просятся стихи.

Первые мои стихотворные строки и родились на берегу Дона, при виде мерно бьющихся волн.

В книгах прозы у меня постоянно возникал образ Дона. А в стихах? Однажды я собрал их воедино и увидел реку во времени и пространстве. Многие стихи — об истории и вечно текущих днях Дона. Чувства и мысли и о его судьбе, не могущей быть оторванной от судеб страны и мира...

В моих «донских» стихах ветров, гроз и облаков больше, нежели солнца. Больше, чем я бы хотел. Но что поделать? Таков он, мой Дон. В детстве реку даже в солнечный день я нередко воспринимал стылой, грустной, а то и угрюмой. Может быть, из-за послевоенной разрухи, сельской бездолицы, окопов, огненных всплесков минных взрывов. В детстве живые облака я видел глазами своего дня, а позже — и облака прошлых, ушедших столетий.

Но есть одна верная радость, которая навещает меня часто. Я почти убежден, что в тот час, в тот же миг, когда я, уже много повидавший и проживший большую часть жизни, стою у донской воды, где-то на берегу великой реки, может, совсем близко, может, далеко, у подмосковных истоков или у ростовских низовий, стоит мальчик. Как и я, он исполнен тревоги, любви, благодарности. Он радостно вглядывается в Дон, и хочется верить, что доброе, чистое, поэтическое чувство рождается в нем, что он — из тех, кто, вглядываясь в уходящие за горизонт воды, словно бы слышит древнее течение родной реки, движение судьбы своего народа, отечества, мира.

Волны идут неостановимо, чередой, одна за одной, волна за волной, из вечности в вечность.

Валерий Кузнецов,
*глава администрации
Богучарского
муниципального района*

«БОГУ ЧАРА СИЯ!»

В детстве я как-то смотрел фильм «Иду на грозу», снятый по роману известного советского писателя Даниила Гранина. Сюжет, обыгрывающий модную тогда тему спора физиков и лириков, у меня в памяти долго не задержался, а вот один эпизод запомнился на всю жизнь. Главный герой, глядя на облачное небо, признается: «Разучился смотреть на облака, как нормальные люди: вместо лошадок и верблюдов вижу ионы и электроны». Со временем и ко мне прилипла подобная привычка, с той только разницей, что дело, которым я всю жизнь занимаюсь, связано не с облаками, а с тем, что Максим Горький назвал «роскошью человеческого общения». Идет ли разговор в служебном кабинете или беседа по душам где-нибудь вдали от его стен, часто ловлю себя на том, что сворачиваю в деловую колею и подспудно оцениваю, чем был бы полезен собеседник, если его каким-то боком пристегнуть к «возу», который везу. Недавно, например, вольная воля отпускника свела меня на морском побережье с одним интересным человеком. Коммерсант средней руки на полпути в крупные. Деловой, основательный — это чувствовалось уже по тому, что он в любом разговоре всякое лыко вставлял в строку, избегая пустого светского трепя. Родом из Луганска, но бизнес у него в Сибири — несколько крупных молочных комплексов. Разговорившись, мы нашли общие точки пересечения: у него теща живет под Воронежем. И он не прочь прирастить свое хозяйство молочными фермами в Воронежской области.

— Так чего же лучше, — говорю, — давай к нам, в Богучарский район. У нас молочному животноводству — зеленый свет. Есть пустующие фермы, восстановить — недорого обойдется. Пастбищ, сенокосов — море.

Чувствую — не захватило его предложение.

— Ладно, — говорит, — когда полечу отсюда (у него свой самолет), заверну к вам, гляну сверху, что из себя ваш район представляет.

— Ну, сверху ты много не увидишь. А давай-ка лучше садись — аэродром имеется: я тебе сам все покажу. Город в первую очередь. Маленький, но очень красивый. Уездный город, одним словом. Имя у него во всем свете единственное и неповторимое: Богучар.

Вижу, у него в глазах что-то промелькнуло:

— Богучар, Богучар... Слушай, а ведь был я у вас! Там еще, помнится, в администрации лестница такая — старинная, прямо-таки эксклюзивная. Цела?..

Вот ведь что запомнилось человеку, однажды побывавшему в Богучаре! Я, признаться, слегка обиделся такой мелкой избирательности его памяти. А потом подумал: а сам-то я не так же сводил знакомство с Богучаром? И лестница, и само здание администрации, строгое и вместе с тем удивительно нарядное, хоть в Петербург его перенеси — украсит и там любую улицу, — именно это прежде всего и запомнилось, когда мне довелось впервые побывать в этом городе. Это было в восьмидесятых годах, в пору моей работы в обкоме комсомола. Но больше всего тогда впечатлила пожарная часть на главной площади, с восьмигранной каланчой. Казалось бы, строили люди не храм Божий, не театр — всего лишь помещение для пожарных, а думали не только о прямом его назначении, но и о том, как оно будет смотреться в центре города. И вышло произведение архитектурного искусства, столь же узнаваемое в общем облике районного центра, как здание ЮВЖД в Воронеже.

Вообще Богучар, в чем я убедился, уже основательно ознакомившись с ним после того, как в апреле 2012 года был избран главой администрации района, — это город со своим лицом. Лицом неповторимым, делающим его непохожим ни на один из его собратьев — малых городов. А создают его старинные здания в историческом центре города. Это в первую очередь комплекс уездных земских учреждений: земской управы, богадельни, арестного дома, лавок, флигелей. Не уступают им, а порой и превосходят в архитектурных изысках жилые дома именитых горожан — купцов, чиновников. Особняк городского головы Куранова, украшавший собой главную площадь Богучара, был в свое время признан самым выдающимся по своей архитектуре жилым домом не только Богучара, но и всей губернии. Жаль, но он сильно пострадал в Великую Отечественную войну и был снесен.

Война нанесла немалый ущерб древнему уездному городу, хотя и не лишила самобытности облика. На сегодняшний день в нем 46 памятников истории и архитектуры. Богучар включен в число исторических городов России. И жители бережно, а бы даже сказал, трепетно относятся к сохранению его доброго имени. Исторический центр города на особом внимании районных и городских властей. Глава Богучара Иван Нежелский, искренне влюбленный в свой город, полон оригинальных идей по преобразованию внешнего облика Богучара, повышению его привлекательности. В этом я его поддерживаю. Говорят, не всегда так было, но теперь это так. И думаю, что люди не могли не почувствовать зримую пользу от такой постановки вопроса во власти.

Богучарцы первыми в области официально зарегистрировали в государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области границы исторического центра города и зоны охраны памятников культуры. Эти шаги оберегают город от уродующих его лицо агрессивных строительных новоделов, которые пока не нанесли Богучару существенного урона. Не все города нашей области могут похвалиться этим. За последние годы разительно преобразились центральные улицы и площади: обновлен асфальт, выложены плиткой тротуары, клумбы запылали яркой палитрой цветочных красок. Новая базарная площадь — образцовая для всей области. Эффектной деталью городского пейзажа стал пляж на Богучарке. Именно пляж, а не «место для отдыха у воды», но для его официальной регистрации в качестве такового много чего пришлось сделать: организовать дежурство спасателей, обозначить акваторию бонами, устроить площадку для пляжного волейбола, поставить перекладины, грибки, раздевалки, туалеты. Зато теперь гости города, не исключая и жителей областного центра, не скрывают за-

висти: такая благодать — и в самом центре города! А побудила людей к этим благим делам экологически чистая река Богучарка, которую здесь почитают и гордятся ею.

А сейчас обустроивается набережная. Есть площадки для парковки автомобилей, 6-метровой ширины тротуар, ротонды, игровая и танцевальная площадки, фонтан, аллеи, цветники, памятник Петру I. Далее на очереди — памятник Семье, пешеходный мост в «зеленую зону отдыха» за реку Богучарку, другие объекты...

Кстати, памятники выбраны отнюдь не случайно: у обоих свой смысл. А состоит он в том, что эти монументы призваны как бы символизировать фундамент, на котором зиждется старинный богоспасаемый град Богучар. Семья, понятно, — основа общества, а с царем-реформатором связана легенда, касающаяся основания города. Якобы, плывя вниз по Дону воевать Азов у турок, пристал император на отдых в устье безымянной речки и, трапезничая, первую кружку вина выплеснул в прибрежную волну: «Богу чара сия!» Отсюда, мол, и пошло: речка Богучарка, а город на ней — Богучар. Ну, легенда — она и есть легенда. А речка и город существовали на картах под своими названиями еще в допетровские времена. Богучар, правда, был тогда не городом, а небольшим казацким поселением. Но ко дню его рождения Петр Великий действительно имеет самое прямое отношение: поскольку по законам геральдики для установления даты основания города требуется первое письменное упоминание о нем, а таковым в данном случае послужило царское распоряжение воронежскому наместнику сжечь Богучар за вооруженное противодействие переписи населения. Такой вот парадокс, рожденный сплетением легенд и фактов: отец-основатель города стер его с лица земли и жителей посажал на галеры, а теперь вот их потомки ставят ему памятник.

Хотя, строго говоря, нынешние богучарцы ведут свой род не от тех репрессированных первопоселенцев, а от сменивших их потом украинских казаков-черкас. И здесь на историческую арену выходит еще одна августейшая персона — императрица Екатерина II. Кстати, есть у нас задумки и ей установить памятник. Это будет стела с барельефом Екатерины Великой и гербами города и района на центральной площади Богучара. Именно указом императрицы те самые казаки-черкасы были переселены из мест иных на богучарскую землю. Так что генетической почвы для обиды на Трон не имеется. Зато есть неоспоримый факт, выигрышный для истории города, что «крестные» Богучарщины — не кто иные, как сами цари Руси Великой.

И еще об истории. Хочу отметить одну особенность: не могу припомнить, чтобы где-нибудь мне доводилось видеть более деятельное любопытство людей к своим историческим корням, чем здесь, в Богучарском районе. Буквально в первый же свой рабочий день в должности руководителя района я держал в руках подаренную мне энциклопедию района «Богучарский край от «А» до «Я». Капитальный труд, увенчавший многолетнюю краеведческую деятельность заслуженного работника культуры России Алексея Тихоновича Бойкова. Позже побывал в районном историко-краеведческом музее и был поражен обилием экспонатов и масштабом представленного ими временного пласта — от эпохи мамонтов, когда-то бродивших по здешним степям и лесам, и до наших дней. А деятельность поискового отряда «Память» и археологического летнего лагеря «Истоки», возглавляемых педагогом и археологом Николаем Новиковым из поселка Дубрава, — это вообще тема для отдельного разговора, которую не уместить не то что в одной журнальной статье — в целом номере. Молодые ребята, вчерашние и нынешние школьники, раскапывают тысячелетние курганы, окопы и блиндажи Великой Отечественной войны. Их находки — останки почивших вождей кочевых племен и павших в боях воинов Красной Армии, наконечники половецких стрел и казацкие пашки, неразорвавшиеся снаряды и мины, ржавые кинжалы и штыки, автома-

ты и винтовки с советской, немецкой, итальянской маркировкой... Все это — спрессованная в двух-трехметровом слое земли история сотен и тысяч живших здесь людей. А сама земля, принявшая их в свое лоно, пропитана их генетической памятью, экстраполирующей на живущих ныне. Недаром богучарцы всегда умели и воевать, и добывать хлеб насущный. Хотя ни в том, ни в другом родная земля не баловала их могучей силой, как богатыря Илью Муромца или пахаря Микулу Селяниновича — у самой ее в обрез. Когда я ознакомился с бонитетом богучарских черноземов, не мог не оценить степень мастерства и трудолюбия здешних хлеборобов. Сбирать с полей, где гумуса — на штык лопаты, а то и меньше, по 30–40 центнеров пшеницы на круг, разумеется, в лучшие годы, — это сродни трудовому подвигу. К такому рубежу и подошли в районе в последние годы. Так что руки богучарских земледельцев, по известному крылатому выражению, действительно пахнут хлебом. Зато и мозолями украшены богато: хлеб-то этот ох как нелегко дается. Мало того, что земли бедноваты, так с недавних пор добавилась новая напасть: засуха. Она посещает район с удручающей регулярностью.

Меня радует, что наши аграрии не опустили руки перед немилостивой природой. Советуемся с учеными, ищем сами методом проб и ошибок, как свести на нет дефицит влаги. И не без успеха. Сегодня вырисовываются контуры основных направлений в районном земледелии: комплекс специальных агротехнических приемов, подбор засухоустойчивых сортов традиционных сельхозкультур и внедрение новых культур, способных давать приличные урожаи в самых экстремальных условиях. Уже сеем тысячами гектаров тритикале, а нут, лен и сафлор пробуем на предмет альтернативы подсолнечнику. Но при всей важности этих факторов я как глава администрации района все же ставлю на первое место фактор человеческий. Фактор крестьянской основательности и мудрости руководителей сельхозпредприятий. Таких, например, как Михаил Егорович Колтаков, Василий Иванович Дробязкин, Василий Емельянович Резников — настоящих аграрных академиков. Этот почетный ряд замечательных руководителей можно продолжать и дальше. Возглавляемые ими трудовые коллективы ведут за собой большие и малые коллективные и фермерские хозяйства. Сохраняют финансовую стабильность, развивают производственную базу, солидно вкладываются в сельскую социалку. В СХА «Родина», к примеру, ежегодно выделяется на развитие социальной сферы не менее трех миллионов рублей. За последние годы в центральной усадьбе — в селе Данцевка — за счет хозяйства была капитально отремонтирована школа, Дом культуры, введен в строй комплекс сельского сервиса, включающий магазин, аптеку, парикмахерскую. Правительство Воронежской области в поддержку доброй инициативы приняло решение в рамках государственно-частного партнерства выделить 11 миллионов рублей дорожного фонда на благоустройство. Село ныне выгодно отличается чистыми улицами с пышными цветочными клумбами во дворах и приусадебных территориях. И самое главное, что там бросается в глаза, — это множество новостроек. А это верный признак того, что люди уверены в своем завтрашнем дне.

И все-таки не хочу кривить душой: говорить об устойчивых темпах движения вперед пока не приходится. Проблем у нас немало. Сегодня Богучарскому району нужно реальное ускорение в социальной, экономической и культурной жизни. Люди это понимают. Поддерживают местную власть в благих начинаниях. Для меня и моих коллег лозунг дня предельно прост: каждый новый день должен прибавлять достаток в семьях, каждый день должен нести надежду, мир и лад в сердца. Земляки-богучарцы заслуживают этого.

Алим Морозов,
*заведующий Россошанским
краеведческим музеем*

КНЯЗЬ ИГОРЬ, КАЯЛА И ПОЛОВЦЫ

(Где произошла легендарная битва,
описанная в «Слове о полку Игореве»)

О новгород-северском князе Игоре и битве его войска с половцами мне довелось впервые услышать в 1939 году. В тот вечер в клубе Россошанского птицетехникума проводилась лекция о международном положении, после которой, как сообщалось в ярко раскрашенной техникумовским художником афише, состоится концерт художественной самодеятельности. Чтобы дожидаться этого концерта, мне пришлось больше часа, собрав все свое терпение, выслушать длинные и скучные рассуждения о германском милитаризме, об агрессивных замыслах гитлеровского правительства и постоянных провокациях белофиннов на советско-финской границе. Наконец, кафедру, на которой райкомовский лектор раскладывал чуть пожелтевшие листки своей шпаргалки, убрали, раздвинули тяжелый бархатный занавес, и перед зрителями предстали рояль с аккомпаниатором и известный в то время в нашем городе музыкант и певец Николай Андреевич Попов.

Конферансье объявил, что сейчас будет исполнена ария князя Игоря из одноименной оперы композитора Бородина. Попов шагнул к рампе, но не запел, а начал рассказывать зрителям о том, что в 1185 году князь Игорь с братом и сыном во главе войска отправились в поход против степных кочевников к Дону Великому. И именно на том месте, где стоит наша Россошь, войско Игоря было окружено и разбито, а раненый князь был взят половцами в плен. Попов рассказывал об этом с увлечением и в конце сообщил потрясшую мое детское воображение новость о том, что князь Игорь был ранен на берегу речки Россошь на месте, где стоит городская баня. Для меня, смотревшего в этом же зале неделей раньше фильм знаменитого кинорежиссера Эйзенштейна «Александр Невский», такое сообщение было равносильно грому среди ясного неба. Какая там после этого ария? Попов пел: «О, дайте, дайте мне свободу...», а перед моими глазами мелькали немецкие рыцари в белых плащах с крестами и рогатыми шлемами с прорезями для глаз. Певец от имени князя давал обещание: «Спасу я честь свою и славу, я Русь от недруга спасу!», а в моем воображении замечательный артист Охлопков бил окружавших его врагов оглоблей. И каждый раз я испытывал внутренний подъем от мысли, что такое же сражение в те далекие времена происходило и в нашей Заболотовке.

Тогда я не знал, что перед этим в Россошь из Москвы специально приезжал страстный поклонник замечательной древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве», двоюродный внучатый племянник декабриста Бестужева-Рюмина Николай Николаевич Поливанов, пытавшийся собрать на месте события доказательств того, что описанная в поэме битва происходила действительно на нашей речке. Он выступал перед учащимися техникума, педучилища, городской средней школы. Эту новость жители Россоши восприняли с живым интересом, а старожилы вспомнили, что еще во время строительства бани рабочие выкопали меч древнего воина. И очень может быть, что тот же Попов «ничтоже сумняшеся» поспешил связать место этой находки с ранением князя Игоря. Конечно, это мог быть и кто-нибудь другой из местных скородумов, но только не Н.Н. Поливанов. Он был слишком серьезным исследователем, чтобы сделать такой поспешный, лишенный всякого основания вывод.

Прошли годы. После окончания университета я преподавал историю в том же техникуме, где до войны услышал поразительное сообщение Н.А. Попова. Почти каждую неделю с друзьями мы посещали ту самую «мемориальную» баню, и частенько, как веселую шутку, я напоминал своим спутникам о ее историческом значении. Однако моя шутка, похоже, не понравилась провидению или тому все видящему и все знающему, кто его замещает. Короче, в один из летних вечеров 1973 года одноклассник моего сына Гена Курдюков принес изъеденный ржавчиной наконечник копья, на который он наткнулся коленкой, вылезая из речки на берег недалеко от той самой бани. Глядя на эту находку, невольно подумал, а не то ли это копьё, которое князь Игорь хотел «преломить в конце поля Половецкого». Эту мысль, которая была очень похожа на давнишнее утверждение Попова насчет места ранения князя Игоря, я оставил при себе, а наконечник копья положил в книжный шкаф, наказав своим домашним не выбросить его невзначай. Рядом с наконечником в шкафу стояла изрядно потрепанная, изданная «Детгизом» еще в 1934 году книжечка «Слово о полку Игореве».

Возможно, этот наконечник копья так и продолжал бы лежать в шкафу рядом с книгой о древнем походе русского князя в Придонскую степь до нынешней поры, если бы в начале июля 1976 года в мою дверь не постучались два москвича: Алексей Матвеевич Поливанов и Георгий Венедиктович Кругликов. После первого знакомства с неожиданными гостями выяснилось, что старые друзья по инициативе Поливанова решили проехать на старенькой, выдавшей виды «Победе» от Новгород-Северского до Россоши по пути, по которому, как они полагали, почти восемь веков назад прошел со своим войском князь Игорь. Узнав о цели путешествия москвичей, я вынул из шкафа наконечник копья и, вручая его Поливанову, спросил: «Не за этим ли вещественным подтверждением вашего исследования вы приехали ко мне?» Алексей Матвеевич осторожно взял из моих рук эту ржавую железку и, обращаясь к Кругликову, восторженно воскликнул: «Эврика! Я же говорил тебе, что мы найдем следы древнего похода Игорева войска на Дон».

Для меня, говоря откровенно, тогда непонятна была такая бурная реакция на эту, казалось бы, рядовую находку. Но Поливанов к тому времени уже проштудировал «Свод археологических источников» исследователя А.В. Кирпичникова и знал, что из 739 таких находок, обнаруженных на территории русских княжеств, на «половецкой земле» еще не было найдено ни одной. После А.М. Поливанов представил этот наконечник копья в Отдел археологических памятников Государственного Исторического музея для проведения экспертизы. Специалисты музея пришли к заключению, что росошанская находка относится к домонгольским археологическим памятникам Древней Руси. Поливанов на этом не успокоился. Он поехал в Ленинград к самому Кирпичникову, чтобы от самого эксперта по древнерусскому оружию получить подтверждение, что найденный в Россоши наконеч-

ник копья относится к XII веку. Алексей Матвеевич был уверен, что просто так копьё оказаться в речке не могло, ибо в то время, являясь одним из основных вооружений воинов, оно имело большую ценность и достаточные размеры, чтобы его владелец мог обронить его в водоем без какой-то чрезвычайной причины. Однако для подтверждения гипотезы Н.Н. Поливанова этой находки было недостаточно. За почти два предшествующих века по поводу похода князя Игоря на половцев были выдвинуты десятки гипотез. Среди их авторов были такие авторитеты исторической науки, как Карамзин и академик Б. Рыбаков. Для опровержения их признанных в научных кругах доказательств нужны более веские, по-настоящему неопровержимые доказательства.

Николай Николаевич не успел всесторонне обосновать свой вариант похода князя Игоря к Дону. На эту тему он написал в 1941 году всего одну статью: «Поход 1185 года» с подзаголовком: «Описание военных действий в северной части степной полосы Русской равнины северских князей Игоря, Всеволода, Святослава и Владимира, а также половецких ханов Кончака и Гзы». Началась война, автор был вынужден эвакуироваться из Москвы, а статья его так и не вышла в свет. Из сохранившейся рукописи этой статьи можно сделать вывод, что Н.Н. Поливанов считал своим долгом определить место, где происходила битва. Для этого он прежде всего тщательно проанализировал содержание поэмы и сведения из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о походе северских князей на половцев.

Половцами называли кочевников тюркского происхождения. Их кочевья были разбросаны на огромной территории, простиравшейся от Дуная до Волги. Центр Половецкой земли находился севернее Азовского моря между Днепром и нижним течением Северского Донца. Для Киевской Руси эти воинственные степные кочевники стали особенно опасными в XII веке, когда они предпринимали против нее частые разорительные набеги.

Цель и общее направление похода кратко и доступно показывает автор поэмы:

...Напряг Игорь ум крепостью своею
И поострил сердце свое мужеством,
Исполнившись ратного духа,
Повел свои храбрые полки
На землю Половецкую
За землю Русскую.
Хочу же, сказал,
Копье преломить
В конце поля Половецкого,
С вами, Русичи,
Хочу голову свою сложить,
Либо испить шеломам Дону!

Из текста поэмы видно, что русское войско должно было идти не к центру Половецкой территории, а на ее донскую окраину. Н.Н. Поливанов считал, что идти на юг, в центр Половецкой земли, с небольшой дружиной (у русских князей было не более 6 тысяч всадников) на жизненные центры кочевников было «неблагоприятно, опасно, неосторожно». По мнению Н.Н. Поливанова, Игорь предпринял этот поход с целью «осуществить глубокую разведку в тылу врага для последующего захвата Дона как водного пути для внешней торговли с Ближним Востоком». Торговый путь по Северскому Донцу для русских был закрыт с начала XI века. Большая часть течения этой реки проходила по центру Половецкой земли, а сил у северских князей в тот раз было недостаточно, чтобы сокрушить половцев. В то же время Николай Николаевич рассматривал поход русских князей как меру «активной защиты Северских княжеств от половцев», а также с целью «захвата военной добычи: пленных, оружия, ценностей и одежды».

В предвоенные годы Н.Н. Поливанов несколько раз приезжал в Россось и Ольховатку, чтобы обследовать их окрестности и пойму реки Черной Калитвы, опросить жителей на предмет случайных находок и сделать зарисовки на местности. В итоге своих поисков он пришел к выводу, что сражение русских с половцами произошло у слияния рек Черной Калитвы и Россоси, где сейчас находится старая часть города Россоси. «... К вечеру 10 мая в пятницу, — писал Н.Н. Поливанов, — за речкой Сюурлий (ныне Ольховатка) они увидели войско половцев и недалеко в стороне оставленные вежи...

...Бой начался на рассвете в субботу близ речки Ольховатки и на протяжении 30 километров шел вдоль Черной Калитвы (Сальницы) до берегов реки Россоси (Каялы) и закончился после переправы через нее части русского войска.

...Часть русских, прижатая к разливу реки Сальницы, была поражаема с двух сторон, а те, что не переправились, были загнаны в угол слияния Каялы с Сальницей, где теперь размещено крупное поселение Россось».

* * *

После поездки в Россось на берега легендарной Каялы бывший инженер-майор в отставке А.М. Поливанов с удвоенной энергией взялся за сбор доказательств, подтверждающих гипотезу своего дяди. На следующий год он сагитировал приехать в Россось группу московских аквалангистов. Правда, несмотря на современную подводную экипировку, результаты их поисков не могли сравниться с одной находкой Гены Курдюкова. Однако эта неудача не смутила Алексея Матвеевича. В его напористой последовательности в поиске истины угадывалось отличное семейное качество старинного дворянского рода Поливановых, представители которого оставили заметный след в научной, военной и общественной жизни России. В их числе были участники Куликовской битвы, победоносных Суворовских походов, Бородинского сражения, восстания декабристов, Крымской, гражданской и Великой Отечественной войн. Отец Н.Н. Поливанова, Николай Петрович Поливанов, участвовал в позапрошлом столетии в освоении Дальнего Востока, инженер-электрик М.К. Поливанов был одним из авторов плана ГОЭЛРО.

Твердая последовательность и увлеченность Алексея Матвеевича поиском места легендарной битвы в какой-то мере передалась и мне. Находясь рядом с ним, нельзя было оставаться равнодушным к его делам. Пришлось пропагандировать поливановскую гипотезу через местную печать. Моя статья вызвала интерес, пошли отклики читателей. Бывший учащийся Поповской школы вспомнил, что в послевоенные годы в кабинете директора видел шлем древнего воина, кто-то из механизаторов пригородного колхоза «Дружба» рассказал, что во время полевых работ выпахал кольчугу, которую передали в Острогжский краеведческий музей, а один из жителей хутора Бещего утверждал, что на ближнем поле нашел зеркало. Все это, к сожалению, были только рассказы о том, что когда-то было найдено, но самих находок, которые и являются подлинными доказательствами, в наличии не было. Но публикации в местной печати все же внесли небольшую лепту в исследовательскую копилку А.М. Поливанова. Однажды в своем почтовом ящике я нашел письмо из далекой Туркмении от бывшей жительницы пригородного хутора Висицкого Т. Махаринец. Она поведала о том, что в детстве слышала от своей бабушки, дожившей до ста лет, легенду. «Между селом Николаевкой и хутором Виситским есть место, — писала она, — которое называется Великий Пристин. Там гора подходит к реке Россось крутым обрывом. Раньше на этой горе были болота и озера. На одном озере жили лебеди, и называлось оно Лебязьим. Вот там, на горе, у Великого Пристина, давным-давно была битва. Много ору-

жия, людей и золота потоплено было в болотах. День, ночь и еще день шла эта битва, и все люди были побиты». Когда-то среди жителей хутора Висицкий было распространено поверье, что ночью ходить туда нельзя, так как «посещает это место привидение, и стон под землей раздается».

Выйдя в отставку, А.М. Поливанов серьезно увлекся исследованием своего дяди Н.Н. Поливанова и в подтверждение его гипотезы о наиболее вероятном месте сражения дружины князя Игоря с половцами провел интересную, заслуживающую внимания работу. Он так же, как и его предшественник, исходил из того, что поэма «Слово о полку Игореве» является не только выдающимся поэтическим памятником Древней Руси, но и вполне достоверным историческим документом. «Одно из замечательных свойств древней русской литературы — ее историзм...» — писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в книге «Великое наследие». Поэтому в своих поисках А.М. Поливанов с самого начала строго придерживался текста поэмы. Он тщательно проанализировал дошедшие до нас старинные картографические материалы и лишний раз убедился, что автор поэмы хорошо ориентировался в географии Центральной и Восточной Европы. Большинство упоминаемых им в поэме названий — Киев, Путивль, Курск, Новгород-Северский, Чернигов, Дунай, Днепр, Волга, Дон, Донец, Оскол, Польша, Литва и другие — сохранились до наших дней. А.М. Поливанов тщательно проштудировал летописные источники, провел интересную работу по совмещению текстов, содержащих описание похода в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Он старался критически осмыслить все ранее выдвинутые предположения о месте битвы полков князя Игоря с половцами. Очень важно то, что А.М. Поливанов использовал для подтверждения своего варианта данные астрономии, сведения военной стратегии того времени, географические сравнения и математический анализ.

Проследивая путь движения войск князя Игоря до предполагаемого места рокового сражения с половцами, Поливанов разбил его на этапы.

«Во вторник, 23 апреля, — сообщается в летописи, — Игорь Святославович поехал из Новгорода-Северского к реке Донцу». В Переяславле к нему присоединились со своими полками его сын Владимир Путивльский и племянник Святослав Рыльский. «Идучи... к Донцу; на вечерне мая 1 дня увидели затмение солнечное, которого осталось часть, яко луна трех дней». Зафиксированное в русских летописях, это астрономическое явление дало возможность А.М. Поливанову впервые довольно точно определить место переправы дружины Игоря через Северский Донец. Изолиния, отражающая фазу солнечного затмения (0,82 — «...яко луна трех дней») в районе нахождения войск, пересекает реку Северский Донец недалеко от Волчанска (Белгородская область).

Второй этап похода начался 2 мая, когда русские полки пошли к реке Осколу. «Переправился через Донец, — говорится в летописи, — и пришел к Осколу, и ждал два дня брата своего Всеволода». Если исходить из скорости передвижения дружины, в которую кроме всадников входили еще пешие воины и обоз, на первом этапе похода 300 километров были пройдены за 9 дней, то на следующие 90 километров от Донца до Оскола ушло около трех дней. С учетом дней, потраченных на ожидание дружины Всеволода, получается, что через Оскол объединенное войско Игоря «перепроброе» не раньше 6-го, а то и 7 мая.

Здесь следует заметить, что большинство авторов предполагаемых маршрутов передвижения войска Игоревы считают, что, дойдя до Оскола, Игорь повернул круто на юг и пошел в низовье Северского Донца. Это противоречит тому, что написано в «Слове о полку Игореве». Там прямо сказано: «Игорь к Дону войско ведет». Туда же спешит и его противник: «А половцы протоптанными дорогами побежали к Дону великому». Наверное, враги не пошли бы на окраину своей терри-

тории, если бы русские сразу направились, как утверждают авторы других гипотез, к их жизненным центрам.

На третьем этапе от Оскола к реке Сюурлий (слово «суярлы» по-тюркски означает место слияния рек), где 10 мая русские полки встретили половецкое войско, по предположению Поливановых, дружина Игоря двигалась сначала по водоразделу, а потом по левому берегу Черной Калитвы до Ольховатки. Если по карте проследить путь движения дружины князя Игоря от Новгорода-Северского через Рыльск к реке Осколу, то дальнейший путь по левому берегу Черной Калитвы в направлении Дона выглядит естественным продолжением предыдущего пути. Да и расстояние до предполагаемого места боя (105 км) вполне соответствует ранее установленной скорости движения русского войска. «На утро в пятницу, — говорится в Ипатьевской летописи, — ... на другой стороне реки Сюурлий (по предположению Поливановых, реки Ольховатки) половцы приготовились к бою».

Первый бой был успешным: «С рассвета в пятницу потоптали они поганые полки половецкие...» — писал автор поэмы «Слово о полку Игореве».

Из летописных источников и поэмы известно, что на другой день, в субботу 11 мая, половцы окружили русские полки со всех сторон, «словно лес». Бой продолжался до вечера и ночью, и на другой день, то есть в воскресенье, 12 мая. «И так, в день святого Воскресенья, — свидетельствовал летописец, — на реке Каяле побеждены были наши. Как князья были в плен взяты, вся дружина избита. Возвратились половцы с победой великой».

Гипотеза Н.Н. Поливанова и А.М. Поливанова о том, что битва полков князя Игоря с половцами происходила между Ольховаткой и Россосью, доводы, выдвинутые в ее защиту, несмотря на скептическое отношение к ним некоторых воронежских историков, выглядят убедительнее высказанных ранее. Интересно отметить, что поливановский вариант научного предположения косвенно подтверждается археологическими находками. В 1973 году на дне реки Россось, недалеко от ее впадения в Черную Калитву, был найден наконечник копья. По официальному заключению Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея эта находка датирована XII-XIII вв. «Подобный тип копий, — сказано в заключении, — хорошо представлен в домонгольских памятниках древней Руси».

За последние годы в Россосанском краеведческом музее появились новые находки, которые относятся ко времени битвы войска князя Игоря с половцами. На поле возле хутора Перещепного найден хорошо сохранившийся наконечник русского копья XII века. Во время раскопок курганного могильника у пригородного села Архиповки археологи В.Д. Березуцкий и А.М. Гринев обнаружили во впускном захоронении половецкую железную саблю XII — начала XIII веков. Интересно, что на поле у Великого Пристина черными археологами был нелегально раскопан курган, в котором находились останки знатного воина. При нем находилась кольчуга, железные фрагменты обоюдоострого меча, фрагменты шлема и щита. В музее также хранятся артефакты из половецкого захоронения (серебряные украшения пояса и кожаного саадака) и большой фрагмент обоюдоострого меча со стороны рукоятки, которые еще не удалось датировать. Можно сколько угодно ставить под сомнение гипотезу Поливановых, но такое обилие случайных находок говорит само за себя.

В 2003 году Институт археологии НАН Украины и Донецкий национальный университет в серии «Степи Европы в эпоху средневековья» выпустили 3-й том «Половецко-золотоордынское время». В этот том вошла работа А.М. Поливанова «Восточная» гипотеза о месте битвы Игоря с половцами (река Россось, бассейн среднего течения Дона)». Представляя публикацию, А.В. Евглевский пишет: «Ра-

бота А.М. Поливанова... более чем оригинальна и выглядит смелым шагом, хотя отсутствие анализа многих статей и монографий по данной проблематике несколько обедняет исследование. Но следует учитывать то, что автор не является профессиональным ученым».

Представляя труд А.М. Поливанова, невозможно не сказать об истоках зарождения его «восточной» гипотезы. Ее появление связано с именем Николая Николаевича Поливанова — горного инженера по профессии, родственника автора статьи, ревнителя русской старины, глубоко изучившего памятники древнерусской литературы. Увлеченный поэзией «Слова», Н.Н. Поливанов написал драматическую трилогию «Внук Бояна», которая до сих пор так и не стала достоянием общности. Прочтение драмы привело нас к мысли, что это произведение просто необходимо опубликовать. Мы убеждены, что драма косвенно может оказаться весьма полезной археологам, историкам и всем тем, кто занимается исследованием «Слова».

Владимир Глазьев,
*доктор исторических наук,
декан исторического факультета
Воронежского государственного
университета*

НЕ ХОТЕЛ «СИДЕТЬ В ИЗБЕ»

(Основатель города Воронежа
Семен Сабуров)

Ныне существующий город Воронеж был основан 430 лет назад как крепость на южных российских рубежах. Строительством укреплений руководил воевода Семен Федорович Сабуров — яркая и примечательная личность в российской истории.

Воевода принадлежал к видному московскому боярскому роду. Несколько веков Сабуровы служили московским государям, ходили в походы, участвовали в дипломатических переговорах, занимались обустройством Руси. Три рода — Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых — происходили из семьи костромичей Зерновых, известной с начала XIV века. Дед первого воронежского воеводы, Семен Иванович Сабуров-Вислоух, в конце XV века получил от Ивана III поместье в Новгородской земле. От него пошло самое значительное ответвление рода Сабуровых. Отец С.Ф. Сабурова — Федор Папа (по деду и отцу первый воронежский воевода носил родовые прозвища Вислоухов и Папин).

Широкою известность роду принесла женитьба великого князя московского и всея Руси Василия III на Соломонии Сабуровой. Соломония не стала матерью наследника престола, и великий князь развелся с ней после двадцатилетнего супружества. Некоторое время после этого Сабуровы оставались в тени.

Новое возвышение рода пришлось на конец XVI в. — начало XVII в., когда Сабуровы входили в число аристократических фамилий. Это было связано с возвышением Бориса Годунова, который при царе Федоре (1584–1598) являлся фактическим правителем государства, а в 1598 году взошел на престол как царь Борис. Родственники Годуновых Сабуровы иногда писались в документах как Сабуровы-Годуновы, что подчеркивало их связь с влиятельным правителем. В свою очередь Борис Годунов охотно признавал родство с Сабуровыми. В грамоте крымскому хану Борис Годунов назвал своего посла в Крым Семена Федоровича Сабурова «братом».

Русские дворяне начинали службу с 15 лет. В этом возрасте «новик» Семен Сабуров выступил в свой первый поход. Боевое крещение Семен получил на полях сражений Ливонской войны. Как командир дворянской сотни в 1573 году он сражался со шведами, с сообщением о взятии шведской крепости ездил в Старицу к Ивану Грозному, был пожалован наградой — соболями и дорогой тканью. За за-

слуги Сабуров получил город Белая под Смоленском в наместничество (наместника содержало — «кормило» население). Затем он служил воеводой в разных крепостях Северо-Запада России.

Во второй половине 1580-х годов Семен Сабуров носил чин московского дворянина. К числу московских дворян принадлежал брат Семена — Верига Федорович Сабуров. Семен Федорович имел поместья в Московском, Ржевском, Новоторжском уездах, но не считался богатым землевладельцем, как иные московские дворяне.

В 1585 году Семен Сабуров вновь служил под Смоленском. В том же году он получил приказ прибыть в Москву. В столице той осенью рассматривался вопрос об основании на южной границе новых крепостей. Они предназначались для защиты от нападений крымских татар, а также отрядов из Речи Посполитой. России необходимо было держать под контролем путь на Нижний Дон, к донским казакам, и в турецкий Азов.

Обстановка на южной границе России в 1585 году была тревожной. В июле в Москве была получена отписка головы Романа Вердеревского о том, что на него у Богатого затона (район современного города Лиски) напали подданные Речи Посполитой — черкасы. В ответ против черкас было направлено войско во главе с орловским воеводой. Оно состояло из трех полков: большого из Орла, передового из Мценска, сторожевого из Михайлова. Войско передвигалось по левому берегу Дона и имело задачей «черкас с Дона согнать». Из Данкова на судах вниз по Дону был направлен отряд казанских стрельцов и казаков. Напряженность в районе Дикого поля создавало и Крымское ханство. В октябре 1585 года крымские татары напали на Рязанский уезд, против неприятеля посылались войска из Тулы.

Неспокойная обстановка на южной окраине вызвала царский указ и приговор Боярской думы об основании Воронежа. В конце ноября С.Ф. Сабурову было выдано предписание ехать на южную окраину и на берегу реки Воронеж, вблизи ее впадения в Дон, построить новую крепость. Ему в помощь были назначены головы В.Г. Биркин и И.Г. Судаков-Мясной. Место крепости предстояло выбрать руководителям строительства. В низовьях реки Воронеж в те времена не располагалось русских городов, сел, деревень. Тем не менее местность была хорошо известна жителям Рязанского и Тульского краев. Здесь охотились, ловили рыбу, собирали мед.

Город Воронеж строился зимой 1585–1586 года. Крепость возводили присланные из Рязька, Данкова, Переславля-Рязанского крестьяне, набранные на службу в новый город стрельцы, плотники. С.Ф. Сабуров набирал на службу в новый город «вольных людей», в том числе донских, волжских, яицких казаков. В 1585–1586 годах сооружался главный храм Воронежа — деревянный Благовещенский собор. В слободах служилых людей строились приходские церкви. Постоянными жителями города стали священники.

Воевода С.Ф. Сабуров, головы В.Г. Биркин и И.Г. Судаков-Мясной осуществляли общее военное и административное руководство. Непосредственно возведением деревянной воронежской крепости руководил городской мастер, знаток сооружения укреплений из бревен. Имени первого воронежского зодчего мы, к сожалению, не знаем. Стены и башни рубили плотники, набранные по южнорусским городам. Через девять лет, в 1594 году, работами по восстановлению Воронежа после черкасского разорения руководил мастер Илья Катеринин. За два года до этого Катеринин и не названный по имени мастер из Владимира строили Елец. Возведением деревянной крепости в Валуйках руководил городской мастер Якуш Долматов.

Город Воронеж получил название по реке. Специального решения по этому поводу не принималось. В царском указе и боярском приговоре предписывалось по-

строить город «на реке Воронеж». Возведенный город в документах стал именоваться Воронежем. Среди городов «на Поле», построенных в конце XVI века, только одному особым указом было присвоено имя. Возведенная в 1599 году самая южная крепость, в месте слияния рек Оскола и Северского Донца, стала называться Царев-Борисов в честь царя Бориса Годунова.

Следует подчеркнуть тот факт, что город Воронеж начал строиться зимой, на дальней лесостепной окраине Российского государства. С одной стороны, зимнее строительство имело преимущества. Использовался санный путь для перевозки леса, река была покрыта льдом. К тому же крымский хан редко совершал зимние набеги, зимой строить крепость было безопаснее, чем летом. С другой стороны, зимнее строительство в незаселенной местности было сопряжено с тяжелыми испытаниями. Мужество, выдержка, терпение наших далеких предков вызывают глубокое уважение.

Деревянная воронежская крепость располагалась в районе современного главного корпуса ВГУ. Она включала два кольца укреплений: город и острог. Город, в узком смысле слова, — это ядро крепости, самое защищенное стенами и башнями, кремль — не каменный, а деревянный. Второе кольцо дубовых стен, охватывавшее более широкую площадь, называлось острогом.

После основания города С.Ф. Сабуров был отозван в Москву. Его служба продолжалась. В Поволжье он строил другую крепость — Цивильск, участвовал в подавлении восстания местных народностей. Первый воронежский воевода выполнял царское поручение в другом пограничном городе — Ливнах, основанном одновременно с Воронежем. В 1588–1589 гг. Семен Федорович служил в далеком Орешке — городе на северо-западной окраине России. После начала русско-шведской войны в феврале 1590 года воевода С.Ф. Сабуров во главе русских полков штурмовал Иван-город. Подвергая опасности свою жизнь, не зная страха, воевода вел ратников в атаку, и крепость была взята.

Семен Федорович с рвением относился к военной службе. Его стихия — ратное дело, руководство служилыми людьми, строительство крепостей. В этом он знал толк. Работа чиновника, составление бумаг, разбор тяжб не привлекали воеводу. Поэтому С.Ф. Сабуров отказался от назначения возглавить особое ведомство — Рязанский судный приказ. С его слов: «не хотел сидеть в избе».

4 апреля 1591 года Семена Федоровича Сабурова ждало повышение — он стал окольным. Окольный — второй по значимости после боярина чин в Российском государстве, дающий право на участие в заседаниях Боярской думы.

Летом 1591 года к Москве с войском подошел крымский хан Казы-Гирей. Семен Федорович Сабуров руководил артиллерией, участвовал в преследовании неприятеля. Но уже в сентябре того же года окольный Сабуров был послан воеводой в Новгород — прифронтной город русско-шведской войны. В декабре как воевода передового полка он штурмовал Иван-город.

Ратные заслуги С.Ф. Сабурова были замечены главой государства. Воеводу приглашают участвовать в придворных церемониях. В июне 1592 года на крестинах дочери царя Федора царевны Федосьи окольный С.Ф. Сабуров сидел за одним столом с патриархом, митрополитами и боярами. В следующем году на День ангела государя ел за праздничным столом в царских палатах, присутствовал на царском обеде в Девичьем монастыре.

В 1595 году С.Ф. Сабуров был назначен воеводой в Чернигов. В 1598-м царем Борисом Годуновым направлялся в поход против предполагаемого нападения крымского хана. В том же году С.Ф. Сабуров выполнял ответственное поручение выбранного на царство Бориса Годунова — ездил в Смоленск принимать присягу новому царю у жителей города.

Несмотря на нежелание сидеть в приказах, Сабуров все-таки получил чинов-

ничье назначение — в 1599 году он возглавил Владимирский судный приказ, но на короткое время. Царь направил окольного С.Ф. Сабурова на воеводство в главный город недавно присоединенной Сибири — Тобольск. Перед выездом Годунов принимал у себя посланного в Сибирь воеводу. Впервые за Урал направлялся администратор столь высокого ранга. Тобольск при Сабурове стал центром военно-административного округа — Тобольского разряда. В Тобольске в 1600–1601 году С.Ф. Сабуров умер, находясь на службе. Детей он не оставил, вдова Настасья наследовала поместья мужа.

Семен Федорович Сабуров выделяется из ряда воронежских воевод, возглавлявших город в первое столетие его существования. Руководство строительством крепости, набором в нее служилых людей, их устройством на новом месте — дело, выходящее за рамки обычного городского воеводства. При назначении основателя крепости правительство не могло не учитывать его личные качества, опыт, организаторские способности. Необходимо признать, что выбор воеводы для возведения Воронежа оказался удачным.

К сожалению, в Воронеже, в отличие от других городов, нет памятника или памятного знака в честь основателя города. Идея возвести памятник воеводе С.Ф. Сабурову пока не нашла практического воплощения. На мой взгляд, такой памятник украсил бы столицу Черноземного края и расширил список его достопримечательностей.

Дмитрий Василенко

ЭКСПЕДИЦИЯ ВОЕВОДЫ

(Поход И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь)

Шестнадцатого августа 1698 года на имя воеводы города Старого Оскола Ивана Ивановича Тевяшова приходит грамота из Москвы с повелением ехать в Воронежский уезд, на реки Битюг и Осередь. Причиной такого задания московского правительства стали появившиеся в предыдущие два года новые поселения по берегам этих рек. Одной из главных задач, поставленных перед Тевяшовым, было установить, какие населенные пункты возникли, кто в них поселился.

Со времени татаро-монгольского нашествия на этих землях не существовало ни одного селения. Никто не решался строить здесь дом, так как всякий знал, что придут татары и сожгут его, а хозяина и семью убьют или заберут в плен. Это был южный пограничный район Российского государства, часто именовавшийся «польской Украиной». Польская — значит полевая, степная окраина. Но при совершенной незаселенности территорий по Битюгу и Осереде эти земли были частью Воронежского уезда. Тут располагались ухояи — участки, которые любой мог взять в аренду и приезжать сюда, чтобы заниматься охотой, рыболовством, сбором меда и другими промыслами.

Битюг и Осередь дали название ухояям, расположенным вдоль их берегов. Битюцкий ухояй включал промысловые угодья на протяжении всего течения Битюга. А Серецкий ухояй объединял земли в районе реки Осереде. С 1 марта 1697 года Битюцкий и Серецкий ухояи взял в аренду полковник из города Острогожска Петр Алексеевич Буларт. Арендная плата за оба ухояя составляла 202 рубля в год. Однако с самого начала перед Булартом возникла неожиданная проблема — на арендованных им землях стали возникать поселения. Использовать ухояи стало проблематично. Он жаловался царю, что новые жители «оброчные угодья разоряют и бортные ухояя секут и в оброчных реках рыбу ловят и всем владеют». [1] Чем бы кончилась вражда Буларта и новых жителей неизвестно; 27 февраля 1698 г. П. Буларт умер. Его вдова Анна посылает в Москву собственную челобитную, и в ответ на нее приходит приказ воеводе И.И. Тевяшову отправляться на Битюг и Осередь.

Тевяшову было приказано: «Которые ухояя были на оброке за ним — Петром Булартом и в тех урочищах поселения русских людей и черкас, которые в тех оброчных ухояях поселились насильством и оброчными ухояи владеют, досматривать и тамошних жителей допросить и про владения оброчных ухояев розыскать». [2]

Перед Иваном Тевяшовым ставились три основные задачи:

1. Узнать, какие поселения существуют на Битюге и Осереды.
2. Взыскать с жителей этих поселений деньги за пользование Битюцким и Серецким ухояями в 1698 году — 202 рубля. (Арендную плату за 1697 г. внес П. Буларт).
3. Взять с жителей обязательство, что они в дальнейшем будут вносить плату за эти два ухояя.

На выполнение задания воеводе отводился срок менее двух месяцев. В сентябре 1698 года он должен был прислать «розыск» (исследование) того, какие населенные пункты есть по Битюгу и Осереды, а кроме того, деньги за аренду ухояев и «поручные записи» (обязательства) в дальнейшей плате за пользование ими. И Тевяшов поручение выполнил, правда, с опозданием — «розыск», деньги и «поручные записи» он отправил в Москву лишь 27 октября 1698 года. Отчет Тевяшова и «поручные записи» жителей сохранились. Сейчас они хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) — г. Москва. В бумагах, присланных Тевяшовым, можно найти одиннадцать названий новых населенных пунктов. Десять из них не упомянуты в более ранних документах, и датой основания этих населенных пунктов можно считать 1698 год, а перечисленных жителей — основателями поселений. Одно поселение — Битюцкая слобода [3], располагавшаяся в районе устья реки Битюг, возникла раньше 1698 г. (не позднее 1697 года). Кроме упомянутых одиннадцати населенных пунктов, в документах, посланных Тевяшовым, есть данные еще о шести поселениях. Однако о двух из них говорится без указания на их название, а четыре топонима написаны таким плохим почерком, что разобрать что-либо трудно. В общей сложности Тевяшов обнаружил семнадцать новых населенных пунктов. Те одиннадцать, с названиями которых удалось разобраться, находятся на территории современной Воронежской области.

Итак, получив задание, Тевяшов отправляется в Битюцкий ухояй. Он решает начать свою экспедицию от устья Битюга и двигаться вверх по течению этой реки, с юга на север. Сначала воеводе предстояло провести «розыск» — обнаружить все населенные пункты по Битюгу и Осереды, а потом соответственно количеству поселений и числу жителей в них определить, какую часть общей суммы (202 рубля) сможет вносить каждое поселение в отдельности. В сентябре 1698 года И.И. Тевяшов проводил «розыск» поселений, а в октябре того же года взял обязательства с жителей в уплате денег за пользование угодьями.

1 сентября 1698 года воевода прибывает в первое поселение — Битюцкую слободу. Битюцкая слобода находилась в нижнем течении реки Битюга, в районе его устья. Это было самое большое поселение из всех существовавших на Битюге и Осереды. Оно возникло в 1697 году — к этому времени относятся первые челобитные жителей слободы на имя царя. Большинство слободы составляли украинцы. «Осадчиком» Битюцкой слободы был Иван Серков. Осадчиками называли людей, занимавшихся основанием нового поселения и расселением в нем жителей. Слово «осадчик» — происходит от глагола «осаживать» — оставлять на месте, поселять. Жители Битюцкой были выходцами из Слободской Украины, где было принято выбирать атаманов, которые брали на себя управленческие функции. Атаманом в Битюцкой слободе был Федор Зиньковский. Тевяшов записал имена шестидесяти семи поселенцев...

Тевяшов выяснил у жителей, что вверх по Битюгу есть и другие поселения. Ближайшим из них была названа Чиглянская слобода. В нее воевода и отправляется.

Опрос жителей Чиглянской слободы проводился 3 сентября 1698 г. Это поселение также находилось на Битюге; сейчас это село Старая Чигла Аннинского района Воронежской области. Население Чиглянской слободы составляли выходцы из города Землянска, располагавшегося недалеко от Воронежа. Известно, что Зем-

лянск был основан в 1661 году переселенцами из Украины. Жители Чиглянской слободы, так же, как и Битюцкой, в основном были украинцами. Поэтому они тоже выбрали себе атамана — Данилу Семенова. Первыми жителями слободы названы «редовые» Евсей Постольников, Иван Савельев, Артем Остахов, Данила Тимофеев, Исай Тимофеев и др. Они заявили, что поселились с разрешения П.А. Буларта. Буларту был прислан указ государя о разрешении разместить здесь 500 человек...

Тевяшов принимает решение, не выезжая из Чиглянской слободы, опросить жителей окрестных селений. 4 сентября 1698 г. на съезжий двор в Чиглянскую слободу явились 83 жителя села Тойды. [4] Иван Соколов, Семен Малышов и другие рассказали, что переселились на Битюг с разрешения осадчика «арловца Киприяна Хромова». Он был жителем города Орлова, располагавшегося на р. Усмани, рядом с Воронежем. В тот же день в Чиглянской слободе перед Тевяшовым предстали обитатели еще пяти битюцких поселений: слободы Хоботца, деревни Кабанов Колодезь, слободы Мосаловки и двух других...

Тевяшову нужно было решить, ехать ему дальше по Битюгу или нет. Поэтому у всех, приходивших к нему новых жителей, воевода спрашивал, есть ли еще какие поселения вверх по Битюгу. И те отвечали: «Да по той же де реки Битюку в юртах Чамлыку, в Везках, в Ертылове оброчными ж угодья владеют розных городов многие люди, а хто имяны того де они не знают». [5] Выяснив это, Тевяшов двигается дальше на север.

5 сентября 1698 г. воевода Тевяшов прибывает в село Борщевку. [6] Оно располагалось в Борщевском юрте. Гавриил Щербаков, Симеон Сидоров, Лаврентий Бекетов, Игнат Котасонов, Иван Беляев, Василий Пирогов и еще 24 жителя Борщевки поведаль Тевяшову, что поселились они по «приимке» осадчиков Прокофия Беляева да Клеймена Гундорова. Они также были из города Доброго, а в тот момент жили в селе Борщевке. По словам переселенцев, у Беляева и Гундорова был царский указ с разрешением селить здесь новых жителей.

6 сентября того же года Тевяшов проводит опрос жителей села Эртиль. [7] О жителях села Тевяшов написал так: «Ертыльского юрту села Ертыла битюцкие жители» [8]. Из их числа он внес имена нескольких: Борис Телегин, Авдей Иванов, Мирон Филатов, Максим Путимцов, Фока Колитвинов. Всего было опрошено 28 жителей Эртиля. Их осадчиками также были Прокофий Беляев и Семен Гундоров.

Последним населенным пунктом, жители которого были опрошены воеводой, была деревня Щучья. [9] В ней жили Леон Гафонов, Ефрем Мишин, Прокофий Клеменов и другие. Осадчики села были те же, что и Эртиля.

Выяснив, какие слободы, села и деревни существуют по Битюгу и Осереды, Тевяшов в октябре 1698 года собрал с них деньги за пользование угодьями и «поручные записи» с обязательствами платить деньги в дальнейшем. Поручные записи написаны по одному образцу. Начинаются они словами: «Се яз» такой то, то есть «я, такой-то». Затем перечисляется часть жителей по именам. Например, поручная запись обитателей села Тойды начинается так: «Се яз Данила Алтанцов да яз Степан Красной да яз Максим Попов да яз Савелей Сачков да яз Савелей Мещерек да яз Федот Леденев да яз Фрол Зайцев» [10] и так далее. После чего говорится, что жители эти обязуются платить такую-то сумму за аренду угодий. Потом называются имена тех, кто будет отвозить эти деньги в Москву. Доставлять деньги надлежало ежегодно в декабре. Жители всех поселений согласились с тем, что если плата будет ими задержана, то она будет взята в двойном размере. В конце говорится, кто «сей поручной записи послух», то есть, кто свидетель поручной записи и кто ее писал. При сборе поручных записей обнаружили еще несколько поселений...

Итак, экспедиция воеводы И.И. Тевяшова закончилась. Данные о новых населенных пунктах были добыты. Выяснилось, что в этом районе в 1697-1698 гг. появилось 17 новых поселений. Самым крупным из них была Битюцкая слобода (около 2216 жителей). Затем шли Чиглянская слобода (примерно 420 жителей) и село Тойда (примерно 498 жителей). Население остальных было меньше. В трех селениях жили украинцы — слободы Битюцкая, Ширмовская и Чиглянская, остальные были населены русскими. После поездки И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь стало ясно, что в конце XVII в. закончилось время совместного с татарами владения этими землями. Они твердо закрепляются за Российским государством.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Документы о заселении Битюцкого, Икорецкого и Осередского уезда /Воронежского края/ пришлыми великороссиянами и малороссиянами разных годов /конца XVII века./ — в кн.: Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI — XVII ст. — Харьков, т.2, вып.1, 1890, с.120.

[2] РГАДА ф.210 Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д. 1692 л. 117 — 120.

[3] Слобода — род поселения наряду с городами, деревнями, селами и т.д.; происходит от слова «свобода». Жители слобод обычно имели какие-либо свободы, льготы — не платить налоги, заниматься винокурением и т.п.

[4] Сейчас это село Тойда Аннинского района Воронежской области.

[5] РГАДА, ф.210, Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.125.

[6] Сейчас Борщевке соответствует село Борщево в Панинском районе Воронежской области.

[7] Ныне это село Эртиль в Эртильском районе Воронежской области.

[8] РГАДА, ф.210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.126.

[9] Сейчас на этом месте находится село Щучье Эртильского района Воронежской области.

[10] РГАДА, ф.210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.132.

Из статьи Василенко Д.В. «Экспедиция воеводы И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь осенью 1698 года». Опубликовано в сборнике «Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича». Выпуск 4. — Елец: ЕГУ, 2001.

Елена Жукова

СРАЖЕНИЕ АТАМАНА ЗАРУЦКОГО

(Из истории Смутного времени)

Заруцкий Иван Мартынович (Иванович по другим источникам) был, бесспорно, одним из самых известных авантюристов Смутного времени XVI–XVII вв. в Русском государстве. Его биографии хватило бы на несколько романов: Заруцкий еще ребенком попал в рабство к крымским татарам, потом бежал на Дон, примкнул к донским казакам, среди которых быстро выдвинулся в атаманы. Привел казаков к Лжедмитрию I, затем к Болотникову. Вместе с ним пытался взять Москву. После сидел в осаде в Туле, бежал на север ко второму Лжедмитрию, у которого стал видным военачальником. За верную службу Лжедмитрий II пожаловал Заруцкого саном боярина. Но так же, как в свое время Заруцкий предал Болотникова, так и, бросив Лжедмитрия II, он очень быстро перебежал в лагерь польского короля Сигизмунда. С поляками вновь пошел на Москву.

В 1611 году Заруцкий, бросив поляков, примкнул к первому народному ополчению и вместе с князем Д.Т. Трубецким и Прокопием Ляпуновым стал лидером национального сопротивления в России польским интервентам. Но атаман сам захотел стать царем. Благодаря ему Ляпунов был убит, Трубецкой отодвинут на второй план, а сам он, вступив в интимные отношения с Мариной Мнишек, начал провозглашать идею о возведении на царство ее сына Ивана (известного в истории как Воренок).

К тому времени в стране появляется более решающая сила — Земское (второе) ополчение во главе с Мининым и Пожарским, направленное против казаков, поляков и самозванцев. И Заруцкий примыкает к Лжедмитрию III. Он еще пытается что-то сделать: убить Пожарского, переметнуться к полякам, но все бесполезно, время ушло, сила не на его стороне.

В августе 1612 года Заруцкий с оставшимися ему верными казаками (а их еще много) берет Коломну, забирает Марину Мнишек с сыном и уходит в Воронеж, где и размещает свою ставку.

В город Заруцкий вошел легко, здесь его встретили как хозяина. Еще в 1610 году люди Заруцкого готовили Воронеж как вторую резиденцию (убежище) Лжедмитрия II, свезли сюда оружие, боеприпасы и продовольствие. Сам Лжедмитрий II тогда направил сюда своего посланца, князя И.М. Борятинского.

Именно здесь, в своей ставке, Заруцкий и Марина, а также большой отряд верных им казаков прожили всю осень. «Осеновали», как сказано в летописи.

Воронеж Заруцкому нравился. Судя по всему, он и ранее здесь бывал. ДЕРЕ-

ванный город-крепость располагался высоко над рекой Воронеж и состоял как бы из двух частей: острога (по-старому детинца), то есть самой крепости, и жилой части, называемой «рубленным городом». «Рубленный город» имел три башни: Московскую, Затинную и Тайницкую. Из Тайницкой башни шел подземный ход к реке, правда, он к этому времени изрядно обветшал и через год совсем завалился.

По отношению к современному городу расположение тогдашнего Воронежа было следующим: древний Воронеж находился в районе главного корпуса ВГУ. В районе улицы Володарского, где начинается спуск к реке, располагался острог-крепость. Она доходила до середины главного корпуса, имела форму овала. Дальше начинался «рубленный город», деревянная стена шла по улице Платонова, доходила до дома № 1 по улице Станкевича и заворачивала к библиотеке имени И.С. Никитина. Где-то здесь, вероятно, и находилась Московская башня. Дальше стена доходила примерно до кинотеатра «Спартак», и на месте, где сейчас стоит дом, в котором жил В.П. Загорский, поворачивала направо, опять в сторону главного корпуса ВГУ. Город с острогом с высоты имел как бы форму треугольника. На месте, где сейчас стоит памятник жертвам белого террора, располагались торговые ряды, или торговая площадь, имевшая 63 лавки. Сам острог был небольшим и имел к 1612 году чисто фортификационное значение.

Население жило слободами, по ремеслам, но часть слобод уже начинала выходить за городскую черту. У стен города появился посад, большей частью он располагался у реки.

В 1612 году в Воронеже проживало от 6000 до 7000 человек.

На берегу реки, отдельно от городских стен, располагался Успенский монастырь с монастырской слободой.

Зимой 1612-1613 годов Заруцкий с Мариной Мнишек вновь двинулся к Москве и занял город Михайлов. Атаман по-прежнему выдвигал кандидатуру сына-младенца Марины на российский престол. Но всенародный собор 21 февраля 1613 года избрал царем Михаила Романова. В стране появился законный правитель. И первое, что сделало правительство нового царя, — повело борьбу против Заруцкого.

Для атамана начиналось его великое скитание по российской земле с Мариной Мнишек и ее сыном. Попытки закрепиться под Тулой не дали результатов, и под натиском правительственных войск Заруцкий начал отступление на Дон к Воронежу.

Вновь, как и в 1612 году, Заруцкий спустя год хотел сделать своей ставкой город Воронеж, да и на поддержку донских казаков он сильно рассчитывал. «Боярин и воевода всея Руси» не хотел сдаваться. Несмотря на то, что Марина настаивала на уходе в Литву, было выбрано южное направление действий.

Царские войска, выдвинутые против Заруцкого, возглавил воевода князь И.Н. Одоевский-Большой. Его отец некогда при Иване Грозном был одним из видных военных деятелей опричнины. Ему подчинялись воеводы владимирских, суздальских, рязанских и воронежских полков, которых собирали против атамана. Специально в Воронеж царем были посланы воеводы князь Михаил Андреевич Куракин и Иван Язвцов-Жук с «царевой грамотой» о сборе ратных людей. Стряпчий А.Д. Звенигородский должен был привести воронежских ратников на помощь к Одоевскому.

Рязанские полки под рукой Одоевского возглавил воевода М.А. Вельяминов из старинного знатного рода, к тому времени один из знаменитых военачальников Смутного времени.

Между тем, разоряя все на своем пути, атаман Заруцкий подошел к Ливнам, но там его ждала неудача, и он повернул к Лебедяни. После Лебедяни, по словам летописца, мятежник «пойде прямо к Воронежу».

Точная дата, когда Заруцкий с казаками подошел к городу, так и осталась неизвестной. Российские историки называют май-июнь 1613 года. Воронежские краеведы называют разные даты: В.П. Загоровский в книге «Воронеж: историческая хроника» обозначает этот период неопределенно — «весной». В.Н. Глазьев в книге «Воронежские воеводы» называет якобы точную дату — 29 июня 1613 года. Но в связи с тем, что, на мой взгляд, обе книги очень спорны по своему содержанию, о чем скажу ниже, сошлюсь на мнение самого обстоятельного историка Смутного времени Руслана Скрынникова. Он считает: «В конце июня — начале июля 1613 года под Воронежем Заруцкий вступил в бой с войском воеводы Ивана Одоевского».

Выйдя к Воронежу, Заруцкий узнал, что некогда верный ему город перешел под руку нового царя. Атаман посчитал это предательством.

Навстречу Заруцкому двигались войска из Воронежа. Следом, наступая на пятки, шел с полками Одоевский. К северу от города в урочище Русский Рог — там, где начиналась цепь придонских озер, Заруцкий занял господствующую высоту (по летописи, «стоял на высоком месте») и позволил царским войскам соединиться. К началу воронежского сражения войско атамана насчитывало более 3000 человек, преимущественно казаков.

Началось двухдневное ожесточенное сражение казаков с правительственными войсками. Более суток Одоевский пытался сбить казаков с высоты. Имея численный перевес, на вторые сутки царевы войска начали отступление, пытаясь выйти на более ровное место. Однако Заруцкий, быстро оценив ситуацию, атаковал противника. Атаман победил, понеся большой урон. По данным ряда источников, сражение вообще длилось несколько дней.

Судя по всему, довершать разгром противника Заруцкий не стал, он явно берег силы. Путь на город ему был открыт, и его это удовлетворило. Согласно летописным источникам Заруцкий после сражения в урочище Русский Рог взял Воронеж, «людей побил и город сжег». Летописцы того времени так и пишут — «посече». В.Н. Татищев также указывает, что казаки Заруцкого воронежцев «многих побив и город сжегши».

Находясь рядом с сожженным городом, Заруцкий разбивает свой лагерь и собирается вновь напасть на царские войска. Но...

Происходит то, чего атаман не мог ожидать. Избран законный царь. За годы войны народ устал, даже донские казаки хотели мира, чтобы отдохнуть от сражений, походов и крови. Они не хотели больше воевать.

Случается непредвиденное: 2250 казаков просто переходят на сторону разбитых ими правительственных войск, покидая своего атамана. Дошло даже до того, что казаки вообще хотели Заруцкого схватить и выдать его Москве.

Практически тем же маршрутом, каким и пришел в Воронеж, Заруцкий с несколькими сотнями оставшихся верными ему воинов бежит из города и уходит за Дон. С ним Марина Мнишек и ее сын-младенец Иван. Теперь у них новое направление — Астрахань и надежды на персидского шаха Аббаса. Отступая от города, казаки занялись обыкновенным грабежом, сожгли и разграбили воронежские деревни: Болотскую, Сушиловку, Остаповку и Синдякино. Вскоре Заруцкий прибудет в Астрахань. Но это уже другая история. История, которая приведет его на кол.

А завершение воронежского сражения атамана Заруцкого по-своему очень интересно. Дело в том, что князь Одоевский никак не хотел проигрывать битвы с Заруцким в глазах молодого царя. Он решил победить. На протяжении пяти дней он преследовал Заруцкого, но безуспешно. Потом преследование бросил и вернулся в Тулу, откуда и сообщил царю о полном разгроме им Заруцкого и о выигранном князем сражении у Русского Рога. Естественно, ни о каком сожжении города

Воронежа там и речи не было. Все царские воеводы, находившиеся с ним, командиры полков Г.В. Тюфякин, И.В. Измайлов, Р.П. Пожарский, М.А. Вельяминов доложили в Москву о победе князя Одоевского и о полном разгроме под Воронежем Заруцкого.

По их версии, ожесточенное сражение продолжалось несколько дней. У казаков были отбиты знамя, пушки, шатры и другие большие трофеи. А сам Ивашка Заруцкий с Маринкою и Воренком бежали через старую оскольскую дорогу и «перелезе» через Дон на переправе, через который многие воря и потонули».

Командир рязанских полков Мирон Андреевич Вельяминов послал своего гонца, рязанского дворянина, к царю с таким же донесением. За радостную весть в столице гонец получит царскую награду. А сам Вельяминов через много лет станет очередным воронежским воеводой.

В 1613–1614 годах «рубленный город» восстановят и городской острог отстроят заново.

Потом, в конце XX и начале XXI века, следом за царскими воеводами Заруцкого «разобьют» и воронежские историки — в упомянутой хронике В.П. Загоровского, в книге «Воронежские воеводы», выпущенной в 2007 году.

Следует отметить, что еще в 1983 году в воронежском межвузовском сборнике работник Кустанайского педагогического института Я.Г. Солодкин опубликует, по-моему, самую полную и самую интересную статью на данную тему. Именно она и легла в основу этой публикации.

...Любая история оставляет свои следы. Я иду по Бульвару Победы, вижу дом № 8. Он стоит там, где когда-то располагались казаки Заруцкого. А дальше, в районе универсама «Молодежный» и книжного магазина «Амиталь», была ставка князя Одоевского. Именно здесь между ними и шла та злая сеча не на жизнь, а на смерть... В 80-е годы прошлого века при постройке жилых высоток тут нашли обломки двух польских сабель XVI века.

Иван Харичев,

краевед

Петр Чалый,

член Союза писателей России

БУРЛАКИ НА ДОНУ

В детской памяти сохранилось: два мужика на веревках тащат большую деревянную лодку против течения Дона. Укорачивают концы — баркас приближается к берегу, отпускают — он уходит на большую воду. Забавно как-то.

Взрослым, одному из нас пришлось пройти вдоль да по бережку с бечевой на плече. Сломался лодочный мотор. Вроде бы легкую «казанку» взял на шнур. Вот тут и вспомнились знакомые со школы стихи Некрасова. Дошли, что называется, до сознания. Такой тяжелой оказалась эта работа. Вспоминалась, конечно, знаменитая картина Репина «Бурлаки на Волге». А дома, в родном селе Старая Калитва, от старожиллов вдруг услышал, что бурлаки были и на Дону, и даже в нашей слободе.

БУРЛАЦКАЯ ВАТАГА

Сейчас слово «бурлак» напрочь позабыто. Его исконное значение хранят толковые словари. Напоминают, что речь идет о работнике, который с артелью таких же бедолаг тянул суда вверх по реке.

Если на Волгу в ватаги шли со всей России, то на Дону в бурлаки попадали местные крестьяне.

Водный путь в наших краях существовал, конечно, с незапамятных времен. Особенно обжитым он был в XIX веке до строительства железных дорог и назывался Воронежско-Ростовским. По реке вплавь везли грузы на лодках, барках, трамбаках. Суда безмоторные. Купцам для них требовалась тягловая сила. Они ее находили в прибрежных селах.

Документальные свидетельства об этом сохранились в архивной официальной записке инженера путей сообщения А.И. Легуна, которую он составил в 1909 году к «5 очередной сессии Воронежского порайонного комитета». Зимой «заблаговременно судовладельцы или приказчики отправлялись к прибрежным сельским властям». Хорошо угощали местное начальство. После в волостное правление «приглашались крестьяне, за которыми числились недоимки», кто не уплатил в срок часть налога или иных государственных, общественных сборов. Волей или неволей «последние брали задаток, уплачивали недоимки, пили водку нанимателя, а с наступлением весны высылались на работу сельским начальством».

Семейства бурлаков кормились до их возвращения как могли.

Контракты писались очень редко, чаще наем осуществлялся словесным договором. Рабочий обязан был являться на пристань по первому требованию хозяина. Грузил товар, обшивал его, выгружал по прибытии на место. Трудился, конечно, во время плавания.

О бурлацкой ватаге инженер пишет следующее:

«Побеги рабочих, буйство и воровство на берегу, небрежность и оплошность лоцманов, сажавших барки на мель или упускавших их в проносы, создавали для хозяев судов много осложнений. В них часто они сами были виноваты. Стоило только несколько улучшить быт рабочих, доставить им за деньги то, что они старались добыть воровством, и многие тысячи рублей, потерянные напрасно, могли бы остаться в кармане тех же хозяев».

Совет дельный, но кто к нему бы прислушался.

...До ледохода шли из Старой Калитвы и других слобод бурлаки в Павловск. За плечами котомка с одежонкой, с едой на первый случай. В начале пути дух укрепляли мыслью: заработаю деньги — заживу по-людски. Надежды чаще оставались несбыточными. Как припоминали старожилы, мало кто в селе вырывался из этого «сословия». Нередко прозвище бурлака становилось фамильным в роду.

НА ПРИСТАНИ

При царе Петре I, там, где речка Осередь впадала в Дон, мастеровые люди основали русскую крепость и военную корабельную верфь. С той поры будущий город Павловск стал судостроительной и судоходной «столицей» на Среднем Дону.

Перед навигацией хозяин пристани, судовладельцы, купцы обсуждали условия взаимных расчетов. Бурлаков делили на артели по баркам. Во главе артелей назначались сплавщики-лоцманы. «Обыкновенно это были беспечные и самоуверенные люди; жалованье они забирали вперед и потому пользовались крупной независимостью, которою весьма часто злоупотребляли». Да и хозяева их баловали: задабривали лоцманов и помощников подарками «сверх договора». Вручали «черные поярковые шляпы и рукавицы, красный ситец на рубаху или сукно на поддевку». Бурлакам в кабаке выставлялось угощение. Выдавали небольшие денежные «подъемные», которые зачастую сразу пропивались.

Вешние воды уносили лед. На пристани закипала работа. Суда грузили зерном и мукой, сахаром, бочками с салом, сукном и тканью-мануфактурой, строительным лесом. Сплав вниз по течению проходил легче, потому под завязку загружали барки-баржи. Самые большие, к примеру, принимали на борт около 500 тонн грузов. В плаванье отправлялись караванами из нескольких судов. В пути часть товаров выгружали и добавляли зерно, муку.

Такая пристань, в частности, располагалась между донскими слободами — Старой и Новой Калитвой. Место это по сейчас называют «городком». К приходу каравана сюда на лошадях, на волах везли мешки с пшеницей, рожью. Немало было и готовой муки. По буграм мельничные ветряки окружали здешние селения. А на речных перекатах зерно мололи на водяных мельницах-байдаках. Названия промысловых профессий запечатлелись в фамилиях — Мельниковы, Мирошники (украинское), Байдаковы.

Кстати, в Старой Калитве, как и в других местах, хлеб хранили на случай неурожая в государственных вместительных амбарах. Страховой фонд семян и продовольствия ежегодно обновлялся. Вспоминая об амбарах, старики называли их гамазиями. Они же говорили, что с пристани отправляли мясо-солонину, соленые огурцы в бочках. Утверждали, что продукты хранили под водой в деревянных клетях-срубах.

...Бурлаки отвязывали канаты от причальных столбов. Осеняли себя крестным знаменем. Дружно шестами отталкивались от берега, по-весеннему зеленотравого, выплывали на речную стремнину. До поздней осени прощались с родимой стороной.

ВНИЗ И ВВЕРХ ПО РЕКЕ

Вот что рассказано о сплаве в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1861 год»:

«Путь от Павловска до Ростова продолжается в течение 20–40 дней». Тяжелую барку-баржу было непросто держать на быстрине. Не по наезженному тракту катись. Наперед знай речные повороты, прибрежные отмели. Крепко держи рулевое весло...

Рабочие, плохо одетые, со скудной пищей (состоящей преимущественно из каши и хлеба), проводя ночи в балаганах из шестов и лубков, которые сами себе строят, сильно изнуряются от работы. Число заболевших при дурной погоде — при внезапных морозах или при постоянных холодных дождях, столь обыкновенных у нас весной, — бывает очень велико. 1849 год памятен хозяевам в этом отношении: так, например, у одного торговца из 500 рабочих (при 17 барках) умерло на пристани и во время сплава до 150 человек...»

Инженер А.И. Легун пишет, что при благоприятных условиях по высокой и средней воде «от Воронежских пристаней можно было поспеть в Ростов в 25 суток, от Павловских — в 18». Называет он и пристани в Воронежском районе. Первое место по количеству погрузки занимала Вилковская на Дону, в семи верстах от Воронежа. В одной версте ниже — Мызниковская. Затем часто суда пополнялись хлебом на попутных донских пристанях: Форостянской, Масловской, Павловской, Дерезовской, Подколодновской, Терешковской, Донецкой и других.

О пристанях водный путеец замечает, что представляли они «печальную картину». На той же Вилковской «значительных построек не было» — несколько амбаров и лубочных балаганов для склада товаров, беспорядочно построенные избы и землянки для жилья. Мешки с пшеницей по 80 килограммов в каждом свозили и складывали на жердях в «бунты» трехгранными призмами, от дождей укрывали их соломой.

В караване одного хозяина-предпринимателя шло до шести судов и больше. Чем не железнодорожный состав?

Днем барки шли не останавливаясь. Вечером причаливали к берегу или становились на якорь. Ночь рабочие проводили в песнях и разговорах у костра. «Днем в промежутки, когда нет гребли, спали». Артели бурлаков нередко «безобразничали» в окрестных селениях, потому «береговые жители весьма подозрительно следили за ними». На караван судоходный надзор иногда ставил «сторожа-солдата, но мера эта не имела никакого практического значения. Конduitные тетради, в которых следовало записывать все дурные поступки лоцманов и рабочих, оставались всегда чистыми».

Судопромышленники тоже проявляли «полное равнодушие к делам сплава». Благополучно прибыли в Ростов — слава Богу. Суда разгружали. В обратный путь забирали соль, вино, промышленные товары. Вес товаров убавляли более чем в половину. Верхний ход против течения был куда труднее. Бурлаки впрягались в лямку. Вниз плыли по 55 верст в сутки, а назад могли идти только по 20 верст. В августе на Дону — межень. Река мелела. Обнажались береговые отмели. По песку дорога ровнее. А на воде она тяжелее. Появлялись перекаты. Кое-где приходилось чуть ли не волоком по дну тащить суда.

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки...

«У одного разорванная штанина по земле волочится и голое колено сверкает, у других локти повылезли, некоторые без шапок; рубахи-то, рубахи! Истлевшие — не узнать розового ситца, висящего на них полосами, и не разобрать даже ни цвета, ни материи, из которой они сделаны. Вот лохмотья! Влегли в ляжку груди обтерлись докрасна, оголились и побурели от загара... Лица угрюмые, иногда только сверкнет тяжелый взгляд из-под пряди сбившихся висячих волос, лица потные блестят, и рубахи насквозь потемнели», — такой увидел впервые вьючную ватагу художник Илья Репин на Неве. Впрочем, схожую картину можно было увидеть на Волге, Каме, Чусовой и у нас, на Дону.

Людская память сохранила: наши бурлаки раны на теле, ожоги от скользящей веревки лечили лягушками. Прикладывали к больному месту, и помогало — снимало жар, заживляло.

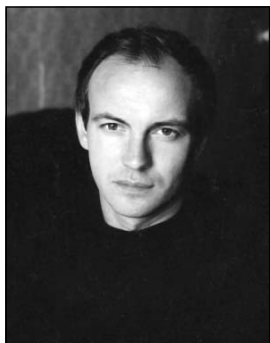
Купцы из воронежского посада Дубовка однажды хотели облегчить труд бурлаков. Запрягли в ляжку лошадей. Но попытка оказалась неудачной. Поздней осенью лишь одна барка дошла в Павловск, «остальные замерзли в пути».

На исходе XIX века бурлачество стали вытеснять моторы. Этот факт разыскал краевед Евгений Габелко: в 1883 году «в жаркий июньский день на реке Воронеж начала курсировать громадная лодка с паровым двигателем, делающая рейсы от Чернавского моста до шлюзов. Желающих покататься на этой диковинке было очень много, но больше во много раз было зрителей, заполнивших берег реки до самой Чижовки. Такого Воронежа еще не видел».

В Павловске капиталисты-судовладельцы Луи Дрейрус, Заславская, Нобель, Кащенко, Парамоновы и другие начали быстро обзаводиться «пароплавными» судами. Появление парового речного флота на Дону, «смертельная» конкуренция между хозяевами новых пароходов заставили правительство всерьез взяться за постоянное техническое обслуживание водных путей. Московский округ путей сообщения учредил в Воронеже 4-й экспедиционный участок во главе с инженером А.И. Легуном, записки которого выше приводились. Рабочие участка «содержали Верхний Дон в судоходном состоянии». Вначале вешками, бочонками, а затем и бакенами с фонарями они означали границы фарватера для безопасного плавания. В меру выделяемых средств очищали и углубляли речное русло, укрепляли берега — сажали на песках ракиту и иной кустарник. Даже меловыми плотинами пытались «выправить» течение речных вод.

А бурлачество уходило в забвение. В 1950-е годы учитель-краевед из большой некогда донской слободы, села Новая Калитва, пытался среди старожилов разыскать «живого бурлака». Такового найти не удалось даже удачливому в исторических поисках Ивану Ивановичу Ткаченко.

Игорь Маркин,
член Союза журналистов России

«В ПЕСНЯХ МЫ ВЕЛИКИЙ НАРОД»

(Творческий подвиг Митрофана Пятницкого)

Еще на заре XX столетия наш знаменитый земляк, собиратель русских народных песен и создатель уникального хора Митрофан Ефимович Пятницкий говорил: «Народная песня, эта художественная летопись народной жизни, к глубокому сожалению, умирает с каждым днем... Деревня начинает забывать свои прекрасные песни».

Поистине, все познается в сравнении...

Митрофан Ефимович Пятницкий родился на Таловской земле, в селе Александровка, 21 июня (3 июля) 1864 года, в многодетной семье священника.

Учиться в Воронежском духовном училище, куда его отправил отец, маленький Пятницкий не очень-то хотел. Куда как заманчивее для него было интересоваться народным творчеством. Как-то тайком он купил на рынке сборник народных песен и по вечерам разучивал их. Смотритель училища, отец Иоанн, сборник изъял, ознакомился с его содержанием и сильно разгневался. Отправляя семинариста на каникулы, отец Иоанн вручил ему сердитое письмо для родителя с предложением выпороть нерадивого сына. Да еще и сказал, чтобы Митрофан привез из дома от отца ответ. Митрофан очень страдал, но отцу все же о письме сказал, а в семинарию с молчаливого семейного согласия не вернулся. Зато ушел на заработки в город, где служил писарем в контрольной палате Воронежа. После изучил бухгалтерское дело и поступил экономом в то же училище, которое покинул несколько лет назад, а со своим «гонителем» отцом Иоанном даже сдружился. Они, бывало, вместе чаевничали и беседовали на разные житейские темы.

Однажды, услышав рядовую итальянскую труппу, Пятницкий возмечтал петь «как итальянцы». Отец Иоанн долго его отговаривал, но когда понял, что Митрофан не отступит, помог найти недорогого, но с хорошей репутацией учителя пения. Весной 1896 года Пятницкого согласились прослушать в Московской консерватории, хотя и заметили: «Поздновато начинаете». Но, прослушав, его приняли на учебу!

Переполненный радужными надеждами, он приехал в Воронеж. И была в нашем городе встреча с женщиной по имени Валентина, которую бросил некий хлюст. Митрофан вытащил несчастную, можно сказать, с того света, влюбился в нее, предложил соединить сердца и в ответ услышал «Да». Но буквально за неделю до венчания Валентина убежала с тем, кто над ней когда-то посмеялся.

У Пятницкого случился нервный срыв, вместо Москвы и консерватории — сарай родительского дома, в котором Митрофан прятался от людей. На помощь пришел вновь отец Иоанн. Он устроил Пятницкого в московскую клинику, в которой применялись передовые методы лечения.

Через пару лет Митрофан Ефимович снова мог общаться с миром, хотя на всю жизнь остался очень застенчивым человеком.

Но с идеей стать профессиональным певцом он не расстался. Брал дорогие частные уроки, слушал пластинки, читал книги и иногда участвовал в бесплатных благотворительных концертах.

Превозмогая застенчивость, Пятницкий добился аудиенции у великого Федора Ивановича Шаляпина. Тот, прослушав Митрофана, устроил его бенефис. Перед началом выступления артист сильно переволновался и в самый неподходящий момент безнадежно «спал с голоса». А ведь он обладал очень приятным мягким баритоном.

В 1897 году М.Е. Пятницкий приезжает в Москву, через семь лет становится членом Музейно-этнографической комиссии при Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, куда его привел Шаляпин, который и посоветовал несостоявшемуся певцу заняться собиранием народных песен. Впрочем, говорят, что идейным вдохновителем Пятницкого стал один из его братьев, служивший священником в храме села Новая Усмань. Он-то и привил Митрофану Ефимовичу тягу к собиранию, правда, пока только духовных песнопений.

Когда-то в селе Козловка, что в нынешнем Бутурлиновском районе Воронежской области, стояли Успенский и Троицкий храмы. В одном из них служил священником еще один брат Пятницкого, Сергей Ефимович. Рассказывают, что Митрофан и к нему приезжал записывать песни. А начинал он с родного села Александровка.

Много деревень посетил Пятницкий. Обычно, прибыв в какое-либо село, первым делом интересовался у крестьян: «Кто здесь у вас самый голосистый?». Часто его принимали за чудака, бывало, собиратель слышал в ответ: «Щас те урядник скажет». Но Митрофан Ефимович на такие мелочи не обращал внимания.

Когда песен накопилось достаточно, он опубликовал их в своем первом сборнике «12 русских народных песен Воронежской губернии Бобровского уезда», который принес ему некоторую известность и материальные доходы. Вскоре собиратель купил фонограф, на котором записал еще около 400 песен.

Следующий сборник — «Жемчужины старинной песни Великой Руси» — принес Митрофану Ефимовичу невероятную популярность.

Была в его жизни и еще одна судьбоносная встреча с женщиной. Ее звали Арина Колобаева. Она знала неисчислимое количество народных песен и обладала неповторимым голосом. Раз после выступления Колобаевой отказался выйти на сцену сам Шаляпин!

Постепенно собрались и другие исполнители. Так из народных певцов Воронежской и Рязанской губерний образовалась «Певческая артель» — прообраз будущего легендарного хора.

2 марта 1911 года «Певческая артель» впервые выступила на публике. Произошло это в Москве, в зале Благородного собрания. Необычный концерт привлек внимание многих знаменитостей, в том числе К.С. Станиславского.

...Зал заполнен, все с нескрываемым интересом ждут начала. Вот медленно поднимается занавес — и перед зрителем предстает обыкновенная крестьянская изба с нехитрой деревенской обстановкой. Затем в народных костюмах своих губерний вышли певцы.

Первое отделение называлось «Вечер за околицей». Второе состояло из духов-

ных стихов и называлось «Праздничный день после обедни». В третьем отделении под названием «Свадебный обряд в избе Воронежской губернии», исполнялись песни обрядовые и величальные.

Успех, полный и безоговорочный, пришел сразу.

Концерты проходили без каких-либо предварительных спевков. Сам Митрофан Ефимович подчеркивал: «В том-то и вся прелесть народной песни, что певцы исполняют ее «как умеют».

Обычно происходило так. Хористы съезжались, пели несколько концертов для столичной публики, получали гонорар и разъезжались по домам.

Конкурентов у «Певческой артели» было хоть отбавляй. Хор Агренева, «Матрешки», «Лапотная капелла». Они работали высокопрофессионально, да еще при шикарных декорациях и костюмах, а все равно не то... Они именно работали и зарабатывали — пели в ресторанах. Во время НЭПа, когда владелец самого богатого воронежского ресторана предложил Пятницкому бешеные деньги за участие хора в вечерней программе, Митрофан Ефимович отказался наотрез: «Наше искусство ситцевое — оно не продается». Перед смертью же он оставил завет: «Не пойте в ресторанах, крепко держите знамя подлинной народной песни. А если хор перейдет работать в ресторан, то не связывайте с ним мое имя».

В 1914 году умерла Аринушка Колобаева, началась Первая мировая война. В эти годы Пятницкий служил в одной из московских больниц, где залечивали боевые раны нижние чины. Из их числа и медперсонала он создал «Хор инвалидов», в котором пели даже георгиевские кавалеры.

Друг Пятницкого, известный скульптор Сергей Коненков вспоминал, как Митрофан Ефимович пестовал хористов, устраивал их быт, платил им деньги из своего кармана. Он их всех любил!

После великого раскола 1917 года его питомцы оказались по разные стороны баррикад, но Пятницкий создает новый хор, который состоял из рабочих, дворников, сторожей — настоящих самородков!

Время было чрезвычайно трудное. Бытовых условий — никаких, репетировали на квартире. В сентябре 1919 года, когда хор выступал перед кремлевскими курсантами, состоялась встреча Пятницкого с Лениным. Митрофан Ефимович подарил Ильичу на память большой портрет хора в рамке, перевитой полотенцем с народной вышивкой, а Ленин, в свою очередь, обещал помочь.

С 1921-го в течение четырех лет Пятницкий преподает пение в Третьей студии МХАТа, ныне театра имени Вахтангова. В 1925 году ему было присвоено почетное звание заслуженного артиста Республики.

Умер М.Е. Пятницкий 21 января 1927 года и похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 1940 году в память о Митрофане Ефимовиче был создан Государственный народный хор имени Пятницкого. В годы Великой Отечественной войны ему выпала великая роль выразителя несокрушимости русского национального духа. Тогда его песни на фронтах и по радио звучали особенно часто, находя отклик в душе каждого русского солдата.

Сменялись люди, состав, времена, но хор всегда бескорыстно служил и продолжает служить России.

Самому петь со сцены у Пятницкого не сложилось, но он все равно пел. Голосами Аринушки, ее детей и внуков, хористов, безвестных крестьян...

Митрофан Ефимович Пятницкий сохранил для нас сокровенное. Он искренне верил, что «Песни — это наша история, в них — душа народа, его боль и радость. В песнях мы великий народ».

Ольга Пепельникова

РОЖДЕННЫЙ В ГОДЫ БОЕВЫЕ

(Хроника Воронежского
русского народного хора)

Государственный академический Воронежский русский народный хор имени Константина Ираклиевича Массалитинова — профессиональный народный коллектив, достойный продолжатель начатого М.Е. Пятницким дела сохранения народного фольклорного наследия. Своим творчеством хор стремится поддержать и развить интерес аудитории к историческому прошлому и культурным традициям родного края.

Воронежский русский народный хор радует своим творчеством почитателей уже более 70 лет. Все эти годы он с неизменным успехом представляет зрителям концертные программы, основанные на уникальных традициях южно-русского воронежского песенного и танцевального фольклора.

Легендарный Воронежский хор зарождался во времена, когда, казалось, было не до песен. Шел самый тяжелый и драматический период в истории Воронежа, рассеченного линией фронта на две половины. Зимой 1942–1943 годов части Советской Армии ожесточенно сражались за освобождение старинного русского города. В это трудное время деятели культуры не оставались в стороне. Они были мобилизованы своим творчеством помочь соотечественникам устоять в непримиримой борьбе с врагом.

В находящийся в зоне боевых действий Воронеж вернулся с фронта по ранению композитор Константин Массалитинов. В боевых условиях он создал более двадцати песен о героическом противостоянии советского народа фашистским недругам. Вместе с другими композиторами, проживающими тогда в Воронеже, объединился в Союз фронтовых композиторов Юго-Западного фронта, проводил конкурсы на лучшую фронтовую песню, участвовал в подготовке сборника патриотических песен.

В мирное довоенное время Массалитинов деятельно трудился музыкальным консультантом в воронежском Доме народного творчества. В его ведении поначалу находились академические хоры и инструментальные кружки. На этом поприще он был неутомимым организатором праздников песен, концертов, смотров художественной самодеятельности. Постоянно выезжал в районы, неустанно помо-

гал сельским певцам и музыкантам, открывал новые дарования. С назначением директором Дома народного творчества Галины Болеславовны Рогинской совпала передача Константину Ираклиевичу Массалитинову руководства народными хорами. В 30-е годы прошлого столетия самодеятельные колхозные хоры Воронежской области, или как их еще образно называли «заповедники народной песни», — считались лучшими в стране. Сложились своего рода песенные центры: село Александровка Чигольского (ныне Таловского) района, село Нижний Кисляй Лосевского (ныне Бутурлиновского) района, село Гвазда Воронцовского (ныне Бутурлиновского) района.

Колхозный хор с родины Пятницкого из села Александровка под управлением Анастасии Родионовны Лебедевой прославился далеко за пределами области. Песенницы выезжали в Москву для творческих встреч с хором имени Пятницкого, выступали с концертами в Московской консерватории и по радио. Неоднократно признавались лучшими на всесоюзных и областных олимпиадах самодеятельного искусства.

Певицы из села Гвазда под руководством Евдокии Поповой и Феклы Миляевой в 1936 году своим выступлением потрясли членов жюри московского Всесоюзного смотра хоров и получили почетное право в числе лучших ансамблей страны участвовать в концерте в Кремле перед членами правительства.

Всего по области число самодеятельных музыкальных коллективов превышало несколько сотен. В одном только селе Нижний Кисляй существовало ни много ни мало 11 колхозных хоров, три из которых, руководимые Е.К. Степанюгиной, Е.П. Королевой, Т.С. Масловым, сразу же завоевали популярность. В этом поющем селе летом 1936 года состоялся первый в Советском Союзе Праздник песни, приуроченный ко Дню урожая. Кульминацией торжеств стало выступление сводного хора из 400 исполнителей. Константин Массалитинов принимал активное участие в организации и проведении такого масштабного мероприятия. Всем сердцем любя народную песню, Массалитинов в 1939 году создает свой творческий коллектив при швейной фабрике имени 1 Мая, самой яркой участницей которого становится передовая работница Мария Мордасова.

В декабре 1940 года Массалитинов и Рогинская организуют слет народных хоров, в ходе которого возникает мысль о необходимости создания объединенного хора из числа лучших певческих коллективов, который появляется на свет в начале 1941 года. Руководитель нового хора Массалитинов и хормейстер Рогинская горячо принялись за работу, и в день памяти Ленина хор выступал в Москве в Большом театре. Успех открывал новые перспективы — в июле предстояли концерты на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Этим планам не дано было осуществиться. Началась Великая Отечественная война. Массалитинов получил назначение в 303-ю пехотно-стрелковую дивизию капельмейстером оркестра и отправился на фронт. Самодеятельные артисты из городских и колхозных народных хоров стали слагать песни с призывом разгромить и уничтожить ненавистного врага, после работы выступали на призывных пунктах, на вокзалах перед эшелонами с уходящими на фронт красноармейцами, вдохновляли на ратные подвиги воинов Красной Армии, шедших через их родные села на передовые позиции.

С наступлением фронта гражданское население покидало захваченные недругом городские кварталы Воронежа. Областные организации, в том числе Дом народного творчества с группой певцов-швейников были эвакуированы в село Анна Воронежской области.

По ходатайству воронежских областных организаций, 27 ноября 1942 года Управление по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Российской Федерации выносит решение о создании профессионального русского народного хора Воронежской области. 30 декабря 1942 года исполком областного Совета депута-

тов трудящихся, «придавая большое политическое значение делу пропаганды русской народной песни, а также учитывая большую художественную ценность ряда колхозных ансамблей», окончательно оформляет организацию хора соответствующим решением по данному вопросу. Художественным руководителем назначается композитор К.И. Массалитинов. Директором хора становится директор областного Дома народного творчества Г.Б. Рогинская.

Галина Болеславовна Рогинская и энтузиасты Мария Мордасова, Анатолий Мельников, Петр Стариков, уроженка Аннинского района сказительница Анна Королькова пешком в лютую зиму отправляются в села собирать на репетиции мастеров народной песни, получивших известность на смотрах художественной самодеятельности в 30-е годы.

В только что организованный государственный хор в село Анна к певцам ансамбля швейной фабрики пришли исполнители из села Старая Тойда Аннинского района и из сел Александровка, Гвазда, Нижний Кисляй. Зима 1942–1943 годов выдалась студеной, будущим артистам, а в основном это были женщины и молодые девчата, приходилось пешком преодолевать десятки километров, бредя по занесенному снегом бездорожью. Лишь изредка удавалось проехать короткий отрезок пути на попутных военных машинах или крестьянских подводах. Никаких вещей в трудную дорогу певицы не брали, с собой они прихватили лишь деревенские старинные костюмы для выступлений, в которых блистали в мирное время на праздничных концертах. 20 февраля закончился сбор хористов, всего их прибыло 75 человек.

В селе Анна размещался штаб Воронежского фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. Бои проходили в каких-то 100 километрах. И здесь же под разрывы канонад, в неотапливаемом здании Дома культуры с выбитыми от разрывов снарядов стеклами, художественный руководитель К.И. Массалитинов проводил с хором первые репетиции. Артисты героически сносили трудности прифронтового быта, жили впроголодь, ели мерзлую картошку в столовой и положенные в день 200 граммов хлеба. Мыслей все бросить и вернуться домой подавляющее большинство себе ни в коем случае не допускало. Было только одно желание — поскорее сделать программу и внести свой вклад в разгром врага, поднимать боевой дух у бойцов Красной Армии, скрашивать фронтовыми концертами им минуты затишья между боями, укреплять веру в победу.

Репертуар складывался из произведений, принесенных руководителями и участниками самодеятельных хоров — крестьянского фольклора Воронежской области: песен солдатских, величальных, лирических, а также новых песен колхозной деревни и только что сочиненных самими артистами песен и частушек о Великой Отечественной войне, проникнутых духом военного времени и пламенным патриотизмом.

Четверть века спустя Г.Б. Рогинская и К.И. Массалитинов в благодарность за большую творческую помощь в формировании хора писали в статье в газете «Коммуна»: «Мы не можем не вспомнить в дни 25-летнего юбилея хора наших наставников и учителей, выдающихся песенниц и, в первую очередь, мудрую Анастасию Родионовну Лебедеву, скромную русскую женщину, которая нам помогала и направляла на верный путь. Она десятки лет была нашим учителем и верным другом. Мы высоко ценим замечательных мастеров русской песни Феклу Михайловну Миляеву, Евдокию Павловну Попову, Анну Николаевну Королькову, Евдокию Климовну Степанюгину, Елену Павловну Королеву, Анну Матвеевну Борзунову. Это была «могучая кучка», академики русского народного искусства».

Собравшиеся вместе исполнители из разных певческих коллективов принесли с собой собственную манеру исполнения народных песен. Песни с родины Пятницкого из Чигольского района звучали строго и величественно, запевы в них по

характеру исполнения приближались к рассказам, а подголоски исполнялись в сложном развитии. Несколько иначе пели в Воронцовском районе — когда два или три певца вели запев с подголосками, а остальные сопровождали их, подражая голосом звучанию музыкальных инструментов. Массалитинову предстояло из многообразия приемов исполнения песен выбрать и закрепить в коллективе некие обобщенные приемы, характерные для воронежской песенной традиции. Только впоследствии выдающийся мастер хормейстер Владимир Ефимов, приглашенный на работу в коллектив в конце 1943 года, выработает эту неповторимую, характерную «воронежскую манеру пения» хора, основанную на звучании низких бархатных женских голосов. А тогда, в самом начале пути, не было еще хормейстера. По воспоминаниям Рогинской, Массалитинов сам «занимался с баянистами, оркестровой группой, переделывал песни, делал их более звучными, украшал подголосками». В отсутствии танцевальной группы, водили хороводы и плясали хористки с единственным танцором и вдобавок балетмейстером М. Шершневым. Директору зачастую приходилось вести занятия и репетиции наравне с художественным руководителем, хотя забот о деятельности и быте большого коллектива у нее было более чем достаточно.

Овладение исполнительским мастерством, процесс творческого совершенствования хора шли одновременно с выступлениями перед бойцами. 23 февраля в День Красной Армии выступали для воинов, уходящих на фронт. На работу в хор была принята костюмерша А.Е. Королькова, однако не у всех еще были старинные наряды. Поэтому певицы в повседневной одежде во время выступлений становились во второй ряд, чтобы отсутствие костюмов не бросалось в глаза зрителям. Пели не только для бойцов — обслуживали допризывников, передовиков труда Анны и окрестных сел. Артисты вспоминали, что, несмотря на тяжесть прифронтовой обстановки, концерты проходили радостно. Хорошо звучали старинные протяжные песни Воронежской области: «Сады зеленые», «Гнула, гнула вышеньку». Пели несколько шуточных песен, задорные частушки, лирические страдания «Летят утки», а также новые народные песни Воронежской области, патриотические песни композитора В. Захарова, песню «О Воронеже» Массалитинова на слова народного поэта-песенника Ольховского.

20 апреля 1943 года — дата проведения первого большого концерта хора в селе Анна перед жителями и красноармейцами. Концерт подводил итоги двухмесячного напряженного труда, поисков, споров, находок. Специально для этого события в типографии газеты «Коллективный труд» села Анна тиражом в 200 экземпляров была отпечатана первая концертная программка. С этого дня пошел отсчет истории государственного Воронежского русского народного хора.

25 января 1943 года в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции Красной Армии Воронеж был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Под городом бои все еще продолжались, поэтому в Воронеж хор переехал в конце апреля. Город лежал в руинах. Хористы поселились в полуразрушенных зданиях, репетиции проводили под открытым небом. В городе было страшно: сплошные развалины, огни пожарищ, горы трупов, которые некому убирать. В эти дни хор был единственным творческим коллективом в освобожденном Воронеже. Со слезами на глазах горожане подходили посмотреть на репетиции артистов, одетых в праздничные нарядные костюмы, исполнявших родную русскую песню.

Первый большой концерт дали 1 мая в зале чудом уцелевшего во время бомбардировок мединститута (сейчас это здание расположено по адресу: проспект Революции, 19, с 1959 года оно принадлежит технологической академии). Как только певицы вышли на сцену в русских костюмах, весь зал встал и начал аплодировать. Газета «Известия» в июне 1943 года так писала об этом концерте: «Для

воронежцев концерт хора был не только явлением искусства. Он знаменовал возрождение родного города, как и первый трамвай на улицах, как первый отстроенный мост». Последней в концерте прозвучала записанная на родине Пятницкого, воспевающая силу духа русского народа «Былина об Илье Муромце». Песня сопровождалась колокольным звоном, колоколами служили гильзы артиллерийских снарядов.

Вскоре, разделившись на несколько групп, хористы концертствовали в освобожденных районах области. В июне 1943 года хор в полном составе выехал на фронт, где вместе с частями наступающей Красной Армии прошел с концертами фронтовые дороги. Здесь же создавались новые песни, славящие подвиги героев. С особой теплотой военнослужащие принимали выступления Марии Мордасовой с ее задорными частушками на злобу дня. Воодушевленные героизмом советских танкистов, артисты хора на собственные средства подарили Красной Армии именной танк «Русская песня».

Поначалу самодеятельным артистам Воронежского хора недоставало профессионализма, многие из них не владели музыкальной грамотой. Однако благодаря усилиям художественного руководителя и его умению поддержать и развить творческую инициативу самодеятельных народных исполнителей хор стремительно набирал силу. В хоре стихийно сформировались свои небольшие творческие объединения. Артисты, «обладающие поэтической одаренностью», сочиняли слова частушек и песен победы над врагом, напевы и мелодии для которых, в свою очередь, подбирали участники музыкальной творческой группы. Еще одна группа занималась народными костюмами.

Официальное присвоение хору статуса профессионального коллектива состоялось в августе 1943 года, когда принимавшая хор специальная комиссия вынесла вердикт о том, что «хор в настоящее время представляет собой здоровый, жизненно-полноценный коллектив, способный к дальнейшему художественному росту и в профессиональном отношении стоит на высоком уровне и может быть отнесен ко второй исполнительской категории». На тот момент в коллективе было 50 хористов, 17 оркестрантов, 3 плясуна и 2 сказителя.

Впереди артистов ждали два суровых военных года, полных тягот и лишений, первый громкий успех в 1944 году на Всероссийском смотре хоров и солистов-исполнителей русской народной песни, невероятная популярность, которой во многом послужили трансляции выступлений хора по радио, переписка с бойцами (письма любимым артистам с фронта поступали мешками), непрерывные выступления в госпиталях, воинских частях, для тружеников тыла, концерт на Красной площади в Москве в мае победного 1945 года. Решением правительства за вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками 42 артиста были награждены медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 63 артиста — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

СЛУШАТЬ, КАК РАЗГОВАРИВАЮТ ДРУГ С ДРУГОМ ЗВУКИ...

(Письма Константина Массалитинова к дочери Наташе)

Имя Константина Ираклиевича Массалитинова занимает достойное место в ряду представителей русской культуры советского периода. Он был активным и определенным во взглядах на мир деятелем новой социалистической эпохи и в то же время верным сыном родной земли: воодушевленно работал, осознавая себя истинно народным композитором, корнями вросшим в русский пейзаж, в традиционный национальный обиход и песенное наследие. Всеми своими силами Массалитинов ревностно служил этой культурной «почве» своей страны, стремясь передать собственную любовь к фольклорным шедеврам грядущим поколениям, вовлечь в пропаганду народной песни новых музыкантов.

Неудивительно, что для композитора чрезвычайно важным было ежедневное общение с природой, когда он мог «слушать, как переплетаются, разговаривают друг с другом звуки...», это поддерживало физические и творческие силы; восстанавливало гармонию внутреннего существования — и внешней среды бытования; отчасти уравновешивало собою насыщенный рабочий график востребованного обществом деятельного и равнодушного человека.

Мысли о творчестве и организационные заботы тесно переплетены в письмах Массалитинова к дочери Наталье, в начале 1960-х — учащейся Воронежского музыкального училища, затем, с 1966-го по 1971 год — студентке Московского Музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Видя в ней продолжателя своего служения музыке, Константин Ираклиевич делился с дочерью подробностями профессиональной деятельности, композиторскими радостями, рабочими проблемами и личным трудовым и жизненным опытом. Его суждения о людях и ситуациях, о самом себе порою полны юмора, иногда резки, но всегда — откровенны и прямы, высказаны без «двойного счета». Интересно, что практически в каждом массалитиновском письме есть некие лирические вкрапления, посвященные природе, где совсем по-особому проявляется человеческая суть композитора — душевно щедрого, по-детски искреннего, открытого до восторженности. Где-то встретишь просто упоминание о каком-либо погодном явлении, которое осталось в памяти, а в иных местах — поистине поэтичное и убедительное описание-вживание, «вчувствование» в окружающую красоту. Так естественно обнаруживает себя присущее творческой натуре Массалитинова тонкое сопереживание природному миру: ощущение движения воздуха во время прогулки, птичьего гомона, дурманящего запаха зелени после грозы... И строки этих внезапных «лирических отступлений» характеризуют композитора, фольклориста, хорового дирижера и музыкально-общественного деятеля Константина Ираклиевича Массалитинова, пожалуй, не менее ярко, чем его творения — как личность цельную и органически национальную.

Римма ЛЮТАЯ

* * *

Дорогая Наташа!

Сегодня воскресенье тихое, утро дождливое, в саду дивный аромат, гармония цветов. Вчера вечером была страшная гроза, гром — что орудийный залп, стрелы молнии. Наши испугались, и прибежали Галя¹ и Клаша² в конец сада к берегу³, и стали кликать меня; я, конечно, весь промокший вернулся с Витей (соседским мальчиком тринадцати лет, моим товарищем по рыбалке). Такой сильный ливневый был дождь с небольшими перерывами, а сейчас тихо, тихо — и аромат даже с земли какой-то, и хотя мрачновато, но очень, очень тишина мечтательное настроение вызывает...

Сейчас 11.30 дня. Галя с Клашей пришли с базара, земляники мне принесли, ем с молоком, вкусно. Пришла телеграмма: сегодня ночью к нам приезжают Юля⁴ и Валя Беляева⁵ — вот потеха, пусть погостят, мы все рады. Уже в саду рву вишни, черная смородина поспевает, яблоки зреют очень быстро, а теперь, после такого-то дождя, все оживет...

У меня в саду в одной бочке три карасика живут, ведь в бочке-то вода наливается из речки, так что им хорошо: я их кормлю мушками, булкой, речной травки бросаю в бочку.

Сегодня в один час дня из Воронежа будет мой концерт часовой передаваться, называется «Песня дорогу нашла». Мне твой бывший пионервожатый Маркуша⁶ прислал программку. Оказывается, эта передача уже шла по радио из Москвы. Кажется, ее автор А. Досталь⁷. Будем ловить по двум радиоприемникам, слушаем.

Ты пиши нам каждый день. Мать очень волнуется. Она так много пережила с моей болезнью, что так и думает, что с тобой что-то случилось — перерыв в письмах... Пиши хоть открытку каждый день, нам будет приятно всем получить от тебя весточку, ведь без тебя скучновато. Мы с матерью решили, что приедем тебя встречать в Воронеж, а затем шесть-семь дней ты пробудешь в Воронеже — и снова с нами вместе поедешь в Тамбов на садовый урожай, это будет очень хорошо и для тебя, такой добавок отдыха — нужен...

Снова лось приплывал меня проведывать, я ему дал пару пирожков, он приветливо помахал и уплыл в лес...

Целую мою дочурку. Папа Костя.

[не датировано, вероятно — 1962 год]

Дорогая моя Наташа!

Приехав от тебя, я снова попал в какой-то круговорот, но он не убавляет моих сил и энергии, потому что он не злой — а близкий моему сердцу и пониманию. Во-первых, я, наконец, почти ежедневно сажусь на два-три часа к инструменту и пишу «Праздничный хоровод» — одноактный народный балет с хором и солистами. Мой успех в академическом хоре убедил меня писать одновременно партитуру для народного и академического хоров. Ведь это позволит на сцене занять больше действующего народа, усилит пение и театральное действие. В моей новой работе будет три части (или эпизода), и первый — минут на восемь-десять — я уже заканчиваю. Мне будет трудно со словами, пока пишу только саму партитуру и для солистов, но придется с Г. Воловиком⁸ — он это может сделать добротной готовую музыку, сам в прошлом музыкант (если, конечно, не будет пить).

Так вот, напишу — и на два часа уйду в Детский парк и его окрестности, гуляю. Снег уже окончательно стал бурый, черным, и не везде через дорогу перейдешь: вода бежит. Пришла рахманиновская весна, ранняя, но предвестник бурных вод...

...Снова гости. Мама тебе писала — скажу только тебе — уж больно мой цикл⁹ всем понравился. Интересно на обсуждении, на радио сказал выдающийся композитор А. Арутюнян¹⁰, что я не только в совершенстве пользуюсь законами народной песни, а подчиняю их своей воле и новое рождаю — акварель... и т.д., и т.п. Армянские композиторы внесли предложение в СК СССР через Мурадели¹¹ — издать снова мой цикл, как он исполнялся для академических хоров.

Очень хочется все лето быть вместе с тобою и, конечно, надолго не разлучаться.

Я тоже очень озабочен таким отношением партийных организаций к музыкальным вузам. На что уж мы учились в гражданскую войну, но нас на дрова не посылали. Наши руки и голоса берегли для народа, чтоб мы стали музыкантами, певцами, а сейчас, да еще в столице, такие заядлые «большевики», что пусть хоть у вас у всех связки надорвутся и пальцы оторвутся — лишь бы выполнить глупое указание вышестоящих. Да, в таком вузе многому научиться можно, но меньше всего — музыки...

Ну, доченька, мама тебе тоже письмо послала, и я напишу тебе еще скоро.

Поклон всем подружкам, обнимаю. Папа.

[не датировано, вероятно — 1967 год]

Дорогая Ната!

Жалею, что с тобой не поговорил, но скоро мы обнимем тебя дома.

Меня на 22 апреля пригласили в Горький — двадцать лет оркестру баянистов Автозавода. Это такой замечательный ансамбль (70 музыкантов!), в котором педагоги консерватории солируют, я о нем писал в «Советской культуре». На 25 апреля приглашают на «Ленинградскую весну» на десять дней и в Одессу на съезд хорового общества, куда хочет меня послать ВХО¹²... Но зональный смотр позволил мне от всего отказаться.

Сейчас усиленно пишу «Праздничный хоровод», уже первая часть на девять минут закончена, пишу расширенную вторую — конец. С большим удовольствием прочел в журнале «Музыкальная жизнь» статью Ростроповича — даже если читала, то еще прочти. Она многое напомнила: мои молодые годы, когда мы часто устраивали музыкальные вечера друзей, где играли, слушали классику — трио, квартеты, сонаты и многое другое. Вот он прав, что музыкант формируется не только в стенах вуза, а каждодневно и, конечно, в музыкальном воспитании — домашнем. Концерты тоже хороши, но их надо порой с партитурой слушать, обсуждать в своей компании.

Получил дружеское письмо Ив.Ив. Мартынова¹³. Он 25 апреля приезжает в Воронеж: читает лекции интеллигенции города, и для встречи с нами будет слушать пленку нашего III Пленума СК¹⁴. Будет слушать и мой цикл есенинский. В пятницу записали «Журавли» — Московское радио, которое присылало в Воронеж свою звукозаписывающую аппаратуру. Переписали и наши пленки с трансляции (симфонические произведения и мой цикл).

У нас совсем тепло, вечером 19 градусов, ходим в летнем пальто, я в берете.

Люблю слушать в парке скворцов: они сейчас поют любовные напевы, друг перед другом и перед своими скворчихами — а то ведь к лучшему певуну перепорхнет!

Скворцы песней воют, а грачи каркают, крыльями от своего гнезда чужаков отгоняют, бьют. Как всегда, грачи против конфетной фабрики в садике погнездились...

Вчера купил себе одну удочку — хорошая, большая. Думается мне, что Репное¹⁵ нам дадут, надо готовиться.

Был А.М. Астафуров¹⁶, я ему рассказал о возможной экспедиции к ним. Он уже назвал ряд сел, где много интересного. Хочет сам включиться вместе с нами.

Мать мало пишет, только вчера проводила секретариат зонального смотра — у нас обедали, чай пили. У нее еще и рука побаливает, так что писать много тяжело-вато, но, слава Богу, только ушиб; снимали — и никакого перелома нет.

В Москву ездил М.А. Бородин¹⁷ за балалайками, готовые привез. Так мотался — был один, а надо было забрать десять инструментов...

В комнате СК сделали хороший ремонт, а пианино Маслов¹⁸ не отдает, хамло. Девчата¹⁹ получили одну комнату, поместили их.

До скорой встречи, всей дружной компании привет весенний.

Обнимаю. Папа Костя.

17 апреля 1967 года

Дорогая Наташа!

Снова вечер, сидим у телевизора, Нина²⁰, конечно, консультант по программе.

Сегодня вдруг утром поднялся такой страшный снежный буран, что Нина поспешила вернуться домой, вместо базара. Понимаешь, даже фортки открывались!..

Я гулять не ходил, много работал над шестой женской лирической песней. У нас полная договоренность с Боковым²¹ обо всем цикле²², думаю его к Новому году окончить, если использую часть музыки из «Праздничного хора». Боков за то, что надо писать свадебный эпизод.

Говорил с И. Шароевым²³ — будем с ним работать для телевидения — кино «Земля поет»²⁴. Так, может, хорошо: и то, что с Боковым делаем — тоже запишем на телевидении. Конечно, надо А. Юрлова²⁵ подключить, солиста взять²⁶...

Понедельник [очевидно — поздняя осень 1967 года]

Дорогая Наташа!

Приехали домой, как всегда, к вечеру, попили чай. Встретились с Юлей, она по-прежнему веселая, полная. Сегодня она и Нина до обеда были у Вали, готовили «стол» к свадьбе...

Божественные стоят дни, особенно сегодня: тепло, 27 градусов, солнечно и после ветров тихо, тихо. Я утром с часок походил — до сосенок вверх: скворцов слушал и передразнивал, насвистывая. А речка — зеркальная, спокойная и манящая посидеть. Ну, я, конечно, выехал по своей проволоке на лодочке, где еще хранятся следы твоей «загарки» (кирпич с вафелькой, что ты опускала). Посидел до 10.30, поймал с десяток плотвиц, одну щучку-малышку. Завтра зажарим.

Потом маме нарвал огромный букет соседских цветов, захватив ножницы для удобства.

Сейчас пришла невеста, Валя, спрашивает — смеется: «Вы, когда готовили, ничего не поворовили?» — потеха!.. Счастливая, энергичная — пятнадцатого свадьба.

У меня четырнадцатого собрание композиторов — отбираем и прослушиваем произведения на праздничные концерты. Завтра придет со своим магнитофоном и наиграет свои песни Н. Емельянова²⁷. Я, конечно, специально ничего не писал, а девчат²⁸ с кое-чем предложу на концерт.

Недавно ушел от меня С.А. Миловский²⁹: приносил две песни, которые он подал на областной смотр. Я назначен председателем жюри, и вот не стесняется показывать, а ведь конкурс-то с девизом³⁰, да Бог с ним.

Пятнадцатого — заседание жюри, уже подано пять песен; потом 16-го утром на три дня поедем в Репное, захватим Юлю. Сейчас дни редчайшие в природе — теплынь, и я хожу часами в одних трусах, босой...

Ты знаешь, приехал из Москвы Никифоров³¹ и сказал, что Барсов (зам. Щепалина³²) согласен прислать в Воронеж комиссию послушать девчат, подожду. Они

с прибылью успешно выступают. Сегодня поехала Зеленева³³, и в четверг М.А.³⁴ с ЮрВасом³⁵.

Наташа! С кем же ты живешь в общежитии, как дела?

Ты обязательно все песни показывай, ведь ты же не виновата, что такой г...й магнитофон (а песни — настоящие!..). Я рекомендую тебе, когда будете докладывать об экспедиции, то «попоэтизируй» немного — о природе, о людях хорошо расскажи, о достопримечательностях — надо не стесняться. Всегда так: кто сумеет завлечь слушателей, создаст картину, да еще хорошо, вдохновенно текст песни донесет — это все побеждает.

Пожалуйста, пусть Руднева³⁶ вышлет фотографию Лебедевой³⁷.

Не забывай нас, пиши, звони. Скоро поедем в Ленинград, увидимся. Целую, папа.

Лучше питайся, вовремя, режим дня соблюдай — психовать смолоду нельзя, вредно в жизни самостоятельной отзовется.

Мать очень тебя любит, это надо понять и нас не забывать...

12 сентября 1967 года

Дорогая Наташа!

Вот уже тринадцатое, пообедали, я захотел с тобой поговорить, так как сегодня утром почтальон принес от тебя весточку со стихами Н. Массалитиновой. Было время, сел к фортепиано. Песня не куплетная, но хочу подобрать к ней ключик — форму изменную, начало (две строки) уже на нотной бумаге.

У нас во всех комнатах сирень — сирень и ландыши. Это я ездил два дня с Шишлянниковым, а до цветов я просто жаден до ужаса: рвал букетица такие в Репном, что все удивлялись моему художественному вкусу... и жадности. Ведь сейчас целые бесконечные аллеи сирени во всех концах!..

Был на своем ягоднике, прополол, уже земляника в цвету. Лодка легкая, весла самые легкие — ловили на ходу рыбу — щука оторвала крючок, и на этом охота закончилась.

Как хочется когда-либо всем вместе встречать всю силу весны, с ее дурманом — что «Черемуха душистая»³⁸, которую все же Саша Юрлов почувствовал, и весь цикл спел душевно; хотя в некоторых местах цикла я бы почувствовал прелесть природы родины по-иному...

В нашем Союзе композиторов готовимся к межобластному теоретическому совещанию. Завтра с В. Гурковым³⁹ будем у Митрошина⁴⁰ с утра. Я, кроме доклада Володи⁴¹, несу отпечатанный старательно проект своей первой книги «С русской песней по жизни». Думаю всерьез издать ее в Воронеже⁴². Восемь разделов в первой книге — это 10–12 печатных листов, да фото. Пусть в Воронеже мне меньше уплатят (но все же деньги?), а на месте всегда с редактором и издательством можно встретиться... Кто знакомился с моим списком и характером первой книги — статьи и выступления — говорят: очень нужно. Да вот вчерашний пример: вечером мне домой звонила А.В. Руднева — просила дать справку о Лебедевой, а ведь книга-то наша с Г. Дороховым⁴³ была издана на 30 лет раньше (!)⁴⁴. Мы ее переиздадим — обязательно. Руднева мне сказала, что книга обо мне уже в печати (Н. Емельяновой⁴⁵) и что Свиридов⁴⁶ ни с ней (т.е. с Рудневой), ни с другими... связи иметь не хочет, а меня Свиридов очень любит (так сказала Руднева).

...Посылаю тебе песню на слова С.М.⁴⁷ из Репного — длинного дядьки — песня застольная.

Балкон наш раскрыт, но струны не дрожат — отдыхают, ждут тебя...

Привет всем, кто меня помнит. Целую, папа Костя.

[не датировано, вероятно — май 1968 года]

Дорогая Наташа!

Сегодня суббота, после обеда ходил на телевидение: смотр народных талантов, я председатель жюри. Выступали Эртиль и Лискинский район. В селе Селявное твоя подруга создала хороший, чистый хор — Лида Пороховщикова⁴⁸. Это глухое село. Хор пел «щедрика» и еще что-то школьное. Я похвалил районы, но сказал, что в музыкальное и культпросветучилище познания передавать надо, но и в землю вращать следует активнее, ведь родина-то — Пятницкого!.. к нам требования высокие, надо русские народные песни искать и распевать.

Принес маме прекрасный букет свежих цветов — лискинцы мне подарили прямо на телевидении.

Сегодня я закончил третий номер из новой моей работы. Сейчас на очереди солдатский хор. Уже стал набрасывать. Я пока до 12 декабря на больничном листе — закончил, и в понедельник пойду на работу. У нас все устраивается в СК к лучшему.

Наташа, подумай об издании твоих расшифровок по экспедиции. Я это быстро сделаю через Московское ВХО. Понимаешь, как это будет хорошо: 10–15–20 песен, 3–4 фото — от кого записано; твоё пояснение — анализ песен и, конечно, вкратце о людях, от кого писала. Это надо делать быстро. 1) Скорее нажми на расшифровки, а остальное — дома; сразу сообщи, да еще в Нижнедевицк важно съездить. 2) подумай о легких песнях Н.М. Беляева⁴⁹ — они к счету нужны, и на два-три голоса — легче, а песни некоторые хорошие и не затасканные.

Если тебе Юрлов ноты «России»⁵⁰ отдаст, мне нужны. Очень усиленно в Боброве Сердюков⁵¹ «Земля Кольцова»⁵² учит. В январе 1970 года в Воронеже состоится по телевидению юбилейный концерт к 50-летию Бобровского хора.

У нас снега нет. Помню в детстве, в Варварин день, когда на именины тети Вари⁵³ мы с горы катались на салазках, уже колея была накатана, хорошо санки бежали, гремели до самой реки, а когда в гору поднимались с тяжелыми салазками, то — потихоньку от дома — снежок в рот бросали, вкусно!

Дочка, силы сберегай, мы в мире живем. Тебя ждем к Новому году.

Целую, всем привет. Папа Костя.

13 декабря 1969 года

Родная доченька Наташа!

Я очень рад был твоему письму. Ты мне очень по сердцу сказала в своих строках письма: и так много написал, хватит. Да, написал много, но многое еще не озвучено, не вышло на широкую дорогу; а как будто оно, творчество — не «временка», и национальные соки есть, а это не должно умереть, или — отмирать раньше срока. Обычно то, что искреннее, народное зерно впитало — живет и будет жить. Конечно, моя дорогая, это не значит, что я не должен писать. Я пишу, и буду писать — иначе не могу, уже в мозг и сердце вошло; но надо, ох, как надо себя лимитировать временем. В то время, когда уже не пишется, как бы хотелось — надо бросать. Тут, возможно, Володя Говоров⁵⁴ прав: солнце, воздух и вода. Да вообще, значит, надо какие-то силы набирать, когда не пишется, когда душа в волнении, когда просто болеешь.

Очень симпатичная пара тут жила. Это композитор Кирилл Молчанов⁵⁵ и его жена. Кажется, кроме меня — единственные русские, а еще Флярковский Алик⁵⁶ приехал.

Так вот, жена Молчанова даже не позволяет Кириллу писать, когда солнце, тепло, весна. Говорит: «Муж так много и нервно работал всю зиму, пусть отдох-

нет, наберется сил — лучше и скорей напишет, чем будет себя принуждать, когда весь уставший». Она хорошо сказала, да и Галюша⁵⁷ примерно то же говорит, жалеет меня. Конечно, когда силы много, настроение, состояние хорошее, то лучше и быстрее пишется.

У нас заглодало, но солнечно, к речке не тянет, а поэтому тут днем и пойти некуда. Вот сейчас время девять часов утра, пойду завтракать, а затем к директору ДТК⁵⁸, об отъезде своим досрочном поговорю и схожу на почту в деревню — это хорошая прогулка после завтрака на час, а затем сяду за рояль. Все же третий по стихам есенинским хор академический я «добил», как говорится. Теперь у меня три академических хора на С. Есенина. Думаю можно хоры послать Юрлову Саше, в Республиканскую хоровую капеллу.

Птицы поют на многие хоры, не только на голоса — скворцы свое, прямо стаей, а щеглы да синички — свое... Шумно от пения птиц в парке, необычно, приятно.

Будь здорова, моя родная дочка. Привет твоим подружкам.

Целую тебя, маму. На праздник будем вместе, с мамочкой за город поедем обязательно.

Целую, твой папа Костя.

23 [декабря], понедельник, 1969 г.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Галина Болеславовна Рогинская (1909–1986) — супруга К.И. Массалитинова, хормейстер, культурно-общественный деятель, создатель Воронежского государственного русского народного хора (вместе с Массалитиновым), его первый директор; позже работала заместителем директора Областной филармонии и заместителем начальника Воронежского областного управления культуры.

² Близ Тамбовского кардиологического санатория, где К.И. Массалитинов проходил реабилитационное лечение после второго инфаркта, композитор на время поселился по совету своего лечащего врача, сняв у местной жительницы Клавдии Замятиной (Клаши) половину частного домика, расположенного в сосновом бору на берегу реки. В течение двух месяцев прожил у Клаши Массалитинов после курса санаторного лечения, наблюдаясь у санаторного лечащего врача, и это помогло ему восстановиться после болезни.

³ Берег реки Цна (приток Оки).

⁴ Юлия Ираклиевна Массалитинова — родная сестра К.И. Массалитинова.

⁵ Валентина Алексеевна Беляева — троюродная сестра К.И. Массалитинова.

⁶ Марк Давидович Моцкин — журналист, корреспондент отдела радиоиформации Управления культуры Воронежского облисполкома, почетный радист СССР; автор многих передач, посвященных литераторам, деятелям культуры и искусства.

⁷ Николай Досталь — советский режиссер.

⁸ Георгий Георгиевич Воловик (1909–1983) — воронежский поэт, мастер короткой эпиграммы, басни, сатиры. Воловик написал часть текстов к опере-песне Массалитинова «Земля поет» (1960), на его тексты создана кантата «Край мой любимый, Россия родная» (1965) и немало песен, которые были изданы в Москве и исполнены по Всесоюзному радио.

⁹ Хоровой цикл на стихи Сергея Есенина «Черемуха душистая» окончен К.И. Массалитиновым в 1962 году.

¹⁰ Александр Григорьевич Арутюнян — армянский композитор и пианист, руководитель Армянской филармонии, профессор Ереванской консерватории, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии I степени.

¹¹ Вано Ильич Мурадели (настоящее имя — Иван Ильич Мурадов) — советский композитор и дирижер, народный артист СССР, лауреат двух Сталинских премий II степени. СК СССР — Союз композиторов СССР.

¹² Всероссийское хоровое общество.

¹³ Иван Иванович Мартынов — советский музыковед, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1960–1968 годах — секретарь правления Союза Композиторов РСФСР. Автор книг по русской, советской и зарубежной музыке, статей в периодических изданиях.

¹⁴ Союз композиторов.

¹⁵ Репное — бывший поселок городского типа в непосредственной близости от Воронежа, до 1917 года носил название «село Алексеевское». В советское время Репное — место расположения так называемых «обкомовских» дач. С марта 2011 года официально — микрорайон города Воронеж.

¹⁶ Александр Михайлович Астафуров (1912–2001) — педагог-историк, директор школы села Шестаково Бобровского района Воронежской области, близкий друг семьи Массалитиновых.

¹⁷ Максим Андреевич Бородин (1919–2008) — солист-балалаечник из Воронежского русского народного хора, преподаватель по классу балалайки в ДМШ № 1 и № 7, создатель первого воронежского школьного ансамбля балалаечников «Мы — андреевцы». Среди его учеников — Иван Иншаков, Павел Забродин, Владимир Болдырев и другие.

¹⁸ Федор Иванович Маслов (1910–1993) — композитор, хоровой дирижер, заслуженный деятель искусств РСФСР; с 1963-го по 1968 год руководил Воронежским государственным русским народным хором.

¹⁹ Речь идет об артистках вокального ансамбля «Воронежские девочки», организованного в 1966 году по инициативе К. Массалитинова при Областной филармонии — ансамбля, который стал со временем «певческой эмблемой» нашего города.

²⁰ Нина Степановна Федорова — двоюродная тетя супруги композитора Г.Б. Рогинской (и троюродная бабушка его дочери, Н.К. Массалитиновой); после смерти своего мужа с 1959 года и до самой своей кончины (1974 г.) Н.С. Федорова жила в семье Массалитиновых.

²¹ Виктор Федорович Боков (1914–2009) — поэт, прозаик, собиратель фольклора. Массалитинова роднила с Боковым любовь обоих к русскому слову, сердечная укорененность в сельской жизни, знание народных традиций. Боков с четырнадцати лет записывал в тетрадь частушки, присловья, клички, названия лесных урочищ; он считал своими первыми учителями народной словесности отца, мать, крестьянский труд, уличную гармонию, балалайку, частушки и сказки; а из писателей-профессионалов особо выделял Михаила Пришвина, Андрея Платонова и Бориса Пастернака.

²² Речь идет, очевидно, о хоровом цикле «Россия моя», либо (что менее вероятно) о циклической хоровой поэме «Земля Кольцова»: оба сочинения написаны на слова В.Ф. Бокова и окончены К.И. Массалитиновым в 1968 году.

²³ Иоаким Георгиевич Шароев — режиссер музыкального театра, массовых празднеств и эстрадных представлений; автор книг о проблемах режиссуры музыкального театра, музыкального телевидения, массовых представлений и эстрады, статей в научных и популярных изданиях. С 1967-го по 1973 год являлся художественным руководителем музыкального объединения ТО «Экран» на Центральном телевидении. В 1973–1975 годах — художественным руководителем Росконцерта, а с 1982-го по 1987 год — главным режиссером Московского академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

²⁴ Опера-песня «Земля поет» создана Массалитиновым в 1960 году на слова воронежских поэтов Михаила Яковлевича Шишлявникова (1930–1997) и Георгия Георгиевича Волвика (см. сноску №8).

²⁵ Александр Александрович Юрлов (1927–1973) — хоровой дирижер, народный артист РСФСР, один из инициаторов и основателей Всероссийского хорового общества. В советскую эпоху его имя стало синонимом возрождения и общенародной трансляции глубочайших традиций древнерусского пения благодаря подвижнической просветительской работе дирижера и мастерству возглавляемой им Республиканской русской хоровой капеллы (носящей ныне имя Юрлова). Стремясь к тому, чтобы хоровое пение стало общенародным достоянием, Юрлов вернул на концертную эстраду русскую духовную музыку, возродил концертное исполнение партесного концерта конца XVII — начала XVIII века, облагородил и возвысил жанр массовой хоровой песни, с блеском воплотил многие масштабные хоровые полотна советских композиторов.

²⁶ Следующий лист письма отсутствует.

²⁷ Нина Николаевна Емельянова (1936–1990) — композитор, музыковед, педагог, краевед и музыкально-общественный деятель, член Воронежской организации Союза композиторов России. С ее именем связано создание Дома-музея С.В. Рахманинова в Ивановке, мемориального уголка П.И. Чайковского в Бондарском районе. Она руководила радиоуни-

верситетом музыкальных знаний, была членом правлений Тамбовских областных организаций: Комитета защиты мира, Охраны памятников истории и культуры, Хорового общества, Совета Дома творческих работников; одним из организаторов теоретического отделения музыкального училища имени С.В. Рахманинова; входила в число инициаторов Рахманиновского фестиваля в Тамбове. Автор оперы «Сказка о царе Салтане», кантаты «Буревестник», оркестровой сюиты на темы народных песен, струнных квартетов, пьес для баяна, песен и романсов на стихи поэтов-классиков; книг «Композитор К.И. Массалитинов», «Музыкальные вечера. Хроника музыкальной жизни Тамбовского края за 100 лет», «Рахманинов в Ивановке» и других.

²⁸ Выступление ансамбля «Воронежские девчата».

²⁹ Серафим Александрович Миловский (1905–1982) — музыковед, дирижер, композитор. В 1956–1966 годах преподавал в Воронежском государственном педагогическом институте. Председатель Воронежского отделения хорового общества (1962–1970). Автор оперы «Никитин» (1963), кантаты «Памяти Кольцова» (1959), романсов на тексты А. Кольцова, И. Никитина, М. Горького, А. Прокофьева, В. Гордейчева и других, хоров, обработок народных песен, ряда исследовательских работ.

³⁰ Т.е. предполагает анонимную подачу конкурсных материалов под девизом.

³¹ Николай Павлович Никифоров (1923–1974) — организатор культурного процесса, заслуженный работник культуры РСФСР, секретарь обкома ВЛКСМ, председатель обкома профсоюзов работников культпросветучреждений и культуры; с 1963 — начальник областного управления культуры при облисполкоме.

³² Глеб Александрович Щепалин — в то время заместитель начальника Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР; профессиональный музыкант. Знакомство его с Массалитиновым на профессиональной почве сложилось еще в конце 1950-х годов. Тогда был создан Оргкомитет, куда вошли крупные общественные деятели (в их числе — и К. Массалитинов) и представители союзных республик, направившие письмо с ходатайством в ЦК КПСС об учреждении Союза композиторов России. После получения положительной резолюции в апреле 1960 года в столице был созван Первый Учредительный съезд СК. Первым секретарем Правления СК, куда вошли представители шестнадцати российских организаций, единогласно избрали Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, а Ответственным секретарем — Глеба Щепалина, и он оставался на этой должности до 1964 года.

³³ Мария Михайловна Зеленева (Пронина) — первый хормейстер ансамбля, ветеран Воронежского хора, заслуженная артистка РСФСР.

³⁴ Михаил Аркадьевич Голынкер — директор филармонии, впоследствии эмигрировал в США.

³⁵ Юрий Васильевич Воронцов (1914–2002) — гитарист, композитор, музыковед, лектор-просветитель, заслуженный работник культуры РСФСР, почетный член Союза композиторов, лауреат воронежских областных премий — имени М.Е. Пятницкого, «Золотой фонд Воронежской области». Ответственный секретарь (1962–1973), председатель Правления (1981–1985) Воронежской композиторской организации.

³⁶ Анна Васильевна Руднева (1903–1983) — русская фольклористка, хоровой дирижер, общественный деятель, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки народов СССР Московской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1934–38 годы в Воронеже была редактором Радиокomiteта, методистом областного Дома народного творчества и педагогом Военно-музыкантской школы. В 1939 году уехала в Москву.

³⁷ Анастасия Родионовна Лебедева (в девичестве Махинова, 1881–1953) — основательница и руководитель Александровского народного хора (1926 год) на родине М.Е. Пятницкого, в селе Александровка Таловского района Воронежской области. Автор и исполнительница современных народных песен. В 1998 году на базе Александровского народного хора создана фольклорная группа «Анастасия».

³⁸ Цикл хоров на стихи Сергея Есенина «Черемуха душистая», оконченный К.И. Массалитиновым в 1962 году, впервые исполнен в Москве Республиканской хоровой капеллой под управлением А.А. Юрлова в 1967 году.

³⁹ Владимир Нестерович Гурков — современный российский композитор, в 1960–70-е годы — член Воронежской композиторской организации, концертмейстер Театра оперы и балета. Живет в Санкт-Петербурге, с 1990-х возглавляет Музыкальный салон графов Вильегорских.

⁴⁰ Сергей Васильевич Митрошин — в те годы секретарь обкома КПСС по идеологическим вопросам.

⁴¹ Т.е. доклад В.Н. Гуркова.

⁴² Книга К.И. Массалитинова «С русской песней по жизни» опубликована в Москве в 1975 году, в Воронеже переиздана Центрально-Черноземным книжным издательством в 1981 году.

⁴³ Имеется в виду книга соавторства Г.И. Дорохова и К.И. Массалитинова «Хор Лебедевой», опубликованная в Воронеже в 1940 году. Григорий Иванович Дорохов (1899–1981) — музыковед, фольклорист, педагог; с 1940 года — заведующий кафедрой иностранных языков ВСХИ; с 1944 года — заведующий литчастью Воронежского государственного русского народного хора. Автор изданных в Воронеже книг «Воронежские певцы» (1948), «М.Е. Пятницкий — создатель русского народного хора» (1950) и других. Публиковался в журнале «Подъём» (1957–1958).

⁴⁴ Книга А.В. Рудневой «Анастасия Лебедева» издана в Москве в 1972 году.

⁴⁵ Книга Н.Н. Емельяновой «Композитор К.И. Массалитинов» опубликована в Москве в 1976 году.

⁴⁶ Георгий Васильевич Свиридов (1915–1998) — великий русский композитор и пианист XX века, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР — в своем многогранном творчестве гениально воплотил Русский Мир. Автор «Патетической оратории», кантат «Курские песни», «Деревянная Русь», «Станция Починок», «Пять песен о России», «Снег идет», «Ночные облака», «Грустные песни», хоровых концертов и поэм «Пушкинский венок», «Отчалившая Русь», «Ладога», «Песни странника», масштабных полотен и камерных сочинений для разных составов, музыки к спектаклям и кинофильмам, романсов и массовых песен. Книга воспоминаний Г.В. Свиридова «Музыка и судьба» опубликована посмертно.

⁴⁷ По воспоминаниям Н.К. Массалитиновой, Сергей Михайлович [...] — заведующий хозяйством в дачном поселке Репное, самодеятельный поэт и страстный любитель музыкального искусства.

⁴⁸ Выпускница Воронежского музыкального училища, однокурсница Н.К. Массалитиновой.

⁴⁹ Николай Михайлович Беляев (родом из села Яблочное Хохольского района Воронежской области) — в конце 1960-х — начале 1970-х годов руководитель вокального ансамбля Воронежской галантерейной фабрики, талантливый хормейстер и аранжировщик народных песен.

⁵⁰ Речь идет о хоровом цикле «Россия моя» на слова В.Ф. Бокова (см. сноски 21, 22).

⁵¹ Андрей Яковлевич Сердюков (1918–1974) — хормейстер, педагог, заслуженный работник культуры РСФСР. С 1947 года возглавлял старейший в России самодеятельный хор в Боброве (создан в 1920 году, в 1958 году преобразован в Бобровскую академическую хоровую капеллу).

⁵² Циклическая хоровая поэма «Земля Кольцова» на слова В.Ф. Бокова.

⁵³ Сестра Ираклия Федоровича, отца К.И. Массалитинова.

⁵⁴ Участковый терапевт обкомовской спецполиклиники — лечащий врач семьи Массалитиновых.

⁵⁵ Кирилл Владимирович Молчанов (1922–1982) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР, автор опер «Каменный цветок», «Русская женщина», «Неизвестный солдат», «Зори здесь тихие», балетов, музыки к кинофильмам, многочисленных романсов и песен.

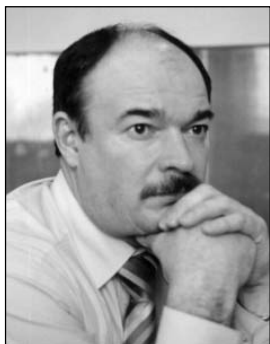
⁵⁶ Александр Георгиевич Флярковский — композитор, народный артист РСФСР, автор сочинений для хора, симфонического оркестра, оперетт, музыки к кинофильмам. Наибольшую известность получили его песни (более 300).

⁵⁷ Г.Б. Рогинская, супруга К.И. Массалитинова.

⁵⁸ Дом творчества композиторов «Руза» в Подмосковье.

*Подготовка публикации и комментарии
Риммы ЛЮТОЙ*

Иван Щёлоков,
член Союза писателей России

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

(Воронежские страницы
в кавказских скитаниях М.Ю. Лермонтова.
Эссе на фоне дождливого летнего утра)

Ненастное летнее утро. Только что закончился короткий, не по-июльски тихий и мелкий дождь. Чуть прояснилось, и по небу даже не плывут, а нехотя передвигаются густые, не сплошные, а разорванные небесной десницей тучи. Серебристо-свинцовые, причудливо-вихрастые... Я провожаю их взглядом, и неожиданно из глубины сердца выплывает величественно-грустная музыка строк:

Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною...

И моя фантазия несет меня вслед за лермонтовскими тучами по просторам воображения. Где еще, если не у нас, в воронежском раздолье, ухватила и отнесла в тайники памяти душа поэта удивительный образ лазурной степи, чтобы однажды в Петербурге, незадолго до своей последней поездки на Кавказ, глядя в окно, с горечью признаться:

Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

А тучи плывут и плывут. Не откуда-то, а прямоком «с милого севера в сторону южную...» И возникает беспокойство, и ты теряешь в это мгновение душевное равновесие от странного слияния собственного настроения с лермонтовским стихотворением и с привычным, не таким уж редким природным явлением — моросящим летним дождем.

Не этот ли ветер гнал поэта с вереницей «тучек небесных» через воронежские степи туда, в тревожно-опасный горный край, чтобы за хребтами Кавказа, либо в укромном таманском домике у моря, в тени чинар, с их прохладой и покоем, укрыть поэта-изгнанника от «всевидящего ока и всеслышащих ушей», от насмешек и притеснений высшего света? Не этот ли ветер искал приют певцу, подобно дубовому листку, оторвавшемуся «от ветки родимой», чтобы на чужбине обогреть, приласкать и передать его вечности, испытыв на стойкость, верность и преданность через предательство, подлость и зависть соплеменников?

Вместе с думами о поэте ветер будто подхватывает и меня. Я что — странник?

И тот незнакомец под зонтиком на тротуаре — тоже странник? Может, человек вообще странник на этой земле и под этим небом? Мы все — «тучки небесные»? «Степью лазурною, цепью жемчужною» каждого из нас гонит судьба по дорогам Отчизны. И в сокровенные минуты понимаем: любим мы ее, но почему-то тоже, как и поэт, «странною любовью». Может, потому, что и ее любовь к нам странная? Молодой Лермонтов зацепил, натянул в каждом из нас струнку, отозвавшую глубинной болью. Иначе откуда эти необъяснимые состояния тоски и обреченности, униженности и одиночества, безумства и мужества, бесшабашности и жертвенности, совестливости и добра? Отчего они? Из каких источников истекают? Какими ветрами надуло в сквозящую щель раздвоенного сознания и духа? По какому праву? И что это, наконец: Божье предназначение или уязвленная, разорванная русскими пространствами страждущая душа?

Я часто задумываюсь, сколько же этой мерзкой философской субстанции, которую ни пощупать, ни понюхать, нужно, чтобы заполнить бездны российских расстояний, среди которых томятся наши святые и грешные души! И мы несем все это из поколения в поколение, столетиями надрываясь, надламываясь, буйствуя и радуясь, любя и проклиная в извечном поиске правды и воли. Амплитуда наших душевных колебаний так велика, что выплескивается не то что под лермонтовские «тучки небесные», но и прихватывает пространства, где «звезда с звездой говорит».

* * *

Через несколько минут небо снова заволжлось, кругом потемнело. Задождало. В третий раз за утро.

А фантазию уже не остановить... Время перепуталось, границы стерты... Поток чувств, перемешиваясь с дождевыми струями, несет в прошлое. Туда, туда, почти на два века назад, к Лермонтову. Он уже здесь, на подступах к нашему городу... Он — тучка. Он — вечный странник на русской земле, изгнанный из привычного окружения.

Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...

На счастье потомков Воронеж оказался уникальной географической и исторической точкой на пути скитаний гордого, свободолюбивого юноши.

В принудительных путешествиях на Кавказ (а первый раз поэт был сослан туда в 1837 году за стихотворение «На смерть поэта») через столицу Черноземья Лермонтов не был одинок.

В 1818 году в Воронеже короткую остановку совершил будущий автор «Горе от ума» А.С. Грибоедов. Как секунданта на дуэли его отправили в почетную ссылку в Персию — набираться дипломатического опыта.

В 1829 году через Воронеж в Минеральные Воды и Тифлис проезжал А.С. Пушкин.

Расположение Воронежа на пути опального русского вольнодумства послужило ему одинаково как дурную, так и яркую славу города, ставшего знаковой частью истории России. Попавшие в немилость царей и сосланные на «перевоспитание» под пули горцев подданные Российской империи, как правило, люди передовых идей и мыслей, не могли миновать на изгнаннической тропе губернский центр с таинственным, неразгаданным, притягательно-пугающим набором звуков — *Воронеж*.

Безымянных «вечных странников» русской судьбы гнали с севера на юг, по меткому определению Лермонтова, и «зависть тайная», и «злоба открытая», и

«друзей клевета ядовитая». «Транзитных» особ Воронеж встречал, скорее всего, как это и было повсеместно, с жандармской настороженностью, равнодушно и холодно, буднично и скучно.

Впрочем, и высоким столичным пилигримам город представлялся рядовым привалом в длительной тряске по отеческим ухабам.

Среди вечных странников русской литературы, в биографии которых значится губернский город Воронеж, были К.Ф. Рылеев и Д.В. Веневитинов.

Поэт и вольнодумец, будущий основатель альманаха «Полярная звезда», один из организаторов восстания декабристов 14 декабря 1825 года Кондратий Рылеев в 1817-1819 годы служил в конно-артиллерийской роте, расквартированной в Острогожском уезде. Был женат на дочери местного помещика — Н.М. Тевяшовой. Частенько наведывался в Воронеж. Тернистый путь бунтаря-стихотворца, возжаждавшего свободы и равенства, пролегал с меловых круч Дона к Сенатской площади Петербурга.

В 1824 году родовое воронежское имение в с. Новоживотинном в последний раз посетил знаменитый любомудр, философ и поэт Дмитрий Веневитинов. Поездка оставила в сердце юноши неизгладимый след. Вместе с братом Алексеем Веневитиновым он побывал на приеме у воронежского губернатора П.И. Кривоцова, известного своей близкой дружбой с А.С. Пушкиным. Много гулял в окрестностях Новоживотинного, любовался картинами природы. В письме к сестре Софье в Москву признавался: «...я такой любитель деревни, что скоро забываю все неприятности, чтобы спокойно отдаться наслаждению, а здесь есть чем наслаждаться. Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, я останавливаюсь на середине моста, чтобы полюбоваться на эту чудную реку, которую глаз хотел бы провожать до самого устья и которая протекает без всякого шума, так же мирно, как само счастье...» Но это счастье не было долгим. Вскоре Веневитинов возвращается в столицу. Симпатизируя декабристам, тяжело переживает исход событий 14 декабря 1825 года. Осенью 1826 года, будучи переведенным в Петербург на дипломатическую службу, подвергается аресту и обыску. Петербургский период для восходящей звезды русской словесности оказывается недолгим — в марте 1827 года Дмитрий Веневитинов, простудившись, умирает. Его жизнь, короткая, как вспышка молнии, озарила на миг несостоявшийся в полной мере путь избранника и вечного странника, но успела оставить свой неповторимый след в судьбе Воронежа.

Транзитным пунктом русского свободомыслия Воронеж оставался на протяжении всего XIX века и даже в дореволюционные годы XX столетия. Толстой и Чехов, Горький и Маяковский, — кто только ни останавливался в городе в своих скитаниях по отеческим просторам... Избежал «транзитного» воронежского привала разве что Есенин. Вынужденный побег в Баку совершил по железной дороге через Курск...

Последним трагическим штрихом этого «транзита» стала ссылка в Воронеж О. Мандельштама и приезд к нему в гости в 1936 году А. Ахматовой.

Но и для своих, родных кровинушек, Воронеж нередко являлся «транзитным пунктом».

Вспомним А.В. Кольцова. Разве не странник? Разве не отверженный? Душа тянулась к стихам, а суровая действительность отправляла в бесконечные скитания по Дикому полю. Месяцами не жил дома, гонял отцовский скот. Ночевал с чумаками в степи, у костра. Пел и горевал вместе с крестьянами, вел душевные беседы с пешими странниками. В степи их тогда хватало: кто бродил в поисках лучшей доли, кто таким образом познавал Бога.

А Иван Бунин? Воронеж подарил младенца миру, записал дату рождения в метрики — и будь здоров, Алексеич, сам разбирайся в своих «окаянных днях»

вечного странствования — от двухэтажного особняка на центральной воронежской улице до тихого парижского кладбища.

В конце 20-х годов прошлого века Воронеж отправил в вечные скитания еще одного своего титана — Андрея Платонова. Сказал ему: ступай! Тот пошел искать сокровенных человек, ювенильные моря и котлованы новой социалистической жизни в стремительном и яростном мире, да так и не пристал больше к родному берегу, пополнив гряду «летучих голландцев». Зато мотив странничества стал едва ли не самым распространенным в его творчестве. Трудно понять, в чем причины такого обращения к теме, скорее всего, по душевному строю писатель и был странник. Не так давно мне попала в руки работа Л.П. Фоменко «Мотив железной дороги в прозе Платонова». Исследователь творчества писателя точно подметил: «В художественном мире Платонова железная дорога связана с важнейшим философским мотивом движения, включающего «уход», «возвращение», «дом», «дорогу», «странничество» и т.д... Странничество и поиск, как правило, в русской традиции связаны с пешим передвижением. Такой образ есть и у Платонова (стихи из «Голубой глубины», «Чевенгур», «Глиняный дом в уездном саду», «Июльская гроза» и др.). Совместив традицию странничества с железной дорогой, Платонов обогащает ее неожиданным оборотом, который особенно ярко называется в «Сокровенном человеке».

Во второй половине двадцатого столетия список «воронежских скитальцев» пополнился именами Анатолия Жигулина, с юности прошагавшего сибирскими дорогами с клеймом врага народа, и Алексея Прасолова, кочевавшего в своей бесприютности из одного района области в другой...

Ссылные и несылные, служивые и отдыхающие на кавказских минеральных водах, знатные и разночинные особы — писатели, артисты, музыканты и художники, дипломаты и военные — поручики, капитаны, полковники и генералы, — все они в равной степени были «тучками небесными». И Лермонтов, наверное, первый и единственный из поэтов России, особо остро ощутил трагичность великого духовного тракта из Санкт-Петербурга и Москвы на Кавказ:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря...

* * *

Дождь не кончается. Моросит, злит, портит настроение. Тучи, нагоняя и подпирая друг друга, слились в сплошное серое марево, будто что притормозило их беспрепятственное скольжение по воздушной лазури. Я больше не различаю их сказочные силуэты, но инерция лермонтовского поэтического эха сильнее переменчивых погод.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Читаю на память эти строки и будто слышу голос поэта. Нет, он не утверждает, и даже не вопрошает, он кричит на ветру, на этом высокомерном зазнайке-потоке, перед которым даже тучи — жалкие, слабые существа. Эти крики-вопросы — словно шифр к разгадке истинного смысла написанного. Какая сильная, оказывается, в этом вспыльчивом, честном юноше, пусть хоть и «странная», но искренняя любовь к Отчизне, к ее героической истории, которую «недаром помнит вся

Россия» и которую опошлили «наперсники разврата»! Какая неподдельная любовь к народу, даже к купцу Калашникову, поплатившемуся жизнью в схватке за честь жены и своего рода!.. Лермонтов — тучка. Он мог бы легко скользнуть за горизонт, пролиться дождем — и нет его больше для «севера милого», для «голубых мундиров» и пашей... Но он выше «мелочных обид», его душа полна веры в торжество справедливости и разума, чести и закона: «...есть и божий суд... Есть грозный суд... мысли и дела он знает наперед». Поэт надеется на возвращение, он не желает разделить участь дорогих и близких ему по внутреннему ощущению мира небесных образов. В «минуты роковые» его обуревают сомнения:

Что если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?..

«Под бременем познания», горького открытия он готов сравнивать себя с тучками, но его судьба, в отличие от небесных странниц, иная, куда более незавидная. С тучами все понятно: у них нет родины. А у него есть! Он любит «ее степей холодное молчанье, лесов безбрежных колыханье...», любит «проселочным путем... скакать в телеге» и «встречать по сторонам... дрожащие огни печальных деревень». И он жертвует возможностью обрести почти космическую свободу от всего, потому что осознает: человеку этого свыше не позволено. Пусть вокруг «...скучно, и грустно, и некому руку подать», пусть даже: «...печально я гляжу на наше поколенье...», все-таки выбор души однозначен: «Нет у вас родины, нет вам изгнания...» Последней строкой поэт как бы возвращает себя из стихотворной иллюзии в суровую объективную реальность.

А это уже — поступок, это — знак пророка! Печать себе и своему времени.

Обладая фантастической силой поэтического перевоплощения, Лермонтов не только был способен «уйти» в образ, раствориться в нем до последней живой клетки, он обретал его сущностную энергию. Мысленно срастаясь с «тучками небесными», не оттуда ли, с высоты воплощенного, он взирает на землю? Что ему видится в то мгновение? Лазурная степь? Жемчужная цепь? Нет, это только атрибуты реального мира, его детали. Они важны, без них стихотворный каркас рухнет. За ними поэту являюся глубочайшие противоречия мира. Он недоумевает от заложенного природой конфликтного предназначения человека как высшего разумного существа на земле. С одной стороны, человек создан по образу Божьему и должен быть носителем добра и света, с другой — откуда в нем столько демонического, ярого, откуда столько зла, готовности жестоко и бессмысленно расправляться, мстить, убивать?

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Даже без анализа сложнейших жанрово-композиционных и тематических особенностей стихотворения «Валерик» ясно, что в своих поэтических произведениях 40-х годов поэт достигает пика мастерства, высшей степени художественной обобщенности. Остается удивляться, как удается. Его душевное состояние крайне напряженное. Поэт замотан, растерзан, беспрестанно трясется по дорогам между столицами и Кавказом, участвует в военных операциях с горцами, рискует жизнью...

И всякий раз на его пути — Воронеж. Дорожная неизбежность? Или все-таки Божье благорасположение: дать возможность передохнуть в тихом губернском городе, собраться с мыслями, привести себя в чувство?

Дорога в судьбе поэта — мощнейшая мотивация творческого взросления. Дорожные впечатления — уникальная возможность понять себя и других, прикоснуться к земному — сиюминутному и небесному — вечному. Кто еще из его стихотворцев-современников мог легко, подобно космическому кораблю пришельцев, взмыться с сельской обочины, с каменистого берега горной речки, с места боя сразу под облака, к звездам, свободно переместиться в пространстве и времени, сделав рядовую деталь земного бытия неотъемлемой частью мироздания и высшей гармонии? Наше общество только сегодня с помощью информационных технологий научилось создавать иллюзию картинки, в которой человек будто бы становится живым участником воображаемого действия. А поэтический гений Лермонтова с помощью нехитрых приемов со словом, образом и метафорой, как в современных технологиях 3D, творил объемную поэтическую иллюзию мира, помещая в него человека, чтобы понять, каков он, откуда в нем столько противоречий и отступлений от «подобия божьего».

Под ним струя светлей лазури.
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Стихотворение «Парус», 1836 год. Поэту всего 22 года. Начало поэтического движения к вечному странствованию. Все написанное до этого в основном — ученичество и подражательство, оно — от общей культуры, образованности, начитанности. А в «Парусе» уже сама судьба будущего пророка водит пером по бумаге. Мятежный дух человека с его первородной обреченностью перед силами природы органично вписан в глобальные координаты земли и неба, моря и солнца!

...А уже через год Лермонтов будет сослан на Кавказ за дерзкий стихотворный отклик на смерть Пушкина. И маршрут его впервые проляжет через незнакомый ему город — Воронеж.

...А в 1839 году наконец-то закончит поэму «Демон», в которой по воле автора пространство, время и дух то сведены в точку, то отодвинуты до башен монастыря, а то распахнуты до космических горизонтов, над которыми «...за веком век бежал, // Как за минутою минута, // Однообразной чередой...». И кульминацией авторской медитации станет сцена клятвы Демона. Это — не воспаленный бред влюбленного юноши, стоящего на коленях перед любимой, это — голос неба, дыхание вселенной:

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем...

...А через четыре года Лермонтов напишет «Тучи»... И такая же, как в «Парусе», простота, ясность и обманчивая внешняя безыскусность. Но вместо юношеского показного бунтарства мы угадываем пророческую мудрость мужа, воина, поэта, соединившего в себе несоединимое — все параллели мира, его философско-этические и духовно-нравственные потоки.

* * *

Дождь снова прекратился, небо стремительно очистилось. Синева и солнце. Два цвета торжествуют, наполняют красками каждый уголок земного пространства. И — ни одной тучи.

А как же Лермонтов? Как же мои попытки повстречать его на Большой Дворянской — главной улице старого Воронежа? Ведь он уже тут бывал. И когда ехал в конце января 1841 года из Новочеркасска... Останавливался в гостинице Колыбихина. Не сильно задержался, правда, спешил, не терпелось в столицу, к друзьям... И когда в конце апреля — начале мая того же года, но уже на обратном пути, из Петербурга на юг... Ехал не один, со своим другом и родственником А.А. Столыпиным-Монго. Ехал с неохотой, трудно. словно нехорошие предчувствия одолевали. Потому, наверное, и задержался на несколько дней в провинциальном Воронеже. Сняли с Монго номера в гостинице Евлаховой и немного покутили, повеселились с местными барышнями...

...Мысли навязчивы, от них тяжело отмахнуться. И я хочу, чтоб снова по небу поплыли тучи. И тогда поэт будет мне ближе. Ведь он — тучка! У него этот образ по всему творчеству. Помните:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана...

Я пытаюсь остановиться на этих строчках и не могу: они выскальзывают из сознания наружу:

Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...

И пока нервничаю по поводу перемен погоды, пока надрываю сердце глупыми вопрошаниями, кажется: все эти небесные существа из всех лермонтовских стихотворений и поэм, прозы и писем наползают на меня, обволакивают, завораживают и под воздействием счастливого колдовства, растворившегося в крови, обжигающего прелестью и тайной, уносят за собой в край вечной гармонии...

И я спрашиваю, не знаю у кого, просто спрашиваю: как удалось поэту в этом стихотворении соединить волшебную простоту и глубочайший философский и нравственный подтекст? Ни единого намека на конкретную житейскую ситуацию, ни малейшего штриха в описании места или времени действия и уж тем более — открытой обиды и презрения, как, например:

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ...

Только настроение и музыка. Вечные мотивы, понятные любому чуткому сердцу и здравому уму. Это как у Пушкина в стихотворении «Я вас любил...».

Кто только не следил за плавным движением небесных путешественниц! Кто не дивился их причудливым и неземным формам! Не правда ли, красиво, романтично, забавно? Наверное, и через сто лет какой-нибудь гордый юноша — ровесник Лермонтова, только не с саблей на боку и верхом на лихом коне, а с чипом в башке и с монитором в зрачке, будет с интересом следить за полетом туч. Может, даже будет испытывать чувство легкой грусти, одиночества от мимолетности жизни. Что поделать: присутствие человека в обществе себе подобных не гарантирует защиту от таких душевных состояний. При виде проплывающих мимо «тучек небесных» почему-то наиболее остро осознаешь себя пылинкой в космической бездне...

А вот Лермонтов двумя последними строчками разрушил стандартные романтические ощущения, придав стихотворению ненавязчиво-горестное, но легко прочитываемое гражданское звучание:

Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания...

Парадоксальный, неожиданный поворот авторского настроения — словно отрезвляющая от романтического опьянения дождевая струя. Иллюзии созерца-

ния, созданного в первом четверостишии, рассеялись. Дохнуло хладом космической бездны, взглядом оттуда, откуда всего видней: кто ты — властелин, раб, избранник, изгнанник, пророк или бунтарь-одиночка? Согласен ли ты разделить судьбу «вечно свободных» тучек, кому «чужды... страсти и чужды страдания» или все-таки лучше оставаться в трудной доле изгнанника, но вместе с родиной? И только потом, перед последней поездкой на Кавказ, за несколько месяцев до трагической дуэли, Лермонтов будто делает «контрольный» поэтический выстрел:

Прощай, немытая Россия!..
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь...

* * *

Небо слышит своих избранников. Небо не теряет с ними связи, сколько бы лет ни минуло на земле, сколько бы туч ни проплыло по голубой лазури.

...Слава богу, после короткого прояснения тучи вновь вынырнули откуда-то, будто из-под карнизов многоэтажек или из-под придонских холмов, и плывут себе — на радость фантазиям лета.

Степью лазурною, цепью жемчужною...

...Все-таки здорово, что поэт всякий раз отправлялся на Кавказ через мой город. Наверное, поэтому я слышу его голос, различаю в забытом сонме людских шагов чеканный строй его гусарских сапог. А еще я пытаюсь представить образ поэта, во что он одет, похож ли на того, что привычно смотрит с книжных страниц. Мысленно рисую нашу возможную встречу.

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть...

Нет, это не пойдет — финал трагичен. Может:

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта?..

Пожалуй, это ближе к настроению. Но смущает слово «отрадный»...

И вдруг случайно, почти беспричинно из памяти выплывают строчки его «Казачьей колыбельной песни»:

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой...

Я не могу сообразить, отвечают ли они воображаемой сцене встречи. Скорей всего, нет. Но строчки помимо воли льются из души музыкой — немножко грустной, немножко светлой. Я пытаюсь понять, откуда эта музыка? Почему эта песня мне знакома? Где я мог ее слышать раньше?

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой...

И меня озаряет: эту песню пела нам, братьям, бабушка. Она училась в церковно-приходской школе еще в начале прошлого века. Когда ей было восемьдесят лет, она свободно цитировала наизусть целые куски из стихотворений Кольцова, Никитина. А «Колыбельную...» Лермонтова пела...

Вот как учили наших бабушек русской поэзии!

Лермонтов трижды проезжал на Кавказ через воронежский край. Однажды, в 1840 году, он отправился к месту службы с однополчанином Александром Гавриловичем Реми. Впоследствии попутчик и однополчанин поэта стал известным генералом. Погиб трагически в 1871 году в железнодорожной катастрофе. О совместной поездке на юг договаривались в Петербурге с еще одним товарищем по лейб-гвардии гусарскому полку Александром Львовичем Потаповым, который взял с Реми и Лермонтова слово, что они попутно погостят в его имении, в деревне Семидубравное Землянского уезда Воронежской губернии, куда он отправлялся несколькими днями раньше.

Потапов, происходивший из знатного генеральского рода и являвшийся внуком воронежского губернатора екатерининского времени, письменных воспоминаний о полковом товарище Лермонтове не оставил. Известно лишь, что некоторые сведения о поэте сообщил первому биографу Лермонтова П.А. Висковатому. В 1891 году тот издал книгу «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество». Из сообщения Потаповым стало известно, что в Семидубравном Лермонтов сочинил музыку для своей «Казачьей колыбельной песни» и что ноты этого произведения находились в имении.

Впоследствии этот примечательный факт из биографии М.Ю. Лермонтова использует Ираклий Андроников в статье «Образ Лермонтова».

В 1877 году «Донская газета» опубликовала «Случай из жизни М.Ю. Лермонтова», записанный якобы неким автором, укrywшимся под криптонимом «Гр.», со слов покойного генерала А.Г. Реми. Из газетного сообщения следовало, что эта поездка для Лермонтова не была простой. (Кстати, в публикации называется дата — 1841 год, но исследователями, в частности Г.В. Антюхиным, Б.Г. Окуневым и другими, на основании краеведческих материалов указывается 1840 год — *прим. авт.*). Поначалу Реми не хотел брать в попутчики поэта из-за его сложного характера. Лермонтов дал клятву вести себя в дороге мирно. Но когда, то ли еще в Петербурге, то ли по дороге, поэт узнал, что у полкового товарища в Семидубравном гостит к тому же его двоюродный дядя — генерал Потапов, слывший в среде офицеров свирепым «зверем», Лермонтов отказывался заезжать в деревню, отговаривал и Реми. Однако гусарское слово было дороже непредвиденных обстоятельств. Опасения Лермонтова оказались напрасными. По сообщению той же газеты, когда после обеда Реми и Потапов-младший пошли за чем-то во флигель, поэт остался наедине с генералом. Каково же было удивление последних, когда они, возвратившись примерно через полчаса, увидели на одной из площадок сада сидящего на генеральской шее Лермонтова. «Оказалось, что «зверь» и до лихорадки боявшийся его поэт играли в чехарду», — пишет газета. Развязкой коллизии стали генеральские слова: «Из этого случая вы должны заключить — какая разница между службой и частной жизнью — будьте и вы такими же. На службе никого не щажу — всех поем, а в частной жизни я — человек, как и все».

«А.Л. Потапов, — заключает «Донская газета» — бывши на Дону атаманом, подтвердил этот рассказ».

...Некоторые исследователи высказывали предположение, что каприз Лермонтова объяснялся не боязнью поэта повстречаться с генералом-«зверем», а свободлюбивыми идейными настроениями. Из биографии генерала Алексея Николаевича Потапова следует, что он повел себя крайне верноподданнически в день восстания декабристов, 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, за что и был пожалован возшедшим на престол новым императором Николаем I званием генерал-адъютанта. Затем вошел в следственный комитет, который занимался делом

декабристов, в августе 1826 года был произведен в генерал-лейтенанты... Лермонтову, симпатизировавшему декабристам, эти факты были известны.

Увы, как бы там ни было, история рассудила всех.

А мы благодарим судьбу за то, что поездка Лермонтова в Семидубравное в тот раз все-таки состоялась.

Все дни, проведенные в имении Потапова, Лермонтов был бодр и весел, музицировал и наверняка не единожды презентовал в собственном исполнении «Казачью колыбельную песню».

* * *

Воронеж... Степь... Тучи... Колыбельная песня...

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Как это все мило и грустно, понятно и близко. И тревожно!

И — образ поэта как воплощение настроения. Скользит по небу тучкой из исторического небытия, чтоб хоть одним глазком взглянуть на город, в котором когда-то местная газета в хронике сообщала: в гостинице такой-то такого-то числа остановивался господин поручик М.Ю. Лермонтов...

Пытаюсь вместе с поэтом представить ту старину, и мне почему-то верится, что Лермонтову наверняка льстило, что он, автор стихотворения «На смерть поэта», несколько раз повторял маршрут своего поэтического кумира — Пушкина.

Но вот случился же парадокс истории! О Лермонтове губернская действительность оставила память в виде коротких строчек в хрониках «Воронежских губернских ведомостей» и в воспоминаниях современников. О посещении же нашего края «солнцем русской поэзии» воронежские архивы молчат. Пока ни единой строки, кроме страстного желания местных краеведов разыскать хоть какое-то упоминание. И желание это постоянно подпитывается строчкой самого Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине». С этим авторским признанием следы пребывания поэта в воронежских просторах затерялись. Живут, правда, легенды. Лично мне известны две.

Первую я услышал лет десять назад в старинном донском селе Нижний Мамон. Это примерно километров двести с небольшим на юг от Воронежа. Село растянулось на пятнадцать верст вдоль берега Дона.

В те годы, когда вечные странники русской литературы совершали поездки на Кавказ, в Нижнем Мамоне осуществлялась переправа через Дон. В наши дни здесь, в обыкновенной деревенской избе, располагается этнографический музей. В нем весьма даже уютно. Есть и уголок, посвященный А.С. Пушкину. Среди вещей и утвари привлекает старинный чайник. Местная экскурсоводша всегда увлеченно и с гордостью рассказывает, что именно из него нижнемамонский пастух угощал Пушкина чаем. «Иначе и быть не могло, — говорила она убежденно, — потому что другого пути на юг в ближайшей округе не было. Стало быть, Пушкин в нашем селе был!»

Наверное, жаль, что это — легенда! И, наверное, это — счастье, что у села Нижний Мамон и у его жителей есть легенда: такие легенды помогают нам выжить, сохраниться в нынешних безжалостных тисках глобализма и вымывания мультимедийными технологиями из молодого национального сознания исторической памяти...

Вторую легенду о пушкинском маршруте по воронежским землям услышал летом 2012 года, в день рождения Александра Сергеевича. И совсем в другой сто-

роне от исторического кавказского тракта — около Нововоронежа, в селе Олень-Колодезь. Местные жители убеждены: именно из их родников Пушкин пил студеную воду. Автор исторической хроники о Петре I не мог не заехать сюда, потому что наверняка знал, что в Олень-Колодезе император бывал не один раз. Почему бы не посмотреть на село, куда приезжал сам царь-корабел?

Поклонники красивой легенды даже установили на околичном взгорке памятный знак. Он напоминает чем-то треногу. На знаке надпись о том, что через это село проезжал Пушкин. Ежегодно в день рождения поэта, шестого июня, у этого знака собираются самодельные поэты из окрестных сел и из города атомщиков. Читают стихи, делятся новостями и впечатлениями. Приглашают в гости профессиональных авторов из Воронежа. В качестве гостя я и побывал на легендарном месте.

Конечно, жалко, что в Воронеже, кроме легенд, нет документальных свидетельств о пребывании Пушкина. И все-таки прочная незримая нить соединяет и роднит наш город с великим поэтом-странником. И этой связующей нитью, несомненно, является Алексей Кольцов, который был лично знаком с Пушкиным. Встречались они в Петербурге в 1836 году.

Их встреча — символический знак судьбы в литературной биографии Воронежа и в его историческом предназначении быть не только транзитным пунктом русской свободомыслия, но и родиной отечественной поэзии.

Тогда в северной столице встретились не просто два поэта, но и два достойных сына Отечества. Дворянин и разночинец. Эстет и самородок. Представители двух сословий, двух эстетик и культур... Один гениально переплавил застывшую, омертвевшую в строгих канонах классицизма дворянскую литературную традицию в живую, звенящую, солнечную энергию человеческого торжества. Другой вывел крестьянскую душу, чистую, как утренняя роса, звонкую, как речная струя, и вольную, бесконечную, как воронежская степь, за деревенскую околицу. И по ухабам, по большаку, по почтовому тракту дошла она, томящаяся в нужде и празднествах, буйстве и лени, в трудовом гнете и мироедстве помещиков, в веселой и грустной песне, в безответной, нежной любви и огневой, безрассудной пляске, — до столичных бульваров.

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострую;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Пушкин интуитивно рассмотрел в Кольцове родоначальника пробивающегося из глубин народного поэтического сознания самостоятельного литературного направления. Наверное, это же самое рассмотрели в Кольцове и воронежский книгопродавец Д.А. Кашкин, и семинарист А.П. Сребрянский, а также современники и друзья Пушкина: Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, В.Ф. Одоевский, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский (кстати сказать, Василий Андреевич дважды встречался с поэтом в Воронеже в 1837 году — по дороге на юг в составе придворной свиты и обратно). А русские композиторы охотно создавали на кольцовские тексты музыкальные произведения. Но самое важное, что стихи и песни Кольцова принял простой народ, который и ныне поет их, не догадываясь, кто автор слов.

Странный поэтический судьба Кольцова, как и его великих современников, в век экспансии информационных технологий поучительна: они не дают нам оторваться от истоков, от почвы, не позволяют просвещенному цинизму и прагматической выгоде от всего выкорчевать из народной памяти корни нашей духовности и культуры.

Особенно остро понимается это во время поездок по воронежской глубинке. Ни современные машины и агрегаты в поле, ни звук авиалайнера в небе, никакая другая деталь окружающего мира не способны компенсировать даже сотой доли настроения, которое мы получаем при общении с природой. Человек — природа — мир. Божественное триединство от Сотворения... Меняется материальная обстановка, на смену устаревшим приходят более усовершенствованные предметы быта, а человек в сущности остается собой: работает, гуляет, влюбляется, воспитывает детей, бывает — пьет, буянит и ленится. Ничего не поделаешь — это жизнь. Как во все времена. И во все времена у человека один и тот же проклятый вопрос: он над природой и миром — властелин или природа и мир — над ним...

...Наверное, это глупо, нелогично, но почему-то и об этом тоже думалось мне в эти дождливые часы июльского утра, в моменты духовного и эмоционального сопряжения с «тучками небесными». Да и размах-то у Кольцова разве не схожий, не близкий лермонтовскому?! Вон куда замахнулся — «к морю Черному». Даже настырных юношеских амбиций не скрывал: давно ему гулять с косой «по траве степной... хотелось...».

Оказывается, этот самородок-прасол в творческом полете способен был пронизать воображаемые поэтические пространства, как и Лермонтов — вечный изгнанник на земле и вечный избранник неба.

Остается сожалеть, что у Кольцова и Лермонтова не было встречи. Хотя каждый из них друг о друге, наверное, слышал. Интересно, каким бы могло быть их знакомство? Лермонтов — не Пушкин. Пушкин — певец земли и сердца, он с радостью поддержал такое поэтическое явление, как Кольцов. Лермонтов — певец неба и мятущейся души. Принял бы он Кольцова, рассмотрел бы в нем родственную странническую душу? Захотел бы пригласить в сообщество «тучек небесных»?

* * *

Летний дождь — капризное создание... Пока я любовался лермонтовскими тучами, пока готовился к мысленной встрече с поэтом, пока размышлял над строчками его стихов, к полудню ветер поменял направление. Горизонт очистился. И где теперь те чудные небесные пилигримы, которые всколыхнули сердце, разбредили, взволновали? В каких краях-пределах?..

Не в такой ли точно день 27 июля (по новому стилю) 1841 года у горы Машук предательская пуля прервала земной полет поэта?..

...А деревню Семидубравное Землянского уезда Воронежской губернии в годы Советской власти переименовали в Новую Покровку Семилукского района. Вряд ли теперь различит ухо среди земных звуков этого селения мелодию «Казачьей колыбельной песни», которую Лермонтов написал здесь, в степной глуши, когда гостил в имении Потаповых...

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

* * *

**ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЛЕРМОНТОВА
НА КАВКАЗ. 1841 ГОД.**

Пусты дороги Черноземья.
Печален юноша-гусар.
В походном скарбе — груз презренья,
В душе — священный неба дар.

Ужель поэт в России — странник?
Иль званья все в одном сошлись:
Избранник — то же, что изгнанник?..
Иных судьб не терпит жизнь!

Неспешна музыка степная.
И далеко еще Кавказ.
И в небе тучка золотая
Торопит к югу тарантас.

«Прощай, немытая Россия...»
И степь лазурная, прощай!
Донской волной плеснул над синью
И скрылся в дымке милый край.

«Монго, Монго, мой друг прелестный!
Тоска на сердце, как свинец...
Ужели тучкою безвестной
Мелькну в лазури — и конец?!»

Весна не лечит ран душевных
И даль теснит тревогой грудь...
«Монго, я — брат сих тучек бранных!»
Воронеж... Степь... Последний путь...

17.07. — 29.07.2012 г.

Юрий Кургузов,
член Союза писателей России

«У МЕНЯ ВСЁ, ЧТО НАЧИНАЕТСЯ, НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ...»

Первая моя, еще не «рабочая», но как бы уже и «установочная» встреча с самым титулованным воронежским археологом Анатолием Дмитриевичем Пряхиным оказалась случайной: на открытии обновленной древнеегипетской экспозиции в Музее изобразительных искусств им. И.Н. Крамского.

После окончания мероприятия мы прошли пешком по проспекту Революции да еще с час проговорили на автобусной остановке.

Долгая же предметная беседа состоялась через несколько дней у Анатолия Дмитриевича дома. Потом он заходил ко мне на Никитинскую, в Союз писателей, — я что-то уточнял, переспрашивал.

Итак...

Родился Анатолий Дмитриевич в старинном русском городе Ельце (тогда Орловской, ныне — Липецкой области. — Ю.К.) 23 августа 1939 года. Его родители, Дмитрий Николаевич и Мария Петровна, были служащими на железной дороге.

В 1941-м началась война, и детская память сохранила совсем не детские «кадры»: разрушенный Каракумовский мост, бомбежка железнодорожного вокзала, эвакуация семьи в Казахстан. Отец и мать Анатолия в годы войны были мобилизованы на трудовой фронт. Воспоминания о возвращении в родной Елец — колонны пленных немцев, уныло бредущих по Красноармейской улице, и — голод. Постоянно хотелось есть...

— А знаешь, — улыбается Анатолий Дмитриевич, — я в шутку называю себя «участником войны». Во время немецких бомбежек Ельца все обычно прятались в подвалы. А мне лень было бегать туда-сюда, и я лез под кровать и пережидал бомбежки там — получается, вроде как на переднем крае боевых действий. А еще — уже после войны — швырялся камнями в пленных фашистов. Малец-малец, однако камни кидал ловко. Но и получал, бывало, за это...

Большое влияние на формирование личности и интересов Анатолия оказал дед Петр Алексеевич. Он рассказывал мальчику «преданья старины глубокой» о древнем Ельце, о величественной Аргамаче, возвышающемся над берегом Быстрой

Сосны, ну и вообще — о былом, что в дальнейшем, конечно же, во многом предопределило выбор внуком именно такого жизненного пути...

— В детстве воспитанием моим больше занимались дед и бабушка Ксения Иосифовна, — говорит Анатолий Дмитриевич. — И я даже называл их — «папа Петя» и «мама Ксина». А родителей просто — «папа» и «мама»...

Но «выбор пути» будет позже, а тогда, после окончания в Ельце Толей третьего класса, семья Пряхиных переехала в Подмосковье: Зеленоградский район, станция Крюково. Учился Анатолий в Каширской средней школе и окончил ее в 1957 году. Однако Елец навсегда остался его «первой (и, думаю, главной) любовью». Он приезжал туда постоянно, особенно на школьных каникулах.

И кстати, именно тогда, еще пацаном, Толя принял участие в своих первых археологических раскопках. В окрестностях Ельца все время «копали», и мальчик уходил утром, а возвращался чуть ли не затемно — с величайшим интересом помогал археологам, так сказать, на общественных началах...

— Елец столько дал мне! — говорит Анатолий Дмитриевич. — Когда я впервые пришел в местный краеведческий музей, директором там был Алексей Прокофьевич Небудко, замечательный человек и энтузиаст исследования родного края. Сколько же мы исходили троп и дорог! А уже в бытность мою студентом мы с Алексеем Прокофьевичем ездили на Каменную гору — древний Елец. (Кстати, еще был свидетелем раскопок старого городища около Каширы.) И я очень рад, что и сам через много лет смог стать чем-то полезным родному городу. Елец — это поистине отдельная глава в моей жизни.

— Но почему поступили в Воронежский университет? В Ельце ведь был педагогический институт. Да и жили под Москвой.

— В Елецком пединституте тогда — нонсенс, конечно! — не было исторического факультета. (Слушай, ну что это — педвуз без истфака!) Я собирался поступать в МГУ. Окончил школу в 1957-м, и в том году в МГУ принимали только золотых медалистов. Я шел на золотую медаль, но на школьных выпускных экзаменах наломал дров на сочинении по «Горе от ума» Грибоедова — Скалозуба назвал Зубоскалом. Медаль в итоге не получил и решил ехать в Воронеж.

Почему сюда? Родители в свое время окончили СХИ. А еще, конечно, наслышан был о Костенках.

Крепко помог, в том числе деньгами, дядя, который был ненамного меня старше. А родители вообще не знали о моих планах. Я попрощался: «Пока, — говорю. — Поехал...» Они думали, на целину. А я поступил в университет и только тогда сообщил об этом отцу и матери. Нелегко, конечно, было на первых порах. Иногда даже приходилось на вокзале ночевать.

— А почему именно археология, Анатолий Дмитриевич? Вот, к примеру, ваши товарищи и коллеги: Арсен Тигранович Синюк мечтал стать археологом с детства, а Анатолий Захарович Винников, судя по его воспоминаниям, любя «историю вообще», к археологии шел постепенно. А вы?

— Ну, я же, повторюсь, начал «копать» еще школьником. А главное — куратором нашей учебной группы стала Анна Николаевна Москаленко.

И вот однажды Анна Николаевна где-то что-то «недорыла», отобрала ребят-первокурсников, меня в том числе, и мы стали копать. И там возникло уже настоящею профессиональное влечение к археологии. А позже (3-й — 4-й курсы) по рекомендации Москаленко меня взяли на раскопки в Черниговской области тогдашней УССР Любечского замка Владимира Мономаха (с 1078 по 1094 год будущий великий князь Киевский Владимир Мономах княжил в Чернигове. — Ю.К.), руководил которыми один из титанов нашей археологии и исторической науки академик, директор Института археологии Академии наук СССР Борис Александрович Рыбаков. Представляешь, какая школа?! Нам с другим студен-

том-добровольцем Петей Толочко работа, правда, досталась нудная — копать столбовые ямы на въезде, но нашей старательностью мэтр остался доволен и, видимо, нас запомнил. (К слову, сегодня академик Петр Петрович Толочко является президентом Национальной академии наук Украины.) А меня Рыбаков после в каком-то смысле слова курировал, опекал.

В 1959 году, будучи на каникулах в Ельце, я познакомился с ленинградским археологом Всеволодом Протасовичем Левенком, который производил разведку в округе Ельца и в том числе на Воргольском городище. Но Левенка интересовал в первую очередь неолит, а я задумался о раскопках городища, тем более что там имелись и материалы, аналогичные находкам на Титчихе, на которой мы работали под началом Анны Николаевны Москаленко.

И я, еще будучи студентом, в 1961 году, впервые руководил самостоятельными раскопками — Воргольского городища. Позже (1964, 1980, 1981 годы) было еще несколько экспедиций, в результате которых мы получили многочисленные свидетельства эпохи бронзы, раннего железного века, славяно-русского времени конца I тысячелетия нашей эры и более позднего периода. Я и дипломную работу защищал по Воргольскому городищу.

Так что уже тогда мой путь в науку фактически был предопределен; да еще и участь на пятом курсе, принимал экзамены у младшекурсников. (Кстати, в те годы изо всех других студентов, интересующихся археологией, уже выделялись Арсен — мы звали его Аликом — Синюк и Анатолий Винников, про которого Анна Николаевна еще «на раннем этапе» мне сказала: «Толя, там есть такой Винников. Очень упрямый парень, делает все наоборот. Обрати на него внимание...») Тогда же я стал лаборантом кафедры истории СССР досоветского периода, а после окончания учебы — ассистентом этой кафедры, аспирантом у Анны Николаевны Москаленко. Через четыре года, в 1966-м, защитил в Институте археологии СССР кандидатскую диссертацию «История Верхнего и Среднего Подонья во II — начале I тысячелетия до нашей эры». И материалы эпохи бронзы из Воргольского городища раскопок сезона 1964 года я тоже включил в текст диссертации...

Во второй половине 1960-х — середине 1970-х годов Воронежский университет значительно расширил масштабы археологических полевых исследований. Основные работы проводились совместно с Институтом археологии Академии наук СССР в зоне строительства будущего Воронежского водохранилища, и оказалось, что нижнее течение реки Воронеж — подлинное археологическое Эльдorado. Некоторые результаты тех раскопок нашли отражение в вышедшей в 1968 году в моем родном Центральном-Черноземном книжном издательстве брошюре А. Пряхина и А. Синюка «Древности из зоны Воронежского моря». А предварительная оценка найденных там абашевских древностей была дана в первой монографии Пряхина «Абашевская культура в Подонье» (ВГУ, 1971)...

— Но, может быть, самым главным результатом того периода, — говорит Анатолий Дмитриевич, — стало то, что университет наконец «поверил в археологию». В том смысле, что если до масштабнейших раскопок в зоне водохранилища она пребывала в ВГУ где-то на вторых, если не на третьих ролях, то после этих раскопок университетская археология вдруг точно восстала во весь рост.

Ну вот посудите сам. Копали, повторяю, — вместе с Академией наук СССР! От Академии руководил раскопками заместитель директора Института археологии Петр Дмитриевич Либеров — фигура просто легендарная, — а от ВГУ — ваш покорный слуга. И все материалы поступали к нам. А с площадями в университете тогда была напряженка. Где все это хотя бы первично складировать, разбирать, чистить, мыть? И — пришлось в коридорах. Загадили мы их, конечно, неопишимо! Но с другой стороны — руководство, с изумлением взирая на все это столпотворение, словно впервые увидело и осознало: вот она — АРХЕОЛОГИЯ!.. В общем,

раскопки те сыграли колоссальную роль в дальнейшем развитии археологии в университете. Не зря же, пускай и с некоторым преувеличением, говорится: «Главное — имидж».

И сами мы в процессе этих полевых сезонов росли. Толя Винников успешно работал по средневековью, Алик Синюк здорово поднялся тогда — знаменитая 3-я Университетская стоянка; он занимался неолитом и ранней бронзой. И вот к слову. Арсен работал в краеведческом музее; я помог ему устроиться в пединститут. А там археология была, чего греха таить, слабенькая. Шоков Антон Федорович являлся, скажем так, специалистом прошлого поколения. А Арсен в «педу» и свою жизнь как ученого, и институтскую археологию начал просто с новой страницы. С годами же, сам знаешь, создал там авторитетную научную школу.

Ну а с нами стали сотрудничать, лекции читать в университете, вести спецкурсы светила отечественной археологии: Валерий Павлович Алексеев, Анатолий Пантелеевич Деревянко, Светлана Александровна Плетнева, Владимир Иванович Матющенко, Константин Федорович Смирнов, Владимир Федорович Генинг, Валерий Иванович Гуляев, директор Государственного Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский... В общем, воронежская археология стала выходить на всесоюзный уровень...

А еще тот период (вторая половина 1970-х — середина 1980-х) — время интенсивной работы Анатолия Пряхина над докторской диссертацией. И здесь большую роль сыграло его участие в раскопках памятников за пределами бассейна Дона — в Пензенской области, Самарском Поволжье, в Башкирии, Зауралье — зоне известного сегодня на весь мир Синташтинского поселения. Также под руководством Пряхина в 1976 году был раскопан просто уникальный курганный могильник абашевской культурно-исторической общности у села Подклетное на окраине Воронежа. Яркие материалы этого погребального комплекса Анатолий Дмитриевич включил в текст своей докторской диссертации, которую опубликовал еще до защиты в двух монографиях (1976, 1977).

И, конечно, нельзя не сказать об исследованиях Мосоловского поселения на реке Битог (Аннинский район Воронежской области). Уже первый (1972) год работ дал яркие находки, характеризующие металлопроизводственную деятельность населения срубной культуры. Последующие раскопки под руководством А.Д. Пряхина и В.И. Сагайдака подтвердили подлинную научную ценность этого памятника.

Всего же полевые исследования поселения (в том числе и совместные с украинскими коллегами) продолжались более полутора десятилетий. Масштаб работ поистине впечатляет: основная площадь памятника (около 11000 квадратных метров!) была раскопана почти полностью. И материалы Мосоловки на долгие годы станут основой ряда статей и темой двух обобщающих монографий, в которых Анатолий Дмитриевич подвел итог многолетним исследованиям этого уникального поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности. А еще — через памятник «прошли» множество молодых ученых, в связи с чем весьма актуально высказывание одного из ведущих археологов Башкирии профессора В.С. Горбунова о том, что Мосоловское поселение фактически стало учебно-методическим полигоном, сформировавшим научную школу А.Д. Пряхина.

— ...Ты понимаешь, все данные из раскопок Мосоловки и их сопоставление с материалами Донецкого бассейна позволили сделать вывод о существовании в срубное время единого доно-донецкого центра металлургии и металлообработки, а не исключительно лишь «импорта», как раньше считали, руды и изделий с Урала. И по Мосоловке я опубликовал две книги — в 1993 и 1996 годах. А время-то сам помнишь какое было трудное — кризис в стране по всем направлениям. Спасибо, помог академик Валерий Павлович Алексеев — написал письмо тогдашне-

му министру Тихонову, в котором говорил, что подобная работа привлечет внимание европейских и американских ученых и станет огромным вкладом в мировую археологическую науку. Министр переадресовал это письмо ректору ВГУ, и в итоге монография вышла, хотя по причине того же экономического кризиса полиграфическое исполнение, конечно, оставляло желать лучшего.

И у меня сейчас есть мысль: сделать третью книгу — Мосоловка и Донецкие рудники. В отличие от многих коллег, я к одному и тому же сюжету могу возвращаться не раз. Это не — «написано и с плеч долой» и не груз былого какой-то, а основа для дальнейшего развития.

Добавлю еще по этому поводу. У меня было две книги по Доно-Донецкому региону в эпоху бронзы. Последняя вышла в 2010 году. Так надо делать третью — о современном этапе. Трехтомник — это, конечно, интересно...

Ой, по-моему, уважаемые читатели, следуя за «словом и делом» своего героя, я несколько увлекся, нарушил хронологию и должен теперь на время вернуться назад. Возвращаюсь.

В 1976 году Анатолий Дмитриевич Пряхин стал заведующим кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ и практически сразу же занялся формированием научного направления «Восточноевропейская лесостепь и развитие обществ с производящей экономикой (эпоха бронзы — раннее средневековье)». В 1977 году он защищает в Институте археологии АН СССР докторскую диссертацию «История древних скотоводов II тысячелетия до нашей эры лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность)»; в 1978-м получает ученое звание профессора. С 1978 года кафедра начинает издавать серию научных статей «Археология восточноевропейской лесостепи» (с 2005-го — серию «Археологические памятники Донского бассейна»). В начале 1980-х создается археологический музей ВГУ; через несколько лет в структуре кафедры была образована лаборатория естественнонаучных методов. Защищают кандидатские диссертации А.П. Медведев, Ю.П. Матвеев, позже — М.В. Цыбин, А.С. Саврасов, Н.П. Писаревский, и на кафедре формируется сильный коллектив молодых талантливых археологов. К слову, на археологии специализировались и некоторые иностранные студенты; многие из них ныне работают в университетах и научных центрах ряда стран Европы, Африки и Латинской Америки...

— Особенно значительно влияние воронежской археологии в республике Мали, — говорит Анатолий Дмитриевич. — Там наукой руководят выпускники нашего университета, в том числе и мои ученики. И мы несколько сезонов копали в верховьях Нигера культуру Дога...

— Это средневековье, Анатолий Дмитриевич?

— Да.

— И что, ужель те самые догоны?..

(Африканское племя догонов, уважаемые читатели, на протяжении тысячелетий хранит свой собственный, стройный миф теории Мироздания. По мнению некоторых исследователей, их уникальные знания представляют собой просто удивительную загадку. Догонам известно строение системы звезд Сириуса, расстояние от них до Солнца, их массы, орбиты, периоды обращения и даже плотность. Согласно мифологии догонов, на Землю уже дважды прилетали представители цивилизации со звезды Сиги толо — Сириус из созвездия Большого Пса. А некоторые «метаисторики» считают догонов потомками расы атлантов. Вот так вот! — Ю.К.)

— Самые те. Побывал я у них, вместе со своими бывшими учениками, пообщался, так сказать, с племенным руководством. И между прочим, догонские шаманы производили надо мной определенные обряды, инициации, чтобы я смог

посетить их сакральные, священные места. Министра культуры Мали туда не пустили. А я вот удостоился, понимаешь.

Очень интересно, Анатолий Дмитриевич! Но давайте вернемся домой. Вопрос дилетанта: кто, какие племена жили в нашем регионе в последние несколько тысячелетий?

— Ну, если очень схематично, без нюансов и полутонов, то IV — середина III тысячелетия до нашей эры — это ямная культура; далее, до начала II тысячелетия — катакомбники; потом, вторая половина II тысячелетия — абашевцы; за ними, где-то до начала I тысячелетия до нашей эры — срубники. (Названия «ямная», «катакомбная» и «срубная» — по характеру погребений. — Ю.К.) Все они индоевропейцы. Дальше идет, так сказать, «смутное время» — несколько «темных веков», с которыми и у специалистов пока ясности нет. Ну а затем — раннее железо, скифы, сарматы (и те, и те — ираноязычные кочевники); открыт и комплекс черняховской культуры на Верхнем Дону, а у нас имеются памятники, испытывавшие на себе ее влияние. (Черняховская культура, достоимые читатели, выражаясь простым языком, штука сложная. Она была распространена в III–IV веках нашей эры от Нижнего Подунавья до левобережья Днестра и включала в себя множество этнических компонентов: поздних скифов и сарматов, балтов, а также ранних славян под, видимо, верховенством германцев-остготов. — Ю.К.) Ну а далее уже идет Средневековье...

И вот как раз к вопросу о Средневековье. В начале 1980-х годов А.Д. Пряхин заложил в Воронежском университете основы научного направления, связанные с изучением Юго-востока Древней Руси. И здесь на первом плане, конечно, раскопки многослойного Семилюкского городища на реке Дон и разведки в его округе (1981, 1984 — 1993 годы).

— ...В Семилюкском городище, — говорит Анатолий Дмитриевич, — мы обнаружили три слоя — катакомбники (эпоха бронзы), скифы (железо) и Древняя Русь. Что касается последней — были выявлены улицы, дворовая застройка — 16 жилых построек, а также около 20 хозяйственных ям; получена массовая серия керамики. В результате анализа всего этого материала и других многочисленных находок мы можем всесторонне изучить характер домостроительства, хозяйственную деятельность населения, определить время и истоки основания городища. Кстати, хронологические рамки его «жизни» достаточно узки — конец XII — первая половина XIII века. И я считаю, что это и есть тот самый летописный Воронеж (упомянутый впервые древнерусскими летописями под 1177 годом. — Ю.К.) Но в, так сказать, полноценный город он развиваться не успел — помешали внешние факторы, в первую очередь — нашествие монголов...

А в 1993 — 1997 годах кафедра археологии ВГУ разрабатывает под руководством А.Д. Пряхина и Ю.Д. Разуваева, по федеральной программе «Археология и археологическое наследие народов Российской Федерации», научную тему «Памятники археологии Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации». «Копали» тогда университетские археологи на одиннадцатикилометровом участке — к северу от нашего города, вверх по течению реки Воронеж, зафиксировав в итоге 34 археологических памятника разных эпох. И результаты этих исследований легли в основу научно-прикладной программы «Вантит — уникальная археологическая территория России» (Вантит — упоминаемый в средневековых арабских источниках город на окраине славянского мира. — Ю.К.)

— Так где же именно, по вашему мнению, Анатолий Дмитриевич, находился Вантит?

— Борис Александрович Рыбаков считал Вантитом «Михайловский кордон» — крупное городище славян, которое было расположено над современным дачным

поселком Рыбачье, недалеко от санатория имени Максима Горького. Я же полагаю, что Вантит — это целый комплекс памятников древнерусского времени на берегах реки Воронеж севернее нашего города.

Между прочим, президент Национальной академии наук Украины Петр Петрович Толочко (который, к слову, когда-то изрядно «удревнил» Киев) считал Вантитом именно столицу Украины. Но в начале 1990-х он приезжал в Воронеж, я водил его по нашим «древнерусским местам» и, похоже, «перевербовал». Вскоре он вручил мне свою книгу с такой дарственной надписью: «Дорогому Анатолию Пряхину с благодарностью за чудесную экскурсию по Вантиту. 06.01.1992».

— И коль уж, Анатолий Дмитриевич, мы упомянули Украину... Некоторые украинские ученые, в том числе и историки, такое выдают про Россию, а уж относительно собственной истории «Незалежной» несут полную ахинею!

— Дураки и негодяи были и будут всегда, во всех странах и всех слоях общества. Но рано или поздно эта пена сойдет. Хотя, конечно, сейчас честным и порядочным ученым на Украине непросто. Для меня эта тема большая — много лет мы тесно и плодотворно сотрудничали с украинскими коллегами, я был руководителем с российской стороны совместных археологических экспедиций, сопредседателем международных полевых семинаров, членом редакционных коллегий ряда украинских археологических изданий... Но здравый смысл все равно берет верх: я до сих пор (к сожалению, единственный из российских ученых) — член редакционного совета журнала «Украинская археология», и в одном из его прошлых номеров была опубликована статья «А.Д. Пряхин и украинская археология». В общем, как бы там ни было, а караван идет...

— «Елец — это поистине отдельная глава в моей жизни». «Я очень рад, что и сам через много лет смог стать чем-то полезным родному городу». Так сказали вы, Анатолий Дмитриевич, в начале нашей беседы. А можно об этом поподробнее?

— Конечно! Я упоминал уже, что во «времена оные» Елецкий пединститут вузом являлся весьма скромным — даже истфака не было. Но с приходом в 1986 году молодого, энергичного ректора Валерия Петровича Кузовлева ситуация стала меняться, и, помимо прочего, в 1989-м была образована кафедра по общественным наукам. В 1993 году в институте появилась новая кафедра — историко-культурного наследия, и вот в штат этой кафедры в качестве совместителя был приглашен и я — читал на филфаке спецкурс «Отечественное историко-культурное наследие».

А я еще в 1991 году выступал на Ученом совете ЕГПИ с докладом, в котором предложил совместно с Воронежским университетом реализовать научно-прикладную программу «Елец — уникальная историческая территория России», составной частью которой непременно должны стать археологические раскопки. И хотя копали мы в округе Ельца и в 1989-м, и в 1990-м, но с 1991 года работать с моими младшими коллегами стали там гораздо активнее; также издали брошюры, посвященные археологическим памятникам Елецкой земли. А в 1996 году произошли два значимых для меня события: в Елецком пединституте открылся исторический факультет, и мне было присвоено звание «Почетный гражданин города Ельца»...

Вот, между прочим, — прочувствуй, что для меня значит малая родина... Самую первую в жизни публикацию — рецензию на книгу «Очерки истории Воронежского края...» в № 3 журнала «Подъём» за 1962 год я подписал просто: «Елец». Не имя-фамилия, а «Елец» и все. Как псевдоним, что ли. И «Аура Ельца» для меня слова не абстрактные, а самые живые, родные и сокровенные. Да что там!.. Говорить о Ельце я могу часами. Долго работал у них на полставки. Сейчас уже нет, хотя зовут снова. Но я просто, так сказать, сферу своей деятельности понем-

ногу сужаю — не хочу распыляться, разбрасываться (а когда-то читал лекции по всей стране). Однако проблемы историко-культурного наследия в целом и археологического наследия, охраны памятников в том числе, для меня — и, может, в первую очередь применительно к Ельцу — по-прежнему в ряду главных приоритетов. Елец же — это не только «археология»; это еще и символ, и место чудесного спасения Руси от полчищ Тамерлана; это — Бунин, Пришвин, Хренников, многие-многие другие замечательные земляки. Горд я и тем, что в свое время участвовал в процессе «преобразования» Елецкого пединститута в университет, и тем, что все «мои ельчане» тоже в системе развития, и теперь уже не надо никому доказывать значимость археологии для университета, города, всей Липецкой области в целом.

И я должен еще, обязательно должен сделать книгу «Елец в моей жизни». Не строго научную, а для самого широкого круга читателей. Как знак великой благодарности и признания в любви моей малой родине.

— А кого, Анатолий Дмитриевич, вы бы могли назвать своими учителями?

— Студенческие годы, аспирантура, подготовка и защита кандидатской диссертации — это, конечно, в основном Анна Николаевна Москаленко. Потом просто колоссальную роль в моем становлении как ученого сыграл Борис Александрович Рыбаков. И, разумеется, считаю своими учителями академиком Валерия Павловича Алексеева и Анатолия Пантелеевича Деревянко. Все они в археологии — фигуры и личности просто гигантского масштаба.

— Вы и сами, Анатолий Дмитриевич, давно уже входите в элиту российской археологии и отмечены различными званиями, степенями, наградами.

— Признаюсь честно: наиболее значимы для меня из признания заслуг этого рода — звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», членство в Российской Академии естественных наук и то, что в 2007 году я стал лауреатом Национальной премии «Достояние поколений» с формулировкой «За большой вклад в профессиональную подготовку археологов». Число же ученых советов, редакционных коллегий, оргкомитетов и проч., где я состоял в разные годы или состою по сей день, и сосчитать трудно...

А, кстати, знаешь, какое мое «звание» является просто уникальным? (Автор сих строк только развел руками).

— Я — первый выпускник исторического факультета ВГУ, защитивший докторскую диссертацию. Ты понимаешь, лауреатов, академиков, «заслуженных» много, а это «достижение» уже никто никогда не превзойдет и даже не повторит. Хотя в науке у меня нет внутреннего чувства соперничества с кем-либо. Мне не важно, что кто-то поднимется выше меня, да к тому же чужие успехи — это ведь прекрасный стимул для собственного развития. И вообще, у меня то, что начинается, никогда не заканчивается. Плюс — говорил уже: все мои ученики тоже в системе развития. Снова повторюсь: я свои горизонты уже сужаю — не стал подавать на завкафедрой археологии и истории древнего мира; отказался избираться в РАН (предлагали, но там надо вести какой-нибудь блок, а я «свободный художник»); перестал официально сотрудничать с Ельцом — просто приезжаю иногда на раскопки, — но за меня в каком-то смысле работает школа — утвержденная еще в 1999 году Ученым и Научно-техническим советами ВГУ научная школа «Археология Евразийской лесостепи».

— Это, конечно, замечательно, Анатолий Дмитриевич, но ведь и «свободный художник» Пряхин без дела не сидит?

— Не сидит. Продолжаю вести занятия на истфаке ВГУ. А главное сейчас для меня — подготовить и выпустить в свет трехтомное издание «Археология в Воронежском госуниверситете». Первый том (от периода становления до конца 1980-х) уже вышел. Заканчиваю второй том, который я разделил на две части — условно

говоря, «Наука» и «Подготовка кадров», время: 1990-е — середина первого десятилетия XXI века. А третий том будет — воронежская археология на современном этапе. Издание уникальное, подобных в России нет. Ты представляешь, сколько надо перечитать при подготовке этого трехтомника! У меня за плечами сотни статей и десятки монографий, но, честное слово, монографии писать легче, чем такой сводный труд.

— Ну и последний вопрос, Анатолий Дмитриевич... А вернее, два. Если кратко: что все же для вас самое главное в науке? Ну и... Ну и, может быть, просто по жизни, есть какое-нибудь увлечение («хобби» произнести не рискнул)?

Он энергично кивнул:

— Самое главное в науке — эпоха бронзы! Ты ведь пойми: наша «бронза» — это уже не первобытность какая-то. Металлургия, боевые колесницы, письменность... Чего удивляешься? А сосуды со знаками срубников? Это же своего рода письменность! А интереснейшие военно-аристократические погребения доно-волжской абашевской культуры II тысячелетия до нашей эры! Это индоиранцы. Еще не разделившиеся. И представляешь, некоторые признаки и проявления абашевской культуры я видел, как думаешь, где? В Гималаях! Ее дыхание там ощущается, чувствуется. Для меня многие вещи в тех местах были просто родными.

А что касается увлечения... Ну да, есть.

— И какое?

Анатолий Дмитриевич пожал плечами:

— Археология Древней Руси. Но об этом мы уже говорили...

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

НАЧИНАЯ С КСЕНОФОНТА И ИОАСАФА

(Дивногорье)

Пассажиры, которые едут от крупного железнодорожного узла Лиски в сторону Харькова, увидят за вагонным окошком типичные картины лесостепной зоны. И вдруг, совсем неожиданно, — горы, скалы. Удивительно, откуда они здесь? До границы со степной Украиной почти две сотни километров. А уж до настоящих, больших южных гор еще ехать и ехать!

Места эти — поистине дивные. Там, где речка с красивым названием Тихая Сосна впадает в Дон, раскинулись живописные луга. А недалеко — одно из воронежских сел, а также железнодорожная станция Дивногорье. Но название это относится не только к селу и станции. Сегодня Дивногорьем именуется обширный природный и историко-археологический комплекс.

В этом комплексе прежде всего привлекают внимание своей необычностью две группы меловых столбов. Одна из них называется Малыми Дивами, другая — Большими. Когда-то этих столбов было более двадцати. Но к нашему времени не все сохранили свой прежний вид.

Равнина и горы. Казалось бы, несоединимое. И все-таки геологические процессы, происходившие здесь в древние времена, соединили их.

Пещеры меловых гор издавна привлекали монахов-отшельников из Украины. В середине XVII века многим из них приходилось скрываться от преследователей православной веры. Глубоко почитая знаменитую Киево-Печерскую лавру, они видели в Дивногорье ее подобие и устраивали в этих пещерах свои кельи. Именно этим историки объясняют появление здесь пещерных монастырей.

Доподлинно известно, что первыми облюбовали дивные места отшельники Ксенофонт и Иоасаф. Считается, что они поселились на уступе, недостижимом для весеннего половодья. В Малых Дивах, в одном из столбов, первопоселенцы вырубили пещерную церковь.

Постоянные набеги чужеземцев требовали защитить Русь от вторжения врага. В 1653 году сюда прибыли несколько десятков человек из расположенных поблизости Коротояка и Острогжска. Они приступили к строительству на береговой террасе защитных укреплений и наземного монастыря. Территорию обнесли деревянной стеной. Из дерева была сооружена и церковь. Но вскоре она сгорела, и ее заменили новой, каменной.

Хозяйство у Дивногорского Успенского монастыря было обширное. Власти пожаловали ему и пашни, и луга, и леса. Рабочих рук для ухода за всем этим не хватало. Земли стали сдавать в аренду, в результате чего поблизости выросло село.

С появлением монастыря первую пещерную церковь реконструировали и освятили во имя Иоанна Предтечи. Лабиринты подземных ходов церкви вырублены в толще мела очень старательно, изобретательно. Она расположена на высоте около сорока метров над Успенским монастырем.

А в двух километрах от церкви Иоанна Предтечи — еще одно пещерное сооружение: церковь иконы Сицилийской Божьей Матери. Она вырублена монахами в Больших Дивах. Система ее подземных ходов такая же замысловатая.

Но Дивногорье удивляет не только своими наземными и пещерными сооружениями, уникальностью ландшафта. Поразительно, но здесь до наших дней сохранились в своем первозданном виде редчайшие растения — те, которые ученые называют реликтовыми. Да что там растения! Здесь живут редчайшие насекомые, птицы и даже животные, характерные для степных просторов минувших времен. Все это бережно охраняется коллективом научных сотрудников музея-заповедника «Дивногорье». Этот музей хранит более одиннадцати тысяч экспонатов: предметов археологии, этнографии, а также геологические, ботанические, энтомологические коллекции.

Ежегодно в экскурсионно-туристический сезон — с середины апреля по ноябрь — Дивногорье посещают десятки тысяч человек. Ученые ведут здесь научно-исследовательскую работу, проводят археологические, этнографические, природоведческие экспедиции. А студенты приезжают сюда на производственную практику. Кто-то из них готовится стать историком, кто-то биологом, географом, почвоведом или геологом. И любой находит в Дивногорье много полезного для овладения своей будущей профессией.

Каждое лето, вот уже много лет подряд, в Дивногорье работает детский познавательный историко-экологический лагерь «Славяне». Ребята не только узнают здесь о богатой истории края, но и сами, облачившись в древние славянские одежды, взяв в руки древние орудия труда, живут жизнью своих далеких предков, полной и романтики, и опасностей. Живут, конечно, под внимательным присмотром своих преподавателей, а также работников заповедника. Полные впечатлений, возвращаются в свои города и села и с нетерпением ждут нового лета — новой встречи с дивными местами...

ЖЕМЧУЖИНА ПАЛЕОЛИТА

(Костенки)

Как-то во время зарубежной поездки довелось мне беседовать с группой французов. Узнав, что я из Воронежа, один из них спросил:

— Воронеж? А где это?

Другой собеседник оказался более осведомленным.

— Кажется, это недалеко от Костенок, — сказал он.

Куда привычнее, когда месторасположение того или иного мелкого населенного пункта связывают с более крупным. А тут — о миллионном городе: «Недалеке от Костенок!» А в этих Костенках и жителей всего-то полторы тысячи человек...

Костенки действительно известны далеко за пределами России. Во многих музеях мира хранятся экспонаты, привезенные из небольшого воронежского села. И повсюду село это называют «жемчужиной палеолита».

Внешне Костенки ничем не отличаются от сотен других сел Центрального Чер-

ноземья России. Среди многочисленных холмов, балок и оврагов, расположенных в пойме реки Дон, разбросаны дома. Картина очень привычная. И все-таки другого такого села не найти нигде. Жители Костенок и сегодня, сажая по весне картошку в своем огороде или убирая ее осенью, находят... кости мамонтов. Иногда попадаются и другие находки: предметы быта, всевозможные украшения и даже произведения искусства времен палеолита.

Как мы знаем, палеолит — самый первый период каменного века, когда уже существовали первобытные люди, пользовавшиеся орудиями труда из камня, дерева, костей животных. Сегодня хорошо известно, как выглядели первобытные люди, жившие в этих местах. Замечательный ученый-антрополог Михаил Михайлович Герасимов создал целую систему восстановления внешнего облика человека на основе скелетных останков. Благодаря его работам мы узнали, какими были Иван Грозный; русский флотоводец, адмирал Ф.Ф. Ушаков и другие исторические личности. По найденному археологами на одной из костенских стоянок скелету первобытного юноши М.М. Герасимов воссоздал и его облик.

Известно и то, как выглядели в те древние времена эти места. Климат был суровый: давал о себе знать мощный слой ледника, покрывавший север Русской равнины. Даже летом здесь было прохладно. Зимы же были малоснежными, но очень холодными. Животный мир этого края был весьма разнообразным. По лесам и степи, в балках и по берегам рек бродили стада бизонов, оленей и диких лошадей, встречались волки, медведи и зайцы. Но царствовал надо всем этим мамонт.

Мамонт — животное-гигант из семейства слонов. Он жил в Северной Африке, Северной Америке и здесь, в Европе, — тоже. Его высота достигала трех с половиной метров, а вес — шести тонн! Одни только трехметровые, а иногда и четырехметровые бивни весили до 120 килограммов! Выживать в этих суровых условиях мамонту помогали толстая кожа и густая шерсть метровой длины.

Но, несмотря на огромный рост и такую же огромную силу, мамонт становился добычей первобытного человека. Ученые предполагают, что, охотясь за ним, люди использовали естественные ловушки — рельеф местности. Отбитый людьми от стада, мамонт неизбежно оказывался на краю какого-нибудь оврага. Он падал вниз и был обречен на гибель. Там, внизу, люди его просто добивали. Мясо мамонта использовалось как пища, кости — как строительный материал, а также для изготовления орудий труда, шкура — для примитивной одежды.

В здешних реках водилось немало рыбы — она тоже добывалась для пропитания. А в лесах люди собирали пригодные в пищу растения. Словом, никакой необходимости кочевать, перебираться с одного места на другое у поселившихся здесь людей не было. И они обустроивали свой быт: оборудовали теплое жилище, совершенствовали орудия труда.

Первобытные люди появились в этих краях тысячелетия назад! Учеными достоверно установлено, что поселения в Костенках относятся к промежутку времени от 40 до 17 тысяч лет тому назад.

Первая стоянка первобытного человека была обнаружена в Костенках в конце девятнадцатого века. Прошло более 135 лет. За это время открыты и исследованы учеными еще более 60 поселений. Но это только небольшая часть того, что таит в себе земля.

В поселениях первобытных людей исследователи находят целые жилые комплексы: очаги, землянки, ямы-кладовые. Некоторые жилые и хозяйственные сооружения построены из костей мамонтов. Разнообразны встречающиеся в Костенках коллекции каменного инвентаря. Здесь и ножи, и наконечники стрел, и многое другое. Встречаются разного рода поделки из костей и дерева. Среди найденных в этих краях произведений искусства — знаменитые, как их называют ученые, «палеолитические Венеры». Это — небольшие каменные женские фигур-

ки. Они просто уникальны. Среди находок — и миниатюрные фигурки зверей: мамонтов, песцов, волков, носорогов.

С 1922 года на территории Костенок проводятся систематические научные изыскания. В село приезжают, работают здесь и ученые-археологи, и геологи, и антропологи, и палеонтологи. Костенки считаются школой отечественного палеонтоведения. Нередко в селе можно встретить и ученых из-за рубежа — ведь методика работ по изучению костенских памятников имеет поистине мировое значение.

Сегодня на территории села работает Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». Его сотрудники продолжают работу по изучению и охране памятников палеолита, систематизируют материал, который постоянно обогащается новыми находками.

Здесь всюду ощущается дыхание истории, здесь понимаешь, как зарождалась человеческая жизнь на Земле...

Эдуард Ефремов,
член Союза журналистов России

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

(Каменная Степь)

Нынешнему поколению трудно представить облик исторической Каменной Степи — глухого, бесплодного пространства, где нередко случались пыльные бури, а людей подстерегали извечные недород и нищета. Заезжему человеку, наверное, сделать это еще труднее. Его глазу предстает современный ландшафт срединной части воронежской глубинки: неглубокие овражки, лога, пруды и лесополосы, лесополосы. По весне здесь все благоухает зеленью и разнотравьем. Летом от горизонта до горизонта полевое раздолье колыхается на ветру созревающими от богатого степного солнца зерновыми. В пеструю осеннюю пору пейзаж особенно красив: палитра красок от рукотворных полос, смешанная с полевым многоцветьем, создает необычайный колорит степного уголка. Ну а зима, она и есть зима — безбрежное белое царство.

За свое вековое присутствие в аграрной научной жизни страны Каменная Степь превратилась из объекта насущных интересов ученых и практиков многих поколений в объект торжества человеческого созидания и духовного богатства края. В музее НИИСХ им. В.В. Докучаева бережно хранят исторические свидетельства, знакомство с которыми раскрывает перед посетителями удивительную судьбу провинциальной глубинки и тех выдающихся личностей, умом, талантом и масштабом научных открытий которых до сих пор гордится Россия и мир. Научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени В.В. Докучаева — интеллектуальное достояние воронежской земли, а его сотрудники — бесценная золотая селекция человеческого разума, сформированная в течение столетия как уникальная национальная духовная традиция и культурное наследие. Даже «докучаевские» лесополосы давно не воспринимаются исключительно лесомелиоративными сооружениями. Они — памятники культуры и истории. Они — островки природного чуда в равнинной местности. Они радуют человеческий глаз и умиротворяют душу, вдохновляют к творчеству. Каменная Степь с момента появления здесь В.В. Докучаева и его сподвижников вызывала неподдельный интерес у многих неравнодушных людей России. Вместе с учеными в эти места наведывались художники, писатели, артисты, представители других творческих профессий.

Божественная красота природы как бы воссоединилась с красотой человеческих душ, стремящихся к возвышенному.

Не следует забывать, что Василий Васильевич Докучаев был сыном священника. Все близкое окружение гениального ученого тоже состояло из людей верующих, поэтому все делалось по-божески, в согласии с тем совершенством, к которому человека призывал Господь. В советское тревожное время от репрессий здесь спасались люди одухотворенные. Таким образом, в Каменной Степи сама жизнь сформировала неповторимую школу бытия. Многие обращают внимание на то, что буквально каждый проживающий здесь человек — творческий и добросовестный...

ИНСТИТУТ ЗОЛОТОЙ СЕЛЕКЦИИ

Об исторических и научных традициях, современных направлениях деятельности НИИСХ имени В.В. Докучаева рассказывает директор Виктор Турусов.

Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы носит имя основоположника науки о почвах Василия Васильевича Докучаева и ведет свою историю с 1892 года. Именно тогда в Каменной Степи начала работать Особая экспедиция под его руководством. Эта экспедиция впервые в России заложила опыт по защите сельскохозяйственных растений от засух лесомелиоративными приемами (полосное лесоразведение) и орошением на местном стоке.

За более чем столетний период в Каменной Степи работали выдающиеся почвоведы, лесоводы, агрономы, селекционеры и другие специалисты сельского хозяйства.

В 20–30 годы XX столетия под непосредственным научным руководством Николая Ивановича Вавилова здесь изучались мировые коллекции сельскохозяйственных культур, которые положили начало первым сортам селекции Каменной Степи.

Во второй половине 30-х годов под руководством В.Р. Вильямса, а после его кончины — под руководством А.В. Крылова изучалась и внедрялась травопольная система земледелия.

Впоследствии опыт Каменной Степи был положен в основу исторического Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

Каменная Степь — родина лауреатов Государственной Сталинской премии II степени А.В. Крылова, В.П. Байко, Х.Я. Зихермана, Ю.В. Ключникова.

В Каменной Степи трудились выдающиеся ученые-лесоводы К.Э. Собеневский, Г.Ф. Морозов, Н.А. Михайлов, А.А. Шаповалов, Ю.В. Ключников, Е.С. Павловский, Н.Г. Петров. Ими создана уникальная система лесных полос, включающая в себя весь опыт отечественной агролесомелиорации.

На местном стоке создана система прудов и водоемов, вода из которых используется на орошение.

По вопросам земледелия разработана теория регулирования плодородия черноземов путем воздействия на биологические факторы, особенно на микробиологическую активность почвы. Усовершенствуется технологическая система обработки почвы в полевом севообороте и защита посевов сельскохозяйственных культур от сорняков.

Ведется научное проектирование эколого-ландшафтной системы земледелия для сельскохозяйственных предприятий Воронежской области.

Каменно-Степной лесостепной комплекс сегодня — это классический пример создания растительного покрова земли сельскохозяйственного назначения. Менялись статусы научных организаций в Каменной Степи, их ведомственная подчиненность, постоянным оставалось одно: *комплексность научных исследований*, начатая В.В. Докучаевым.

В Каменной Степи воплотилась в жизнь идея великого ученого о зональности земледелия.

В настоящее время ГНУ «Воронежский НИИСХ им. В.В. Докучаева» является одним из ведущих научно-исследовательских учреждений Российской сельскохозяйственной академии. В составе института трудится около 340 человек. Из них — более сорока докторов и кандидатов наук, несколько ученых имеют звания «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный агроном».

Институт в своем составе имеет две крупные структурные единицы: это технологический центр, который ведет разработку технологий возделывания сельскохозяйственных культур, и селекционный центр, где ведется селекция новых сортов и гибридов.

В последние годы в институте разработаны севообороты с экологической направленностью, энергосберегающие низкозатратные технологии возделывания зерновых культур на черноземе обыкновенном юго-востока ЦЧЗ. Они позволяют сократить энергозатраты при обработке почвы на 10–20 процентов и получать ряд других результатов. Созданные нашими учеными зональные системы лесоводческих мероприятий повышают агроэкологическую эффективность защитных лесонасаждений на пахотных землях. При этом обеспечивается повышение долговечности насаждений на 20–40 процентов, а мелиоративной эффективности — на 15–30 процентов. Разработаны и такие способы, как отбор высокопродуктивных, устойчивых к неблагоприятным условиям среды форм зерновых колосовых культур, формирование агрофитоценозов в одновидовых и смешанных посевах для создания долголетних энергосберегающих травостоев, получение высококачественных кормов с использованием зернофуражных культур в одновидовых и смешанных посевах для сырьевого конвейера юго-востока ЦЧЗ. Созданы адаптивные к конкретным условиям сорта и гибриды, сочетающие повышенный потенциал продуктивности (6–8 т/га), качество зерна с устойчивостью к полеганию, биотическим и абиотическим стрессорам.

Особое внимание в институте уделяется улучшению материально-технического обеспечения. Впервые за последние годы закладки полевых опытов стали проводиться без отклонения от агротехнических сроков. Своевременно проводится ремонт сельхозтехники, соблюдаются сроки выполнения полевых работ, повысилась культура земледелия. Большое внимание уделяется увеличению внебюджетного финансирования за счет заключения хозяйственных договоров.

В настоящее время НИИСХ разрабатывает адаптивно-ландшафтную систему земледелия Воронежской области, а также отдельных ее хозяйств. На примере землепользования ОАО «Еланское» Таловского района Воронежской области разработана модель адаптивно-ландшафтной системы земледелия конкретного ландшафта ЦЧЗ методом автоматизированного проектирования. Создан также проект адаптивно-ландшафтной системы земледелия КФХ Кириллова Терновского района Воронежской области. Началось освоение в хозяйствах зональных систем лесоводческих мероприятий для повышения агроэкологической эффективности защитных лесонасаждений на пахотных землях и комплексного обустройства ландшафтов. Внедряются высокоэффективные способы производства качественных кормов с использованием зернофуражных культур для сырьевого конвейера

юго-востока ЦЧЗ. На основе комплексного изучения генофонда успешно создаются новые сорта и гибриды зерновых колосовых культур, кукурузы, обладающих высокой и стабильной урожайностью, повышенным качеством зерна, устойчивостью к влиянию абиотических и биотических стрессов.

С БЕЛОЙ ГОРКИ ПРЯМО В ДОН

(Источник «Белая горка»)

В Воронеже на улице Ушинского рядом с храмом святой мученицы Татианы стоит неприметное здание. Здесь находилась лаборатория, построенная академиком А.А. Дубянским на свои средства. Когда Александр Андреевич в 1974 году ушел из жизни, лаборатории было присвоено его имя, о чем и уведомял текст, исполненный на стекле и заключенный в добротную деревянную раму.

Странно, но сегодня этот выдающийся человек, лауреат Ленинской премии, известен только узкому кругу специалистов — в городе нет мемориальной доски ни в ВГУ, ни в агроуниверситете, ни на доме, где он жил.

...А вот в годы моего студенчества фамилия Дубянского была не просто на слуху — настоящий бум стоял вокруг источника «Белая горка», открытого ученым еще в 1931 году. В Дон просто рекой стекала одна из самых целебных вод Европы. По ценности она стояла и стоит вровень с водами Баден-Бадена, знаменитых курортов Германии.

Вода — великая тайна природы. Если в Германии уникальность источников обосновывалась научными исследованиями и многолетними наблюдениями врачей, то в Богучарском районе России народ оценил ударивший Божьим даром фонтан. Паломничали в дальний хуторок как к святому месту. Без преувеличения — сия вода от всех болезней. Для людей с различными недугами «Белая горка» стала воистину целительной. Автор этих строк в 1960-1980-е годы был свидетелем того, как сюда многие добирались с помощью костылей, а уходили на своих ногах. Вокруг источника выкапывались углубления, которые выстилались клеенками и заполнялись водой, смешанной с глиной. Несколько дней приема таких ванн — и от многих заболеваний опорно-двигательного аппарата следа не оставалось. Эта «грязь» помогала заживлению послеоперационных ран. Питие горьковато-соленой воды избавляло от «неизлечимых» язв желудка, гастритов, колитов, проблем с поджелудочной железой, заболеванием печени, желчного пузыря, органов дыхания, ликвидировались многие воспалительные процессы, приводилась в норму нервная система, повышался жизненный тонус человека. Вода успешно «боролась» с женским бесплодием и другими женскими хворями... Словом, наслушался и насмотрелся, а тут еще со своим «открытием» председатель местного колхоза: «То, что у нас животные давно никаким инфекциям не подвержены, дело привычное. Мы им в рацион добавляем белогорскую водичку. Сдаем, как обычно, государству овечью шерсть, и вдруг нами заинтересовались специалисты из Москвы. Они были уверены, что в Богучарском районе выведена какая-то особая порода овец с нежной и высококачественной шерстью. Да нет — овцы как овцы. У всех такие. Потом поняли: высокое качество руна обеспечила наша местная вода»...

В конце 1970-х — начале 1980-х в «Молодом коммунаре» и других воронежских изданиях к собранному материалу отнесли, как к «дешевой сенсации». Материал удалось опубликовать в газете ЦК КПСС «Советская культура», но особого внимания на него тоже никто не обратил. Знающие люди объяснили, что по их соображениям главный «мешальщик» популяризации источника Белая горка

был... М.А. Шолохов. В свое время, дескать, Михаил Александрович предложил изменить межобластные границы с тем, чтобы небольшая территория с Белой горкой перешла в ведение ростовчан. Писатель гарантировал финансирование строительства нового курорта. Но даже ему навстречу власти почему-то не пошли. Молчание властей так и осталось загадкой.

...Прошли долгие десятилетия. Наконец-то санаторий «Белая горка» открыт и за небольшое время завоевал популярность далеко за пределами Воронежской области. Правда, принять тут могут всего... пятьдесят человек. В рекламных текстах, пропагандирующих уникальность санатория, отмечается, что источник вместе с тремя гектарами окружающей его площади отнесен к государственному памятнику природы. Уникальность белогорской минеральной воды заслуживает того, чтобы здесь наконец-то смог функционировать полноценный санаторно-курортный комплекс.

Надо отдать должное бизнесмену Сергею Михайловичу Шилову, который рядом с санаторием построил гостиничный комплекс, кафе — возможность лечебнице принять большее количество болящих значительно увеличилась. К тому же многие приезжают и снимают жилье у местного населения, «дикарями» пользоваться водными дарами.

Интересен еще один момент: в последние годы источник стал популярен среди прекрасной половины человечества, избранные из которой приезжают сюда за... омолаживанием. Разновидность всевозможных ванн, масок благотворно действует на кожу, питье воды гарантирует к тому же такое желаемое многими похудение...

Внуки Александра Андреевича — геофизики Воронежского госуниверситета Владимир Игоревич и Александр Игоревич — познакомили меня с богатейшим архивным материалом о жизни и научной деятельности своего знаменитого деда. Родился А.А. Дубянский в 1880 году в селе Старая Криуша Павловского уезда (сейчас Петропавловского района) Воронежской губернии в семье сельского священника.

После окончания семинарии пытается определиться с обретением такой специальности, где больше требовалось бы духовное служение окружающим. Поначалу ему кажется, что эти практические начала духовности как нигде заложены на юридическом поприще. В 1901 году поступает в Юрьевский университет. Вскоре понимает — не то. Переходит на медицинский факультет, на котором успешно проучился три года. Потом приходит на кафедру геологии и просит дать ему какую-либо временную работу. Его просят привести в порядок коллекцию минералов. И он это исполняет блестяще. Самообразованием, посещением лекций и практических занятий он обретает глубокие знания. Получает золотую медаль за диплом, который пишет на материалах экспедиции в Воронежской губернии. Впервые закладывает основы «воронежской геологии». Его учебник по изучению оврагов и «сечению недр» актуален и по сей день.

Еще во времена Петра I в нашем регионе велись безуспешные поиски железных руд. После долгих лет поисков пришли к выводу, что в Воронежской области бесперспективное дело искать ее залежи в промышленных объемах. В 1934 году Дубянский опубликовал небольшую работу «Основной массив высокосортных руд КМА должен залегать в Юго-Западной части Воронежской области». Краткое описание сопровождалось картой с точным указанием мест, где надо бурить. И в 1958 году по этой карте произвели несколько пробных бурений — прогноз, данный Дубянским оправдался до мельчайших подробностей. В 1959 году вместе с несколькими специалистами ему за открытие залежей руд Курской магнитной аномалии присуждается Ленинская премия. Премия дана была, когда ему было под 80. И он ее потратил на поездки туда, где не был. Из Баку, Бухары, Средней Азии в Воронеж приходили посылки с камнями, минералами, образцами почв. И

в это же время он при сельхозинституте строит здание под лабораторию геологического прогнозирования.

Мне довелось быть знакомым с бывшим министром геологии СССР, академиком АН СССР, лауреатом Ленинской премии А.В. Сидоренко. Он считал себя учеником Дубянского, в тридцатые годы работал у него лаборантом на геологическом факультете ВГУ.

Интересен тот факт, что из биографии Александра Андреевича «выпадают» годы с 1942-го по 1947-й. Чем занимался и где? Так вот, Александр Васильевич дал понять, что это время его учителем было потрачено на поиски «топлива» для нашего ракетостроения и развития атомной энергетики.

Доктор геолого-минералогических наук М.Н. Геращенко в работе «Вклад А.А. Дубянского в исследование подземных вод Воронежской области» считал, что его «работы послужили основой для многих отраслей геологического производства в Черноземье, в том числе и гидрологических. К гидрогеологии он неоднократно возвращался и в последний период своей жизни, когда ему было уже за 90».

Источнику «Белая горка» ученый отдал многие годы. Анализы показали: на территории СССР воды равной ей нет. Он издает брошюрку об особенностях белогорского источника. Организует получение заключений от различных медучреждений, министерства здравоохранения... Газеты довоенных и послевоенных лет дают серии материалов о необходимости строительства санатория в Богучарском районе. На основании протокола заседания Президиума Центрального научного курортного Совета института курортологии Министерства здравоохранения СССР в 1939 году рекомендовано незамедлительное строительство санатория «Белая горка». В 1940 году принимается решение Наркомздрава РСФСР о строительстве первой очереди курорта «Белая горка». Понятное дело, в годы войны было не до санатория на Богучарщине. Но в 1945 году в «Известиях» вновь поднимается вопрос о необходимости скорейшего строительства курорта, так необходимого для оздоровления населения, пережившего тяготы Великой Отечественной.

В мае 1969 года комиссия Воронежского обкома партии рекомендует строительство санатория на 500 мест. Курортное управление при Министерстве здравоохранения СССР уведомляет, что просчитана очень высокая окупаемость санатория «Белая горка»... Чтобы ускорить его строительство, управление берет на себя строительство дороги от Богучара до источника. Приезжает группа архитекторов, делают замеры, предварительную планировку... Но дело так и не двинулось с места.

Думается, ларчик открылся просто. В справке Министерства здравоохранения СССР приводились цифры, насколько государство бедно санаториями и курортами, давалось обоснование, каков наплыв отдыхающих ожидается в санаторий Богучарского района и насколько он разгрузит известные курорты и санатории Кавказа и других республик СССР. Вот, например, зачем из Центрального Черноземья ехать, допустим, в Трускавец, когда вода источника «Белая горка» гораздо эффективнее, ценнее. Но в конечном итоге, видно, решили не «ущемлять интересы союзных республик»...

Здание лаборатории А.А. Дубянского по провидению Божьему было передано студенческому православному приходу храма святой мученицы Татианы. Ректор агроуниверситета В.Е. Шевченко в начале 1990-х провел опрос среди студентов и преподавателей. Большинство голосов было принято решение — приступить к строительству первого в стране студенческого храма... Возможно, теперь на этом здании появится соответствующая мемориальная доска, призывающая не только к памяти, но и к молитве, продолжению конкретных православных дел.

...В школе Старой Криуши Петропавловского района есть прекрасный музей, куда Александр Андреевич при жизни еще передал свой фотоальбом об источнике «Белая горка», сведения о роде Дубянских, своих братьях и сестрах. Часто при-

езжал он на свою малую родину и, когда ему было уже под девяносто, показывал, что он умеет косить так же, как в былые годы молодости. Всегда посещал храм Рождества Пресвятой Богородицы, где служил настоятелем его отец, и у стен похоронена родная мама.

Вся жизнь им была прожита духом, обретенным в этих местах, в Воронежском крае. Им было исследовано и рекомендовано к использованию более тысячи источников на территории Воронежской области и всего Центрального Черноземья. И думается, память об этом выдающемся ученом, прекрасном человеке не должна ограничиваться рамками школьного музея. На это обратил внимание доктор исторических наук Руслан Георгиевич Гостев в свою бытность депутатом Государственной Думы. В письмах на имя ректоров Воронежского государственного университета и Воронежского агроуниверситета он предложил выступить с ходатайством перед городскими властями по вопросу об увековечении памяти А.А. Дубянского, соразмерно тому, что им было сделано для государства. Думается, что речь должна идти не только о мемориальных досках...

Владимир Новохатский,
член Союза журналистов России

КОНЬ — В ПОДВОДУ И ПОД ВОЕВОДУ

(Орловский рысак)

Орловских рысаков часто ищут в Орловской области. Хотя это не более чем географический казус, но подводит он и бывалых путешественников. История, приключившаяся несколько лет назад, с этой точки зрения показательна.

Один из неугомонных искателей — француз Кристиан Бернар — тоже дал тогда маху. Закружил он по дорогам к знаменитым конюшням лишних верст триста. Вообще-то путешествие его было неблизким. Вознамерился Кристиан одолеть путями-перепутьями всю Европу с Азией, а там, глядишь, и Америку. Мечтал об этом давно, готовился в дорогу основательно. Сделал тарантас, по-иноземному ко всему приспособленный — с кухней, спальней, с подрессоренными тягами. И даже с тормозами. Откормил тяжеловоза Фила. Двинул, благословясь, из родной Тулузы на восток. В своих странствиях хлебнул Кристиан всякого. В Польше ясновельможные паны чуть не разорили его комфортабельную кибитку. Украинские хлопцы едва не увели добродушного Фила. В Орле, к своему удивлению, никаких рысаков путешественник не обнаружил.

Впрочем, если хочешь увидеть чудо, лишние версты не в счет. Чудо не терпит расчета так же, как не имеет, кажется, границ эта воронежская степь, два века назад распахнувшая просторы изящному бегу орловских рысаков. Здесь, в селе Хреновом, Кристиан поставил свой тарантас на тормоза. Подуставший Фил был определен на подкормку. А очарованный странник целый день ходил по вековым конюшням. Однако на таком конезаводе одним днем не обойдешься. К лошадиной радости Фила перевели его в вольный табун, потому что хозяин основательно осел в заводском музее под присмотром тогдашней хранительницы местных древностей Раисы Костюковой. С большим изумлением любознательный француз узнал, что эта занятная история берет свои истоки вовсе не на земле, а на море и связана с именем сиятельного графа Алексея Орлова (оттого и рысаки — орловские).

Во времена царствования Екатерины II был назначен Алексей Григорьевич командующим русским флотом. Под его началом наши моряки блистательно выиграли одно из главных сражений русско-турецкой войны, уничтожив в Эгейском

море, в Чесменской бухте практически весь флот неприятеля. За это императрица пожаловала Орлову графский титул (Чесменский), наградила высшим военным орденом (Георгий I степени) и подарила 120 тысяч десятин первоначальных степей и лесов в Бобровском уезде Воронежской губернии. Эти земли пришлось от важному вояке весьма кстати, потому что всю жизнь он питал большую мирную страсть — мечтал вывести породу красивых, сильных, резвых лошадей.

После сражений при заключении Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 года Орлов получил от турецкого паши роскошный подарок — коня Салтана, который впоследствии стал родоначальником русской верховой породы. А для будущих своих рысаков граф самолично присмотрел великолепного арабского жеребца Сметанку. За него он отдал 60 тысяч рублей — огромные деньги, если учесть, что тогда хорошая лошадь в России стоила 25 рублей. Но Орлов видел, за что платил. Серебристо-белый конь был действительно уникальным. У всех лошадей 16 пар ребер, а тут природа совершила чудо — у Сметанки их оказалось аж 19. Это было столь необычно, что ветеринары даже засомневались, а даст ли жеребец потомство? Однако граф настоял на своем. Приобретенных арабских лошадей он отправил в Россию морем, а Сметанку, чтобы, не дай Бог, качкой испортить, приказал вести пешим строем. От дурного воровского глаза его перекрасили хной. Целых 14 месяцев под усиленной военной охраной коня вели берегом моря по турецким владениям, через Венгрию, Польшу в Москву.

На подаренных землях граф основал два конезавода — Хреновской и Чесменский. Бывал он тут наездами. Большею частью жил в Москве в Нескучном дворце, но за воронежскими делами следил скрупулезно. Каждую неделю граф получал из Хренового журнал с подробнейшим отчетом, каким овсом лошадей кормили, какой водой поили, и чем занимался каждый конюх. Интуиция Орлова не подвела: потомство от Сметанки вышло дородным. Первым российским рысаком стал его «внук» Барс, в честь которого на всех ипподромах СНГ и поныне разыгрывается именной приз. Более века местные селекционеры переплетали генеалогические ветви от потомства легендарного жеребца, чтобы вышел конь с изящной арабской статью и неутомимой русской мощью, годный, как говаривал граф, и в подводу, и под воеводу. Своего добились. В 1900 году на Международной выставке в Париже орловский рысак был признан лучшей упряжной лошадью мира.

История Хреновского конезавода богата. Переживал он взлеты и падения. Древний сельский ипподром в сотне километров от Воронежа помнит визиты монархов и революционных вождей, гостей со всего света. В 1918 году завод был национализирован. Во время гражданской войны его едва не уничтожили. От тысячного поголовья уцелело несколько десятков лошадей. Вплоть до 1930 года конюшни заново укомплектовывались чистопородными орловскими рысаками, которых собирали по всей России. Большой урон понесли в годы Великой Отечественной войны при перегоне табуна до Волги. Часть лошадей была отправлена эшелонами в Курганскую область. Домой они вернулись после 1943 года, когда немцев отбросили от Дона.

Прошлое и настоящее живет в музейных реликвиях, которые, несмотря ни на какие нынешние неурядицы, в Хреновом свято оберегают. Быль о Василии Шишкине рассказывают каждому посетителю. По заслугам честь. Кто знает, может быть, орловский рысак и не стал бы всемирно знаменитым без этого крепостного самородка-селекционера. На конезаводе он работал более 20 лет. Был назначен даже управляющим, но всегда мечтал о воле. Помогли крепостному зоотехнику случай и выдумка. Шишкина предупредили, что Хреновое пожелал посетить император Александр I, дескать, надо приготовить достойную встречу. Он сумел отличиться. Зная, что во время раздачи овса лошади обычно нетерпеливо ржут, управляющий решил это использовать. Он распорядился открывать окна конюшен

ставнями только тогда, когда лошадям приносили корм. Кони четко усвоили: светло — значит, будут кормить, и шумно реагировали всякий раз, когда открывались ставни. Император приехал на конезавод в мае 1818 года. Свита в сопровождении Шишкина следовала на конную часть завода. В ту минуту, когда Александр I переступил порог конюшни, десятки крепостных по сигналу открыли ставни. Тишина раскололась дружным ржанием полутысячи лошадей. Такое поведение коней крепостной управляющий находчиво объяснил монарху тем, что, дескать, таким образом лошади радостно приветствуют великого царя. Венценосец был весьма приятно поражен.

А другая заготовка Шишкина привела царя в совершенный восторг. В манеже свиту усадили в кресла. Выдрессированный рысак Любезный, пробежав по кругу, внезапно приблизился к императору, опустился на колени и склонил голову. «Он выражает почтение государю», — прокомментировал управляющий. Растроганный Александр I снял золотой перстень с бриллиантами и подарил Шишкину. Тут взволновалась свита: одаривать крепостного?! Даже допустить такое было невозможно. И монаршей волей Василий Шишкин получил... вольную.

Многие здешние легенды и были очень красноречивы любопытным парадоксом. Когда речь заходит о лошадях, оказывается, что хорошему коню ничто человеческое не чуждо. Он так же жаждет первенства и почета. Но людская воля определила ему для самовыражения лишь пыльный круг ипподрома да хитрые барьеры конкурра. Как же нужно было отличиться коню, чтобы удостоиться от людей не только памяти, но и памятника? Есть такой монумент в Хреновом. Отлитый в бронзу легендарный жеребец Улов, кажется, трепещет каждой жилкой, дрожит мощными мышцами и готов сорваться в стремительный аллюр. На российских и зарубежных бегах он был неуловим, как ветер, и соперничал обычно только с судейским секундомером. До войны на соревнованиях в Одессе Улов развил невиданную резвость. На дистанцию в 1600 метров у него ушло всего 2 минуты 2,2 секунды. Рекорд оставался непревзойденным почти 35 лет. Еще более уникальным было его достижение на полутора кругах: 2400 метров — за 3 минуты 9 секунд. Даже в начале 1990-х годов, спустя полвека, никто не мог обогнать Улова, давно ставшего на свою вечную гранитную привязь.

А вот хреновской мерин Мужик — герой другого романа. Ему обязана русская литература рождением пронзительной трагично-поэтической «истории старой лошади». На конезаводе Мужика высмотрел Лев Толстой: «Была только одна порода в России, которая могла дать такую широкую кость, такие копыты, такую тонкость кости ноги, такой постанов шеи..., глаз — большой, черный и светлый, и такие породистые комки жил около головы и шеи, тонкую шкуру и волос...» Мужик стал прототипом известного нам со школьной скамьи Холстомера. Лошадьи драмы тоже похожи на человеческие.

Однако все это былое. Нынешние управляющие Хреновского конезавода тоже любят иногда почитать музейные конторские отчеты орловских времен, узнать, как тогда пестовали лошадок. Но дума у них сейчас одна — как удержать на плаву свое знаменитое хозяйство. Нынешние сельские неприятности кони переживают вместе с людьми. Раньше вдвое, втрое гуще гуляли кони по окрестной степи. Но как прокормить табуны в сотни лошадей сейчас, когда людям приходится затягивать пояса потуже? В коня нужен корм. За день породистой лошадке надо дать ведро овса и пуд сена, да морковки, свеколки на витамины. Чтобы было что скакунам пожевать, в конезаводе теперь занимаются делами, ранее непривычными. Завели дойное стадо. Часть конюхов подались в комбайнеры: под посевами одного овса больше тысячи гектаров, потому что со стороны закупать зерно — разориться дотла. Выращивают сахарную свеклу — на доход от этого полгода платят людям зарплату. Как акционерное общество (то есть частное хозяйство) коне-

завод не получает от государства никакой финансовой помощи. А ведь при этом уникальные здешние постройки общей протяженностью в 6 километров признаны историко-архитектурным памятником. А разве не национальным достоянием являются сами кони, выпестованные многотрудными заботами заводчан? Трудности трудностями, а марку конезавод держит. Две сотни рысаков на ипподромном круге показывают резвость в пределах 2 минут 10 секунд. Это тот рубеж, который отделяет элиту от обычного хомута. Прежнюю славу своих знаменитых родичей не срамит нынешнее быстрое племя. Не забыты триумфы воронежских наездников в Пятигорске. Были еще и победы на международных скачках в Польше. Из Парижа тоже привозили призы. Помнится и то, как добродушный тяжеловес Ларек умудрялся тянуть до 3 тонн груза.

В Хреновом сетуют, что эти красавцы до обидного мало появляются на людях. Дома это удается делать за редким исключением всего пару раз в году на конезаводском ипподроме. А всего их в области единицы. В начале прошлого века их было в губернии около двух десятков — почти столько, сколько через сто лет осталось по всей России. Мало лошадиных смотрин — и угасает лошадиный бизнес. Обычный рысак сейчас уходит на руки по бросовой цене в 1,5 тысячи долларов. Коневоды уже и не верят, что придет к финишу блуждающая по коридорам власти идея восстановления престижа русской забавы — конских скачек. Расчеты на хорошую прибыль от разных проектов есть, а дела нет. Вот и выходит, что породистого скакуна можно сейчас продать и по цене свежей конины, а при нечаянной удаче — за 5–20 тысяч долларов. За последнее десятилетие самая дорогая лошадь, проданная заводом — арабский скакун Василек. Он принес хозяйству 100 тысяч долларов. Однако в общем великолепные элитные лошади едва-едва «зарабатывают» себе на содержание.

Правда, в Хреновом вспоминают еще одну коммерческую эпопею. На заре реформ занесло на конезавод германского бизнесмена. Здешные рысаки, конечно, очаруют кого угодно. Но когда напоказ вывели тройку в сбруе старинной выделки, немец совсем потерял свою богатую практичную голову. Сказал, что берет лошадей по хозяйской цене. А за сбрую готов отдать любые деньги — даже 1 миллион долларов. Немцу вежливо отказали. Немало людей тогда корили начальство. Мол, на тот миллион и конюшни отремонтировать можно было бы, и кумысолечебницу достроить, и племенное дело подтянуть... Однако многие и одумались: не все в жизни продается. Сегодня продашь бесценную уздечку. Завтра сгонишь со двора последнего коня. А что останется в душе? Не берedit ее прошлое, не тревожит настоящее — значит, пусто в ней...

Много разных историй помнит Хреновое. А жизнь идет своим чередом. Французский путешественник загостился тогда на конезаводе до поздней осени. Занепогодилось в России, и Кристиан благоразумно решил продолжить путь по весне, переждав холода в теплой Тулузе. Из села в комфортную Европу он уезжал вместе с Олегом Людкайтисом, тренером-наездником. Олегу нежданно-негаданно выпала командировка в Англию. Англичане закупили партию лошадей. По контракту к орловским рысакам-красавцам полагалось приставить местного специалиста, чтобы научил английских любителей лошадей съезжать тройки, ходить на рысях. Директор недолго ломал голову — кого? Людкайтис — прирожденный коневод. Вырос здесь — в селе. Как и любой местный мальчишка, табунил рысаков. На зорьке купал их в розовой туманной речке.

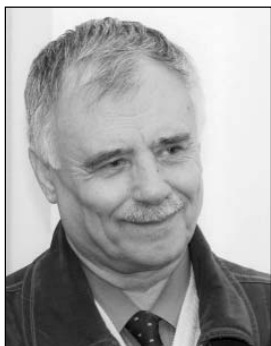
Конечно, профессиональное коневодство не всякому идет в руки и открываетcя не каждой душе. Подобрать лошадей в тройку по стати и нраву, подчинить их своей воле и твердой руке, — все это сродни искусству. Так многие берут в руки кисти и краски, но один рисует картину, а другой малярит. Немало наездников в заводской конной части. «Художников» — единицы. Людкайтис — талант. Не-

сколько месяцев учил он англичан уму-разуму в обращении с орловскими рысакими. Так понравилась его работа хозяину английской конной школы, что уговаривал он Олега остаться, жалование поднял втрое. Столько передумал Людкайтис на досуге в благополучном туманном Альбионе о своем житье-бытье. Семья, маленькая дочка, мизерная зарплата... О чем жалеть, чего хорошего? Но смеживал веки — и купались в утренней речке розовые кони, фыркавая, стряхивали с себя воду и взлетали из седой дымки на крутобережье, взрывая копытами тишину... То ли наваждение, то ли явь...

Оттого, видать, как ни сытно было на чужбине, вернулся Олег Людкайтис в Хреновое. Как уезжали на пару с Кристианом Бернардом, так и приехали в одночасье вдвоем. Кристиан — проездом за своей непоседливой мечтой. Олег — домой. Он сразу почувствовал, чего ему не хватало за границей. Ноги сами несли его в конюшню, где тонким, отрывистым ржанием перекликались лошади. У распахнутой двери Олега встретила баба Настя Бурмистрова. Поговаривали, что мать родила ее здесь, в графских теплых конюшнях. Вот с ними она и сроднилась на весь свой век — без малого шесть десятков лет трудяжила в конной части завода. Кони на миг притихли, скосив влажные черные глаза на людей, прядали ушами, будто вслушиваясь в их разговор.

— Не то Олешка?.. — узнавала пришельца старушка. — Мы его ждем-пождем — нету. А ведь вернулся. То-то же...

Владимир Елецких,
краевед

ЦАРЬ ПОЧВ

(Чернозем)

Издревле за самую большую драгоценность в народе почиталась почва, ее верхний плодородный слой. Помнится, в раннем детстве рассказал мне отец, сельский учитель, старинную притчу о том, как в одной далекой стране, одарив подарками — золотом и драгоценными камнями — иностранных послов, местный правитель заставил их тщательно вытереть ноги, чтобы не унесли на корабль частицы местной земли. Удивились иностранцы: эка невидаль — пыль да грязь! Но объяснил тот неразумным, что самое большое богатство в его стране — это земля, которая кормит и поит народ, а все остальное — дело наживное.

Археологи утверждают, что на территории Воронежской области обработка земли началась четыре тысячелетия назад. Не берусь с ними спорить. Но и без специальной обработки наша щедрая земля кормила проживавшие здесь кочевые племена. На тучных черноземах хватало пищи всем живущим в этой местности. А климат того времени позволял жителям безбедно существовать, обходясь простым собиранием даров леса, охотой и рыбалкой. С изменением климата в худшую сторону для жизни и постепенным оседанием племен в этой местности началась обработка нашего чернозема. Оседлости населения способствовали неплохие урожаи на полях. Именно ему, чернозему, поклонялись все жившие здесь люди, а черную плодородную землю прозывали «удивительным богатством».

И хотя недра Черноземного края хранят огромные запасы руд никеля и платины, прячутся также в подземных кладовых, по данным ученых, золото и алмазы, медь и графит, но не идут ни в какое сравнение даже эти несметные сокровища с нашим замечательным черноземом.

* * *

«Мать-сыра земля», «Посеешь в грязь — будешь князь»... До бесконечности можно приводить пословицы, поговорки, заговоры и наговоры, в которых земля является не только необходимым элементом фольклора, но и настраивает произносящих эти слова на философский лад.

Воронежцы любят свой чернозем и гордятся им: и тогда, когда он, родимый, хорошим урожаем благодетельствует, и когда по распутице нога вязнет в нем, кормильце... И произрастает же, слава Богу, на нашем родном черноземе все пока еще ныне пригодное в пищу.

А что это такое — чернозем, спросите вы? И отвечу я вам по-научному: мол, это тип почв, характеризующийся высоким содержанием гумуса (от 4 до 12 % и более), большой мощностью перегнойного, темно-каштанового горизонта (до 120 см и более) и прочной зернисто-комковатой структурой. А от себя, по-нашему, попростому, добавлю: да не верьте вы, что типичные — мощные, тучные — черноземы остались лишь на картинках и в Париже как эталон земного плодородия. Бывает, и сегодня встречаются.

Один председатель воронежского колхоза, придя на должность еще в молодые годы, проработал более десятка лет в сельском производстве. Так вот, он любил повести журналистов на одно поле, где когда-то загнал в землю несколько металлических прутьев по самый край. Теперь же они, спустя десятилетие, оголились на мужицкую четверть, а унесенные водой и ветром частицы чернозема исчезли в неизвестном направлении.

Этот наглядный симптом оскудения поля, на мой взгляд, не делает чести самому руководителю сельхозпредприятия, так как здесь видна, прежде всего, агрономическая нерадивость хозяина.

Недавно довелось встретиться в Панинском районе Воронежской области с Владимиром Андреевичем Белокопытовым — человеком, который, получив в пользование кусок земли в 0,5 га, превратил его в небольшой оазис образцового земледелия. Он подошел к чернозему не как эксплуататор — по принципу «на мой век хватит», — а по-хозяйски. И если бы были забиты подобные пресловутые металлические штыри на его земле, то сегодня, за те несколько лет пользования ею, на забитых штырях эта отсутствующая на председательском поле «четверть» у него, наоборот, была бы с плюсом. Трагедия лишь в том, считает Белокопытов, что сельские жители привыкли быть потребителями и слепыми исполнителями воли вышестоящего начальства, команды которого не согласовывались с жизнью почвенного слоя. Осваивая сложную агрономическую науку исключительно на практике, Владимир Андреевич получает свои большие урожаи только за счет бережного и уважительного обращения с землей. Он проводит севооборот даже на таком маленьком поле, регулярно вносит органику. Но особенное удивление местного населения вызывают его походы на местную речушку в летнюю пору, когда загорелый мужик копает «грязь»-сапропель и возит на тележке на свой огород.

Пытаясь распространить свой опыт земледелия на соседей-«аборигенов», раздавая элитные семена и рассказывая премудрости удобрения чернозема, нередко он встречает и непонимание. В деревне он слышит за чудака...

И это происходит на земле, откуда в 1900 году на Всемирную выставку в Париж был отправлен знаменитый куб чернозема, восхитивший ученых и признанный эталоном чернозема на земном шаре. Досадно!

ИСТОРИЯ С ЧЕРНОЗЕМОМ

Не скажу о суете по поводу указания отправить на Всемирную выставку в Париж образец воронежского чернозема, да скорее всего ее и не было. А как все это происходило, наши досужие журналисты докопались. И напомнить этот факт сейчас просто необходимо.

Сегодня место взятия эталона — это земли бывшего совхоза «Михайловский», где рассказал журналистам старинную быль сам свидетель выемки монолита земли из его векового ложа. Вот что писала воронежская газета «Коммуна»: «Где же

нашли такое чудовище, этот матерый пласт почвы, который наверняка уходил в глубину более чем на два метра?»

— Да у нас нашли! — тихая улыбка озарила сухонькое морщинистое лицо старожилы Панинского совхоза «Михайловский» Василия Васильевича Сидельникова, которому в 1985 году стукнуло сто лет. Один из авторов заметок посвятил этому долгожителю очерк. Была в той публикации одна примечательная деталь. Вася Сидельников пятнадцатилетним подростком наблюдал вместе со всей сбегавшейся деревней, как мужики с помощью ломовых лошадей вытягивали из котлована по спущенному в яму дубовому скату этот восьмикубовый черноземный монолит, предварительно обитый досками и обвязанный веревочными канатами. «Тянули к станции этот исполинский опечатанный золотым сургучом ящик по первому снежку на специальных широкополосных саях шесть запряженных цугом битюгов».

Уж и не знаю — так или иначе это было, но из истории известно следующее: Императорское Вольное экономическое общество получило из Франции в 1889 году приглашение участвовать во Всемирной выставке достижений науки и техники в честь столетия Французской революции. Долго думали члены общества, чем удивить устроителей выставки, обсуждали различные предложения и, наконец, решили послать на выставку от имени России коллекцию почв. Это решение поддержал создатель коллекции В.В. Докучаев, которому и выпало готовить коллекцию в дорогу.

Встречал необычные экспонаты в Париже тогда еще молодой ученый Владимир Иванович Вернадский, распорядитель павильона России. В центре зала из ажурного чугуна литья главный коллекционный экземпляр был торжественно водружен под стеклянный саркофаг. Вокруг него расположились остальные экспонаты коллекции почв, собранной со всей России. Кубический монолит природного русского чернозема поразил воображение посетителей выставки, особенно ученых-аграриев, а впоследствии этот экспонат был признан эталоном плодородия.

Как видим, приведенные истории несколько различаются, но смысл неизменен. Хотя не исключено, что факт отправки монолита чернозема и в более позднее время на какую-либо выставку вполне мог иметь место в нашей жизни. А откуда взят монолит на выставку 1889 года, краеведам еще предстоит выяснить, но есть вероятность, что тоже из воронежского края. А извлечение подобного монолита чернозема из Панинской земли в 1900 году косвенно это предполагает. В воронежской прессе писано-переписано об этом примечательном случае.

Сегодня по различным делам часто бывают воронежцы «во французской стороне». Говорят, что и недавно кто-то видел в Париже этот «панинский» чернозем... Много восторгов излито о нем в статьях и толстых книгах, что вышли о воронежском черноземе в разные годы. Но самой главной на все времена с давних пор и поныне считается книга В.В. Докучаева «Русский чернозем»!

ДОКУЧАЕВСКИЕ БАСТИОНЫ

Каменная Степь — есть такая местность в современном Таловском районе. Временами чернозем становился как камень, а земля превращалась в пустыню, и тогда поверхность степи затвердевала, становясь бесплодной.

После жесточайшей засухи 1891 года, поразившей многие зернопроизводящие губернии, в том числе и Воронежскую, жуткий голод — следствие неурожая, — потряс всю империю ужасами смертей и безысходной разрухой в деревне. Неурожай и ранее тревожили Россию. Была даже создана специальная Черноземная комиссия, которая предприняла ряд экспедиций для изучения почв в различных губерниях России.

После голода 1891 года под руководством Василия Васильевича Докучаева начала действовать специальная постоянная экспедиция Лесного департамента в южных степях. Стал осуществляться план создания Особой экспедиции для работ в Воронежской губернии. Высаживались лесополосы, устраивались пруды. В Каменную Степь приходила новая жизнь.

В 1908 году интенсивность работ в Каменной Степи несколько упала и, лишь испугавшись нового голода, звоночек которого прозвенел в 1911 году, работы возобновили. Прежде всего занимались прикрытием полей в зоне, как говорят сегодня, рискованного земледелия, мощным заслоном лесополос и строительством мелиоративных сооружений.

Для опытных работ по защите почвы от капризов природы были выбраны большой массив Каменной Степи и два леса, расположенные в центре губернии — Хреновской и Шипов. Научно обоснованное лесоразведение, устройство прудов в оврагах и балках помогло защитить поля от суховеев, прекратить пыльные бури, свести на нет разрушительную эрозионную деятельность талых вод. А лесополосы в Каменной Степи, вставшие пограничным дозором на защиту черноземов, назвали «Докучаевскими бастионами». Бывшая «Опытная станция» в Таловском районе Воронежской области ныне разрослась в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени В.В. Докучаева.

Из очерка «Не счесть богатства царя почве»

Елена Печенюк,
кандидат биологических наук

ОТ БОЛЬШОЙ ГЛУШИЦЫ ДО КРУТОГО ЯРА

(Хоперский заповедник)

Хоперский заповедник — не просто территория, не просто уникальный естественно-природный уголок России, это — часть национального исторического и духовного богатства, без которого трудно было бы понять своеобразие и полноту русской души. Давно известно, что какова природа вокруг нас, таков и наш дух. И что бы ни говорили о губительности масштабных деяний человека на состоянии окружающей среды, о пагубности их последствий, все-таки природа в этом незримом цивилизационном «поединке», к счастью, пока еще сильнее нас, а ее влияние созидательно, благотворно и чисто. Хоперский заповедник — как раз один из таких активных природных объектов, к естеству которого хочется прильнуть сердцем, чтобы почувствовать первородное единение всего сущего на Земле.

Недостатка в способах знакомства с заповедником и его обитателями в наше время нет. Можно, как встарь, побродить по пойменным и лесным тропам. Можно посидеть с удочкой на берегах Хопра, его притоков либо озер. Можно побывать в вольерах. Наконец, взять в руки фотоаппарат и снять понравившиеся уголки в различные времена года. Однако мы предлагаем совершить необычную экскурсию по заповеднику. Сделаем это с помощью кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника Хоперского государственного природного заповедника Елены Валентиновны Печенюк. В путешествие отправимся сразу в двух пространственно-временных направлениях, чтобы с заповедных тропок истории свернуть на тропки настоящие — с птичьими трелями, паутинками на просеках, с зарослями растений и деревьев, с выхухольями, косулями, кабанами и даже с волками...

* * *

Хоперский заповедник создан 10 февраля 1935 года. Основанием для его образования послужило постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 февраля 1934 года. В этом документе предлагалось «...взять на учет в течение 1934 г. все водоемы на территории РСФСР, в которых водится выхухоль, и в целях сохранения генети-

ческих фондов в системах указанных водоемов выделить в них заповедные участки на выхухоль...» Перед заповедником стояла цель обеспечить «сохранение и накопление генетических запасов выхухоли и заселение ею водоемов на территории РСФСР, а также сохранение других хозяйственно-ценных объектов охотничье-промысловой фауны...»

Летописи, архивные документы, старые публикации позволяют представить состояние природы будущего заповедника в XVII–XIX веках. В XVII в. по Хопру лоси и бобры еще были промысловыми видами: местные крестьяне платили оброк за «бобровые гоны» и «лосиные стойла». Жили в Хоперских лесах кабаны и косули. В архивных записях упоминались «свинные логова» и «козлиные стойла». Развитие кораблестроения на Хопре сопровождалось притоком населения и значительными вырубками лесов.

Описание природы окрестностей Новохоперской крепости оставил проживший в ней в июле-августе 1769 г. участник экспедиции Академии наук, путешественник И. Гюльденштедт. В его рабочих тетрадях самые разные записи: о пойменном лесу по левобережью Хопра, и об открытой равнине восточнее; о чистой воде, медленном течении и мелководности Хопра, который засушливым летом 1769 года во многих местах можно было перейти вброд; о многочисленных озерах в пойме, о сазанах и сомах, которые здесь «...достигают такой величины, что могут забрать в пасть ногу плывущего ребенка». Ученый привел список древесных и травянистых растений, указал на преобладание дуба и большом урожае желудей. Писал он также о зарастании озер кувшинками и кубышками, впервые нашел в одном из болот под самой крепостью редкий южный плавающий папоротник сальвинию. Гюльденштедт, перечисляя животных, указал птиц, теперь почти исчезнувших: скопу, кулика-сороку, дрофу. В середине XVIII века обитали рядом с крепостью сурок-байбак, слепыш, хомяки, куницы, горностаи, барсуки. «Говорят, лет двадцать тому назад попадались дикие лошади и козы (косули), но теперь их совсем не видно», — писал И. Гюльденштедт.

В середине XIX в. издана книга «Материалы для географии и статистики России», в которой указана заболоченность левобережной поймы Хопра, насаждения черной ольхи по болотам, мелководность реки — по Хопру в межень не было судоходства, а весенний сплав судов затрудняли мельничные плотины: суда проходили по Хопру поверх затопленных половодьем плотин.

Лесная пойма, заливаемая весенними паводками, большое число разнообразных пойменных озер — наилучшие условия для обитания русской выхухоли — эндемика Европейской части России. Представители рода «выхухоль» появились в миоцене (25 млн лет назад), но большинство из них вымерли более 1 млн лет тому назад. Ископаемые остатки вида близкого современной русской выхухоли, известны из отложений начала ледникового периода. В настоящее время естественная область распространения превратилась в изолированные очаги обитания вида в бассейнах Дона, Волги, Урала. Численность русской выхухоли постоянно сокращается, в том числе и в Хоперском заповеднике.

В 1892 году в России был принят закон, который обязывал защищать выхухоль, запретив ее добычу в период размножения с 1 марта по 29 июня. В наше время русская выхухоль охраняется Бернской конвенцией (1979 г.); внесена в Красную книгу СССР (1984 г.); Красный список Европы (1992 г.); МСОП (2000 г.) и Красную книгу Российской Федерации (2001 г.). Зоолог и писатель Л.Л. Семаго писал: «...выхухоль — национальное достояние, и может быть поставлена по значимости для науки на один уровень с новозеландской гаттерией».

За восемь десятилетий существования заповедника задачи его менялись. В настоящее время основными целями деятельности Хоперского заповедника являются сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений,

генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем.

Основателями научных исследований природы Хоперского заповедника были супруги В.П. и С.А. Красовские. Владимир Павлович изучал экологию русской выхухолы в природе и начал изучение выхухолы в неволе, защитил впоследствии кандидатскую диссертацию. Софья Ароновна Красовская составила первый список растений заповедника, исследовала растительные корма русской выхухолы, высшую водную растительность, и в течение 16 лет изучала зарастание нескольких пойменных озер. С 1938 по 1952 годы зоологом И.В. Измайловым проведена первая инвентаризация фауны птиц (183 вида) и млекопитающих (35 видов). К настоящему времени число видов млекопитающих увеличилось до 48, а птиц — до 218 видов. Во время Великой Отечественной войны гидробиолог К.И. Шурыгина провела инвентаризацию пойменных водоемов, составила карты их зарастания и мест размещения нор выхухолы. Ботаник В.Д. Александрова обследовала наземную растительность и сделала геоботаническую карту заповедника. Тогда же была учеными проведена первая инструментальная съемка пойменных озер.

В послевоенные годы в заповеднике продолжали работать В.П. и С.А. Красовские, изучал бобра Ю.В. Дьяков, заповедник начал отлов бобров на расселение в другие регионы. Численность бобра колеблется, в последние годы в заповеднике обитает 300-400 бобров. С 1961 по 1966 годы Хоперский заповедник являлся филиалом Воронежского государственного заповедника, научные работы были сокращены, а с 1966 года возобновлены в полном объеме.

С 1970-х годов научные исследования велись по следующим направлениям: изучение устойчивости различных типов лесов, гидрологического режима поверхностных и грунтовых вод (В.И. Бирюков); бонитировка угодий выхухолы, зарастание водоемов, динамика высшей водной флоры и растительности (Е.В. Печенюк). Сотрудниками Ботанического института АН СССР проведена инвентаризация флоры Хоперского заповедника, которая служит примером исследования и анализа флор других заповедников (докт. биол. наук Н.Н. Цвелев). Изучена динамика лугов различных типов и влияние сенокосения на видовой состав растительности (докт. биол. наук Ю.В. Титов, сотрудник заповедника Е.С. Нескрябина). Зоологические работы заключались в изучении русской выхухолы: распространение вида по территории заповедника, динамика численности (Н.Ф. Марченко); изучение особенностей биологии выхухолы в неволе (Н.Н. Кузнецова, С.Н. Чичикина, Н.А. Карпов); изучение биологии пятнистого оленя (П.Ф. Казневский); морфология пятнистого оленя и волка (А.Д. Печенюк). Были развернуты орнитологические исследования (А.А. Золотарев). В 1980-х годах проводились комплексные исследования условий обитания русской выхухолы, в том числе гидрохимических особенностей водоемов. В 1980–1990-х годах заповедник и его окрестности были обследованы ландшафтоведом Г.Н. Егоровой и ботаником Е.С. Нескрябиной, составлена ландшафтная карта заповедника, что позволило изучить основные направления трансформации растительности поймы Хопра (Е.С. Нескрябина). Составлен список высших грибов Хоперского заповедника (А.Н. Ртищева, Н.А. Радькова (Родионова), изучается изменение видового состава культивируемых растений — потенциальных интродуцентов в природу заповедника, проводятся исследования травяного покрова черноольшаников заповедника (Н.А. Родионова). Большее внимание исследователей стали привлекать редкие растения, было налажено ежегодное слежение за состоянием некоторых из них. В последние годы, несмотря на то, что все исследования слились в единую тему «Динамика явлений и процессов в природном комплексе Хоперского государственного заповедника, или Летопись природы», ни одно из важных направлений не утрачено, напротив, почти ежегодно прибавляются те или иные новые изучаемые вопросы. Каждый год заповедника начинается с зимних учетов пуш-

ных и копытных животных. Весна — самое горячее время для фенологических (сезонных) наблюдений, с апреля по октябрь проводятся ботанические работы, в мае — учет мышевидных и мелких насекомоядных животных, в октябре-ноябре — учеты русской выхухоли и бобра. Так в естественном круге развития природы идет сбор материала для очередного тома Летописи природы Хоперского заповедника, объемом более 200 страниц с многочисленными таблицами, графиками, картами, фотографиями. Все, что было сделано сотрудниками заповедника за год, находит отражение в Летописи природы.

Хоперский заповедник привлекает внимание многих исследователей. Сюда приезжали собирать материал специалисты академических институтов: Ботанического, Зоологического, института Лесоведения. Более полувека изучают динамику численности рыжего соснового пилильщика, его врагов и паразитов сотрудники Института проблем экологии и эволюции. Приезжают для сбора материала и знакомства с природой заповедника и иностранные специалисты из Англии, Голландии, Германии, США, Новой Зеландии, Австралии, ЮАР, Сербии и других стран. Никто еще не был разочарован природой Хоперского заповедника.

Велико образовательное значение заповедника. Ежегодно сюда для прохождения учебной практики приезжает до 330 студентов Воронежского и Саратовского университетов, Борисоглебского пединститута, Воронежской медицинской академии.

Студенты и аспиранты Воронежского университета, Воронежского и Тамбовского педагогических университетов, Воронежской лесотехнической академии собирают здесь материал для дипломных работ и диссертаций. В заповеднике каждый год во время школьных каникул проходят школьные экологические лагеря, в которых участвуют 150–230 школьников. Они приезжают из Москвы, Петербурга, Воронежа, Новохоперска, Борисоглебска. Научные сотрудники читают школьникам лекции, проводят экскурсии по экологическим тропам, руководят школьными исследовательскими работами, которые на областных, всероссийских и международных школьных олимпиадах занимают призовые места. Именно здесь школьники осознают понятие Родины, красоты и хрупкости ее природы. Именно здесь городские дети прикасаются к истокам Земли и Воды, к одухотворенности Природы. Помните фразу из уст тургеневского героя: «Природа не храм, а мастерская...». Вот здесь, в Хоперском заповеднике, школьники начинают понимать, что природа все-таки Храм, который нужно беречь, который требует осознания и принятия его законов, и горе тому «мастеру», который их нарушит.

* * *

Итак, мы познакомились с историей создания заповедника и с теми целями, ради которых он был образован. А теперь с тропы исторической свернем на тропу дня реального, чтобы пройти по заповедным стежкам, по темным лесным болотам, по цветущим лугам и степным участкам. А еще нам предстоит проплыть по извилистому руслу Хопра и его притоков и заглянуть в воду озер, пробраться по заваленным валежником днищам темных оврагов, напиться из родников и повстречаться с лесными обитателями. Без этой части путешествия нельзя увидеть красоту природы заповедника, понять его природоохранную и духовно-культурную ценность.

Хоперский заповедник занимает часть долины среднего течения Хопра. Пойма — низкая часть долины, заливаемая весенним половодьем. Она составляет около 84 % его территории, склоны и узкие полосы первой и второй надпойменных террас — 6 %, склоны и выровненные участки высокого правобережья Хопра — 10 %. Пойма развита то по обеим сторонам реки, то по одной из них. Русло прижимается то к высокому, глинистому правобережному склону долины, то к более низкому, песчаному склону левобережной террасы.

Река Хопер — одна из красивейших и чистейших рек Европейской части России. Течение ее не зарегулировано плотинами, река сохраняет естественное чередование низких и высоких половодий, определяющих всю жизнь поймы. Русло реки, средняя ширина которого в заповеднике около 90 метров, образует многочисленные излучины. За счет роста излучин длина русла с 50 километров в 1940 г. к 2003 году увеличилась почти на 3 километра, несмотря на отделение трех излучин, превратившихся в озера-старицы. Реже старицы образуются из отделившихся затонов реки. Русло Хопра — место обитания выхухоли, бобра, выдры, норки, рыб, в том числе редких: стерляди, вырезуба, русской быстрянки, переднеазиатской и сибирской щиповок.

Самая северная часть заповедника имеет ширину немногим более 1 километра. Русло Хопра величественно прижимается к высокому правому берегу долины, заросшему дубравой, а по левобережью над узкой лесной поймой поднимается песчаная терраса с сосновым лесом. На месте этого леса в XIX — начале XX века стояло село Никандровка, упомянутое как имение В.Д. Аршеневского в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»: «...замечательное по всем отраслям хозяйства ... по конному заводу арденских лошадей, обширной пасеке, лесоразведению сосны на 300 десятинах, ... водяной турбинной мельнице с сукновальной и пр.» Местность вокруг будущего заповедника в начале XX века была более населена, чем во время его организации. В конце XIX века по границе будущего заповедника имелось 64 населенных пункта, включая кордоны. Население насчитывало более 21 тысячи жителей. К 1905 году оно увеличилось до 24 тысяч человек. В 1932 году было 23224 жителя. Использование населением природных ресурсов не привело к непоправимому нарушению мест обитания русской выхухоли и к ее исчезновению.

Северная часть заповедника, пожалуй, самая озерная: здесь сосредоточены крупные и глубокие, до 7 метров, озера: Осиновское, Большая Глушица, Русская Речка, узкие и темные Дарданеллы и Черная Речка, много «баклуж» — малых водоемов. Во время засух они почти не пересыхают — по протокам во время даже низких половодий в них заходит вода из Хопра, а из-под подножия террасы выступают родниковые воды.

Южнее пойма реки становится двусторонней. По северной границе левобережной части течет к Хопру лесная речка Калмычок, образуя собственную пойму — узкую, заболоченную, заросшую топкими черноольховыми лесами. Калмычок впадает в Юрмище — самое большое озеро заповедника, длиной более 4 километров и шириной более 100 метров. Из Юрмища узкой протокой (может быть, рукотворной?) Калмычок течет до озера Стержневого и далее уже в Хопер. Но если бобры перегораживают плотиной речку, вода устремляется в расположенные южнее ольховые топи.

Левобережная часть поймы широкой отмершей излучиной врезается в террасу. Здесь расположен крупный массив заболоченных черноольховых лесов. Черноольшаники Хоперского заповедника — самые старые и хорошо сохранившиеся в Европейской части России. Недаром именно здесь лесоводами выделен генетический резерват черной ольхи площадью 1118 гектаров. В притеррасной части черноольшаники зарастают папоротником страусником обыкновенным, в сырых участках — очень жгучей крапивой киевской, зимующей стелющимися зелеными побегам. В самых мокрых местах над черной, торфянистой топью расстилается сеть толстых корневищ белокрыльника болотного и вахты трехлисточковой. В непроходимых ольховых болотах прячутся на дневной отдых кабаны, косули и лоси, на сухих гривах гнездятся журавли и делают свои логова волки. Торфяные грунты ольшаников, словно губка, накапливают в сырые годы воду, а в засушливые — отдают ее расположенным рядом водоемам. Рядом с ольшаниками лежит

второе в заповеднике по величине круглое мелководное озеро Тальниково. На нем каждый год гнездятся утки и лебеди, на старых ветлах и ольхах по берегам строят гнезда орланы-белохвосты и белые цапли.

Между черноольшаником и руслом Хопра располагаются большие участки старовозрастных пойменных дубрав, перемежающихся осинниками, пойменными травяными болотами и старицами. Здесь выделено 18 плюсовых деревьев дуба черешчатого с исключительно стройными стволами высотой до 36 метров и диаметром до 70 сантиметров. Крона у плюсовых деревьев начинается на высоте 14–24 метра, а в поперечнике достигает 5–13 метров. На 9–17 метров возвышаются эти красавцы-дубы над окружающим лесом!

Там, где северная часть левобережной поймы сужается, соединяясь с центральной частью заповедника, русло Хопра наиболее активно. Сильные потоки воды, размывая крутые берега и откладывая песок на пологие, постепенно образуют новую излучину. Со временем в шейке излучины появляется рытвина, весной по ней усиливается поток воды, размывается новое русло, а концы излучины перекрываются наносами песка. Излучина превращается в старицу. Так, в 40-х годах прошлого века здесь отделилась старица Кутиха, в 80-х — примыкающая к ней Новая Старица. Сейчас происходит формирование новой излучины и начинается размыв нового русла.

При своем движении по пойме Хопер не только «рождает» новые старицы, но и уничтожает озера, лежащие рядом с руслом. Выше по течению от Новой Старицы расположено озеро Коловерть. Русло подошло к озеру вплотную, размывает его берега, откладывает песок по его прибрежьям и мелководьям. Возможно, пройдет несколько десятков лет и на месте заросшего сейчас кувшинками озера будет русло реки с песчаным пляжем на правом берегу.

Пляжи Хопра — это новая, молодая пойма, зарастающая первичными лугами и лесами. Поверхность поймы реки формируется руслом, его движением по местности, высотой весеннего половодья, песком и илом, переносимыми водами реки. Вблизи русла половодье откладывает тяжелые песчаные наносы, образуя пляжи и береговые валы, а вдалеке от русла из паводковых вод оседают мелкие илистые частицы, со временем повышая уровень поймы. На более высоких и сухих участках молодой поймы деревья не могут расти, там образуются первичные луга из корневищных злаков. На более низком уровне пляжей, на обсыхающем в начале лета песке появляются всходы трав, кустарниковых ив, ветлы и тополя. Очень быстро, в течение двух десятков лет пляж зарастает первичным лесом из ивы белой (ветлы), черного и белого тополя. Такие естественные, первичные леса стали редкостью в Европе, где реки зарегулированы, зачастую текут в искусственных руслах, где отсутствуют естественные излучины и пляжи. В этом — еще одна ценность Хоперского заповедника. Под пологом первичных лесов появляются из семян, занесенных ветром, всходы ясеня и вяза, на третьем десятке «жизни» пляжа яшень и вяз дополняют древесный полог. Высокая скорость природных процессов в пойме позволяет наблюдать их одному поколению ученых, сравнивая состояние начальных и последующих стадий зарастания, отслеживая ежегодные изменения растительности. На постоянных площадках зарастающего пляжа Новой Старицы каждый год проводится учет видового состава и обилия растений. Но до зрелости поймы, до формирования пойменных дубрав пройдет не один десяток, а то и сотни лет: на бывшем песчаном пляже реки должен сформироваться слой черной и зернистой пойменной почвы, ветляники и ясенники должны смениться другими типами леса, а затем и дубравами.

Правобережная пойма северной части заповедника довольно сухая, зарастает дубравами, осинниками, ясенниками. Озер в этом участке немного, расположены они в основном около русла реки. Здесь пойма пересечена глубокими размывами и длинными, сохраняющими форму излучин, травяными болотами. Южнее пра-

вобережная хоперская пойма сливается с поймой притока Хопра — реки Карачан. Некоторые узкие, мелководные озера в пойме Карачана — отделившиеся излучины этой речки. Карачан быстро бежит по песчаному дну среди пойменных дубрав и ивовых лесов, впадая в Хопер под крутым и высоким склоном долины. На границе заповедника, на высоком правом берегу над поймой Карачана стоит в яблоневох садах старинное русское село Васильевка, ранее известное своими мастерами по изготовлению деревенской резной и гнутой из орешника мебели, резных оконных наличников.

Ниже устья Карачана русло Хопра прижимается к высокому правому берегу долины, зарастающему дубовыми, ясеновыми и кленовыми «нагорными» лесами, особенно красивыми осенью. Изредка мелькнет на склоне среди лесов полянка. В Хоперском заповеднике почти нет степных участков, но на лесных полянах сохраняются редкие степные растения: ковыли, тюльпан Шренка с желтыми цветками, ирис безлистный, миндаль низкий; на опушках — тюльпан Биберштейна, рябчик русский, горицвет весенний.

В центральной части Хоперского заповедника пойма почти полностью левобережная. Зарастает она столетними пойменными дубравами, на опушках можно видеть развесистые дубы 145-летнего возраста. Над дубравами поднимаются до 45-метровой высоты куртины белых тополей, стволы самых мощных 135-летних деревьев достигают в диаметре 140 сантиметров. По словам известного селекционера леса А.П. Царева, эти уникальные по возрасту и размерам хоперские белые тополя вызвали неподдельный интерес участников Международной конференции канадской тополевой ассоциации и Международной тополевой комиссии. В Хоперском заповеднике выбрано 9 плюсовых деревьев тополя белого.

Семенные всходы белых и черных тополей появляются на песчаных пляжах около русла реки, в участках леса с нарушенным почвенным покровом, где складываются благоприятные условия для прорастания мелких и быстро теряющих всхожесть семян тополей. В гуще леса тополя размножаются корневыми отпрысками: вокруг взрослых деревьев при хорошем сочетании освещения и влажности вырастает куртина подростка с лесным патриархом в центре. Красивы летом белые тополя, с блестящей сверху и белой снизу, сверкающей при ветре листвой, но особенно хороши они осенью. Недаром Л.Л. Семаго писал о белых тополях Хоперского заповедника: «...куртины белого тополя красуются в дни бабьего лета ярко-желтым нарядом. В солнечный полдень глаз просто не вмещает столько света и цвета, льющихся с крон деревьев-великанов, равных которым не сыскать ни на Хопре за пределами заповедника, ни на других притоках Дона». Бывает, что листва верхушек тополей окрашивается в пурпурные и оранжевые тона, а чем ниже ветви и чем моложе дерево, тем светлее листва — от яркого до бледно-желтого цвета. Осенняя куртина тополей словно гигантский, яркий букет выделяется на фоне еще зеленых дубрав.

В лесах довольно обычны пятна осинников. В старой литературе есть указания, что осина доживает до 250 лет, но часто у осин уже среднего возраста сердцевина ствола сгнивает, разрушается, и сильные ветры ломают дерево как спичку или выворачивают ствол с корнями. Старовозрастные осинники завалены валежником, переплетенным колючими побегами ежевики. Но именно в таких ветровальных местах, в освещенных «окнах» складываются благоприятные условия для роста молодых дубов. В дубравах же, под пологом старых деревьев, иногда прорастает множество желудей, но проростки дуба погибают в тени отеческой кроны.

Левобережная пойма центральной части богата пойменными лугами. В отличие от прирусловых, луга центральной поймы искусственного происхождения. Редины и кустарниковые заросли были расчищены и выкошены, травяной покров поддерживался постоянным сенокосением. Эти луга богаты разнообразием трав. Из редких видов растений на лугах наиболее заметны после схода половодья буро-

фиолетовые «колокольчики» рябчика шахматовидного, а ближе к концу лета — ярко-синие цветки горечавки легочной. Прекращение сенокосения на этих лугах ведет к зарастанию их лесом и обеднению видового состава трав. Всходят по освещенным солнцем границам луга молодые дубки, распространяется корневая поросль тополя и осины. В сырых понижениях разрастаются осоки и образуются осоковые болота.

Здесь же сосредоточено большое число разнообразных пойменных водоемов. Одни из них сохранили форму излучин русла, другие — узкие и вытянутые — похожи на длинные рукава реки, третьи, размытые водами высоких половодий, стали овальными или округлыми, глубиной до 5-8 метров. В отмерших, заболоченных руслах, в глубоких рытвинах на пойме, среди лугов и лесов много продолговатых и круглых малых водоемов, называемых местным населением «баклужами». Большие и малые водоемы — основные места обитания русской выхухоли, изучение которой было начато с первых лет существования заповедника. Русская выхухоль роет норы в высоких берегах озер, вход в нору обязательно открывается под водой. Если берег озера низкий — выхухоль располагает норы в местах, укрепленных корнями прибрежно-водных и береговых растений. Гнездовая нора кончается одной или несколькими гнездовыми камерами. Делает выхухоль и запасные норы, которые служат для поедания добычи. Питается выхухоль пиявками, моллюсками, личинками насекомых: ручейников, стрекоз, жуков; поедает корневища, клубни и нижние части побегов высших водных растений. Численность выхухоли в Хоперском заповеднике сейчас составляет всего несколько десятков особей. Много высказано предположений о причинах падения численности, последнее — распространение по озерам Европейской части России, в том числе Хоперского заповедника, дальневосточного бычка ротана-головешки, который питается теми же животными, что и выхухоль. Вполне вероятно, что кормовая база выхухоли значительно подорвана.

Южнее поселка Варварино в левобережную надпойменную террасу врезается узкая, заболоченная бывшая излучина — урочище Отрог, питаемое родниками из-под террасы и заросшее топким черноольшаником. Ольшаники Отрога, так же как и ольшаники Бережины, поддерживают во время засухи уровень воды в близлежащих водоемах. В Отроге нижний, довольно сухой край террасы, зарастает под пологом ольхи папоротником страусником обыкновенным, далее от склона террасы становится влажнее, ольхи образуют высокие кочки, на них разрастается более влаголюбивый папоротник кочедыжник женский, а в глубине ольшаника вдоль проток видны светло-зеленые заросли папоротника телиптериса болотного. Ольшаники переплетены хмелем, на кочках растут осоки и высокий лабазник вязолистный с крупными и душистыми белыми соцветиями.

Левобережная пойма прерывается широкой дугой Желтого Яра — песчаного склона террасы, размываемого Хопром. Изгиб русла на месте современной излучины Желтого Яра был показан уже на карте XVII столетия, а сейчас русло все более врезается в террасу, откладывая на противоположном берегу пески молодой поймы.

В южной части Хоперского заповедника высокие склоны правобережья долины прорезаны глубокими оврагами с текущими по ним родниковыми ручьями. Влажность и затененность днища оврага позволяют поселиться здесь растениям сырых мест: разным видам папоротников и хвощей. Ручьи впадают в присклоновые озера, сохраняя в них достаточный уровень воды даже в сухие годы. А в прирусловых озерах уровень воды снижался до полного их высыхания — более мелководное русло реки действовало как дренажная канава: по мере понижения уровня воды в русле, спускался уровень соединенных с ним водоемов.

Здесь пойма вновь становится двусторонней, но заметно отличается от располо-

женной севернее — в ней развита пойменная многорукавность. Бурные потоки весенних вод размыли по пойме длинные, извилистые ложбины — пойменные рукава Хопра, развивающие свои собственные излучины и отделившиеся старицы.

На правобережье верховье пойменного рукава разделилось на ряд вытянутых и кольцеобразных стариц, а низовье, по своей ширине почти равное руслу реки, соединено с руслом узкой протокой. На левобережье пойменный рукав Старый Хопер представлен узкой, извилистой ложбиной, врезанной на 4–5 метров в поверхность поймы, по которой в половодье проходит сильный поток воды. В межень ложбина разделяется на отдельные водоемы — мелководные в прямых ее участках и глубоководные в верхушках излучин. Часть излучин уже отделилась, образовались кольцеобразные, узкие старицы и болота. Всего в ложбине старого Хопра лежит около 30 малых водоемов, различающихся по форме, степени обсыхания в засушливые годы и по составу высшей водной растительности. По архивным данным, Старый Хопер и в многоводном 1944 году так же распался на отдельные водоемы. В левобережье лежат у террасы крупные, глубиной до 9 метров, озера Чиганак и Жирное. В Чиганаке растет редкое водное растение — водяной орех с розетками ярких осенью листьев и плодами с острыми, как у якоря, зубцами. Песчаная терраса занята сосновыми посадками, но местами на склонах остались участки чистых, подвижных и незарастающих песков.

К сожалению, в южной части Хоперского заповедника остро проявилась проблема интродуцентов — чужеродных видов, вторгающихся в нашу природу и угнетающих естественные растения. В пойменных лесах распространился выращиваемый около домов североамериканский декоративный вид винограда, называемого девичьим, который нашел для себя благоприятные условия в теплой и влажной хоперской пойме, местами полностью сменив в дубравах травяной покров, высоко взбираясь по стволам деревьев, заплетая кустарники. Виноград — не единственный интродуцент в заповеднике. По берегам озер, в пойменных болотах нашу обычную череду трехраздельную давно сменила американская череда олиственная, образующая густые и высокие заросли, в которых не могут расти другие растения. В лесах все более распространяется американский же клен ясенелистный; прибрежные кустарники вдоль русла реки и прирусловых водоемов в последние три десятилетия заплетает травянистая лиана с кистями душистых цветков и колкими плодами — эхиноцистис лопастный. В некоторых водоемах разрастается водный сорняк элодея канадская, за скорость роста и угнетающее действие на другие погруженные растения названное водяной чумой. Все эти виды уже невозможно убрать из заповедных и незаповедных экосистем. Можно надеяться лишь на природные факторы — например, элодея, не образующая у нас семян, погибает в засушливые годы при обсыхании мелководий и при промерзании толщи воды. Семена наших водных растений сохраняются в грунте и всходят при последующем повышении водного уровня.

На самой южной границе заповедника расположен живописный обрыв к реке — Крутой Яр, в котором, словно книга геологической истории местности, открываются песчаные и глинистые слои ледниковых отложений. Именно сюда приезжали палеонтологи и палеоботаники из Ботанического, Палеонтологического институтов РАН, из Кембриджа и Ковентри для сбора материала. Мало где в Европе представлены в таком четком порядке подобные отложения, особенно слои раннего плейстоцена.

Каких же природных ландшафтов не хватает Хоперскому заповеднику? В заповеднике отсутствуют настоящие степи, но в Новохоперском районе, в урочище Журавка на реке Татарке есть участки ковыльно-разнотравных красочных степей с хорошо сохранившимся травяным покровом, с многочисленными популяциями ирисов карликового и солелюбивого; тюльпанов Шренка и Биберштейна,

редких астрагалов. К заповеднику прилегают степные балки с горичцветами весенним и волжским, с ирисом безлистным и других степных видов. В урочище Журавка живут сурки и слепыши, отсутствующие в заповеднике.

Нет в заповеднике и не могут существовать в современной пойме настоящие сфагновые болота с ярким моховым покровом, окруженные лесами из северной березы пушистой с большим числом северных видов растений, проникших в наши места в холодный, субарктический период голоцена (последледниковья). Около 30 видов растений этих болот отсутствуют на территории заповедника. Присоединение к Хоперскому заповеднику таких природных комплексов, даже в виде изолированных от основной территории участков, заметно обогатило бы его ландшафтную структуру, его растительный и животный мир.

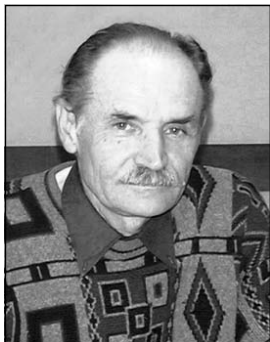
* * *

Свое путешествие мы завершаем посещением поселка Варварино. Здесь располагается администрация заповедника, отдел охраны, научный отдел, метеостанция и музей. Музей считается одним из лучших по богатству представленного материала. Его создателем был П.М. Красовский, позже основные биогруппы музея и фоновые рисунки для них сделаны были В.П. Коньковым. Уже в 1937–1940 годы музей природы посещало в среднем 400 человек в год. В настоящее время в музее ежегодно бывает до 4 тысяч экскурсантов.

Казалось бы, что может привлекать в маленьком музее из двух комнат, заставленных чучелами животных, не только школьников сельских и районных школ, но и искушенных москвичей и петербуржцев, жителей Крыма и Мурманска, иностранных гостей заповедника? Тем не менее, хорошо скомпонованная экспозиция, чучела, достоверно передающие естественные позы животных, квалифицированные и эмоциональные рассказы работников музея неизменно вызывают благодарный отклик посетителей.

С 1937 года в заповеднике работает метеостанция. Погодные условия надпойменной террасы Хопра более континентальные, чем погодные условия высокого правобережья. Летом температура воздуха поднимается до +42,8°С (июль 1971 г.), зимой опускается до –42,7°С (февраль 1967 г.) Среднегодовая сумма осадков составила 557 мм, наивысшая — 821 мм отмечена в 1941 г., наименьшая — 337 мм в 1946 году. Суммарная величина снежного покрова в зиму 1966–1967 годов составила 278 см, а зимой 1968–1969 гг. при морозах до –32°С снежный покров отсутствовал. О силе ветров в долине Хопра можно судить по сломленным, словно травяные былки, крупным дубам в лесах. Один из ураганов выдернул из земли старый дуб диаметром ствола 60 сантиметров и перенес его на пять с половиной метров от места произрастания.

И знакомство с историей создания заповедника, и легкая, бодрящая прогулка с севера на юг по Хопру вдоль его неописуемых по красоте и богатству растительного мира поймам, и проведенные несколько минут в музейной тишине, конечно, обогатили нас, приоткрыли в сердце уголок для добра и света. Но чтобы по-настоящему понять, слиться душой с Хоперским заповедником, одного-двух путешествий мало. Некоторым и жизни на это не хватает. Сколько ни броди по лесным заповедным тропам, сколько ни любуйся красотой этих ярких, красочных в любое время года мест, он, заповедник, всегда тот же и всегда разный, никогда не надоедает и не тяготит. Можно сотни, тысячи раз повторять юному и взрослому поколению, какое важнейшее природоохранное, научное, образовательное, эстетическое и, наконец, государственное значение имеет Хоперский заповедник, но вряд ли это убедит сильнее, чем даже один час, проведенный в замечательных куцах этого уникального уголка природы России.

Виктор Беликов,
член Союза писателей России

НЕТ БОГАТСТВ ДОРОЖЕ И ЦЕННЕЕ

Южная оконечность Центрально-Черноземного района России, где лесостепь переходит в степь... Когда-то в давние времена здесь были девственные степи с могучим разнотравьем. Помните гоголевское описание степей в «Тарасе Бульбе»? Именно такими были и наши степи, ну, может быть, чуть победнее, особенно на меловых суходолах. Как и сейчас, впрочем. Прекрасные же черноземы выращивали океаны трав, которые, зацветая, причудливым ярким ковром ложились к ногам путников. А путников тогда было не так много, хотя недавно проведенные раскопки позволяют утверждать, что пустынными наши места не были ни в древности, ни в средние века.

С горечью приходится признать, что истощаются наши черноземы, беднеют, подвергаются водной и ветровой эрозии. И во многом в этом виноваты мы, люди. Такое обилие оврагов, да еще столь глубоких, пожалуй, редко где встретишь. А бороться с ними по-настоящему у нас нет ни средств, ни стратегического плана и желания.

Хозяева почв своих мы плохие: впрочем, как и неважные хозяева рек и речек, искусственных и естественных водоемов, немало запаса прекрасных подземных питьевых вод, которые мы и за богатство-то не считаем, забывая, что это и есть та былинная «живая вода», которая держит все живущее на земле, и нас в том числе.

У нас мало сейчас нераспаханной, «дикой» степи, но все же такие участки есть, попадаются «оазисы» ковыльной степи, особенно по буграм и сухим балкам. Там можно встретить ковыль, типчак, все виды полыни, качим-перекати-поле, шары кермека. По весне нежно розовеют цветы сон-травы, сиреневым дымом стелются мелкие кустики степного миндаля, желтеют ручейки и озера дерезы, дрока и степных тюльпанов, синеют разливы шалфеев, а в начале мая алыми знаменами пылают воронцы — узколистные пионы.

Голубой пролески и хохлатки у нас поистине море, но и здесь чрезмерное собирательство сильно вредит. А ведь есть и реликтовые растения, не просто редкие, а редчайшие, которые охраняются законом, ибо сохранились только у нас. Это шафран сетчатый, брандушка русская, проломник Козо-Полянского, двурядник меловой, барвинок травянистый. Найдены они на наших землях. Трудновато им

выжить, хватает врагов и у реликтов, и первые из них — скот и человек. Правда, ныне скота поубавилось и не везде пасут его. Но это тоже не благо.

Степное разнотравье чередуется с луговым и даже болотным. Заболоченных низин в поймах речек у нас немало. Зарастает летом все буйной зеленью. Шуршат чубатые камыши, клонит головы-колбаски рогоз, свистят под ветром жилистые узкие листья осоки, лиловеет чистец болотный и иван-чай, а на лугах — океаны золотых одуванчиков. Клевер и эспарцет, голубая люцерна, непроходимые дебри лебеды, циклохены, чертополоха, дягиля, тмина, купыря, заросли ежевики и хмеля — да чего только нет у нас. Одних лекарственных и декоративных растений не перечислишь. Пустырник, тысячелистник, пижма, валериана и девясил, донник и алтей, стальник и подорожник — все у нас есть. А на песчаных почвах, разумно засаженных сосной, цветут цмин-бессмертник, тимьян-чабрец, мелколепестник и многое другое. Сейчас в наступление идет амброзия полыннолистная, новый нежеланный гость.

Леса у нас невелики, скорее перелески, но есть и большие. Это в основном «широкошумные дубравы», где хорошо уживаются деревья разных пород: дуб и липа, береза и осина, вяз и клен. А ниже подлесок и кустарники — бересклет и крушина, боярышник и шиповник, жимолость и орешник.

Многообразен и животный мир. Конечно, беднее, чем был когда-то. Нет давным-давно мамонтов и бизонов, саблезубых тигров-махайродов и могучих туров, хотя кости их находят и в наших местах. Все меньше рыбы в реках. Даже удивительно, как она вообще выживает под таким небывалым прессом нашего долбаного технического прогресса, жадности и бездумия. Но все же можно еще в удачное утро выудить и порядочного окуня, и леща, и язя, заарканить на спиннинг судака или щуку, заманить на донку сазана и карпа, надергать в степных прудах карасиков. Можно еще и поохотиться у нас. Пока что водятся зайцы и лисы, степные хори и куницы, кабаны и косули, не все еще красавцы-лоси изведены, хотя лесная охрана всерьез замахивается на их будущее существование (о браконьерах мы уж и не говорим). Вновь расселились в наших речках бобры и уже всюю ведут лесоповал в поймах, размножаются ондатры и возвращенные поселенцы — сурки, ранее почти полностью истребленные.

Из зверьков самый многочисленный отряд — это грызуны. От крохотных мышей-малюток, выющих свои гнезда из травы на прочных стеблях осоки или пырея, до упоминавшихся уже сурков-байбаков, зайцев-русаков и бобров — это все грызуны. Домовые мыши и полевки, крысы-пасюки и водяные крысы, лесная желтогорлая мышь, крапчатый суслик, тушканчик, или земляной заяц, подземные обитатели-слепыши, лесные и садовые сони, похожие на маленьких белок или бурундучков — всюду они, грызуны, вездесущие и неистребимые, плодовиые и потому живучие. Правда, химизация сельского и лесного хозяйства держала это прожорливое племя в рамках, а некоторых вообще почти извела (хомяки, некоторые виды сусликов). Но теперь химический пресс из-за дороговизны ядохимикатов значительно уменьшится, значит, жди массового размножения мышевидных грызунов. Крысам же вообще все наши меры борьбы до лампочки, они припеваючи жили и при химизации.

Отряд хищников менее многочислен и не столь многообразен, но все же... От землеройки, этого крохотного, но удивительно прожорливого и потому кровожадного хищника, от грациозной ласки до матерого степного волка, лисицы и речной норки — хищники тоже вездесущи. И их численность напрямую зависит от численности грызунов, которыми они в основном питаются. Горноста́й, лесной и степной хори, лесная и каменная куницы, енотовидная собака сейчас не столь многочисленны, хотя и редкими их не назовешь. И каждый зверек, каждая птица занимают свою биологическую нишу, каждый борется за свое место в жизни.

Весьма богат мир птиц в наших краях. От ставших крайне редкими степных обитателей: дроф, стрепетов, ржанок, садж, кроншнепов до обычных надоедливых воробьев и крохотных королек и крапивников-задерихостов — все у нас есть.

Птицы поистине украшают наши края. Они повсюду, надо только внимательно наблюдать, и увидишь многое и многих. Вот высоко в небе, едва видный человеческому глазу, парит степной орел, столь же высоко порой взбираются и канюки-сарычи, хотя их обычная охотничья высота не столь велика. Парят они на бреющем над полями и зорко смотрят вниз. Едва мелькнет мыш, как хищник в стремительном броске хватается ее когтистыми лапами, усаживается на стог и рвет добычу изогнутым стальным клювом. Конкурентами-охотниками у канюков бывают степные и полевые луны, кобчики, пустельга. Ястреба, тетеревики и перепелятники, специализируются по пернатой дичи, как и лунь камышовый, или болотный, а также редкие у нас соколы: сапсан, чеглок и дербник. Орлы-могильники тоже редкие гости у нас, а вот черный коршун, или «шулика», как называли его у нас в деревнях раньше, пока многочислен и порой ворует цыплят среди бела дня и чуть не под носом у хозяев.

Семейство врановых имеет всего несколько видов (ворон, серая ворона, грач, галка, сойка, сорока), но чрезмерно многочисленно стало совсем недавно. Особенно это касалось грачей, которые уже существенно вредили посевам в полях и огородах. А расплодили их мы сами безалаберными мусорными свалками и уничтожением птиц-хищников.

Редкими ныне стали ярко-зеленые ракши-сизоворонки, немногочисленны удода, вертишейки и осоеды. Обычны кукушки, щурки золотистые, ярко-синие зимородки, скворцы, дрозды и прочая птичья мелочь.

Отряд воробьиных крайне многообразен. Все виды, обитающие у нас, невозможно перечислить в короткой статье. Это разные виды славков, пеночек, камышевок, сорокопутов, синиц, овсянок, коньков и жаворонков, это щеглы, коноплянки, зяблики, чижи, трясогузки, плиски, легионы ласточек и скворцов, иволги и дубоносы, горихвостки и мухоловки, зарянки и зеленушки, чечевички и чечетки — да мало ли их останется неназванными. Пока что птичий мир в целом не вызывает опасений, пернатые создания неплохо уживаются с человеком, даже в городских условиях. Есть, правда, и исключения — упоминавшиеся выше дрофы, стрепеты в том числе.

Виды оседлых уток, куликов и болотной дичи не столь многообразны: гусь серый, кряква, широконоска, серая утка, чирки, нырки, чомга-поганка, бекасы, лысухи, болотные курочки, цапля серая, крачки, выпь, зуйки и веслоноги. Водится все понемногу. Редок серый журавль. Появились недавно лебеди-шипуны, аисты, утка-огарь и даже белые цапли. Все это — охраняемые законом виды, и отрадно, что численность их постепенно восстанавливается. Нужно только беречь их.

Поздней осенью, когда начинаются великие перелеты, на наших водоемах останавливаются северные утки, и тогда можно увидеть и свиязь, и шилохвость, и чернет, и многих других из утиног царства.

Обитают в наших местах козодои, несколько видов сов, голубей, весной и осенью бывают вальдшнепы, зимой прилетают снегири, свистульки, канюки-зимняки, пуночки, рюмы.

Неисчислимы мир насекомых. Тучи комаров и мошек, мухи, осы, шмели разных видов, сотни видов бабочек, стрекозы мелькают в воздухе, в травах ползают легионы жуков, клопов, козявок, стрекочут кобылки и кузнечики, по ночам баюкают мир сверчки. Под землей тоже своя жизнь: прячутся от врагов в норках тарангулы, творят почву черви. На деревьях и в травах пожирают листву полчища

гусениц, пауки раскидывают свои ловчие сети — то есть всюду жизнь, всюду борьба за выживание.

Вертится могучее колесо эволюционного развития, гибнет и воссоздается вновь тот биологический фундамент, на котором зиждется и наша человеческая жизнь. И этот фундамент, это экологическое равновесие мы должны беречь как зеницу ока, если хотим уцелеть. Беречь эти леса, воды, поля и воздух, входить в Природу, как в храм Жизни. Помните базаровское: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Хочется это оспорить и с грустью констатировать: превратив природу в мастерскую, мы столько натворили в ней бед, столько наломали, нагадили, разрушили живые связи, что она начинает нам жестоко мстить. Надо помнить, что мы имеем дело с живым, с Жизнью, и тут горе-мастера губительны. Нам дарован удивительный живой мир, и нет на земле богатства дороже и ценнее. Для нас его сохранили ушедшие поколения людей, и мы обязаны передать его в сохранности своим потомкам.

Александр Высотин,
член Союза журналистов России

РОДНИК НАХОДИТ ЖАЖДУЩИЙ

(Как сохранить «сознание о былом»)

Есть начало таких простых дел, которое не требует ни усилий больших, ни материальных затрат. Эта простота порой обескураживает до такой степени, что невольно думается: а стоит ли этим заниматься? Ведь и не дело вроде, а так себе, забава. Но, к счастью, есть люди, которые отсчет этих дел ведут по-другому. Бывает, их называют чудаками, а то и причислят к тем, кто не от мира сего. Мотивы их поступков нередко пытается понять литература. Вот в повести Валентина Распутина «Пожар» — Афоня Бронников — «из старой дозатопной деревни парень, теперь уже не парень, давно — мужик». Про него другой герой повести, Иван Петрович, думал, как про затопленную водохранилищем родную деревню Егоровку Афоня скажет: *«...в нас она, в нас. Думал, начнет говорить, что уедем мы отсюда — и будто не было ее, Егоровки нашей, никогда, а пока здесь — и память о ней живет. Потому что и сам так же рассуждал. Но сказал Афоня:*

— Найдешь ты место, на воде, где стояла Егоровка?

— Не знаю. Прикину — найду.

— А я вот хочу нынешним летом знак какой поставить на этом месте. Что стояла тут Егоровка, работницей была не последней, на матушку-Россию работала.

— Как же ты поставишь? Кто тебе позволит?

— А кто мне запретит? Нету такого запрета, Иван Петрович. Не слышал, чтоб такой запрет был. Никогда не слышал. Если на земле можно, почему на воде нельзя?

Иван Петрович опомнился:

— Игрушки все это. Маленький ты, что ли, такими игрушками играть? Кому от них легче?

— Эх, Иван Петрович, — как-то свободно, но не облегченно, от горькой души, рассмеялся Афоня. — Прикинь-ка: столько игрушек кругом... может, моя не лишняя будет».

Житель воронежского городка Калача Иван Алексеевич Письменный, взявшийся по собственному уразумению и доброй воле устанавливать памятники на

месте умерших хуторов, в отличие от своего литературного тезки Ивана Петровича, обошелся без рефлексий. Разница объяснима: Иван Петрович — замысел писателя, а Иван Алексеевич — подопечный обстоятельств и реальной жизни.

Опасаясь, что в пересказе деяния Ивана Письменного не произведет нужного впечатления, обращаюсь за помощью к Александру Сергеевичу Пушкину, к его стихотворению, где:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Обычно останавливаются на этом четверостишии, особенно, на последних двух строчках. Четверостишия, действительно, с лихвой хватает, чтобы им обозначить присутствие любви, которое питает неустойчивое сердце человека двумя вышеназванными чувствами. И редко когда кто-нибудь процитирует четверостишие, следующее за первым. В советские времена, может быть, не цитировали потому, что в нем упоминался «Бог Сам». А сейчас не цитируем по привычке. А жаль... В том четверостишии как раз и обозначается нечто большее, чем данность этой любви, а именно: роль человека в конкретном утверждении «двух чувств». Посредством любви **деятельной**, которой и проверяется не что иное, как самостоянье человека:

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Только от деяний человека зависит, чтобы любовь к родному пепелищу и любовь к отеческим гробам стала —

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

А теперь на фоне этого стихотворения нелишне и поразмышлять: а в чем же, собственно, самостоянье, подвижничество Ивана Алексеевича Письменного?

Начиналось оно незавидно просто... Поехал однажды Иван Алексеевич в родной хутор Арнаутов, как всегда, на велосипеде. И увидел то, что привык видеть... Одичавшие сады (*«В хуторе брошенном, вся покалечена, // С черной безлиственной головой, // Прячет плоды свои яблоня-женщина // В хрупкой единственной ветке живой»*), пруд, подернутый зеленым слоем ряски, разваливающиеся строения, заросшее кладбище: *«Иваны, Яковы и Маши — // Отпела вас давно метель... // Осиротели села наши — // Страны великой колыбель»*.

И как-то иначе, по-особому защемило сердце Ивана Письменного. И пронзило: а от хутора-то родного Арнаутова скоро и следа на земле не останется. Хутор не просто зарастает, он землей заплывает! Матушка-земля словно принимает бывший хутор в себя, хоронит его вглубь, чтобы скрыть мерзость запустения и разрухи:

А были белены хаты,
Родимый здесь хутор стоял...
И взор опускается долу,
И сердце сжимает холод,
Свист ветра и всхлип колес...
Пропали и люди, и даты.
В руинах родные пенаты,
И выцвело небо от слез.

Здесь зори особо рьяны,
Здесь тени терзают бурьяны,
И редок непрошенный гость...
Ни правых, ни виноватых,
Быльем поросло...
И Бог весть, где есть тот погост...

Конечно, стихотворение (написанное, кажется, новохоперской поэтессой) тогда Иван Алексеевич не знал, после только удивился: как близко все лепилось.

Так было — и в Арнаутове: пропали и люди, и даты...

Так было — и в Арнаутове: ни правых, ни виноватых...

И не в «лихие девяностые» все случилось — в «лихие девяностые» рушилось уже на центральных усадьбах колхозов.

Хутора подтачивать разруха взялась в конце сороковых-начале пятидесятых годов, когда началось укрупнение колхозов. Вроде потом как-то приспособились, притерлись, а тут годы семидесятые... Хутора и вовсе объявили «неперспективными», оставили умирать уже окончательно.

На центральной усадьбе, как объясняли хуторянам, легче провести водопровод, проложить по улицам тротуары, быть со школой-десятилеткой, современным медицинским пунктом, с другими объектами соцкультбыта, чтобы можно было привлечь в такое современное село учителей, медицинских работников, работников культуры. И еще! Среди такой инфраструктуры можно строить для колхозных семей добротные дома за счет колхоза! Но, как это постоянно бывало в советские времена, не вышло задуманное *здесь*, зато «успешно» было все изжито *там*, в «неперспективных».

По расчетам и замыслам академика Заславской и ее последователей, из 705 тысяч имеющихся в СССР сельских поселений дальнейшее развитие должны были получить только 120 тысяч. Остальные подлежали сселению, как не отвечающие современным требованиям жизни. И в соответствии с этими наметками рекомендация директивного плана: «Необходима активная целеустремленная работа по сселению мелких и мельчайших поселков...»

На местах эта концепция была принята на «ура» Еще бы, теперь можно было не ломать голову о благоустройстве маленькой деревни, хутора, где жили колхозники. Все равно будут сселять... Такое настроение по душе было и всем районным службам.

Помнится: большой резонанс вызвала публицистическая статья «Хутора на обочине» журналиста и писателя Петра Чалого. Отлично понимая, что участь хуторов предрешена, он спешил обратить внимание общественности, всех служб Россоханского, Ольховатского, Кантемировского районов на то, чтобы помочь оставшимся хуторянам в сиюминутном: расчищать зимой к ним дороги, регулярно подвозить хлеб... Был в той статье упреждающий посыл: если не смогли сохранить хутора, то сыновья обязаны — сохранить наглядно память о них: установить памятные знаки на месте исчезнувших селений, в краеведческих музеях составить местную энциклопедию сел и хуторов...

Более других этой идеей проникся пенсионер Иван Алексеевич Письменный, уроженец хутора Арнаутова.

Из дошедших до хуторян легенд выходило, что первые поселенцы хутора Арнаутова чуть ли не разбойно жили: врываются в соседние села, умыкали невест. Легенды, они, конечно, и есть легенды, хотя все может быть...

Как выяснили современные краеведы, «арнаут» на турецком языке означал «вольный, свободный». Арнаутами турки называли и албанцев, которые под турецким иггом постоянно напоминали о себе непокорством. Многие албанцы бежали, осев на Украине, в дальнейшем переселяясь в Дикое поле, как называли тогда южные окраины Руси. Поскольку фамилии прибывшим сюда на жительство поселенцам давали по прозвищам местности, откуда они прибыли, то есть доля вероятности, что так определилось имя хутора — Арнаут.

Из уст же бабушки Иван Алексеевич слышал быль о том, как умело арнаутовцы занимались земледелием, бортничеством, как прасолы Шабиян и Цибуля гоняли на убой в Воронеж и в Москву тучные стада.

Арнаутов хутор стоял в стороне от большого скопления и движения людей. Это был тихий и уютный уголок природы.

И вот в 1981 году хутор Арнаутов перестал существовать как жилой населенный пункт, когда уехала из него последняя семья — семья Варвары Сергеевны Палевской.

«Удивительно, почему так? — не раз думал после этого события Иван Алексеевич. — Жила всего одна семья — и хутор считался живым, жилым. Ну что могла значить одна семья? Может, и так...»

Реальный Иван Алексеевич Письменный и его тезка из повести «Пожар» — Иван Петрович... И какая же поначалу схожесть мыслей! В повести: *«Думал, начнет говорить, что уедем мы отсюда — и будто не было ее, Егоровки нашей, никогда, а пока здесь — и память о ней живет»*. В реалиях, на хуторе, и у Ивана Письменного вначале: *«Жила всего одна семья — и хутор считался живым, жилым»* А с тех пор, как уехала — появишься здесь, и поздороваться не с кем. Тишина оглушительная. И все меньше желания подольше бывать в Арнаутове. Скоро и погост не найдешь, и сам хутор.

Покатил Письменный на своем велосипеде обратно в Калач, и, как сам после вспоминал: «На мне лица нет... Зашел к одному земляку, к другому, сказал: «Давайте хоть столб вкопаем и напишем на дощечке: «Здесь был хутор Арнаутов». Земляки поддержали, только сошлись во мнении, что столб — сооружение недолговечно, и что если вместо столба установить памятник — как умершим?»

Ну как не коснуться таинства, при коем литература, эта плоть воображения писателя, преобразуется в реальную жизнь. Словно Валентин Распутин предвидел, что в той или иной форме, но народное сознание придет к мысли о необходимости оставлять знаки памяти на месте исчезнувших по различным обстоятельствам селений. Так что же получается — когда писатель чутко вслушивается в реальную жизнь, пристально всматривается в ее носителей, мудро размышляя по тому или иному обстоятельству, явлению, событию, то все это так или иначе вернется в реальную жизнь?

...После общего согласия установить на месте исчезающего хутора Арнаутова памятник, стало очевидно, что нужны деньги. Послали Ивана Алексеевича Письменного, как самого грамотного, в Меловатскую сельскую администрацию. Здесь пообещали помочь. Иван Алексеевич сел за составление сметы. Потом стал думать, к кому еще обратиться за деньгами, чтобы табличку отлить. Помог предприниматель Николай Бондарев.

В текст постарались вместить историю хутора за 230 лет: **«Хутор Арнаутов. Возник в 1751 году. Не стало в 1981 году. Дворов в 1940 году — 66, население — 362 человека. Колхоз «Красная гвардия». Погибло в ВОВ — 34 человека. Здесь жили семьями: Величко (6 дворов), Деркачевы (12 дворов), Письменные (3 двора)». 30 мая 1999 года.**

Установили памятник, но Иван Алексеевич не успокоился. Надо рядом и другому памятнику быть — людям, надо увековечить память хуторян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Два года ушло на поисковую работу: запросы в военные архивы, сбор денег на изготовление мемориальной плиты. Управился аккуратно к 9 мая 2001 года. В этот день в ожившем хуторе Арнаутове появилось столько народу из ближайших сел, сколько не было за все 230 лет: 400 человек! И предстала перед всеми мемориальная плита высотой в два метра, и слова памяти на ней о мужчинах-воинах хутора Арнаутова: **«Погибли за Родину (1941–1945 гг.) Вечная им память!»**

Именно с этих акций Письменного и началась в Калачеевском районе установка памятных знаков на месте хуторов — как в Арнаутове. Но с большой корректировкой: прежде в центре города Калача начали возводить общий памятник исчезнувшему хуторам, который открыли в октябре 2003 года. Две мраморные стелы — как две страницы раскрытой книги истории, на каждой из которых по 22 названных, ушедших в небытие, хутора.

Приехавшие на открытие памятника привезли землю с мест, где некогда стояли их родные хутора. Вспоминая — плакали, смотрели — радовались, что жива теперь память о хуторах.

Иван же Алексеевич предложил с радостью свои услуги районному оргкомитету. Вот его собственный сказ: живой, естественный, простой, напористый, как характер: «Ищу жителей сорока четырех хуторов, рисую схемы, уже собрал материал по двадцати шести хуторам. Работа продолжается, привлечены старшекласники, которые обходят дворы, записывают данные по анкете. Прочешем весь Калач. Не могут же затеряться целые хутора, все равно остались старожилы, а уж их потомки — точно. Пока они живы, надо спешить. Желание такое: у каждого исчезнувшего хутора поставить памятный знак, как у Арнаутова».

Всегда трудно понять, почему одно и то же дело одним людям удается, а другим нет. Обычно считается, что дело в характере. С этим не поспоришь — у Письменного он был, судя хотя бы по этим вот словам собственного признания: «30 лет проработал в техникуме механизации. Любил работу до изнеможения. Когда другие шли домой, я снимал учебные кинофильмы, делал магнитные записи — ими до сих пор пользуются на уроках. А жена и сейчас ворчит: «Не сидится тебе, дома столько работы». А разве это не работа: искать все, что стало нашей историей. Судьба, видно, благословила на эту работу». И — небеса: как без них!

На фоне деяний Ивана Алексеевича — а почему Иван Петрович, положительный изначально герой «Пожара», посчитал желание Афони установить памятный знак родной деревеньке Егоровке делом несерьезным, сродни забаве? Если бы лишь случайное непонимание: с кем не бывает? Но Валентин Распутин видит это причиной: «Одно дело — беспорядок вокруг и совсем другое — беспорядок внутри тебя».

У Ивана Петровича все от разлада в душе, оттого что, по собственному признанию, «истеревозился»: «Он не помнит, с чего начался общий раздор с собой. С чего-то ведь он должен был начаться, когда впервые его душа не просто не согласилась с ним, а возроптала и отказалась его понимать».

У Ивана Письменного оказался полный лад с душой своей.

Вот осенью всем миром установили очередной памятный знак... А ночью, в четыре часа, Иван Алексеевич проснулся весь в тревоге. Вспомнил, что там, где установили памятный знак, коров пасут. А вдруг какая-нибудь коровенка вздумает почесать бок или рога о плохо застывший цемент. Схватил велосипед — и туда, за 20 километров. Памятник ветками обложил, пастухов попросил присмотреть...

Вот такое оно, сверяясь по Пушкину, было самостоянье русского человека Ивана Алексеевича Письменного в любви к родному пепелищу, в любви к отеческим гробам.

К чему все? А вот к чему. Сейчас очень в ходу хлесткий стих: «Не ставьте памятник деревне, поставьте на ноги ее!»

Конечно, если где-то деревню можно еще поставить на ноги, надо ставить. Но если уже и поднимать нечего, тогда лучше спешить поставить хотя бы памятный знак. Скептик подумает или скажет вслух: «Ну и зачем все это?» Чтобы помнить. А память, как там, у Владимира Даля: «Память — свойство души хранить сознание о былом». Будет сознание — придумается и способ участия. Нашел же его Иван Алексеевич Письменный.

Родник находит жаждущий. С этим не поспоришь.

Сергей Луценко,
член Союза писателей России

МОИ РОДНЫЕ ЯКОРЯ

О сень давно ступила на донские берега. Она упорно стояла у мольберта, торопясь нанести последние штрихи на величественное полотно, неотвратимо гибнущее — и возрождающееся под ее кистью из года в год, из столетия в столетие.

Древние — и вечно юные донские воды тихо несли мою лодку из таинственных Кáрчей, где речное дно с незапамятных времен завалено могучими дубами; мимо лежащего в ложбине хутора Кирпичи с его славным береговым родником; над знаменитой двенадцатиметровой ямой на крутом повороте реки, — ямой коварной, внезапно начинающейся за мелководьем; мимо пещер, вырубленных монахами в меловой громаде; мимо места, где когда-то стоял старый элеватор...

...Великий Дон! Ты дичаешь, ты нищаешь на глазах! В лозняке теряются твои великолепные пляжи, ты мелеешь, ты беднеешь рыбой... И старинная песня вспоминается, напевается:

Как ты, батюшка, славный тихий Дон,
Ты, кормилец наш, Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как, бывало, ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, сверху донизу!..

И все же, Дон, ты могуч и волен: ты разбиваешь самонадеянность людскую, необдуманное, неразумное вмешательство в твою сокровенную жизнь, бытие неисчерпаемое, бесконечное. По весне ты откликаешься, Дон, грозя павловской круче несметными оползнями и обвалами. Да, высоко стоит мой город, но и поныне он помнит те годы, когда огромные половодья почти скрывали его под собой...

Я причалил у Пронькиного яра, излюбленного места летнего туристического отдыха, обозначенного давным-давно по имени местного бакенщика Прокофия, Проньки. Мне давно хотелось подняться по этому яру на меловые кручи, побродить по живописно раскинувшимся рощам, которые всегда славились грибными

полчищами. Немного правее Пронькиного яра кипенно-белой громадой высился Обвал. В начале прошлого века великая меловая глыба рухнула в Дон. Старые люди сказывали, что грохот и сотрясение достигли Павловска. Это — Большой Обвал, а еще есть несколько малых...

Я едва вошел в яр, как вдруг почти из-под ног с резким шумом поднялись две крупные утки и крúгом пошли над Доном. Вскоре внимание мое привлекло нечто необычное. Подойдя ближе, я увидел человеческий череп, много лет пролежавший в земле и оказавшийся на поверхности из-за оползания грунта. Скорее всего, это был череп немца или итальянца, ибо здесь, по правому берегу Дона, проходила граница фашистского наступления. В теменной его части темнело отверстие с неровными краями, по всей видимости, осколочного происхождения. Взяв череп в руки, я попытался вытряхнуть землю, но за десятилетия она стала словно камень. Почувствовав неуместность усилий, я положил этот страшный экспонат войны на прежнее место и слегка присыпал землей — закопать было нечем. А выше по яру... Такое неслыханное изобилие опят, такое их буйство мне не являлось ни разу в жизни — ни до того, ни впоследствии. Янтарным ковром грибы устлали всю землю: ноге некуда было ступить. Или земля, щедро удобренная человеческой плотью, и по сей день давала неслыханный урожай?

«Причудлива судьба человеческая! — думал я, поднимаясь все выше. — Смерть есть тайна тайн, естественный исход всего живого. Однако смерть всегда несвоевременна. Насколько же ужасна, неоправданна смерть, порожденная чудовищной бессмыслицей — войной, смерть в безвестности, в каком-нибудь «котле», в глухом лесу, у безымянного болота, от ран в лазарете. Да, просветляется она героикой, величием ратного подвига, святостью правого дела — и все равно, если сама война безумна, бессмысленна изначально, то по самому большому счету бессмысленна и гибель на войне. Что же сказать о судьбе этого непрошеного гостя, этого горе-вояки, о его жалкой гибели в чужой стране, у незнакомой реки, на краю задебреного оврага?.. Страшно...»

Я поднялся на горы — и необъятные дали распахнулись передо мной, а вольный ветер унес все тяжелые мысли. Изумительная панорама раскинулась широко, необозримо. В этот ясный осенний день окрестность просматривалась на много километров. Город был виден как на ладони — все его башни, крыши, купола, все разнообразие улиц и переулков.

Побродив по горам, я спустился к реке. Мелькнула мысль подняться выше по течению, зайти в пещеры. Незабываемо однажды испытанное тревожное ощущение громадности меловой толщи — и собственной хрупкости, затерянности в ней! Особенно, когда спускаешься по суживающемуся ходу: сначала — стоя, затем — полусогнувшись, после — почти ползком, и, наконец, плечи уже не проходят. Хорошо, что взял тогда с собой фуфайку: снаружи — июльское пекло, а в глухой глубине — неимоверный холод. Уводил этот ход куда-то под Дон. Говорят, он тянулся во мраке многие сотни метров...

Но недлинный октябрьский день упрямо клонился к вечеру — и мне показалось разумным отложить посещение пещер до следующего раза. Я оттолкнулся веслом от берега — и могучие воды медленно понесли мою лодку дальше — мимо Чертовой ямы, мимо еще живого, смеющегося Стародонья, мимо осенних опустевших пляжей...

В веках воспетый, православный Дон, былинный Дон Иванович, народной мудростью почтительно и нежно нареченный батюшкой! Живем мы рядом, но видимся все реже. И все же любовь моя к тебе не слабеет с годами. Теперь она грустней, тише и строже, она полнится рембрандтовскими полутенями, осенними сумерками Левитана...

Я всегда верен тебе, как верны навечно врастающие в твое дно мои родные якоря.

Павел Попов,
*кандидат исторических наук,
член Союза писателей России,
доцент Воронежского государственного
архитектурно-строительного
университета*

СЕМИЛУКСКИЕ УСАДЬБЫ

Редчайший уголок не только в Подворонежье, но и во всей средней полосе России — целый «куст» усадеб в Семилукском районе, недалеко от Воронежа. Их объединяет близость Дона. Большинство усадеб роднит и их бывшая принадлежность к Землянскому уезду, центром которого служил городок Землянск (теперь село Семилукского района).

Сказочной красоты раздолье и реки — притоки Дона — неразрывно слились со старинными особняками и храмами в уникальном ландшафтно-архитектурном комплексе. В последние годы под Семилуками прокладываются и осваиваются увлекательные экскурсионные маршруты. Достаточно только выехать из черты города, из Подклетного, перебраться через Дон в село Семилуки — и рядом уже возвышается Чернышова гора, про феноменальные ландшафты которой издревле слагаются легенды. Сразу за горой открывается вид на широкую речную излучину речки Ведуги. Дух захватывает от простора левобережной поймы и от исключительности архитектурного ансамбля. В селе Терновом сияет позолотой церковь средневековых очертаний, за ней виднеется усадебный помещичий дом. И на противоположном краю подковы, в соседнем селе Губареве, — тоже церковь, и тоже исторический особняк! Две усадьбы смотрят друг на друга. Такого сочетания нигде больше не встретить.

Продолжая путешествие на север, знакомимся с поразительными по архитектуре храмом и усадьбами в родственных селениях Богоявленовке и Раздолье при реке Трещевке. А двигаясь на юг, в черту города Семилуки, (соседствующего с одноименным селом), надолго пленяешься и травянистыми кручами Дона, и «Дачей Башкирцева» — природным, историческим и архитектурным памятником, находящимся при впадении в Дон реки Девицы.

Историк XIX века, владелец усадьбы Новоживотинное и других поместий М.А. Веневитинов в 1869 году первым описал необыкновенные места возле Семилук, и прежде всего Чернышову гору (ныне она высится прямо напротив Северного района Воронежа, на другом донском берегу):

«Этот холм, покрытый лесом и круто спускающийся к Дону, живописно возвышается над его долиной и далеко господствует над окрестностью. Верхняя, плоская часть его, доходящая до села Губарева, обращена в пашню, а северный склон, упи-

рающийся в долину Ведуги, усеян под самым лесом большими плоскими камнями, которые в иных местах лежат слоями один над другим. Некоторые из этих камней так обмыты текущими здесь ключами, что представляют как бы искусственно обтесанную поверхность: на этом основании окрестные жители считают их остатками каких-то сверхъестественных построек. (...) Один из камней, скрытый под сухими листьями в самом русле оврага, имеет посередине длинный и глубокий желоб, напоминающий собой водосток из черепицы или подобную работу человеческих рук: до того он правилен и прям. Несколько выше этого места, на правом берегу оврага начинается ряд воронкообразных ям, внизу которых находятся небольшие, узкие отверстия, ведущие в подземелье. Это — выходы Чернышовой пещеры (...)

Я несколько раз был в этом подземелье и имел случай осмотреть его при свете фонаря. Состоит оно из плотного, но несколько хрупкого камня, образующего своды и довольно правильные стены. (...) Отверстие ведет в низкий, но довольно широкий коридор, длиной от двух до трех сажений, с нависшими сводами и неровным потолком. Потом коридор делится на два столь же широких хода и одинаковой высоты (...) Левый ход расширяется и образует небольшую площадку, на которой человек 5–6 свободно могут стоять на коленях».

М.А. Веневитинов передает также страшные рассказы о пещерах. Так, губаревский крестьянин Гавриил Попов, который часто водил сюда всех любопытных и кладоискателей, объяснял, будто бы очень давно, при татарах, «жил в этих местах богатырь по имени Чернышов (...) Он был разбойник, имел шайку и скрывался с ней в пещере, в которой хранилось также награбленное им добро». С тех пор многие пытались отрыть здесь клады, но народ приписывал пещере покровительство нечистой силы: «Несколько лет тому назад всякий полдень и всякую полночь из пещеры слышалась музыка, звуки скрипок и барабанов, и раздавались удары вроде пушечного выстрела, как будто хлопала крышка тяжелого сундука. Иногда над входом в подземелье светилась свечка. Прежде, давно уж, близ этой пещеры страсти представлялись: из нея выбегал разъяренный бык с чудовищной головой, бросался на людей, попадавшихся ему навстречу, и загонял их. Раз кто-то только что хотел войти в пещеру, чтоб там копать, так вдруг мимо проскакала огненная карета и въехала в подземелье». По рассказам другого крестьянина, он увидел «пляски, а посредине как будто гроб на столбах и весь прозрачный».

«Однако, — продолжает публикатор легенд, — несмотря на все эти страсти, бывали смельчаки, которые лазили в Чернышову пещеру за кладами и в былые времена кое-что в ней находили (...) Попов рассказывал также, что чем дальше углубляться в пещеру, тем шире и выше она становится, так что можно десяти человекам свободно рядом идти. В этом-то просторном месте находятся 12 отверстий в другие ходы и две железные двери».

Современные ученые рассматривают Чернышову гору и окрестные урочища прежде всего как памятники природы с редкими геологическими отложениями, а археологи почитают в качестве памятников, оставленных человеком с древнейших времен, еще с эпохи бронзы: Терновское поселение, обнаруженное на горе в полутора километрах к северо-востоку от Тернового, и Губаревское городище возле Губарева, где впечатляет мощная система укреплений с четырьмя линиями валов и рвов.

УСАДЬБА ТЕРНОВОЕ

При въезде в село Терновое в начале спуска нас встречает чудесный Богоявленский храм. Сегодня это одна из наистарейших сельских церквей в Воронежской области: она сооружена в 1769 году. Неразрушенных, восстановленных церквей старше ее сегодня не осталось ни в одном воронежском селе. В облике храма вели-

колепно читаются не только формы барокко (типичный восьмерик с высоким куполом, фигурные оконные сандрики), но и более ранние средневековые черты (шатровая колокольня, ее маленькие окна с кокошниками и др.) — они заимствованы у старорусских построек, в том числе крепостных башен и шатровых колоколен, сложенных из дерева.

В XVIII веке сельские церкви сооружались на средства помещиков и на их землях, вблизи усадебных домов, так что эти храмы фактически являлись усадебными. Кто же создал такую красоту в Терновом? Ответ нашелся в Российском Государственном архиве древних актов: это дворяне Лосевы. Символично, что именно род Лосевых — сподвижников корабельного дела Петра I, первоиздателей многих черт воронежской усадебной культуры — оставил потомкам и былинную храмовую архитектуру.

Во второй половине XVII века одной из самых известных фигур среди местных служилых людей, а затем и дворянства, стал Иван Лосев. Как и Веневитиновы, он занимался доставкой денег, продовольствия, оружия и боеприпасов, отпускаявшихся государством донским казакам. В 1690-х годах руководил одним из первых адмиралтейских кумпанств, и оно по количеству корабелей занимало второе место после кумпанства Антона Веневитинова. Отсюда проистекало последующее высокое общественное положение Лосевых. Во второй половине XVIII века в округе процветали и владели многими имениями несколько семейных ветвей.

Не так-то просто развернуть и без повреждений свернуть огромный, размером в полкомнаты, изъеденный дырами План генерального межевания села Терново-го 1778 года. На нем — не одна, а две усадьбы, бок о бок стоящие возле Богоявленской церкви, между храмом и рекой. В каждой — барский дом со службами и небольшим садом. Усадьбы разделены небольшим проходом. Такое могли сотворить, конечно, только близкие люди, родственники. И эти помещики названы на плане: Лосевы — Алексей Саввич и Василий Минич. Первый из них — поручик, сын умершего гвардии капитана Саввы Парамоновича Лосева.

В 1780-х годах документы упоминают в Терновом: церковь Богоявления Господня каменную, два дома господские деревянные с плодовитыми садами, да еще в ближнем сельце Лосево деревянный господский дом. Еще немного позже, в 1795 году, в Терновом названо имущество Анны Николаевны и детей ее Федора и Андрея Лосевых (видимо, братьев Алексея Саввича). Та же семья вошла в историю Отечественной войны 1812 года как отдавшая положенное число ратников из своих крепостных крестьян: мать с сыном Андреем послали 5 человек из имевшихся 120 душ мужского пола, а брат Федор, живший как отдельный помещик, — 7 человек из 184.

Сохранившийся П-образный кирпичный усадебный дом, принадлежавший, скорее всего, Федору Лосеву, можно назвать одним из самых необычных памятников гражданской архитектуры Подворонежья. В оформлении главного, северного фасада дома не просматривается выразительного стилизованного единства. Тем не менее, только этот особняк сохранил декоративные элементы в духе барокко: прямоугольные «ушки» оконных наличников, круглые накладки на сандриках полуподвального этажа. По планировке и конструктивным особенностям, по данным натурного обследования кладки с кирпичами 26,5–29 на 13–15 на 6,5–7,5 см и швами 2–3 см дом приближенно датируется последней третью XVIII столетия.

Следующая известная фамилия среди владельцев — купеческо-дворянская фамилия Нечаевых. В XIX веке Нечаевы активно сколачивали богатство, занимаясь салотопенным делом, сбытом сала и шерсти в нескольких губерниях, в том числе в Москве и Петербурге, закупая и перепродавая в Воронеже мануфактурные товары. Некоторые представители рода сумели перейти в дворянское сословие.

В Терновом хозяйничала почтенная семейная ветвь, славившаяся благотворительными традициями. В середине XIX века в бывшей нижней усадьбе Лосевых обосновался купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Яков Иванович Нечаев (1798–1868). Он имел в Воронеже двухэтажные каменные дома, лавки в Хлебном, Железном, Рыбном и Гостином рядах, шерстомойный завод. В 1849–1852 годах был городским головой, в 1864-м построил Нечаевскую богадельню при Воскресенской церкви, в 1865-м принес в дар свою городскую усадьбу для создания епархиального женского училища. Имение Терновое купец завещал единственному сыну, Ивану Яковлевичу, который «исполнял с сыновною покорностью все его порученности, оказывал притом ему чистосердечное почтение, послушание и любовь». В документе фигурируют каменный господский дом, два сада (второй господский дом уже был снесен), земля с лесом в окрестностях сел Тернового и Ендовища — 263 десятины, мельница на Ведуге и церковь близ усадебного дома, которой завещатель жертвует тысячу рублей серебром.

Я.И. Нечаев небезосновательно боялся распрей между многочисленными родственниками-наследниками. Через четыре года умер его брат Александр Иванович Нечаев (1812–1870), часто гостивший в Терновом, и вдруг выяснилось, что тот — крупнейший воронежский филантроп. Перед смертью он основал в губернском центре Нечаевскую народную школу (мужское начальное училище с двумя ремесленными отделениями), пожертвовал на нее 60 тыс. рублей. А по завещанию А.И. Нечаева 300 тысяч предназначались городу Воронежу — чтобы проценты с этого капитала выплачивались бедным невестам. Родственники Александра Ивановича опешили, объявили его сошедшим с ума, а завещание недействительным, и стали судиться с городским самоуправлением. Дело Нечаева стало первым и поэтому чрезвычайно принципиальным для новой, пореформенной воронежской Думы 1871 года. Пригласив на суд знаменитого столичного адвоката К.К. Арсеньева, самоуправление выиграло процесс. Только за пять последующих лет 314 невест получили 55 700 рублей. А не доживший до позорного суда Я.И. Нечаев успел поступить мудро: свое завещание отменил, основное имущество уберег от лишних посягательств и отдал любимым детям по дарственной.

В конце XIX и начале XX веков терновским барином был выходец из знатного воронежского дворянского рода, деятель местной культуры и меценат Сергей Михайлович Сомов (1853–1924). Он родился в усадьбе соседнего села Губарева, а имение Терновое приобрел на рубеже 1880-х и 1890-х годов после того, как Губарево отошло по наследству к его брату Петру. При Сомовых, приверженцах высоких эстетических вкусов, Терновое превратилось в ярко выраженное «культурное гнездо».

С.М. Сомов, окончивший Императорское училище правоведения, в 1875 году стал служить младшим секретарем Святейшего Синода. В 1878 году вышел «высочайший указ» о пожаловании Сергею Михайловичу звания камер-юнкера Двора Его Императорского Величества. Через несколько лет он возвращается на родную землю, становится терновским помещиком. В 1894 году дворянство соседнего Нижнедевицкого уезда, где располагались родовые имения Сомовых, избирает его уездным предводителем. Наконец, с 5 января 1895 года по 21 декабря 1897 года — три года — он занимает пост губернского предводителя дворянства. В то же время не теряет связь со столицей, состоит членом присутствия при хозяйственном совете Синода, обретает придворное звание камергера.

В 1881 году 27-летний С.М. Сомов обвенчался в Петербурге с 19-летней Верой Александровной Родионовой. Супруги прекрасно дополняли друг друга в своих культурных интересах, особенно после переезда в Воронежскую губернию. Не случайно они выбрали Терновое, с его шедевральным провинциальным храмом и живописными каменистыми ущельями. Вера Александровна питала страсть к

изобразительному искусству, представляла на выставки свои любительские работы, в том числе и виды Тернового. Известно, что она была приверженкой старой русской архитектуры, и, может, поэтому неординарный облик усадьбы опять был сохранен. Но главное, что В.А. Сомова в 1896–1900 годах возглавляла «Комитет воронежского Кружка любителей рисования» и очень благотворно повлияла на местную художественную жизнь. При Сомовой наблюдался расцвет кружка и работавшей при нем бесплатной рисовальной школы. Супруг же С.М. Сомов прослыл крупным покровителем местных музыкантов. В 1895 году он возродил Воронежское отделение Императорского русского музыкального общества, став бессменным председателем отделения. Вероятно, в это время Сомовы впервые приступили к организации крестьянского хора, подыскивая подходящих девушек-певиц в Терновом и Губареве.

В начале XX века Сергей Михайлович вновь пошел ввысь по служебной лестнице, прикрепился к Министерству внутренних дел, опять перебрался в Петербург. Более того, в 1914 году он стал петроградским предводителем дворянства, а в 1917-м — членом Государственного Совета! Тем не менее, никогда не забывал милую Ведугу, часто наезжал в Терновое и Воронеж. Вплоть до революции действительный статский советник С.М. Сомов возглавлял местное музыкальное общество. Он много раз покрывал расходы на содержание училища, работавшего при обществе, тратил личные деньги на организацию концертов.

Октябрьская революция привела к вынужденной эмиграции семьи. С.М. Сомов умер в Мюнхене, похоронили его в Риме. Судьба свела нескольких потомков Нечаевых и Сомовых во Франции. Их могилы выявил на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа воронежский ученый-историк А.Н. Акиншин. Например, Варвара Сомова, дочь камергера и мецената, уроженка Тернового, умерла в Париже в 1953 году, а ее брат Сергей — в 1976-м. Они унесли с собой и многие усадебные традиции, а усадьбе было уготовано иное предназначение.

В 1923 году Ендовищенский волостной исполком констатировал, что основные усадебные постройки Сомова заняты опытной птицеводческой станцией Губземуправления, другие пришли в разруху. Каменные строения на хуторе, в черте села, определили под школу граждан села Тернового.

Вскоре школу перевели в главный господский дом, который она занимает несколько десятилетий. В середине XX века сделана пристройка-вставка с южной стороны, так что в целом здание приобрело прямоугольную планировку. Много лет здесь поддерживается атмосфера не усадебного, но школьного тепла и уюта. В просторных комнатах сполна хватает комфорта для учеников небольшого села. До конца XX века действовали изразцовые печи, а ныне немногочисленные печные конструкции берегут колорит интерьеров. В 1994 году дом получил статус памятника, охраняемого государством.

Благодаря постоянной заботе школьников уцелел прилегающий к дому фруктовый сад, в нем растут деревья, посаженные уже в советское время. Роль парка выполняет природная зеленая зона Ведуги, террасами спускающаяся от церкви и школы по крутому берегу. На откосе холма живописно лежат древние замшелые камни, которые еще при Лосевых, Нечаевых и Сомовых придавали усадебному ландшафту особое своеобразие.

Богоявленский храм еще в 1920-х годах был поставлен на учет Главнаукой Наркомпроса РСФСР как один из наиболее ценных памятников Воронежской губернии. В 1983 году статус памятника был подтвержден решением облисполкома, а в 1995 году указом президента России храм признан памятником общероссийского (федерального) значения. Долгие годы церковь пребывала в заброшенном виде и поэтому привлекла кинематографистов как зрительный образ разрушенного в войну Воронежа. В 1959 году известный актер и режиссер Сергей Бон-

дарчук снимал в этом храме свою дебютную художественную ленту «Судьба человека» по одноименному рассказу М. Шолохова, сыграв и главную роль в фильме. Наконец, в начале 2000-х годов храм был полностью восстановлен.

Белая окраска храма удачно выделяется на фоне темных косогоров, а кровля из меди и нержавеющей стали, покрытой блестящей краской цвета светлой меди, стала оригинальным новаторством в реставрации воронежских церквей. Московские художники выполнили добротные росписи в храме. Теперь мини-заповедник Терновое не подвержен повсеместной разрухе, радуется глаз, и это очень отрадно.

УСАДЬБА ГУБАРЕВО

Село Губарево стоит на другой стороне речной подковы, на западном склоне Чернышовой горы, то есть в эпицентре старинных преданий о сверхъестественных камнях и пещерах. В последней четверти XVIII и первой половине XIX века в селе было два основных поместья с усадебными домами. Усадьба в северной части села, возле Богоявленского храма, принадлежала майору Ивану Акимовичу (Иакимовичу) Нежежину. На его средства была возведена кирпичная церковь взамен деревянной. Новый храм, освященный в 1800 году, доныне служит архитектурной доминантой села.

В первых десятилетиях XIX столетия главной фигурой в другой усадьбе стал гвардии поручик Иван Иванович Лосев (ок. 1790–1841), умерший и погребенный в этом же селе. До обидного мало сведений о жизни Лосевых, об их усадебном быте отложилось в архивах и музеях. Счастливое исключение — портрет И.И. Лосева, берегаемый в Воронежском областном художественном музее имени И.Н. Крамского. Помещик писан воронежским художником И.В. Шевцовым в 1826 году на 36-м году от рождения, копию выполнил Медведев. Как раз при этом дворянине (а также, вероятно, при его родителях) в начале века появился прекрасный двухэтажный кирпичный дом в стиле ампир, который, по новым принципам усадебной застройки, обратили к красивой пойме Ведуги. Главный юго-западный фасад особняка вобрал в себя все великолепие, присущее классическому усадебному быту русских дворян. Четырехколонный портик второго этажа опирался на изящную аркаду, которая поддерживала балкон, и завершался треугольным фронтоном. Архитектура схожа с формами такого известного памятника архитектуры Воронежа, как дом дворян Тулиновых на Большой Дворянской. Однако городской тулиновский дом более строг, а усадебный лосевский, ориентированный на восприятие архитектуры среди вольных просторов, более раскрепощен, импозантен. Треугольный фронтон прорезан широкой аркой. В центре всей композиции, в стене дома над балконом, — большое полуциркульное окно с чередующимися полукольцевыми и радиальными перемычками. Перед портиком — арка в виде широкого грота, при строительстве которого, вероятно, был использован природный камень Чернышовой горы. Две лестницы, поднимаясь по арке, соединялись наверху в один ступенчатый марш, который вел на балкон. Парковая приречная зона являла собой органическое соединение природы с зодчеством: в партере дома, на плато устроили еще один каменный грот, далее парк террасами опустили к Ведуге, и в ландшафте между прогулочных аллей оставили большие камни диковинных форм — так, как их расположила сама природа на склоне легендарной горы. Просторное плато облагородили липами, кустарником, цветниками.

В 1810-х годах за Иваном Лосевым значились 196 душ мужского пола в Губарево да еще 96 душ в недалекой деревне Гнездиловой.

Сестра И.И. Лосева Ульяна Ивановна (ок. 1787–1850) вышла замуж за Николая Афанасьевича Сомова — представителя древней дворянской фамилии Смоленщины. Смоленские Сомовы еще в XVII веке, при царе Алексее Михайловиче,

получали вотчины за верную воинскую службу. А на воронежской земле закрепились как раз благодаря родственной связи с Лосевыми. В 1850 году вдова ротмистра Ульяна Сомова «волею Божию помре от желчи» и упокоилась в Воронеже на кладбище Акатова монастыря, среди знатных воронежцев. Сын Николая и Ульяны, Михаил Николаевич Сомов (1812–ок. 1855), получил Губарево в наследство от матери и с удовольствием жил на легендарной горе в эффектной и романтической усадьбе. В последние годы своей жизни — с 1853-го по 1855 год — он удостоился чести быть предводителем дворянства Землянского уезда. Но гораздо большую известность приобрели его жена, брат, а также сыновья.

Супруга Михаила, Варвара Петровна (1823–1887), не могла найти себе места от горя, когда преждевременно умер ее горячо любимый муж. Сначала вместе со своими детьми она объезжала различные монастыри. Затем основала обитель в другой вотчине Сомовых, в деревне Сомовке Нижнедевицкого уезда, превратив в нее свою усадьбу, находившуюся в изысканном месте, возле пруда и меловой горы. В 1864–1866 годах там был возведен храм во имя святой великомученицы Варвары. В 1882 году обитель получила статус Варваринского женского монастыря, Варвара стала его игуменьей.

Жизненный путь брата Михаила — Афанасия Николаевича Сомова (1823–1899) — навсегда увековечен на карте России: это в его честь назвали железнодорожную станцию Сомово, теперь уже находящуюся в черте Воронежа! В 1859–1868 годах А.Н. Сомов был губернским предводителем дворянства и, как следствие, он же стал первым председателем губернской земской управы (1865–1868). Земство выступило заказчиком прокладки первой железной дороги к Воронежу. Отдавая должное инициативе, активности Сомова, добившегося строительства ветки Воронеж — Козлов, губернское земское собрание обратилось в правительство с просьбой: наименовать Сомовским ближний к городу железнодорожный мост через реку. Ходатайство удовлетворили по-другому, еще более весомо: название станции, данное в 1867 году, не решились отменить даже в советское время. После смерти родителей Губарево досталось в наследство четверым сыновьям: Петру Михайловичу (1846–1908), Митрофану Михайловичу (1848–после 1917), Афанасию Михайловичу (1850–после 1917), Сергею Михайловичу (1853–1924). Все они — уроженцы Губарева.

Необходимо добавить, что Сомовы были известными покровителями и меценатами музыкальной культуры Воронежа. В 1913 году на средства коллежского асессора А.М. Сомова — уполномоченного главной дирекции Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) — выстроили капитальное здание музыкального училища на главной улице Воронежа, обошедшееся в 80 тыс. рублей. Владельцем же усадьбы, где было сооружено училище, являлся камергер Императорского двора М.М. Сомов — директор Воронежского отделения ИРМО. Он предоставил здание в безвозмездное пользование общества.

В 1886 году братья владели помещьем размером в 750 десятин безраздельно, но к концу 1890-х годов отписали его одному Петру Михайловичу. В 1900 году в его усадьбе жили 23 человека. После того, как П.М. Сомов скончался в 1908 году, брат С.М. Сомов присоединил Губарево к своему владению Терновое и, таким образом, стал полноправным владельцем всех красивых урочищ в округе.

После гражданской войны в губаревской усадьбе, как и в терновской, разместили опытную сельскохозяйственную станцию. На горе организовали каменные разработки и пресекали самовольную добычу песчаника местными жителями. В довоенное время, судя по фотографии 1920 — 1930-х годов, главный дом еще сохранял архитектурное величие. Однако после войны, когда дом, занятый средней школой, не однажды ремонтировали, особняк лишился своей главной приметы — портика с балконом на главном фасаде. Более сохранился дворовый фасад, выделенный пилястрами, треугольным фронтоном и характерной для классициз-

ма композицией из трех разновеликих окон и ниш с растительным орнаментом. На главном фасаде остались пилястры и некоторые другие ценные детали, в том числе центральный филенчатый архивольт, обозначающий место уничтоженного полуциркульного окна. С 1994 года здание состоит на государственной охране, а с 1995 года имеет статус памятника архитектуры федерального значения.

ДАЧА БАШКИРЦЕВА

У этой реки на редкость поэтичное название — Девица. Но нигде кроме, как на Даче Башкирцева — на южной окраине современного города Семилуки — она не имеет столь поэтичного, живописного вида и столь поэтичной истории.

Здесь Девица впадает в Дон. Перед тем как вырваться на пойму, река пробивает свое русло в крутом донском берегу и течет по дну крутого оврага. Как раз над этим колоритным каньоном — оригинальный навесной мост, по которому можно попасть на усадьбу. Она расположена сразу за мостом: голубой кирпичный двухэтажный дом с мезонином развернут к Девице вполоборота, а на Дон смотрит всем главным фасадом. За домом располагаются бывшие флигели для прислуги. Дальше — обширный верхний парк, где можно с удовольствием прогуляться по аллеям престарелых высоких лип. Спустившись по ступенькам на донской берег, в бывший нижний парк, явственно ощущаешь природную мощь бегущих, сливающихся и разливающихся темных речных вод, любишь широким луговым простором, дышишь степным ветром и наблюдаешь, как к Дону подступают многоэтажные кварталы Воронежа.

В отличие от других семилукских усадеб, эта в старину относилась не к Землянскому, а к Воронежскому уезду. Близость Воронежа лишний раз напоминает, что историческая дача связана со значимыми событиями и персонами, занесенными в общегородскую и общероссийскую летопись. С 1983 года усадьба охраняется именно как памятник истории, связанный с жизнью и творчеством русского поэта Алексея Кольцова. А приусадебный парк признан памятником природы.

Первый владелец усадьбы не установлен. На основе стилистического анализа господский дом датируется первой третью XIX века. Это очень характерная постройка в формах позднего классицизма. Возможно, особняк сооружен при воронежском помещике, титулярном советнике Николае (в других документах Никаноре) Семеновиче Дегтерева. Именно он 27 июля 1829 года продал усадьбу воронежскому купцу Сергею Васильевичу Башкирцеву, а от того имение перешло по наследству сыну, купцу Ивану Сергеевичу Башкирцеву (1799—ок. 1862) — родственнику и близкому другу А.В. Кольцова. Если допустить, что дом построили или перестроили Башкирцевы, то тогда это случилось на рубеже 1820–1830-х годов.

С.В. Башкирцев занимался традиционным русским и воронежским предпринимательством: вел обширную хлебную торговлю, сплавливал хлеб по Дону на собственных барках (небольших судах), чем и заработал солидный капитал. Краевед XIX века М.Ф. Де-Пуле, биограф Кольцова, свидетельствовал, что «старик Башкирцев пользовался в Воронеже большой известностью как человек богатый, умный и деловой». «Ходил он в халате, подпоясывался кушаком, носил бороду и подстригал волосы в кружок; едал на деревянной и оловянной посуде, но был гостеприимен и вовсе не скуп: напротив, он очень охотно помогал бедным и щедро оделял нищую братию, просящую милостыню ради Христа».

Его единственный сын И.С. Башкирцев в юности пользовался репутацией «как шалопай, баловень батюшки и какой-то «блажной», не обещающий проку». Однако отец Кольцова прозорливо увидел в нем будущего толкового коммерсанта и женил на нем свою дочь, старшую сестру поэта — Марию Васильевну. «Юный Башкирцев страстно полюбил жену, остепенился и стал неузнаваем. Это была замеча-

тельно-даровитая, вполне широкая русская натура, с такими, однако же, свойствами этой широты, которые заключались не в умение только жить и ставить копейку ребром, но в умение вести дела, в особенности к смелой инициативе».

И.С. Башкирцев существенно расширил хлебное дело отца и выступил в Воронеже как суконный фабрикант-новатор: он приобрел несколько суконных фабрик, усовершенствовал их новой техникой, и поначалу его производство пользовалось заслуженной славой. Судя по архивным документам, в 1835 году Башкирцев купил с публичных торгов две суконные фабрики: В.А. Елисейевой на берегу реки (теперь ул. С. Перовской) и полуразвалившееся производственное здание с ветхими ткацкими станами на улице Поднабережной (ныне ул. 20-летия ВЛКСМ), которое ранее принадлежало Елисейевым, а до них — Гардениным. На Поднабережной, рядом с восстановленной фабрикой, купец выстроил дом для своей семьи, где, очевидно, не раз бывал А.В. Кольцов (теперь дом № 37). И.С. Башкирцев также зарекомендовал себя как крупный подрядчик, и для строительных целей имел усадьбу со складом на улице Лесных дворов (Кольцовская).

По словам М.Ф. Де-Пуле, в 1830-е годы Иван Сергеевич «уже гремел в Воронеже, был самою крупною известностию». Похвально, что он «унаследовал от отца сердечную доброту и склонность к благотворительности, но все это проявлялось у него уже в иной форме. Для бедных у него были свой доктор, своя акушерка, свой священник, лавки с съестными припасами и другими товарами, в которых нуждающиеся забирали нужные для них вещи по книжкам; по этим последним уже расплачивался сам благотворитель».

В домашнем быту весьма колоритной, известной в самых высоких кругах местного общества стала усадьба Башкирцева на Дону, где и хозяйство велось, и дачный отдых расцветал. «Жить он любил на широкую помещичью ногу; в городе любил давать роскошные обеды, а летом на даче, расположенной над Доном, устраивал вечера, обыкновенно оканчивавшиеся катаньями на лодках, с музыкой и песнями. Оркестр музыки и песельники были у него свои, конечно, не крепостные: последние из судорбочих, а музыканты если не странствующие, то приبلудные, — те несчастные артисты-неудачники, которым, по собственной ли их вине или по чему другому, не повезло в жизни, в разных тогдашних оркестрах, и которые находили у Башкирцева приют, хорошее содержание и школу, в которой он как-то умел из этого сброда людей делать нечто путное, музыкального употребления, насколько оно удовлетворяло, конечно, вкусу гостей и хозяина. Губернская знать, начиная от губернатора, охотно посещала Башкирцева, его обеды и дачные вечера. Старик-отец, в это время ничем уже не занимавшийся, занимал за этими пышными обедами всегда первое место, рядом с губернатором...»

Дача Башкирцевых очень многое значила в судьбе Кольцова, а в последние годы его жизни — и в творчестве. Здесь он пережил самые счастливые в жизни часы, отсюда повелись и величайшие тяготы. Мало сказать, что поначалу он бывал здесь по-родственному вместе со своим отцом, и тот занимал место рядом с Башкирцевым-старшим (присутствующие отмечали, что оба старика одеты в похожие простые, «серые», костюмы). С годами росло отчуждение Кольцова от домашней, отцовской обстановки, а в семье Башкирцева-младшего он находил полное понимание и душевный уют. В 1831 году, во время эпидемии холеры, свирепствовавшей в Воронеже, умерла Мария Васильевна Башкирцева, и ее муж долго не мог отойти от горя. Но после этого Алексей Кольцов и Иван Башкирцев не отдалились, а, напротив, еще больше сблизились. Незадолго до смерти А.В. Кольцов писал В.Г. Белинскому и В.П. Боткину: «Выгонит отец со двора больного — есть родственник, готовый меня взять к себе и безо всякого счета доставить мне все нужное. Это — Башкирцев (...) Да он меня издавна любит, и он больше всех в городе, после матери, обо мне заботится».

Здесь же, на поэтично-живописной даче Башкирцева, А.В. Кольцов познакомился в 1839 году со своей роковой любовью — со вдовой Варварой Григорьевной Лебедевой, урожденной Огарковой. В более молодые годы поэт уже ухаживал за ней «безмолвно», а теперь чувство вспыхнуло с новой силой. В одном из писем А.В. Кольцов пишет: «Что это за женщина: чудо! С меня ростом, брюнетка, стройная до невероятности, хороша чертовски, умна, образована порядочно, много читала, думала, страдала, кипела в страстях. Голубые большие глаза, черные брови, тело — мрамор, темнорусые волосы, коса — шелк, дивная коса, ножки нет лучше в Воронеже». Кольцова не смущало, что, по выражению М.Ф. Де-Пуле, Варвара Лебедева «играла роль губернской камелии, переходя от одного из местных сластолюбцев к другому», а по формулировке литературоведа А.М. Путинцева, «она принадлежала всем воронежским жуирам того времени: и богачу-старичку Башкирцеву, и ухачу-офицеру, случайно проезжавшему через Воронеж, и молодому купчику». Алексей надеялся «спасти от гибели» Варвару, посвящая ей стихотворение «К***» (1839):

Ты в путь иной отправилась одна
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви
Других любимцев избрала (...)
Но я решился, я пойду
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездн страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездой светлой озарять!..

Вскоре Лебедева ответила Кольцову, как казалось, взаимностью, и он пишет о ней самые восторженные в своей жизни письма:

«Всю жизнь мою я не жил такую жизнью: ни дня, ни минуты; а если и жил, то когда-то давно, в огне первой юности. (...) Этому наслаждению конца нет, я весь утонул в блаженстве до самозабвения, до иступления. Она в одну минуту сделала из меня другого человека, и я уже не на шутку боюсь за себя».

«Будь, что будет, по крайней мере, я ей обязан в настоящую пору весьма многим; она возродила меня снова к жизни, и я теперь начал жить лучше. В душе такая полнота».

Однако, как считали Де-Пуле и Путинцев, в это время Варвара уже была больна сифилисом, и Алексей заразился от нее, о чем он сам сообщал в письме В.Г. Белинскому (добавляя, что такая же болезнь случалась с ним уже лет десять назад). Через два месяца у Кольцова кончились деньги на содержание Лебедевой, и та ушла к другому мужчине, помещику. Любовная болезнь спровоцировала обострение чахотки у поэта, а его душевные страдания еще больше усугубили телесные недуги. В это время в кольцовской поэзии появились пессимистические нотки. Они звучат в известном стихотворении «Расчет с жизнью» (1840):

Моя юность цвела
Под туманом густым, —
И что ждало меня,
Я не видел за ним (...)
Жизнь! Зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

Врач И.А. Малышев пытался спасти А.В. Кольцова закаливающими водными процедурами: весной и летом 1841 года Алексей Васильевич жил на даче Башкирцева, помногу купаясь в Дону. Но ничто не помогло, и в 1842 году сочинитель народных песен скончался в своем воронежском доме (ныне проспект Революции, д. 46), где отношение к нему родственников стало еще более прохладным.

В середине 1840-х годов И.С. Башкирцев влез в безнадежные долги и в конце того же десятилетия разорился. Современники говорили, что он не шел на безнравственные сделки, а честным путем поправить дела было невозможно. Считается, что для него стал роковым подряд на строительство огромного здания Кадетского корпуса, из-за чего купец сильно потратился. Как следствие, он не смог выполнить поставки сукна в армию и другие обязательства, и за долги его лишили домов и фабрик. Свидетелем его драмы стала и его известная дача. В 1845 году И.С. Башкирцев занял у московского купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина Владимира Ивановича Нечаева 7 143 рубля серебром, предоставив в залог усадьбу на Дону и Девице, и не смог вернуть долг. В 1849 году усадьба перешла Нечаеву. Предварительно, в 1848 году, властями была составлена подробная опись всего имения. Теперь она воссоздает местный усадебный быт, который во многом оставался таким же, как при Кольцове. Имение занимало 28,5 десятин земли, из них 8,5 десятин было отведено под усадьбу. Двухэтажный кирпичный дом с мезонином имел длину 9 сажень и 1,5 аршина, ширину 6 сажень и 1 аршин. В первом этаже были жилые комнаты для прислуги и хозяйственные помещения: «две крестьянские избы с каменными сводами с крестьянскими кирпичными двумя печами (...) с полатыми из досок и лавками вокруг них (...), каменный пол, кузня каменная, два выхода». Основной второй этаж насчитывал «двое сеней с каменными крыльцами, жилых комнат одиннадцать, в них печей пять кирпичных и одна кафельная», здесь было 22 окна. В мезонине — две комнаты. Во дворе находились 7 амбаров (5 для хлеба), 3 птичьих сарая и еще 2 сарая иного назначения, 2 «рушки», которые представляли собой деревянные помещения «в столбах, обмазанные глиной», и основным оборудованием каждой из «рушек» было 10-аршинное колесо и «камень пятерик». Выше дома тянулись фруктовый сад на 6 десятинах земли (около 3 тысяч молодых плодовых деревьев) и парковая зона (около 7 тысяч лип, берез, сосен). С правой стороны от дома усадьбу окаймляла «каменная в столбах решетка 16 сажень длины».

В советское время усадьбу занимали воинская часть, затем больница. После Великой Отечественной войны Семилукский огнеупорный завод устроил здесь дом отдыха, а впоследствии до 1990-х годов использовал бывшую дачу как общежитие для рабочих. В 1942–1943 годах, во время боев за Воронеж, главный дом был поврежден. При послевоенном восстановлении его главный, восточный фасад лишился вынесенной кирпичной аркады первого этажа, над которой размещалась терраса основного этажа, не стало и балкона на мезонине. Тем не менее воронежцы постоянно проявляли трепетное отношение к ценному кольцовскому уголку, и в 1969 году, во время празднования 160-летия со дня рождения поэта, на особняке укрепили мемориальную доску.

В 1994 году усадьба была передана из заводского подчинения в ведение Госинспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области, планировалось создать здесь экспозицию, посвященную А.В. Кольцову. Однако из-за экономических трудностей планы не сбылись.

В 2000-х годах началось приспособление дома под частное учебное заведение, но затем ситуация опять изменилась, и в последнее время здание и парк заброшены. Общественность бьет тревогу. Неповторимая достопримечательность Воронежского края давно заслуживает лучшего к себе отношения.

ОЧЕРКИ ДАВНИХ ДНЕЙ

(Этнографические заметки священников)

ЖИЛИ-БЫЛИ РЯДОМ СЕЛА

Историческо-этнографический очерк священника Дмитриевской церкви о селах Щучье и Ольховка (теперь Щученские Пески Эртильского района) Федора Понятовского был опубликован в 19-м и 20-м номерах «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1867 год. Отец Федор, происходивший из села Губари Новохоперского уезда, был переведен сюда с момента открытия церкви в Ольховке в 1863 году.

Село Щучье находится на правом берегу реки Битюг. От города Воронежа отстоит на 90 верст к востоку, от уездного города Боброва в 80 верстах на север. Ближайшие к Щучью селения с правой стороны Битюга на север село Самовец в 15 верстах, на юг — Боршев в 7 верстах, с левой на северо-восток Эртиль в 5-ти, Слассенки в 6-ти, Ольховка на восток в 3-х верстах.

По рассказам старожил, первые выходцы летом по приказу прибывшего к ним одного из начальников неводом ловили в реке рыбу. Самая большая из рыб оказалась щука. Вследствие того начальник назвал село это Щучьим (могло быть и, вероятнее, было в неводе более щук, нежели других рыб, потому что и теперь Битюг обилует в здешних местах особенно щуками).

Первоначальные жители пришли сюда из разных уездов: Задонского, Усманского и Моршанского. Все они великороссы, а малороссов нет. Побудило их к тому большое количество земли и нескучные участки лесные, которыми могли владеть первые поселенцы. Земля, и теперь принадлежащая жителям сел Щучья и Ольховки совместно, простирается от запада на восток на 13, а от севера на юг версты на 4. По количеству в настоящее время жителей в обоих селах она оказывается очень скудною, потому что на ревизскую душу приходится ныне пахотной земли только около трех десятин и самая малость сенокосу. Кроме этой земли, простирающейся непрерывным холстом, предки настоящих жителей почему-то владели особым участком в 1200 десятин верст за 25 к северо-востоку от села. Но так как на нем не было никакого поселения, то впоследствии участок этот отошел в казенное владение. Сверх сего те же предки по проишкам и хитрости некоторых землевладельцев в генеральное межевание или около того времени лишились и в ближайших местах прекрасных участков земли. К общему их и потомков прискорбию лишились леса, вырезанного из их владений в пользу тех землевладельцев. Так что лес теперь у жителей перед глазами в их прежних дачах, но достается, то есть покупается ими только за дорожную цену.

Первое поселение относят, предположительно, к началу 18 столетия. Некоторые из выходцев были однодворцы, другие экономические крестьяне.

Первая церковь в селе Щучье была деревянная. Построенная старанием и иждивением прихожан существовала довольно долго, но по ветхости была продана в село Зиновку Тамбовской губернии. Вместо оной сооружена каменная в 1900 году, окруженная каменною же, приличной высоты, но небольшой по пространству оградой, к которой с внешней северной стороны пристроен саженей на 17 ряд лавок для бывшего некогда около церкви базара. Колокольня при сей церкви и небольшая караульня, принадлежащая ей, также каменная. Церковь настоящая, как и прежняя, освящена во имя святого Великомученика Димитрия Солунского. Причины сего наименования настоящие жители не помнят.

Село Ольховка находится, как сказано, в 3-х верстах от Щучья на восток, на противоположной стороне Битюга. Первоначальные жители, в числе десяти дворов, переселились сюда из Щучья в 30-х годах этого столетия. Побудительная причина к такому переселению, как в тогдешнее, так и в недавнее время, кроме затруднения от реки, была та, что здесь по левую сторону Битюга находится, по словам жителей, две пропорции земли, а по правую третья, то есть одна треть.

Первые переселенцы, как видно из обстоятельств и рассказов настоящих жителей, обладали почетным и уважительным в каждом обществе свойством лучших людей, то есть так называемых мироедов, и потому победа осталась на их стороне. Такой перелом оказался и был признан благотельным и для других, так что впоследствии стали сюда селиться многие. А в 1856 году, вследствие прошения некоторого числа жителей, нарезана для последних особая улица вдоль восточного берега озера Ильменя, бывшего некогда проливом Битюга, где поселено до 40 дворов. После сих переселенцев лучшие люди поселка, называвшегося Щученскими Песками, увидели неудобство обращаться в Щученскую церковь и к ее священно- и церковнослужителям для отправления христианских треб в домах своих и потому убедили все общество купить готовую церковь деревянную в селе Дмитриевском Воронежского уезда. Церковь эта оказалась очень ветхою, кроме иконостаса. Поэтому жители купили в Аннинской роще десятину прекрасного дубового леса, из которого (с небольшим прибавком леса из другой рощи) построен настоящий, довольно обширный храм и освящен в 1863 году, по примеру Щученской церкви, во имя святого Великомученика Димитрия.

Причина сего наименования двоякая. Во-первых, сельские жители благоговеют, даже по превосходству, чтут того святого, которого чтили празднеством и посвящением храмов их предки. Вторая причина — хозяйственная. Русский народ шумно празднует храмовые праздники. Не пригласить к себе в гости родных и знакомых, даже не принять чужих во дни праздника считается чем-то несвойственным имени русского человека. Но так как здесь может быть и бывает злоупотребление (так что толпа нетрезвых едва не насильно врывается в некоторые дома и производит беспорядки, а чем больше посторонних в селе посетителей, тем больше беспорядков), то некоторые благоразумные жители держатся того правила «чем более ближайших между собою сел совершают праздник в один и тот же день, тем менее в каждом из них шума и беспорядков. Значит, нужно установить праздник по примеру ближайшего селения, а тем более того, где мы родились». Таким образом, здесь не в дальнем расстоянии четыре села празднуют святому Великомученику Димитрию (Щучье, Ольховка, Самовец и Гнилуша), а праздник Архистратига Михаила совершают семь других ближайших селений.

Так как жители сел Щучья и Ольховки составляют одно общество, управляются одним сельским управлением, имеют одну общественную сумму и даже пожарную команду, а иногда нераздельные семейства, одна половина из которых живет

в Щучье, а другая в Ольховке, то о христианском веровании прихожан обоих сел, их нравах и обычаях будем говорить нераздельно.

Все прихожане Щученской и Ольховской церковью православные. В первый день Пасхи, в храмовый праздник, на Рождество, Новый год и Крещение, а также на Благовещение и Вербное едва не все считают за долг посетить храм Божий. Остаются дома только больные и младенцы или очередные поденницы. В другие воскресные и праздничные дни, особенно летом, даже на Троицу, народу бывает менее в церкви из-за отвлечения в поля и степи и иногда постоянного там жительства для работ и заработков, а еще более на базары по воскресным дням в Щучье. За то бывающие в церкви в другие времена предстоят и молятся с заметным усердием и благоговением. Но жаль, что не все исполняют ежегодно священный долг исповеди и святого Причастия, отрицаясь обыкновенно недостойнством принятия сих Тайн. Многие имеют обыкновение и считают долгом совершить, по крайней мере, один раз в год, акафист и освящение воды в домах своих. Другие отправляют сие молебствие в случае несчастных событий, как-то: внезапной кончины родных, потери собственного здоровья, падежа скота или других подобных лишений. Многие совершают путешествия в Воронеж, Задонск и Киев, а некоторые и в Почаев.

И если бывает изредка от кого-либо противоречие доброму общественному начинанию, особенно в пользу церкви, то это по простоте и недоразумению, а, отнюдь, не по вражде к правосерию, так что затейники противоречия, благодаря голосу своих собратий, преклоняются в пользу доброго общего дела. Так, в селе Щучьем около 4-х лет назад приобретен усердием тамошних и ольховских жителей большой, довольно звучный колокол в 116 с половиной пудов. Так, в селе Ольховке в короткое время построена на средства прихожан благолепная церковь и расписана живописью, а в настоящее время их же усердием, несмотря на малоллюдство, отлит для церкви колокол в 81 пуд 24 фунта и приобретена довольно благолепная утварь. Была в недавнее время в Щучье по церкви запущенность, знаки которой доселе еще не истреблены. Но, если скудные числом жители Ольховки в короткое время столь много успели в пользу храма и его благолепия, то жителям ли Щучья, втрое сильнейшим по числу и сторонней от купечества и базаров помощи предаваться дремоте и беспечности? И, слава богу, они успели в последнее время расписать довольно красиво свою церковь внутри и приобрести икону Божией Матери, благолепно написанную на Афоне, снимок с которой носят по дворам и в поле, а саму икону вставили за стекло в киоту, богато украшенную резьбою и позолотой.

Вообще замечено, что жители обоих селений в религиозном и хозяйственном отношении нередко бывают внимательны к своему долгу и благоразумны. Говорят чистым русским языком. Базар особенно развивает их способности. Многие занимаются торговлей разного рода: солью, дегтем и прочим. К чести многих нужно отнести их всегдашнюю трезвость. Есть семейства, в которых или никто, или большая часть не употребляют крепких напитков.

Черта благоразумия здешних жителей видна и из того, что урочища близ реки, вопреки обыкновению некоторых, они оставляют всегда нераспаханными. Благодаря этому наши жители до 9-го мая пасут скот на этих урочищах. Отава этих лугов также идет под скот в глубокую осень.

Но перейдем и к противоположной черте этих похвальных свойств.

1. Дележ сенокоса они оставляют обыкновенно до 29-го июня, потому что весь этот месяц проводят в запахивании пара, заработках на купеческих покосах и уборкой своего, снимаемого у купцов сена. Но нужно же делать и исключения, которых, к сожалению, у них нет. Средняя здесь пора созревания ржи и ячменя бывает 10-го, поздняя — 20-го, ранняя — 5 июня. Следственно, в первом и вто-

ром случаях для уборки сена время с 29-го июня — срок прекрасный. Но, что сказать о третьем случае, когда от жаров и засух не только трава сохнет и погорает, но вместе и рожь и ячмень, а затем и другие хлеба быстро зреют и осыпаются?

2. Не менее вредно для экономии жителей одно из их обыкновений — это незаведение стада молодых телят. Последние с начала весны и до глубокой осени ходят по воле и побивают траву и хлеб в полях, а нередко в огородах. Польза для хозяев телят та, что их молодые животные к осени откармливаются как нельзя лучше. Но зато: а) они истребляют, как сказано, хлеб, принадлежащий не только другим жителям, но и самим их хозяевам; б) иногда истребляются сами или на огородах от побоев, или в поле от хищных зверей и людей. При том польза от незаведения общего стада этих животных касается более богатых, особенно многосемейных жителей, а вред, очевидно, достается на долю бедных. То же нужно сказать о беспорядочности разведения здесь гусей и уток, остающихся всегда без общей пастбы и истребляемых также от зверей и людей.

3. Учреждение базаров в Щучье первоначально около настоящей церкви относятся к 1827 году. Впоследствии за теснотою в сем месте площади базар переведен на более просторную площадь в середину села, около прежней деревянной церкви, хотя здесь издавна существуют два болота, через которые в грязное время ни пройти, ни проехать невозможно. Вдобавок летом после сильных дождей, если жара продолжается более недели, то от одного из сих болот, по случаю безмерного в нем скопления нечистоты, происходит не только вредное, но и нестерпимое злование. Вследствие такого затруднения с настоящего года базар переносится на выгон — место хотя возвышенное, но также неудобное по скудости воды. Жаль, что мало обращается внимания на случаи несчастных событий от огня.

4. Здешные жители считают стороннею и, как бы не к ним относящуюся, обязанность заботиться о спокойствии в зимнее время в дороге не только посторонних пассажиров и множества извозчиков, совершающих иногда трудный путь, но и собственном. Расстановка по дороге вех — самая благодетельная мера власти к спокойствию путников. Но этой-то заботливости и нет здесь. Правда, село от села недалеко. И при том путь, например, в Боршев и Ертил под горою, а так как тут же, по словам жителей, бывает проезд некоторых членов высшего правительства, то в ожидании их расставляются и вехи. А в Ольховку из Щучья лежит дорога через реку мимо мостов, которые в ясное время иногда бывают заметны. Но за Ольховкой на восток и юго-восток на 30–40 верст поля и степь и нет селений. За Щучьем на северо-запад — от 14 до 20 верст до ближайшего села. Если ж от Щучья до Ольховки в страшную вьюгу могут быть (и бывали) опасные случаи, как, например, 28 января, 15 февраля и 6 марта текущего года, когда в такую погоду в других местах под селом замерзали несчастные путники, что сказать о помянутых расстояниях на 20–40 верст, хотя бы и в благоприятную погоду? Сколько в минувшую зиму погибло бедного народу единственно от несоблюдения превосходного закона расстановки вех!

5. Недостаток благоразумия здешных жителей доказывается еще таким упущением, которое может быть вредно не только для них, но и для государства. Это — застрахование домов без пожарной команды. Пожарные инструменты учреждены в Щучьем, а в Ольховке не только нет сарая с бочками и баграми, но нет ни одной дощечки, как и в Щучьем, на воротах с изображением орудий, с которыми должен являться хозяин на пожар. Очевидный вред для беззаботных жителей и для государства, которое вознаграждает убытки погоревших деньгами.

Но во всем этом только тень вреда в сравнении с тем, который терпят здешные жители от незаселения ими отдаленнейших участков общественной земляной полосы и от существования в Щучье базаров в воскресные дни.

6. Земля, как мы сказали, простирается здесь верст на 18 в длину, по правую

сторону Битюга — на 4, по левую — на 13 или более. Ранний и, несомненно, лучший посев яровых бывает в самый разлив реки, который продолжается около 2-х недель. В это время от 3-х до 6-ти дней паром не ходит. Жители Щучья не без тревоги ждут его спуска на реку. А это бывает по довольноном слитии реки, когда последняя станет почти в берегах, и когда, следственно, по лугу бывает смешение воды и грязи, сначала трудное, а потом (до просухи) неудобное для проезда и перевоза не только грузных, но и порожних телег. Сколько же пройдет драгоценного времени без посева! Хорошо, если весною перепадают дожди, и земля надолго остается влажною, но в раннюю засуху посеянный хлеб или не всходит, или всходит половинный, а это уже первый признак неурожая и, следственно, голода. Но вот спускается плохой паром и ходит по канату: жители поочередно перевозятся в числе 3–4-х повозок на этот берег. Лошади, хотя не всегда остаются на том берегу и ожидают возврата парома, на котором достигают повозок, влекут сии по топкой и вязкой грязи: истомятся, измождятся... достигают кое-как нивы и, несчастье, тут же нередко впрягаются и в соху, потому что не на покой и на отдых приведены, когда прошло полвремени посева.

После уборки хлеба наступает его возка. Здесь первое неудобство представляют мосты и луговая дорога на здешней стороне Битюга. Мосты плохие-преплохие. Дорога и в сухое время от глубоких колеи и рытвин неудобна для проезда, но в сырое, грязное время представляет самое жалкое зрелище. Бывают случаи, что пассажиры вынуждаются среди вязких и топких ложков слезать с повозки и возиться в грязи, чтобы помочь несчастной лошади освободить повозку из грязи. Но, что если грязь и непогода случаются в хлебную возку? В 1865 году жители Щучья терпели величайшие затруднения. А некоторые из одиноких, опоздавшие возкою, вынуждались складывать хлеб в Ольховке. В старину становили одонья в поле и окапывали рвами. Картофель зарывали также в поле и скрывали одоньями. Все это предавалось иногда травле скотом или хищению неблагонамеренных соседей. Такое неудобство было главною причиною переселения настоящих жителей в Ольховку. Это же неудобство заставляет и теперь многих из жителей Щучья желать подобного переселения. Но препятствуют тому частью жители Ольховки и самого Щучья, частью (для преданных корысти, а иногда праздности) житье при базаре, хотя последний наравне с барышом приносит и убытки. Вообще, русский народ грамоту хозяйственной пользы читает по указке. Указка со стороны правительства — лучшая мера к его благоденствию.

Все это было побуждением для жителей не только переселяться в Ольховку, но и для некоторых заводить хутора на отдаленных участках, в лугу, обильном прекрасными родниками. Хутора эти приносят сколько огромной пользы для их владельцев, столько же подобного вреда для бедных жителей, особенно Щучья. Владельцы этих хуторов, называемые, как выше сказано, «лучшие люди», «нечаянно» впускают свой скот и птицу в соседние участки, а иногда эти участки покупают за полцены в случае крайней бедности жителей. Переселение половинного количества жителей села Щучья к местам заведенных лучшими людьми хуторов на означенном лугу было бы благодетельною мерой к улучшению в хозяйственном отношении общественного быта здешних крестьян. Подобные переселения и в других местах, где пространство земли составляет в долготу от 15 до 30 верст, а в ширину 5 или менее верст, полагая село числом от 600 до 1000 жителей мужского пола, могли бы быть полезны и в государственном, даже церковном отношении. Для государства, несомненно, полезнее подданные, которые не терпят недостатков в быту хозяйственном, а не те, которых подобные объясненным обстоятельства едва не доводят до необходимости собирать доброхотные подаяния. Служители алтаря, преимущественно священники, не затруднялись бы отправлением необходимых в приходе треб и не приглашали бы (иногда ко вреду причтов) по-

мощников себе из заштатных, как это бывает в многолюдных одноштатных приходах.

7. Похвальную черту характера здешних жителей составляют их усердие, как сказано, к благолепию храмов Божиих и посещению их. Несмотря на это, базар всего более отвлекает их от обязанностей посещения церкви Божией. Здесь, как и в недалеком селе Бродовом, учрежден съезд для базаров в воскресные дни. Представьте же: нужны домохозяину доска, веревка, обувь, одежда и прочее. Где их взять, кроме базара? С другой стороны, сбыт излишек в домах бедных и богатых часто невозможен кроме базаров. Итак, что же делать? Идти в церковь Божию в воскресный день? Семейство будет скорбеть и изъявлять ропот, да и сам хозяин придет в раздумье: «Не сидеть же без соли, без дегтя, обуви и прочего. Наконец не лишиться же барышей и прибытков для дня воскресного. Помолиться когда-нибудь успею, а для базара назначен один день». Но ведь в продаже или покупке нередко брат не отстанет от брата, жена от мужа, отец или мать от сына, а иногда сын или дочь от пьяного отца или матери. Кто ж остается в церкви? Третий, а иногда пятый член семейства, или ни один. Пусть же будет базарным днем вместо воскресенья понедельник. Тогда крестьянин, помолившись Богу в приходской церкви во время литургии, будет выезжать к базару в воскресенье, а в понедельник он будет возвращаться домой. Но, если и кроме понедельника будет учрежден базар, например в среду или другие дни, то и здесь какое упущение для крестьянина?

Что же делают и чего добиваются учредители базаров в воскресные дни? Очевидно, желают заглушить всякое чувство богомыслия в простом народе. Священно- и церковнослужители находящихся около Щучья сел изъявили некогда согласие представить составленное и подписанное ими общее прошение правительству о перемещении в Щучье базаров с воскресного на другой день, но голос вышеобъяснимых гуманистов (а также пошлых святокупцов), прекратил на время дело... Было бы благодетельным для религии и нравственности феноменом, если бы правительство не в здешних только селах, но и повсеместно благоволило признать священным долгом перевести базары с воскресных на другие дни.

НИЧЕГО НЕОБЫЧНОГО...

Священник Василий Алексеевич Разумов родился в Ростошах и служил в местной церкви Рождества Богородицы с 1889 года. Его очерки вышли в 1907 году в Тамбове и назывались они «Село Ростоши Борисоглебского уезда, его храмы, священноцерковнослужители и прихожане». Настоящая публикация представляет собой наиболее интересные, с точки зрения описания обычаев, мировоззрения и быта, извлечения из вышеназванных очерков.

О СЕЛЕ

В юго-западной части Борисоглебского уезда Тамбовской губернии верстах в четырех от границы губернии Воронежской в долине среднего течения реки Токай по обоим берегам его раскинулось большое село Ростоши (в настоящее время это территория Эртильского района Воронежской области — *Ред.*)

От всех ближних городских центров своей губернии и соседней Воронежской оно отделено значительными пространствами: от Борисоглебска находится в 80 верстах, от Тамбова — в 125, от Воронежа — в 160.

О времени возникновения села Ростоши никаких местных документальных данных не сохранилось. Не сохранило прямых указаний на это и предание. Последнее сохранило только то, что вместе с образованием села на одном из курганов

по «Глазатовой» дороге была устроена сторожевая мачта, с которой караульные предупреждали ростошинцев о приближении ворогов-кочевников, что в середине села построен был деревянный храм во имя святых Космы и Дамиана, что за ветхостью и теснотой его в 1781 году построен был второй храм, каменный, что самого построения первого храма и до половины 1841 года священническое место в Ростошах находилось в одном роду, преемственно переходя от отца к сыну.

Можно с вероятностью отнести время возникновения села к ближайшим к 1705-му году 18 столетия, когда с постройкой в 1698 году г. Борисоглебска начали заселяться дикие поля и вольные ковыльные степи нынешнего уезда.

Первоначально нынешние Ростоши назывались «Козьмодемьянск» и «Козмодемьянское — Растоши тож». Название села Козмодемьянским, встречающееся в письменных актах 18 столетия, получило свое начало, без сомнения, с постройкой в селе первого храма во имя святых Космы и Дамиана. Когда же вместо этого, за ветхостью и теснотой упраздненного храма в 1781 году был построен другой во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то и название «Козмодемьянским» мало-помалу забылось. В приходских метриках, сохранившихся с 1799 года, село называется только вторым именем «Растоши» или «Росташи» и «Ростоши». Современные поселяне ростошинские, даже 90-летние старики, иного названия своего села и не знают. Их слух и язык до сих пор не могут привыкнуть к официально принятому теперь названию села «Ростоши».

Неизвестно в точности, откуда село получило такое название. По одному вероятному преданию, записанному в приходской летописи протоиереем Иоанном Успенским, название села «Расташи» или точнее «Растащи» получило начало от оврага, прилегающего к самому селу, из которого вытекает ручей, растаскивающий песок, ил, глину и прочее, по той части правого берега Токая, где ныне поселок (часть села) «Лугань». Местность эта, защищенная от западных ветров небольшой горой и растущим по ней лесом, манила к себе поселенца и природными красотами, и соседством с рекой, и близостью леса.

Как увеличивались Ростоши по числу дворов своих обывателей, это можно проследить только за последние 63 года, за которые сохранились в исправном виде исповедные росписи. В 1839 году имелось 328 дворов с 3879 душами обоего пола. Среднее число душ на один двор равнялось 11,8 человек. В 1859 году имелось 428 дворов с 4185 душами обоего пола, а среднее число душ на 1 двор равнялось 9,7 человек. В 1879 году имелось уже 716 дворов с 5400 душами обоего пола, а среднее число проживающих в них равнялось 7,5 человек. В 1902 году в Ростошах имелось 925 дворов с 6377 душами обоего пола. На 1 двор в среднем приходится 6,8 человек жителей обоего пола.

Сравнивая крайние цифры, видим, что число ростошинских дворов за последние 63 года увеличилось почти в три раза. Число же жителей за то же время увеличилось немного более, чем в полтора раза, а среднее число душ на один двор сократилось почти в два раза.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В БЫТУ

С увеличением числа душ мужского пола постепенно уменьшились крестьянские земельные наделы, а с уменьшением наделов понижалось и благосостояние ростошинцев. Нынешние старики с восторгом вспоминают времена 30-40-х годов, когда пахотной земли у них было по полторы десятины в каждом поле на душу, а каждая десятина была в 120-150 квадратных сажень. Из числа около 12 тысяч десятин всей ростошинской земли было 400 десятин почти девственного леса. (В начале 90-х годов автор видел у одного прихожанина стол и полати

из этого леса. Крышка стола была сделана из одной цельной доски верхков в 20 шириной, а полаты — из двух таких же досок). Много земли было под степью и лугами, на которых досыта кормились большие табуны лошадей и стада всякого другого скота.

Земля давала тогда «обломные» урожаи. С уборкой ржи управлялись нередко около «Покрова». Проса не в редкость собирали по 300 мер с десятины, а сена собирали столько, что весной иногда выкладывали из него гуменные валы (городьбу). Хлеб, как и теперь, складывали в «одонья», но дубовый цеп мужика далеко не всегда добирался до них. Жилось тогда, по воспоминаниям стариков, несравненно сытней, чем теперь, и далеко привольней. Потребности были ограниченнее нынешних, и они удовлетворялись всем своим — не покупным: свой хлеб, свое мясо, свой лес, своя одежда — от льняной рубахи до овчинного тулупа. Сапог не носили, а ходили в легких лаптях. Для освещения хат употребляли лучину, а то возами заготовляли на зиму «акулинник» (сорная трава), вымачивали его, сушили и для зажигания вставляли в «светец» подле чугуна с водой или лохани с помоями, куда следившая за лучиной «стряпшая» счищала пепел. Потом лучину сменил «черепок» с конопляным маслом или остатками сала. Сальные свечи и в период господства их крестьяне не употребляли — от «черепка» перешли прямо на «коптилку с газом», а последнюю вытеснила теперь висячая лампа.

Покупали тогда только немолотую соль-бузун, которую привозили из Камышина чумаки, да деготь у Андрея Васильевича Юрьева — ростошинского богатея и церковного старосты. Ничего другого не покупали, да и купить поблизости было негде.

А свое все было нипочем: большая десятина земли, кому было нужно, покупалась по полтора рубля, четверть круп стоила 1 рубль 20 копеек, овес возили в Козлов, где продавали его по семи гривен за четверть, пшеницу и пшено — по 45 копеек за четверть, и это с извозом и на ассигнации. Рожь никому была не нужна. Поденная цена во время покоса была мужику пятиалтынный, а бабе — пятак. Копейку на подать (1,5 рубля с души) мужик вырабатывал тогда исключительно извозом. Возил купцам в Коломну пшено по 10–15 копеек от пуда. В дорогу брал с собой только окорока ветчины. Ночевали везде даром — бесплатно. Денег в дороге почти ни на что не тратили. Покупали только хлеб по грошу за пирог. Коломенские купцы за извоз платили честно и всегда одними медными деньгами: расстилали среди двора епанчу, а на нее насыпали ворох меди. Извозчики днями проверяли деньги, часто путаясь в счете. Чай мужик тогда вовсе не знал, а во дни праздников и семейных радостей угощались брагой да зеленым вином. Вино было дешевое, потому и пили его много.

С уменьшением душевого надела ценность земли стала быстро расти: 7557 десятин первой ростошинской казенной оброчной статьи в начале 1867 года по контрактным ценам сдана была в аренду в общей сложности по 1 рублю 64 копейки за десятину, а арендаторами сдавалась в розницу уже по 3 рубля 20 копеек за десятину.

Поднятие цен в 70-х годах, помимо уменьшения наделов, много зависело и от обильных урожаев льна, хорошие цены на который при сбыте на месте создали тогда местную горячку на аренду земли. Сеяли лен не одни только мужики. От них не отставали и жены, засевая его отдельно для себя. Лен родился по старопашке до 10 и более четвертей на десятине, а цена была на него за четверть по 11 рублей.

До Турецкой войны Ростоши были бойким местом по закупке льна: здесь были центральные торговые конторы греков, которые закупленный лен обозами отправляли в Борисоглебск, а оттуда на барках в Ростов. В конце 70-х годов лен не только по мякоти, но и на целинной земле перестал вовсе родиться. На смену ему ста-

ли сеять подсолнух, который в яровых полях и доселе преимуществует над другими хлебами.

С переменной времен переменялись и нравы. Болезнь времени — франтовство — и к ростошинцам прилипла. Прежнюю холщевую, с кружевами домашней работы рубашку сменили кумач, бумазеи и разные ситцы. На место старинной пояровой шляпы теперь нахально лезет картуз. Корсетка из домашнего прочного сукна уступает место тонкой казинетовой поддевке, а лапти, даже и не «расписныя», трудно найти и на погляденье. На 12-рублевых сапогах из шагрени и полусапожках со скрипом стала показываться, хотя и робко еще, резиновая галоша. Женская половина и подавно ударилась в моду. Красивый русский из черной домашней суконной материи сарафан, украшенный спереди и по подолу красивыми узорчатыми с блестками каймами, уступает место разным бумажным, шерстяным и даже шелковым материям ярких цветов. Плисовую крышу на шубах заменили черным сукном, а вместо красивой суконной домашней корсетки лезет на плечи неуклюжая сатиновая кофта. Редкая семья ныне ест свою, непокупную «убоину», да и то только по праздникам, а ветчину — и того реже. Но зато почти в каждом дворе ныне заведен самовар.

Внешний облик села далеко не изящен. Плохие постройки, деревянные избы, соломенные крыши, плетневые дворишки. Во всем селе насчитаешь только пять десятков домов и лавок под железною крышей. Для удовлетворения местным потребностям ныне в селе насчитывается до двух десятков лавок с разными крестьянскими, бакалейными, галантерейными и мануфактурными товарами. Два раза в году — 29 июня и 14 сентября — бывает плохонькая ярмарка.

Последнее по времени кладбище обрыто канавами и обсажено редующими год от году ветлами. Никаких на нем намогильных памятников, кроме деревянных крестов, не имеется. При кладбище есть общественный сторож, который в летнее время нередко любит картину пасущихся по могилам овец, коров, а иногда даже лошадей и свиней. Убеждения и замечания священников в этих случаях не достигают цели. Ростошинский мужик, рождающийся, живущий и умирающий в хате, где вместе с ним мирно зимуют телята, овцы с ягнятами и свиньи-поросятницы, смотрит на разгуливающий по могилам его родных скот, как на явление обычное, ни для него, ни для памяти его родных ничуть не оскорбительное.

С проведением Царицынской линии ныне извоз ограничивается только доставкою хлеба на ближние станции, да и туда ростошинский мужик нанимается неохотно: на деньги он не лстится и, если не случится нужды у него, проболтается дома без дела. Кроме обработки земли, других промыслов ростошинцы не знают, если не считать в зимнее время портняжничества и валки теплой обуви для местных нужд да самого ограниченного числа, которое на месте занимается плотничьими работами. Сапожники, столяры, кузнецы хотя и существуют в селе, но все они пришлые люди.

Для размолы ржи на муку в селе имеется три водяных общественных мельницы, сдаваемые обществом в аренду, до 20 мельниц-ветрянок, пять просяных рушилок и для выбивания постного масла две маслобойни...

О ВЕНЧАНИЯХ И СВАДЬБАХ

В религиозно-нравственном отношении отличительная черта ростошинцев — усердное посещение храма Божия, исполнение таинства исповеди и святого причащения, благотворительность на пользу церкви, странникам и бедным, служение молебнов на домах и усердное поминовение умерших.

В особенном почитании у прихожан день 1-е ноября — памяти бессребреников Космы и Дамиана, который почитается в народе храмовым, престольным празд-

ником, хотя на самом деле он был таковым более 120 лет тому назад, когда существовал первый храм во имя этих святых.

За неделю до 1 ноября ростовинское духовенство обеих церквей обходит дома своих прихожан с крестом и служением кратких молебнов, а в самый день 1 ноября совершает соборное торжественное богослужение. К этому дню у прихожан обычно приурочивается совершение браков. Хотя в последнее время соображения чисто экономического свойства стали вынуждать их отступать от этого обычая и приурочивать совершение браков к среде, предшествующей или последующей дню 1 ноября, дабы на постном столе в среду и пятницу хоть немного сэкономить в обременительных и с году на год возрастающих свадебных расходах.

Расходы эти действительно немалы. По местному обычаю, невеста берет с жениха так называемый «выговор» деньгами, верхним платьем, а иногда и обувью. Чем беднее дом жениха, тем больший бывает с него «выговор» и наоборот. С зажиточных женихов, которые преимущественно усваивают и невест в богатых семьях, «выговор» редко и берется, считается неуместным и даже обидным для обеих сторон. Одетая на свои средства невеста смело вступит в дом жениха без опасения попреков «выговором» с него. Если ей и случится после нужда — перешить и поправить верхнее платье, то в зажиточном доме без отговорок сделают это. Не то бывает в бедной семье жениха. Там по нужде молодая сноха иногда и свекует в том платье, какое сготовили ей пред вступлением в брак.

Средний денежный «выговор» с жениха — 35 рублей, а иногда доходит и до 60 рублей. Из платья обычно выговариваются два полушубка: один крытый сукном, другой нагольный, дубленый. Выговаривают иногда и валенную обувь. Вторая важная статья расходов при свадьбах — покупка вина. Количество и качество его не выговаривается, употребляется одна водка, которую без меры пьют и стар, и млад без различия пола и в среднем выпивают до шести ведер, а у зажиточных — до десяти и более. С прибавкою к этим расходам расходов на платье и обувь жениху, на мясо и другие предметы стола, на подарки родным и плату причту за совершение брака ростовинскому мужику, чтобы женить своего сына, надо в кармане иметь 150 рублей.

Сватают за жениха сами родители с помощью своих родных и друзей. Дом невесты часто бывает заранее осведомлен о сватовстве того или другого жениха услугами «свах». Сватовство ведется бесцеремонно: невесте показывается жених, обязательно спрашивают обоих о взаимной симпатии, после договора сторон о свадебном «выговоре» молятся Богу и кончают дело «запоем». На «запое» гуляют одни только близкие родные обеих сторон без жениха и невесты. На другой день после «запоя» родные невесты идут во двор жениха «смотреть заслон» у печки, в которой придется когда-то невесте стряпать. На «заслон», разумеется, никто из родных и не глянет, а вся цель прихода «сватов» сводится к тому, чтобы опохмелиться после «запоя» и снова напиться допьяна.

За некоторое время до свадьбы бывает «сговор» — гулянье всюю, на которое приглашаются и все дальние родные. На «сговоре» впервые «сводят» жениха и невесту. Характерно то, что при «запое» и «сговоре» угощение в доме невесты бывает женихово. В промежутках между «запоем» и свадьбой в доме невесты собираются ее подруги — шить приданое ей и жениху. Последнему нашивается много рубах из домашнего холста, кумача, разных ситцев, шерстяных и даже шелковых материй. Когда рубахи все бьются пошиты, подруги невесты надевают их поверх своих костюмов на себя и шеренгой с песнями идут в дом жениха, а оттуда, после угощения, с песнями гуляют по селу. Накануне свадьбы — «девичник» — родные невесты потчивают ее последним ужином. После ужина невеста прощается с родными и всеми присутствующими, голосит-причитает благодарности каждому, целуется и кланяется каждому в землю.

В день свадьбы порану «позывают» родных в дома жениха и невесты. Сборы всех званных оканчиваются не раньше полудня. К этому времени хаты жениха и невесты убираются по парадному: красный угол задрапировывается полотенцами, полотенцами же убираются и стены, образующие этот угол. Стол покрывается белой скатертью. На него ставятся хлеб, соль, две бутылки вина и закуска. Все это покрывается поверх скатертью и убирается полотенцем в форме венка. Если жених живет поблизости к церкви, то родные жениха просят священника предбрачный молебен отслужить уже тогда, когда невесту привезут в дом жениха и после молебна с крестом проводят их в церковь. Обычно же невесте молебен служится в церкви после обедни, а жениху — перед отъездом за невестой. При служении молебна рядом с женихом становится «дружок» его, будущий распорядитель свадебного пира.

После молебна все родные жениха вместе с последним длинным обозом с громышками и колокольчиками едут за невестой, сажают последнюю с женихом и «свахой» с иконой в руках и едут к церкви. За полотенца, которые в правых руках жениха и невесты, «дружок» вводит их в церковь. Невеста бывает покрыта фатой, волосы ее только у корня слабо заплетены в одну косу, концы же распущены. После совершения венчания в церкви же, где-нибудь в сторонке, голову невесты убирают «по-бабьему»: волосы невесты сваха расчесывает гребнем, кладет на голову ей крестообразно расчесанный лен, который вместе с волосами заплетает в две косы. Убранная голова повязывается платком, поверх которого надевается высокий серебряный кокошник. Причесывают голову и жениха. Затем для чего-то обоих молодых сваха окружает на минуту фатой, по уборке которой спросит молодого: «Ну-ка, глянь. Угадаешь что ль?» Молодой угадывает жену и три раза целуется с ней. Из церкви «поезжане» с молодыми едут в дом невесты, где родители встречают новобрачных с иконой и хлебом с солью. После молитвы в хате молодых кормят. За теснотою в избе столовой для них обычно бывает печка, на которую и лезут они в своем подвенечном наряде.

Во время общего обеда гостей молодые «освещают» собой каждый убранный стол. Заходят «посолон» за каждый стол, присядут, а потом тем же порядком переходят за другой, третий и так далее, пока не посидят за всеми. На другой день после свадьбы молодые дарят родню: в доме невесты — женихову, а в доме жениха — невестину. Молодые держат бутылку с вином и стаканом, угощают каждого старика и чуть не до младенца, целуются и кланяются старшим в ноги, а молодым в пояс. Сваха при этом подает гостям подарки — рубахи, платки и тому подобное. Гости — родные — кладут молодым на тарелку деньги. Церемония с подарками у богатых бывает по два дня и доводит до изнеможения молодых, обязанных быть в душевной избе в верхнем теплом платье.

О ТРАДИЦИЯХ И ОБЫЧАЯХ

В праздник Рождества Христова у ростовичинцев существует обычай «родителей греть». После утрени среди двора или гумна собирается кучка соломы или сухого навоза и зажигается, и этим будто бы согреваются души умерших сродников. Должно, однако, оговориться, что обычай этот в последние годы почти совсем прекратился. В этот же день крестьянские дети, начиная с утрени, и в течение всего дня ходят по домами славить Христа с произношением иногда старинных стихотворных, нередко бессмысленных речей. И здесь не всегда и у всех дело обходится без суеверных причуд. Первую партию христовославцев сажают на порог входной двери, чтобы куры были носки, а наседки усидчивы.

В навечерие Богоявления снегом на каждой двери, воротах и оконных ставнях изображают кресты, а богоявленской водой окропляется скотина и корм.

В первый день Пасхи духовенство служит молебен в домах прихожан только по приглашению, с платой одного рубля. Обычай служить в этот день молебны по особому приглашению и с увеличенной против последующих дней платой установлен духовенством уже давно и вызван был добрыми намерениями, как духовенства, так и прихожан. В старину существовал обычай после молебна угощать родных и других гостей обедом с обильным возлиянием Бахусу, и первый день Великого праздника во многих семьях превращался в день неуместного и несвоевременного разгула. Чтобы прекратить этот обычай, духовенство прекратило служение молебнов на первый день подряд у прихожан, а стало служить только у почетных по усиленной просьбе и за увеличенную плату, которая, по установившемуся порядку, освобождала прихожан от обязательного раньше угощения, каким они и сами тяготились.

В первый день праздника Пасхи, после обеда, преимущественно женский пол ходит на могилы родных «христосываться». Кладут перед могильным крестом несколько поклонов, произносят: «Христос воскрес!», и могилу посыпают разбитым искрошенным красным яичком и каким-нибудь зерном, чтобы прилетели пташечки-птички и порадовали умерших родных.

Во всю Пасхальную неделю пение песен у прихожан не принято. Молодежь же обоюго пола, если позволяет погода, развлекается игрою в лапту и горелки. У парней бывает еще развлечение «В орлянку»: ставят по яйцу, а потом бросают вверх медный пятак. Если последний упадет на землю орлом вверх, то бросавший выигрывает яйцо и бросает пятак до тех пор, пока он не ляжет обратной стороной. И так по известной очереди. Жадные на выигрыш хитрятся стачивать оборотные стороны двух пятаков и склеивают двухорловые пятаки. Если это узнается, то пощады не бывает мошеннику. Мелюзга обоюго пола играет в «салки», «шары», «чаны» в «рядичку дергать» и в «купи дочку». Последняя игра состоит в следующем: садятся парами в круг, кроме одного или одной, которая бегаёт и предлагает кому-нибудь из сидящих купить себя в дочку, то есть в пару. Купленная и та, место которой она покупает собой, бегут кругом всех сидящих, чтобы занять свободное место. Кто вперед добежит до этого места — садится, а опоздавшая бегаёт с предложением «купить дочку».

Во все дни Пасхальной недели церковь бывает переполнена за всеми службами. С пристройкой в селе Троицкой церкви установился обычай паломничества прихожан одной церкви в другую.

В полдень на «Красную горку» на церковной площади служитя общий пасхальный молебен, к которому собирается множество народа. Все приходят к целованию креста и по окроплении водой целуют вынесенные иконы и хоругви. По окончании молебна ростопинцы считают уже позволительными все удовольствия: начинаются песни и, кому только возможно, напиваются допьяна.

В понедельник недели «Жен-мироносиц» молодые замужние женщины «курок молят». В чем суть этого обычая — трудно добиться толку. Главная же приманка его — гулянье молодых баб по своей воле. В складчину большими партиями они устраивают общий обед, а потом разряженные в лучшие платья с песнями гуляют по селу рядами-шеренгами.

В полночь под Преполование «опахиваются»: крестьянские девицы в одних белых рубахах, босиком, с распущенными волосами запрягаются в соху, а впереди их в таком же костюме и виде идет вдова, часто старуха с иконой. Все поют «Христос воскрес», и сохой «опахивают» дворы, то есть вдоль порядка дворов проводят возможно глубокую борозду, а потом в удобном месте вычерчивают сохой большой круг с крестом посередине. Проведенная против дворов борозда спасет будто бы всех обитателей этих дворов — от человека до скота — от всех вражеских зол и напастей, в особенности же от повальных заразных болезней. На кругу же на другой день участ-

ницы опаживания собираются в парадных платьях, устраивают общий обед и с пением песен в течение дня гуляют по селу. И в этом обычае, подобно «молению курок», время вытеснило суверную сторону на второй план, и он держится только, что девицам не хочется расстаться со своим девичьим праздником.

В Троицын день обычное развлечение молодежи — устройство в селе и лесу качелей, за удовольствие качаться на которых устроителям платится яйцом.

На вешнего «Николу» ростошинские крестьянские девицы-подруги «кумятся»: идут в лес, связывают там лентами ветки двух кустов в виде арки, меняются, с кем хотят «покумиться», лентами и кольцами, проходят по три раза через зеленую арку и целуются одна с другою. Этим и заканчивается «кумовство» — своего рода побратимство.

О КРЕЩЕНИИ И ПОХОРОНАХ

При крещении младенца родные выбирают имена самые простые по произношению. Но и из таких имен не всякое нравится. Не нравится, например, имя «Елизавета», которое переименовывается у ростошинцев почему-то в «Лисахвию» и считается однозначным с «Василисой». Случалось, что названная Елизаветой в семье звалась Василисой и наоборот. После крещения младенца, для которого матери часто справляют очень хорошее крестильное «приданое» с атласными и шелковыми одеялами, в доме родильницы бывает для родных скромный обед, во время которого гости дарят родильницу деньгами.

Умерших, кроме младенцев, духовенство всегда провожает из дома до церкви и из церкви до кладбища пешком, какова ни была бы погода, всегда с иконами и перезвоном во все колокола. Гроб умершего в большинстве случаев несут на носилках, опутанных веревкой, а иногда на холстах домашней работы. В случаях особенного почтения к памяти умершего гроб его несут на головах без особенных приспособлений. После погребения умершего, если не ошибаюсь, водкой, кроме могильщиков, никого не угощают, а потчевают одним только обедом. Для траура женский пол надевает белые, отделанные иногда кружевами, платки. Девицы, кроме того, имеют полураспущенные косы.

По умершим старым отцам и матерям дети их почти всегда, если только позволяют средства, заказывают «сорокоуст». По другим же — обязательно заупокойные обедни в 9-й, 20-й и 40-й дни их кончины. Накануне этих дней после вечерни, а в самые дни помина после обедни, приходское духовенство совершает по умершему панихиды на могиле и в доме. В доме служится большая панихида, а после трапезы, равно и на могиле — лития. Первый поминальный стол бывает только исключительно для духовенства. Горячих «хлебовых» блюд никогда на поминальном столе не бывает. В скоромный день подаются сразу несколько вареных и жареных мясных кушаний из свинины, говядины, баранины и курицы. Первое блюдо — ситный и мед, а последнее — блинцы (всегда обязательны и в скоромный, и в постный день). В постный день, кроме меда и постных блинцов, подают почти везде коробку сардин или какого-нибудь маринованного рыбьего консерва и жареную, по большей части, соленую воблу или леца. Почти везде перед обедом потчевают чаем, причем, чтобы вышло «приличней», чай «настаивают» густым, как черное пиво, а отказаться от такого чая, опять же, не моги — «батюшка гребует нашим угощением». К чаю, кроме сахара, почти всегда подается мармелад, иногда белые сухари и варенье. Вилки и вместо салфеток полотенца приобрели у ростошинцев права полного господства. Вина никогда и никакого за поминальным столом не подается, и только в весьма редких случаях предлагается фруктовая вода.

Публикация Валерия ПЛАТОНОВА

Анна Королькова

«Я СЛОВА-ТО РАЗБИРАЮ ДА В КАРМАН ПОКЛАДАЮ...»

(Встреча народной сказительницы со студентами-филологами)

УРОКИ НАРОДНОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ

Знаменитая воронежская сказительница А.Н. Королькова была не только хранительницей народных преданий, сказок и песен, но и интересным собеседником, приветливым и жизнерадостным человеком. Об этом говорят записи бесед А.Н. Корольковой со слушателями. Такой была встреча сказительницы со студентами филологического факультета Воронежского государственного университета, которая состоялась в 1960 году.

Сохранилась аудиозапись этого выступления знаменитой сказительницы. В начале 2000-х годов удалось ее разыскать (долгие годы магнитофонные пленки хранились у исследовательницы ее творчества, преподавательницы филфака ВГУ Татьяны Петровны Ивановой), расшифровать и «оцифровать» записи.

Встреча с Анной Николаевной продолжалась около полутора часов. Это была настоящая беседа, душевный разговор человека, прожившего трудную, но яркую жизнь, и студентов 1960-х годов, выросших уже в мирное, спокойное время, с удовольствием слушавших ее.

Анна Николаевна, несмотря на свои 72 года, порадовала всех не только свободной, веселой манерой ведения разговора, мелодичной, очень эмоциональной речью, быстрым тойденским говорком, но и, самое главное, — богатством самого фольклорного материала, который она показала слушателям. Начала свой рассказ она так: «Я много знаю ска-азок, пе-есен, посло-овиц, погово-орков, загадков! Ну, стала уж и несколько забывать, потому что мне семьдесят второй год».

Потрясающе, как за короткое время (учебную пару) сказительница исполнила для студенческой аудитории основные жанры фольклора: четыре новых сказа (один из них с элементами былины), пять песен (историческая, любовная, солдатская, хороводная, свадебная величальная), одну балладу, пять сказок, 26 частушек, пять страданий, шесть загадок, предание о разбойнике Кудеяре. При этом Анна Николаевна пересыпала исполнение песен, сказок, частушек рассказами о своей жизни: о переезде из аннинского села Старая Тойда в Воронеж, о заводе син-

тетического каучука им. С.М. Кирова, о создании хора домохозяек при заводе Кирова, о войне, возвращении в Старую Тойду, о народном хоре в селе, объединении хора Тойденского и Воронежского, о работе в Воронежском хоре, о гибели сына на фронте, о сказках, созданных во время войны, о современных сказах, об истории создания этих жанров.

А.Н. Королькова умело вела беседу, она постоянно меняла исполнение разных жанров. Начала встречу со студентами со сказов, затем спела или рассказала несколько текстов песен, потом прозвучали частушки, затем несколько сказок, между ними загадала студентам загадки и рассказала предание, и закончила выступление новым сказом.

Содержание аудиозаписи таково:

Новые сказы:

1. Сказ о женщинах «Восьмого марта день тако-ой, женский праздник годовой»;
2. Сказ о мужике-крестьянине «В давние времена у князя Долгорукова»;
3. Сказ о советских крестьянах-тружениках и их празднике урожая «В матушке-Москве, в Кремлевском большом дворце»;

Старые песни:

4. Историческая песня о строительстве Москвы «Да уж когда это была да поле бранная»;
5. Любовная песня «Черно море без разливу» и ее исполнение;
6. Песня-баллада «Закаталось красное солнышко, что за темные ляса...» — о солдатской вдове и возвращении со службы мужа и сына;
7. Хороводная песня «Да что же ет за звон в нашей кылакольне?»;
8. Любовная песня «Пойду, выйду на крылечка, разгуляюсь на часок»;
9. Величальная «По за дворью, по за улицаю» («У голубя, у голубя золотая голова»)...

10. 26 частушек (любовные, солдатские);

11. 5 страданий;

Сказки:

12. Сказка «Ленивые старик и старуха»;
13. Сказка «Горошина»;
14. Сказка «Сума, дай ума»;
15. Стихотворение «В лесу ёлочку срубили»;
16. 6 загадок;
17. Сказка «Ворожей»;
18. Сказка «Верная жена князя Петра»;
19. Предание о Кудеяре;
20. Сказ о Ленине.

Вопросы и ответы.

В начале и в конце выступления А.Н. Корольковой прозвучали новые сказы, или, как было принято в фольклористике 1930-х годов, «новые былины или новины». Остановимся на них подробнее: это совершенно новый, неизученный материал из творчества воронежской сказительницы, требующий своего осмысления. Сказы или новые эпические песни А.Н. Корольковой разнообразны по своей жанровой принадлежности. В одних сильнее выражено песенное начало (сказ о женщинах, сказ «В матушке-Москве...»), в других — былинное (сказ о мужике-крестьянине). Рассмотрим также мы и историческую песню о строителях древней Москвы «Ды уж когдai-то была ды поле бранная».

Известный советский фольклорист Н.П. Андреев говорил об этом явлении как

о возрождении старинного народного эпоса в XX веке: «Былины сейчас привлекают всеобщее внимание и становятся известны там, где их не знали раньше. Героическая борьба нашей эпохи и радостная, счастливая жизнь, завоеванная этой борьбой, усиливают творческие импульсы, вызывают стремление рассказать о новой героине. И вот возникают новые былины, с новой, советской тематикой. Певец П.И. Рябинин-Андреев создает, например, былинку о Чапаеве, изображая Чапаева в духе былинных героев-богатырей; М.С. Крюкова — былины о челюскинцах, об экспедиции на Северный полюс, о Чапаеве, сказание о Ленине...».

А.Н. Королькова начала свое выступление сказом о женщинах, посвященном празднику 8 Марта.

Отметим, что тексты А.Н. Корольковой (вы с ними можете познакомиться в этом сборнике) даются точно по аудиозаписи в фонетическом написании и со всеми диалектными особенностями, характерными для южно-русского аканья, в частности, говора села Старая Тойда:

Е. Соломкин.
Портрет А.Н. Корольковой

Есть у меня сказ о женщиныах.

Восьмого марта день тако-ой,
Женский праздник годовой.
В этот день пришли права,
Женшыны с мужчиной равны....
Женшына в поле трактористом,
На паровозе машинистом.
Если сядет в самолет,
Куда хочешь поведёт.
Наша женшына профессор,
Наша женшына инженер,
Наша женшына учитель,
Ярый трудовой пример.
Наши женшыны
на вяликой стройке были,
Волгу с Доном соединили.
Наши женшыны хоть куда,
Они строят города.
А на каждый Новый год
сиривнуется народ.
Все женшыны, как одна,
Дружно выйдем на поля...

Говоря о новой судьбе женщины в советское время, о достижениях женщины в разных видах деятельности, Анна Николаевна, как всегда, на первое место ставит крестьянский труд. Главным результатом трудов являются богатый урожай и выпекание «белкрупчатых пирогов», почет и уважение к труженицам.

Сказы Корольковой позволяют увидеть разные исторические пласты нашей культуры. Ее память сохранила исполнение «старыми стариками» былин, исполнение тойденцами сказок, старинных исторических и лирических песен. В то же время реалии XX века также нашли свое отражение в ее творчестве, органично переплелись со стариною.

Например, вот эпическое песнопение А.Н. Корольковой о тружениках-хлеборобах, собравшихся в Кремлевском дворце, празднующих собранный урожай:

В матушке-Москве,
В Кремлевском большом дворце,
Собирались люди добрые,
Не горе горявали,
Не пир пировали, а разговоры вяли.
А у добрых людей слова с делом не расходуются.
Они ж, слова, для нас заветные,
Что было сказано — всё будет сделано.
Распашем и засеем поля широко-okie,
Пусть растут хляба высоко-okie,
Серябристой волной колыхаются,
Золотым зярном наливаются.
Соберем мы изобилье зярна-золота,
Установим столы дубовые,
Раскинем скатерть самобранную
Да сядем за убранный стол большой и дружной сямьей.
Нальем русской крепкой по одной.
По первой выпьем до дна за партию
Коммунистическую, за ее великие дяла.
А по другой — за весь трудовой народ,
Поядуть девушки веселый хоровод.
Поём мы песни трудовые,
Что не будем лить мы кровь.
Пусть во всем мире водворится
Мир, согласие и любовь.

Продолжая былинную традицию, А.Н. Королькова в своих сказах использует традиционные былинные образы и установившиеся композиционные приемы (сказ начинается с картины пира, правда, не в княжеском, а в Кремлевском дворце); традиционные формы: постоянные эпитеты («столы дубовые», «скатерть самобранная», «поля широко-okie»); повторы («не горе горевали», «не пир пировали»).

Н.П. Андреев отмечает: «Было бы грубой ошибкой считать новые былины простой мозаикой из прежних былин или перелицовкой старых былин на новый лад. Это подлинно новые произведения не только с новой тематикой, но и с новым отношением к действительности и с новыми стилистическими данными (в частности, с более реалистическим характером всего изложения). Действительно, в сказе А.Н. Корольковой, выросшей в самом центре Черноземного края, человеке XX века, воспеваются сельские труженики, собравшие «изобилье зярна-золота», живущие «большой и дружной сямьей».

Тема труженика-пахаря звучит и в другом сказе А.Н. Корольковой. Она так обозначила это произведение: «Сказ о мужике-крестьянине»:

В давние времена у князя Долгорукого
Был большо-ой пир-пированьице.
А на том-то пиру гостей было много и мно-ожество:
Князья ды бояре, кушцы — торговые люди,
Русские могучие богатыри,
Крестьяне — мужики деревенские.

Заходили-то они за столы дубовые,
 Садилась-то они на скамеечки сосновые,
 А на столах-то вместо сладких — напитки крепкие.
 Пили они, ели, разговоры вяли.
 Разговорились да и расхвалились.
 Князя да бояре хвалились золотой казной,
 Купцы — торговые люди — товарами заморскими,
 А русские могучие богатыри —
 Кто добрым конем, кто булатным мечом,
 Шелковой тетивой да каленой стрялой.
 А бязумец хвалился молодой жаной,
 А умный-то — отцом-матерью да родом-племенем.
 А мужик-то деревенской хвалился сохой-матушкой.
 «У мене ли сошка — да кляновая,
 У мене ли борона — да дубовая.
 Я сам катёлки катал,
 Сам и борону вязал,
 Сам сывалки плятал,
 Сам зярно рассывал.
 Сам я па-ашню пахал,
 А сошку-то отрёхавал.
 Да сам я косу наточил,
 Да поле скосил, скирдов навозил.
 Жита намолотил, пива-браги наварил,
 Всех допьяну напоил.
 Семь сынов пожанил
 Да всех к делу приучил,
 Один пахарь, другой швец,
 Этот бондарь, тот кузнец,
 Один лес валяя, один сад сажая,
 А седьмой-то плохого мужика (ограбил).
 А бабы-то какие, высокие ды стройные.
 Лицо-то белое, брови черные,
 Они-то как: и прясть, и початки¹ мотать,
 И шить, и мыть, и цапом молотить.
 Ды и на улицу ходить,
 Пойдуть плясать — аж искры лятать.
 Если лапти, а в лаптях скобянэсси —
 Аж огонь сверканётъ.
 Ды и я-то молодец молодцом,
 Борода лопатой, усы кольцом.
 У князя на пиру сижу, чё вы бояре баитя,
 Я слова-то разбираю да в карман покладаю.
 А какие понужней — на усы мотаю.
 Что за я спасибо, мне хвалить бы мене, мужика,
 а бояре говоря, не за что.

Несомненно, что это замечательное произведение несет в себе былинные мотивы. Но время, в которое А.Н. Королькова создавала свои сказы, накладывало свой отпечаток. Например, сказ начинается со сцены княжеского пира, но только не князя Владимира, а князя Долгорукого. Вспомним, что в середине XX века, в послевоенные годы с большим размахом отмечался праздник основания Москвы, и имя Юрия Долгорукого звучало постоянно в радиопередачах, на страницах газет и журналов, ему посвящались книги, был поставлен памятник в Москве. И собирательный образ князя Владимира периода Древней Руси

¹ Пряжа, намотанная на веретено или снятая с веретена (*спец.*).

X–XI веков заменяется образом князя Юрия Долгорукого, основавшего Москву в 1147 году.

Затем следует сцена похвалы на пире. Характерно, что среди гостей князя были не только «Князья да бояре, купцы — торговые люди, / Русские могучие богатыри», но и «Крестьяне — мужики деревенские». Традиционно «бязумец хвалился молодой жаной, / А умный-то — отцом-матерью да родом-племенем».

Мудро, но по-особому ведет себя крестьянин: «А мужик-то деревенской / хвалился сохой-матушкой». Он хвалится своим трудолюбием, мастерством, умением сеять, пахать, точить, молотить, «пива-браги» варить, хвалится своим гостеприимством. Именно на этом месте заканчивается знаменитая былина «Вольга и Микула», когда Микула Селянинович, угостив и напоив городских мужичков, слышит их слова благодарности, а также слова Вольги о приглашении войти в княжескую дружину.

Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Называют тебя да по отчеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скірды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочú,
Домой выволочу да дома вóмолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливатí:
Молодой Микула Селянинович!»

(З, Гильфердинг, № 156)

Но сказ А.Н. Корольковой на этом не заканчивается. Затем идет замечательная картина большой и дружной семьи крестьянина с описанием его семи сыновей и их ремесел, описанием работающих красавиц-невесток. Да и сам герой сказа — крестьянин — описывается емко и афористично:

«Да и я-то молодец молодцом, / Борода лопатой, усы кольцом». Обладает он также и крестьянской смекалкой: у князя на пиру умеет слушать речи бояр:

«Я слова-то разбираю да в карман покладаю, / А какие понужней — на усы мотаю». У героя ярко выражено чувство собственного достоинства: хотя бояре не ценят его и его труда, он себе цену знает: «По мне хвалить бы меня, мужика, / А бояре говорят — не за что».

Следующая песня, исполненная А.Н. Корольковой — историческая. Она посвящена матушке-Москве, ее строителям: «Теперь я перяйду на старые. Вот такая есть песня. Когда Москва была дерявянной, и будто там она сгорела, и клали каменную, и играли песни каменшыки, ее придумали...»

Ды уж когдай-то была ды поле бранная,
Пролягла туды путь-дороженькя дальняя,
Широка она, торна и распрокатиста.
А шли-то по ней плотнички ды с топорнички,
Они хвалятся, эти выхваляются,
Эти вот уш мы плотнички да и с топорнички,
Мы построили матушку камяннэ Москву,
Крепость крепкую, непобедимую.
Ушли плотнички да и с топорнички,
Они хвалятся и выхваляются.
Мы построили церковь белокаменную,
Сямглавую, на сядьмой-то главе крест серебряный.
Эх мы плотнички ды с топорнички, *это принев,*

Они хвалятся, выхваляются,
Не одну построим камяну Москву,
Ды не одну состроим крепость крепкую, непобедимую,
Не одну мы складем церковь белокаменную,
Ды не один мы поставим крест, хрест серебряный.

Вот эта песня игралась тогда, когда в Москву пришли.

Историческая песня А.Н. Корольковой «Да уж когда-то это была да поле бранная» представляет собой уже не фрагменты былины, а часть исторической песни, отражающей очень интересный эпизод из русской истории. Он не связан с деятельностью князя или царя, с борьбой народного заступника — атамана Стеньки Разина, с событиями войны со шведами, французами или турками.

Это песня о строителях Москвы — очень редкий и ценный текст. Перед нами картина работы мастеров-плотников, пришедших восстанавливать город после сражений с татарами. Переселенцы — дворцовые крестьяне из-под Ярославля — будущие жители Старой Тойды — привезли с собой и воспоминание об этих славных временах.

Известно, что в период нашествия татаро-монголов деревянная Москва неоднократно горела, и только начиная с правления Ивана Калиты (1325–1340) и, особенно, Дмитрия Донского (1359–1389), началось строительство каменных зданий, каменных церквей, каменной крепости, каменного моста.

В 1326 и 1333 годах взамен деревянных церквей были возведены белокаменные Успенский и Архангельский соборы. В 1339 году Московский Кремль был обнесен новыми стенами и башнями из дуба. После пожара 1365 года князь Дмитрий с боярами решил ставить каменную крепость. «Своеобразным символом успехов и силы Московского княжества была постройка всего за два года неприступного белокаменного Кремля Москвы (1367) — единственной каменной крепости на территории северо-восточной Руси».

Песня, исполненная А.Н. Корольковой, является апофеозом труда строителей. Композиция ее своеобразна: чувство уважения к «плотничкам да и с топорнички» растет по мере появления «крепкой и непобедимой крепости», «белокаменной церкви сьмиглавой с серебряным крестом» и «каменной» Москвы в целом. Характерно, что усиление мощи города и крепости соединяется с укреплением роли христианства в обществе.

Текст песни А.Н. Корольковой «Да уж когда-то это была да поле бранная» представляет целостный сюжет, и в этом его несомненная ценность. Если же мы обратимся к вариантам данного сюжета у других исполнителей, то столкнемся с тем фактом, что таких произведений вообще мало. Если же такой вариант и находится, то этот сюжет о «плотничках с топорнички» контаминируется с другими песенными сюжетами.

Например, песня «Ты взойди-тка, сонца краснае...» из сборника П.В. Киреевского 1929 г., записанная в Орловской губернии, посвящена разбойникам, точнее нехорошему сну «атамановой полюбовницы» о скорой гибели атамана и его товарищей. Но в начале песни говорится о том, что это не разбойнички, а «мы плотнички, да топорнички / Да мы строили церковь Знаменья, / Церковь Знаменья осьмиглавую»:

Ты взойди-тка, сонца краснае,
Над горой над высокою,
Над поляною над широкою,
Над дубравью над зиленью,
Подогрей ты нас, добрых молодцов,
Людей бедных — солдат беглых,

Солдат беглых, безбилетных,
 Безбилетных, биспачпортнаих!
 Мы ни воры были, ни разбойнички,
 Государевы были плотнички,
 Да мы плотнички, мы топорнички;
 Да мы строили церковь Знаменья,
 Церковь Знаменья осьмиглавую,
 Как на (о)сьмой главе крест серебряной,
 Што на том кресту соловей сидить,
 Высоко сидить, далеко глидить,
 Далеко глидить на сине моря;
 На синем море два кораблика,
 Два кораблика, третья лоточка;
 Хорошо лотка изукрашина,
 Ружьями, саблями лотка йюставлена,
 Молодцами лотка усажена,
 Молодцами все рабятами,
 Гарнадерами все солдатами;
 На носу лотки атаман с ружьем,
 На корме сидел есаул с веслом,
 Посеред лотки бел шитер стоить,
 Под белым шатром золота казна,
 На казне сидить красна девушка,
 Атаманова полюбовница.
 Есаулова сестра родная;
 Приюснула, красная девушка,
 Приюснула, тут-жа прбснулась, —
 Нихорош-то сон ей привиделся:
 Атаману быть повешену,
 Есаулу быть застрелену...
 Увидала я братца роднова!
(6, Киреевский, 1929, с. 127, № 2108)

Вот другой вариант контаминированной песни о «плотничках да и с топорничках» с другим зачином, записанный П.И. Якушкиным в Рязанской губернии:

Живароночек, живароночик,
 Ну, мой молоденькей, ну! расхорошенькей,
 Ты на што-жи, дли чаво рано вывился?
 Ты на што-жи, дли чаво молод вылятал
 Из тяпла из гнезда
 Вы тямны вы ляса,
 Из тямных лясов на проталинку,
 Сы проталинки слятал ны дорожуньки.
 Што на той ли ны дорожуньки
 тут шли плотнички,
 бистапорнички;
 Они строили, ну, церкву славною,
 Церкву славною, симиглавною;
 На восьмой-то на главе хрест серебряный.
 На хрясту вот сидит вольныя пташечка.
 Высоко-то он сидить, далеко глидить,
 Чириз лес глядять на сине море:
 По синю-то вить по морю два кораблика,
 Два кораблика, третья лотачка,
 Третья лотачка изукрашина,
 Изукрашина залотым сукном.
(6, Киреевский, 1929, № 1838, с. 56–57)

Контаминированные варианты сюжетов песни «Ты взойди-тка, сонца краснае...» из сборника П.В. Киреевского, записанной в Орловской губернии и песни «Живароночек, живароночик, / Ну, мой молоденькей», записанной П.И. Якушкиным в Рязанской губернии, лишь отчасти связаны с сюжетом песни «Ды уж когда-то была ды поле бранная», исполняемой А.Н. Корольковой. Здесь не важно, в Москве ли построена церковь. Важно, что у церкви есть крест, на том «хрясту» сидит соловей или жаворонок, и видит далеко («высоко сидить, далеко глудить»). Видит он лодочку, в которой находятся атаман с ружьем и атаманова любовница. Дальше действие песни будет связано только с вещим сном девицы. Эпизод со строительством «церкви славной, семиглавой / на восьмой-то главе крест серебряный» выполняет здесь служебную функцию.

В тексте Корольковой, напротив, мотивы построенной в Москве каменной крепости, каменной церкви являются главными, сюжет песни цельный, не контаминированный. Все это говорит о более древнем происхождении корольковского варианта песни. Вероятно, когда-то переселенцы из подмосковных дворцовых деревень — будущие жители села Старая Тойда — принесли с собой песню о строительстве белокаменной столицы и сохранили в своем исполнении до наших дней.

Богата по содержанию и историческому контексту баллада «Закаталоса красное солнышко, что за темные ляса». Перед ее исполнением А.Н. Королькова объясняла слушателям, какая была в давние времена солдатская служба:

«Тогда двадцать пять лет служили, я даже знаю историю из этой песни.

Закаталоса красное солнышко, что за темные ляса.
В поле пташки приумолкли, соловьюшки не поют.
Толька в лесе, в лесе под ветлинкою, там и хижинка стоять.
А во этой и во хижинке там и вдовушка живеть.
Уж такая (нрзб) бесчастная (?), что солдатская жана.
Прилятали два гяроя и стучели под окно...
И стучели, не громили, а просились ночевать:
«Разлюбезная наша хозяйюшка, ты пусти нас ночевать».
«Я бы рада вас впустила, три дни хату не топила,
Три дни хату не топила и не варила ничаво».
«Разлюбезная наша хозяйюшка, нам не надо тваво ничаво.
Мы шли походом, приустали и жалаем отдохнуть».

Анна Николаевна прерывает песню и объясняет непонятные современным студентам жизненные реалии: «Там она, эта история, такая: значить, так — он ушел, прошло месяца два, народилси сын. Когда ему стал двадцать второй год, тут ишло царь отмянил, двянадцать лет стали служить. Отец на вторичный осталси. Это пришел муж и сын, а она их не узнала. Она тады им ответила. Они говоря, что шли походом, приустали, отдохнуть. Там ни было ни транваев, ни пояздов, ничяво. Всё пёшком. Да, да, так это было. Она тады говорить: «Если, гости, вам так угодно, то я милости прошу». Они в чёрну хату вобрались, по-чёрному топили.

На дворик ворвались, в чёрну хату вобрались.
Старший барин сел на лавке, а чёрная шляпа на столе.

(Вы шляпу если вы фетровую-то видали?)

А она стоять у печки, положив руки в сердечки.
Это вот так она стала, жана. А он г(ово)рить:
«Разлюбезная наша хозяйюшка, подойди-ка к черной шляпе.
В черной шляпе полотенце. Не твоё ли рукодельце?»

Она подошла и узнала, она строчила полотенце, теперь это называется мерешка. Вот видите, какие тяжелые были годы. Как одной (нрзб) прожить, вся молодость пройде. Он там служил двадцать пять лет, с сыном (нрзб). Вот так идуть и песни».

Для Корольковой старый крестьянский быт был хорошо знаком, она показывает в песне именно то, что хорошо сама помнит, или о чем ей рассказывали ее родные и ее друзья: как топили «по-черному», как сами вышивали полотенца, украшая их «мережкой», как пешком шли из села в село («ни было ни трамваев, ни поездов, ничяво. Всё пешком»). Исполнительница как будто видит своих героев, все, что здесь происходит:

«А она стоять у печки, положив руки в сердечки».

Очень выразителен момент появления двух героев (отца и сына) в доме вдовы. Они «влетают». Ведь они знают, что пришли в родной дом, хочется быстрее увидеть жену и мать. Она же их пока не узнает, и в варианте Корольковой указывается самый естественный для крестьянки-рукодельницы способ оживления ее памяти: показать вышитое ею полотенце.

Эта баллада имеет большую историю бытования. Она встречается в сборнике А.Н. Соболевского «Великорусские народные песни в 7 томах» (т.1, № 743, т. 7, № 320–337), С.М. Истомина и Ф.М. Ляпунова «Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году» (№ 49–51), П.В. Киреевского (№ 1943, 1305, 1339, 2937), В. Потявина «Народная поэзия Горьковской области» (вып.1, № 51–55), М.Е. Пятницкого «Концерты М.Е. Пятницкого с крестьянами», 1914 (с. 33), Б. и Ю. Соколовы «Сказки и песни Белозерского края» (№ 54–58), Т.М. Акимовой и В.К. Архангельской, «Песни, частушка Саратовского Поволжья» (№ 19). Баллада о двух героях есть почти во всех воронежских сборниках, подготовленных С.Г. Лазутиным, но в последних выпусках сюжет песни значительно сокращен.

Мы рассмотрели только малую часть произведений фольклора, представленных А.Н. Корольковой на встрече со студентами-филологами ВГУ в 1960-м году. Ее сказки, историческая песня и баллада позволили нам обратиться к произведениям нашей старины, воспевающим крестьянский труд, к былинам и песням периода становления Русского государства. Сказки, песни, частушки, загадки будут рассмотрены в последующих изданиях.

Татьяна ПУХОВА,
кандидат филологических наук,
Воронежский государственный университет

АУДИОЗАПИСЬ ВСТРЕЧИ А.Н. КОРОЛЬКОВОЙ СО СТУДЕНТАМИ ВГУ

Когда мы приехали вроде от голода суды в Воронеж, поступили на завод Кирова, я первая с детьми занималась, а потом огарнизовала хор из домохозяек. И с ним я работала, с этим хором, песни русские народные, протяжные, застольные, хоровые, венчальные, чястухи сама сочиняла. Вот. А когда х... э... тут врах стал приближаться, началась война, к Воронежу, я уехала в свое родное сяло, к отцу и матери, огарнизовала там хор, всем известный, каким управляя Массалитин(ов). Я без него дала двадцать чятыре концерта. Там была школа, повышали знания, кто отличился в бою за Воронеж. Когда было известно по газетам, Константин Иракывич Массалитин приехал, обратился, это была с ним организация, но они были (*нрзб*) в Борисоглебске, (*нрзб*) доверили это дело, стал хор (выступать) (*нрзб*). Тогда мене взяли, я там стала за деньги работать, а то это всё было самодеятельность. Вот так я и начала работать.

Я много знаю ска-азок, пе-есен, посло-овиц, погово-орков, загадков! Ну, стала уж и несколько забывать, потому что мне семьдесят второй год. Тут сын на фронте погиб. Вот, уж такой памяти не осталось. Я малограмотная. Я вам сычас рас-

скажу. А... сказки вы, может быть, читали, а потом, может быть, я начну. Я много их гото... сказки, рассказы. У мене были много сказки известны некоторым тута. «Волк-людоед», «Мудрая мать». Ну, они были уж очень ценны в войну, а теперь вроде и рассказывать нечего. Вроде недолговечные, понимаете? А вот у мене есть сказки современные. Если можно, я вам щас их расскажу.

Есть у меня сказ о женшын(ах).

2.40.

Восьмого марта день тако-ой,
Женский праздник годовой.
В этот день пришли права,
Женшны с мужчиной равны.
Женшнына в поле трактористом,
На паровозе машинистом.
Если сядет в самолет,
Куда хочешь поведёт.
Наша женшнына профессор,
Наша женшнына инженер,
Наша женшнына учитель,
Ярый трудовой пример.
Наши женшныны
На вяликой стройке были,
Волгу с Доном соединили.
Наши женшныны хоть куда,
Они строят города.
А на каждый Новый год
сиривнуется народ.
Все женшныны, как одна,
Дружно выйдем на польь.
Наша дружная работа,
Нашей партии забота,
Мы насеем пшаницы
Для Москвы, своей столицы,
Для рабочих, для крестьян,
Хлеб-то нужен нам и вам.
Что посеем — уберем,
Всё до зернышка сберём.
Позасыпем все анбары,
Элеватор позаймем,
Будем печь пироги белкрупичатые.
Сколько есть у нас мясов,
В каждом дерева(е?) листов,
Столька центеров пшаницы,
Столька сахара пудов.
А за женский честный труд
По мядали нам дают.
По мядали золотой,
Кто получа — тот гярой.

(Аплодисменты).

Есть у мене такой сказ о мужике-крестьянине.

4.05.

В давние времена у князя Долгорукого
Был большо-ой пир-пированьице.
А на том-то пиру гостей было много и мно-ожество:
Князья ды бояре, купцы — торговые люди,
Русские могучие богатыри,

Крестьяне — мужики деревенские.
Заходили-то они за столы дубовые,
Садились-то они на скамеечки сосновые,
А на столах-то вместо сладкие(х-?) — напитки крепкие.
Пили они, ели, разговоры вяли.
Разговорились да и расхвалились.
Князя да бояре хвалились золотой казной,
Купцы — торговые люди — товарами заморскими,
А русские могучие богатыри —
Хто добрым конем, кто булатным мечом,
Шелковой тетивой да каленой стрялой.
А бязумец хвалилси молодой жаной,
А умный-то — отцом-матерью да родом-племенем.
А мужик-то деревенской хвалилси сохой-матушкой.
«У мене ли сошка — да кляновая,
У мене ли борона — да дубовая.
Я сам катёлки катал,
Сам и борону вязал,
Сам сьвёлки плятал,
Сам зярно рассявал.
Сам я па-ашню пахал,
А сошку-то отрэхавал.
Да сам я косу наточил,
Да поле скосил, скирдов навозил.
Жита намолотил, пива-браги наварил,
Всех допьяну напоил.
Семь сынов пожанил
Да всех к делу приучил,
Один пахарь, другой швец,
Этот бондарь, тот кузнец,
Один лес валяя, один сад сажая,
А седьмой-то плохого мужика (ограбил).
А бабы-то какие, высокие ды стройные.
Лицо-то белое, брови черные,
Они-то как: и прясть, и початки мотать,
И шить, и мыть, и цапом молотить.
Ды и на улицу ходить,
Пойдутъ плясать — аж искры лятять.
Если лапти, а в лаптях скоблянёсси — аж огонь сверканеть.
Ды и я-то молодец молодцом,
Борода лопатой, усы кольцом.
У князя на пиру сижу, чё вы, бояре, баитя,
Я слова-то разбираю да в карман покладаю.
А какие понужней — на усы мотаю.
Что за я спасибо, мне хвалить бы мене, мужика,
А бояре говоря, не за что.

(Аплодисменты).

Есть у мене еще така́.

6.25.

В матушке-Москве,
В кремлевском большом дворце,
Собирались люди добрые,
Не горе горявали,
Не пир пировали, а разговоры вяли.
А у добрых людей слова с делом не расходуются.
Они ж, слова, для нас заветные,

Что было сказано — всё будет сделано.
Распахнем и засеём поля широко-okie,
Пусть растут хляба высоко-okie,
Серябристой волной колыхаются,
Золотым зярном наливаются.
Соберем мы изобилье зярна-золота,
Установим столы дубовые,
Раскинем скатерть самобранную
Да сядем за убранный стол большой и дружной сямьёй.
Нальём русской крепкой по одной.
По первой выпьем до дна за партию
Коммунистическую, за ее великие дяла.
А по другой за весь трудовой народ,
Повядут девушки веселый хоровод.
Поём мы песни трудовые,
Что не будем лить мы кровь.
Пусть во всем мире водворится
Мир, согласие и любовь.

(Аплодисменты).

7.25.

Теперь я перейду на старые. Вот такая есть песня. Когда Москва была деревянной, и будто там она сгорела, и клали каменную, и играли песни каменшыки, ее придумали. Она начиналась так.

Ды уж когдай-то была ды поле бранная,
Пролягла туды путь-дороженька дальняя,
Широка она, торна и распрокатиста.
А шли-то по ней плотнички ды с топорнички,
Они хвалятся, эти выхваляются,
Эти вот уш мы плотнички да и с топорнички,
Мы построили матушку камянну Москву,
Крепость крепкую, непобедимую.
Ушли плотнички да и с топорнички,
Они хвалятся и выхваляются.
Мы построили церковь белокаменную,
Сямиглавую, на сядьмой-то главе крест серебряный.
Эх мы плотнички ды с топорнички, *это припев*,
Они хвалятся, выхваляются.
Не одну построим камянну Москву,
Ды не одну состроим крепость крепкую, непобядимую,
Не одну мы складем церковь белокаменную,
Ды не один мы постовим крест, хрест серебряный.

Вот эта песня игралась тогда, когда в Москву пришли.

9.00.

Есть песни, когда Петр Первый строил корабли, во время его царства, была распространённая песня со шведами (*нрзб*), всем известная, играли ее по одному, «Было дело под Полтавою». Вы, кажется, все ее знаете и сейчас. А народная песня была «Черно море без разливу». Слова такие:

(Первые две строчки поет).

Че-орно море без разливу,
Ох, море ходит тяжело.
Два часа, одна минута, а бороться не дает.

Я спустился в Чёрно море, приподнял я паруса.
Я скорей-скорей на лодку, я на берег поспяшл.
Я увидел там красотку, любезную прежнюю,
Я промолвил ей словечко, словечико потайное,
Я дарил ей колечка, колечка золотое.
Я дарил ей колечка, с руки перстень золотой.
И по етому колечку назвал верною жаною.

В то время лодки были парусные, обручались кольцом, вот люди и слагали такие песни. (*Нрзб*.)

10.00

Есть песня такая. Тогда двадцать пять лет служили, я даже (*нрзб*) история из этой песни. Вот на двадцать втором году отдавають это в солдаты, вот он там двадцать пять служа (*нрзб*). Вот такую песню играли.

Закаталоса красное солнышко, что за темные ляса.
В поле пташки приумолкли, солóвьюшки не поють.
Толька в лесе, в лесе под ветлинкою, там и хижинка стоять.
А во етой и во хижинке там и вдовушка живеть.
Уж такая (*нрзб*) бесчастная (?), что солдатская жана.
Прилятали два гяроя и стучéли под окно...
И стучéли, не громили, а просились ночявать:
«Разлюбезная наша хозяйюшка, ты пусти нас ночявать»..
«Я бы рада вас впустила, три дни хату не топила,
Три дни хату не топила и не варила ничаво».
«Разлюбезная наша хозяйюшка, нам не надо тваво ничаво.
Мы шли походом, приустали и жалаем отдохнуть».

Это до сéх пор играли вот в нядавние времена, лет пятьдесят назад. А раньше она была очень протяжная. Там она эта история такая: значить, так — он ушел, прошло месяца два, народилси сын. Когда ему стал двадцать второй год, тут ишшо царь отмянил, двянадцать лет стали служить. Отец на вторичный остался. Это пришел муж и сын, а она их не узнала. Она тады им ответила. Они говоря, что шли походом, приустали, отдохнуть. Там ни было ни транваев, ни поездов, ничяво. Всё пéшком. Да, да, так это было. Она тады говорить: «Если гости вам так угодно, то я милости прошу». Они в чёрну хату вобрались, по-чёрному топили.

На дворик ворвались, в чёрну хату вобрались.
Старший барин сел на лавке, а чёрная шляпа на столе.

(Вы шляпу если вы фетровую-то видали?)

А она стоять у печки, положив руки в сердечки.
Это вот так она стала, жана . А он г(ово)рить:
«Разлюбезная наша хозяйюшка, подойди-ка к черной шляпе.
В черной шляпе полотенце. Не твоё ли рукодельце?»

Она подошла и узнала, она строчила полотенце, теперь это называется мерешка. Вот видите, какие тяжелые были годы. Как одной (*нрзб*) прожить, вся молодость пройдё. Он там служил двадцать пять (*нрзб*), с сыном (*нрзб*). Вот так идуть и песни. А новые вы все знаете песни.

Вот, песни были дюже тяжелые, даже некоторые я не могу рассказывать, а то я заплачу. А есть очень веселые. Веселые песни назывались хороводные. Ну вот такая, например:

12.38.

Да что же ет за звон в нашей кылакольне?
Не про нас едрёш Ванюша всё болить гута-арить.
Ведь не про нас едрёш Ванюш всё болить гутарить.
Ой, пускай болить и гутарить, авось перястануть.

Вот такая. Но она не (*нрзб*).

(*Аплодисменты*).

Есть песни лирические, так и называются. Такая есть песня. Она и играется зану... заунывно.

13.05.

Пойду, выйду на крылечка, разгуляюсь на часок.
Вдрух явлюсь я возлэ дома, где мой миленький живётъ.
Постучу я об окошко: выйди, милый, на часок.
Ко мне миленький ня вышел, не утешил горьких слез.
Тякуть слёзы всё ручьями, дайтя сердцу раздохнуть.
В небе чисто, в небе ясно, в небе звездочки.
Ты гори, моё колечка, гори, моё залотá.
Ты заной, мое сердечка, заной, мое ретивое.

Эта песня называется лирическая, народная. А вот вы знаете «Запрягу тройку борзых темно-карих лошадей»? Это (*нрзб*) мещанская песня, не народная. Песни тады были все по разделам. Самые ценные были это народные песни. Они всё-таки были и справедливы. А во время свадьбы — величальные, это обыгрывали. Так уж знали, какую нявесте и жениху, матри крестной (*нрзб*), дружку, повыберешь там. Были любимые песни, вот я четырнадцать девок отдала, в швях шила. Ну какую тебе там, сваха, (исполнять)? Да мне вот такую-то там: «Соловей, мой соловей, (*нрзб*) лятал. А мне, говорит, «Коромысля», а ентот — «По-за дворьям, по-за улицою».

Значит, «По-за дворья» это так игралось:

14.30.

(*Поет*).

По-за дворью, по-за дворью, по-за улицаю,
Да-то ходить голубь, ходить сизый со голубицею.
Ходить голубь, ходить... (тут пляшут), со голубицею.
Ох у голубя ды е сизова ды зылотая гылова.
У голубя да я се...

(*Перестает петь, дальше говорит*).

Золотая, у голубки — позолочена.

Называет ее имя, отчество и идé вот так.

Яму дяди, яму братья позавидовали:
То-то баба, то-то баба, молодица хороша.
Вот эта молодица да мне молодцу жана.
Я б ня била, не бранила,
Я бы летом, я бы летом
Во колясочке возила.
А зимой, а зимой
На расписных санях, на поштáрских лошадях.

Тады не было машин. Вот такая есть.

15.12.

Всего этого много, невозможно рассказать. Вот. А в первое время, это, может быть, тут в середине девятнадцатого века девушка... девушки вапче песни не пели. А на свадьбе свадебные песни пожилые приговаривать стали, уж тут в конце девятнадцатого века тоже э-э женщины. Девкам это... была такая скромность, вроде, это так нехорошо. Вот я помню, я стояла, была через два двора свадьба, я стояла на приступочке, сколько лет мне, ня знаю. Ну, помню. Она пошла плясать, женщина, ну какая пляска? Тады дюже ногами нехорошо, это руками, и приговаривая:

15.54.

Пошла б я плясать,
Ды мужа боюсь.
Я подумаю, погадаю,
Може, и разойдусь.
Училси первый раз,
Училси буке аз.
А теперь, соколик,
Учи меня глаголи.

16.16.

А мужчина (*нрзб*). А он, значить, пошел, тады мужчины были большышшые, (*нрзб*) борода у него вот такаяча (*нрзб*).

Я Воронежской губернии,
А зовут меня Пахом,
На мне красные рубаха
И штанишки гарохом.

(*Смех, неразборчивые реплики*).

Ой, девки к нам,
И молодки к нам,
А старые старухи
На что же они нам?

(*Смех*).

Вот, видишь, были какие?

На базаре я бывал,
Ничяво там не видал,
Толькя видел я козу,
Сено ела на возу.

Вот, видите, какие? Вот.

Не ругайте мене, девки,
Что на улицу не пришел,
Мать штаны мои чинила,
А отцовы не нашел.

(*Смех*).

17.00.

А потом, вот уже в че... в чатырнадцатом году началась война. Тут уж стали девки петь. Пели тоже, вот пели там:

Мово детку ранили,
Во поле Германии,
Праву щеку, левый глаз,
Красоты убавили.

Там две сестрицы при больнице,
У них карие глазки,
Одна делая укол,
Другая — перьявязки.

А в эту войну настолько ж их... Почти что каждый человек сочинил, а я их не сочиняла (*нрзб*).

Девки стали петь начинать осенью. Сидят они у избушки на завалинке, начинают вполголоса, это в конце девятнадцатого века:

17.38.

У родимой у мамани (*эта двустрочные*).
Остаётся жить матаня.
Скоро осень подкóтится,
Иттить замуж не хочется.
Не отдавай мене, мамушка,
Я засохну, как травушка.
На руке моей печальной
Золотой перстень вячальныйный.

Придут сейчас (*нрзб*) чего они, не знаю (*нрзб*). (*Смеется*).

А тут стали веселые. Даже стали такие, которые бы и ня надо играть. Все непоядочные.

18.12.

Ну вот во эту войну я сама сочиняла. Никого не спрашивалась, потому что никого не было. Вакуировалась я в Анну, организовала хор Массалитина. Массалитинов гдей-то был под Волгой, это вот передают (*нрзб*). Ну вот там есть винокурный завод в лясу. Там и стоял наш полк Красной Армии, казалось. Ну я поехала туды с этими женшынами, у меня там девушки чятыре было. Когда я огарнизовывала, были большие трудности. Кто толёкал, кто ругалси, и Бог наказал вот тебе да (*нрзб*). Не Гитлер, а эти... Он тут всех повешая. А я говорю, а он не разбирая. Он если... яму тут ня быть. Дальше Воронежа никто не проходил, старики говорили, что в Воронеже были турки, татары, сожжон был и Воронеж, но дальше никто. Проходил один какой-то Булавин да Курлака, и он было шесть тыщ (челяди), он да самоубийством кончил. Э вот это я что, значит...

Ну вот чё за... Пригласили (*нрзб*), ну надо ж новые там. А там мне говорят, что тут гярой есть Советского Союза. Ну (хотелось бы). А я тады, если летчик (*нрзб*), маленький был (??)... И вот я там рассказывала, оказалось, там был Кренкель, что был на Северном полюсе. Он пришел, стал э... спросил, ну чего ж обманывать, какая у вас образования? Я говорю, никакой, милый (*нрзб*). А как же вы нача́ли? Я стала рассказывать, что первый был Северный полюс. Может, знали, вот слышали, Папанина-то был лагерь? Ну как же! Слышал. Может, вы скажете несколько слов, а мы уж это тут все распевались, с понёвой. Ну я ему рассказала. (*Нрзб*) достал карточку, вот Папанин. Он говорит, записал адрес, говорить, если буде надо нам нынче в гости приглашайте, я найду, где сесть, (давайте).

Вот. И вот так и потом я стала сказки рассказывать. Сказки больше пёрва рассказывала детские. Я знала и большие. Есть и сейчас сказки, (*нрзб*) она на цельный печатный лист. На цельнаю книгу. Но я их всё сокращаю. Думаю, вот коротенькие будут пятавать это завтра, а так — что жа писать. Сколькя это надо труда. Ды заставлять дочерей. Я пятаю, читаю хоть плохо, а писать не умею. Это же большой труд. Ну вот они напишут, а я перядумаю, да ня так. Вот я их и говорила маленькие.

Вот, если хотите, я вам расскажу сейчас. Сказать?

Старик со старухой.
Настолькя они лянйвы были: они по няделе руки ня мыли, по месяцу не умы-
вались. Ну и у них была дочь.
Вот йим нечего делать.
Один раз они пошли у соседа сад, лягли в холодок под яблоню и ляжать. А ста-
руха ляжить и говорить:
— И-и, хороши яблочки! Чё б упало ды в рот попала!
А старик:
— Как тебе хочется эткие речи говорить, кабы ты нажёвывали. Не жавала ты ее.
Это что-то он вроде лянйвей ей ишшо.
Глядь, вот унучкя.
— Дедушка! Бабушка! Пойдемте, я каши молошной принясла, йисть.
— Вот спасибо.
Приходють. Сели, ели-ели, а старуха говорить:
— Старик! Табе ведь горшок мыть!
— Почяму? Иде это слышно-видано мужик бы горшки мыл? А ты чяво будешь
делать? Ты тоже ничяво не делаешь. И ты не...
— Как? Я на той няделе соседского тьялёнка со своо двора, с горуда согнала.
Ну, ругались-ругались. Она и говорить:
— Старик, хватить нам шуметь. А вот мы каши поядим, хто первый словечкя
скажа, тому и горшок мыть.
Ну, так и поряшили. Поели каши и помалквяють. Лягли и ляжа.
Ну, приходить суседка:
— Здорово живёте!
Они молча.
— Малань, Малань! — Она: Василий! Ва... Василий! Ох, ягодки мои, должно,
умирають. Бяжать надо, сказать суседям за свишшенником.
Привяла. Глухую исповедь дал, приобчили, всё. На одну говорить:
— Елен, останьси ты со стариками ты, побудь.
— О-о, да кубыть у меня дялов дома нету! Чё это я с ними буду? Да я и боюсь.
Если помрут, то вон я мёртвых боюсь.
Ну, стали расходиться. А племённик и говорить:
— Кто чяво бере?
А он взял яво капот, ды за карман.
— Табачок покурю. Ступинской. Должно, с донником, дед?
А старик говорить:
— Ды я ж и сам его покурю.
Как старуха вскочила, заплясала. И начала приговаривать.
— Как здорово старуха со стариком? Пропади яво кисет с табаком, заявись моя
корова с молоком.
С этих пор вот они стали кой-чяво делать. Я нядавно у них была, чай пила.
Это детские сказы были.

23.16.

Да. А вот еще такая сказка. Ну, правда, в давние времена.

Было это или нет, но рассказывал наш сосед. Жил старик и старуха. Я хорошо
знаю этого старика. Яво звали Иван Калиныч. Он был у Кулебякина-барина са-
довником нашинским. А старуха — прачкя. Ну, у них было детишек три, пять...
Вот там на хуторе сеяли горох. Горох сортировали. Ну, он его в карман и насыпал.
Приходить, говорить:
— Старух, свари-ка горошку, я вот принёс.

Ну, шо ж бяды-то, она стала смывать, сливать, а она возьми да одна горошинка упади, укатилася. Тады пол был редкай. Знаешь, нестычной так, так. Вот кто постарей — помнить. Да... Теперь чяво ж делать? Она поискала-поискала — нет, ну наварила, гороха поели. Через чятыре дня глядять — горошина с-под пола взошла.

Старуха трудолюбивая была, вроде Мичурина. Щас обложила ее палочками, набрала шшэпочки. Старик приходя. Она:

— Старик, гляди не наступи — горошина.

Она ея поливая, она ея поля. Она всё растё, всё растё. Выросла под потолок. Старуха своё:

— Старик, ломай потолок. Горошине некуда.

— Да ты што, старух, зима будя.

— Э, да тады хто жив будя до зимы? Ну некуда. Че ж ты ня видишь?

Он так, он эдак. Ну, надо ломать — разломал.

Горошина пошла вверх. А старуха все поливая. Выросла под крышу. Она:

— Старик, раскрывай крышу.

— Ой, да что ты, старух? Зима будя.

— Да тебе говоря: раскрывай. И што она, крыша-то, всё равно тольки от солнца.

Ну, нечего делать. Старик взял лестницу, полез. Открыл: как солнушко глянуло на горошину. Она так и зацвяла, раз плети распустила во всю крышу. Цвятами — и голубыми, и розовыми, и оранжевы(ми). Всяки(ми).

Старуха перястала поливать. Глядять: стручья завязались, созревает. Она:

— Старик, а то кабы (не) упустить, осыпется горох, полезем обрывать.

Влезли. Рвали-рвали, сколько мяшков нарвали. Стали молотить, а горох-то оказался не простой, а золотой. Они сабе йзбу новую сделали и коровку купили, обувку, одёжу. Остальное в банк сдали.

И вот в Липецке йих сын, Митрофан Иваныч, он там директором.

Ну, сказка эта ня вся, но говорить ея нельзя. Если бы рюмочка винца, рассказала б до конца.

(Аплодисменты).

25.56.

А то есть сказка такая.

Жили два брата. Ну был-жил старик со старухой и два брата. Старик как-то раньше умер. Один на службу пошёл, а другой... Мать тут помярла.

Энтот пришёл. Ну а у них поровну детей, по пять человек.

— Давай, брат, дялиться.

Ну как дялиться, чяво делить-то? Одна изба, ды там два горшка ды рогачи, ды *(нрзб)*.

Ну, он г(ово)рить:

— Брат, я матерю похоронил. Мне за йето избу. А ты, табе пай жана и дети. Иди.

Ну энтот да пошёл.

Ну, этот, вроде, богатый считается — изба есть. У няво жана Дарья. Он Кузьма. А энтот Иван, а жана Марья.

Ну вот стали они у (колодца) рыть, там зямлянку. Живуть, живуть. А жана всё ругается:

— Вот, уступил ты, брат. Они вон живуть. И вёдры не на шшо купить. Одна бяда, что колодец один.

Это у нас было в сяле. Барская половина. Туды все ходили за водой и скотину

поить водили. Обшестум выруют, ну (и себе) люди. Вот надо же дубовый (сток). Его надо купить ды резать. Ну вот в общественный колодец. Вот туды все.

— Мене прям Дарья засмяяла. Коромысля-то уж в трех мястях связано, и вёдры-то тякуть, и всё.

Он подумал-подумал. Ну разве это жизнь? Пойду, удушусь. Взял оборку и пошёл, где удушиться-то искать. А она за ним.

— На кой ты обрывок-то взял? Он и так чёй-т (лепить) нечем вон, принесть то-почки.

Он яво бросил.

— Пойду, утоплюсь в Антошкин круть.

— Ну иди к этой крути. Уж туды нырнешь, то всё.

Глядь — паракход иде. А он глядь, да что ж это? Сроду по нашей речке корабли не ходили. Глядять. Подходя — на нем стоит девушка и говорит:

— Ты зачем суды, Иван, пришёл?

Он:

— Да ты хто такой?

Она говорит:

— Доля твоя.

— Да топиться.

— Зачем?

— Да ведь, видишь, бедность? Ни пить, ни йить, дети, крик. Ведь вот всё уж делал, так и так вот.

— О-о, да это, — говорит, — пустяшное дело. На вот табе чашку.

Она бросила деревянную чашку, они тады были. Она на воде, (круг) ну на берег.

Она говорить:

— Иди домой, понови на стол. Няхай дети выйдуть, поиграють, а вы постановите и скажите: «Чашка, корми». Не поядите всё. Ты никому не говори.

Принёс он эту чашку.

— Ну, дети, бягите, поиграйте на дворе.

Они выбегли. Он:

— Дарья... это, Марья, так и так.

Постановили чашку:

— Чаша, корми!

Батюшки! Там на столе и хлеб, и соль, и мёд, и молоко, и жареное-пареное и чёй-т. Они ели-ели, не поели. Она весёлая пошла за водой. А Дарья:

— Чтой-то ты, кумушка, дюже всяяла? Ай, досыта хлеба поела?

Она г(ово)рить:

— Луччи тебе обедала. Вон как всё равно барин Кулебякин. У нас была и мяса, и всё жаренае и варенае.

Энта прям бросила вёдры. Кричать. Коромысло... Прибягая:

— Кузьма, Кузьма, глянь, брат твой какую-то чашку идей-то взял ды всех кормить?

Он приходить:

— Здорово были.

— Здоров.

— Кум, какая-то у тебе ишш чашка? Мы ведь Дунькю-то просватали, хоть бы вечер справить. Проводы. Дал бы чашку-то.

Он Марье:

— Дай чашку.

Дали. Они всех накормили.

— Гришка, огняси чашку.

Он принёс. Они ее поставили на стол, а она ня кормить. Обманул. А жана ишшо дюжей ругаться.

Пошёл опять. Приходить.

(*Неразборчиво*).

Энта бросила ведры свои. Покатились. Приходить:

— Кузьма, Кузьма, где ж он (*нрзб*)?

Ну энтот приходя:

— Кум, да какой-то у тебе рубль. Дай мне. Ну чё у мене там — две овечки ды там пяток кур, изба. Я тоже живу плохо.

— Дай, Марья, рубь ты это.

Дали. Они накидали, принесли рубь-то, а он это так и есть.

Он опять. Только подхомяк ряке, пароход стоять. Эта девка опять говорить:

— Иван, ты зачем?

— Да обманул мене брат, вот так-сяк.

Она говорить:

— Ну это не твоя бяда, а моя. Я ня то даю. На вот табе сумку. Бросишь сумку, говорить, возьми эту сумку. Приди, гвоздик забей, повесь ее на стену. А дети пусть идуць. Чтобы двое с жаной. И скажи: «Сума, дай ума».

Так и сделал.

Дети-то выбежали играть. А он:

— Сума, дай ума.

Как оттуда выскочили шесть, шесть солдат. Да вынули кнутишшу из голенишша, кнутовишша. Размотали кнутишшу, да вот-ка их всех. Чуть ня до смерти. А он забыл, надо как сказать. Напомнил:

— Сума, хватя ума.

Они замотали кнутишшу на кнутовишшу, спрятали за голянишше, сами в сумку попрыгали. Ну, они кой-как отдохнули, очнулись. Пошла она на третий день за водой. А сноха г(оворить):

— Ну как, кумушка, живете без чашки, без рубля-то?

Она г(оворить):

— Да лучше вас. У нас есть сумка такая — дала ума. Няхай парень приходить занимая. Вот у нас теперь сколькя.

А она прибяжала, кричить. Кузьма, идет, пришел к куму. Он:

— Нет, нет, нет, нет. Нет, кум. Нет, кум, нет. Ведь вот чашку подмянили. Да, господи, ведь как дело-то, кабыть у вас чашки-то, у сусёдев брали. Да может как, да пойдём поишшем. И рубль. Нясите, то дам.

(*Нрзб*) Принёс чашку назад и рубль отдал. Он сказал: «Чаша, корми», в чашке пулно — каша с молоком. Бросил рубль — стало два. Ага.

— На, — г(оворить), — кум, вот сумка. Повесь ее. Ребята няхай поиграють, а ты вот скажи: «Сума, дай ума».

А как уймаць не сказал. Они повесили:

— Сума, дай ума.

Они выскочили, шесть человек. И давай! До тех пор катали, кровь ручьём и на них теляшом. Все рубахи с них попустили. Крича.

Мимо окон, тады ведь одноэтажные избёнки, идуць, увидали:

— Да кто же это?

Ребятишки в крик. Прибягая один:

— Дядя, по(й)дем скорей! Батю и маму какие-то мужики засёкли.

Ну они туды бягом. Только сказал: «Сума, хватя ума».

Они замотали кнутишшу на кнутовишшу за голянишшу. Попрятались.

Он входя, они уж еле дыша. Ну подняли их тут, обмыли холодненькой водичкой. Попоили, положили. Ночявать брат осталси. Утром:

— Вставай, кум. Возьми свою сумку.

Он г(ово)рить:

— А на кой она мне нужна. Мне ум нужен. Мне дали ума, — г(овори)ть. — Ня-хай она у тебе.

Да вот и сейчас Иван с Марьей хорошо живе. А кабы ня сумка, он какой-то был (нибудь) и всё раздавал бы.

Ну, сказка вся. А мне пирох да гуся. А кто слухал — шубу с пухом, хто на питёрки учится.

(Аплодисменты).

А вот новую я сочинила. Для ёлки. Я знаю, тады, какие вот ёлка была (*нрзб*).

В бору ёлочку срубили,
В каждой школе поснавили.
Вокрух ёлки детвора,
Веселятся и шумя,
Будто пчёлочки жужжа.
Посмотрите, что на ёлке:
И булавки, и иголки,
А вон бабочки, жучки,
Хлебобобы-мужички.
Там и танк, и самолет,
И танкисты, и пилот,
Трактористов тридцать пять,
Трактора кругом стоять,
Вокрух лампочки горять,
Телефоны, провода.
А на самой верхушке
Стоит красная звезда.
А под ёлкой Дед Мороз,
Прошёл город и колхоз.
На нем шапка, рукавицы,
Будто прибыл из столицы.
Здравствуй, Дедушка Мороз!
А я подарки вам принёс,
Вот в мой лесной корзине есть тетради, карандаши,
Что угодно для души:
Шиколад и мармалад,
Становитесь, дети, в ряд,
Чтоб подарки получать!
Я подарки вам вручаю,
С Новым годом поздравляю вас, деточки милые!
А вы растите, и учитесь, и трудитесь, будете счастливы,
Веселитесь вокрух ёлки,
А учитесь на питёрки!

(Аплодисменты)

Ну. Теперь я вам загадаю *загадки*, чтоб отгадали (*нрзб*).

— Почяму собачка лая и днём, и ночью?

— (*Реплика из зала: «Блохи кусают»*).

(*Смех*).

— Да ну, она бы чясалась, мож, ишшо что...

(*Смех, неразборчивая реплика из зала*).

— Слушайте внимательно. Почяму собачки лають днём и ночью?

(*Неразборчивые реплики из зала*).

— Разговаривать она не умея, потому что.

(Смех, реплика: «А-а»).

— Вот те и «а-а».

— Говорять, мне год, а детей курагод.

(Неразборчивая реплика из зала).

— Говорят, мне год, а детей уж курагод.

(Неразборчивая реплика из зала).

— Нет.

(Неразборчивая реплика из зала).

— Нет, это другая загадка. Это либо утка с утятами, ай кура с цыплятами. Ей год, а детей уж курагод. Оказывается, вы ничяво ня знаете.

(Смех).

— Надо еще учиться.

(Неразборчивая реплика из зала).

— Три телёнка — один хвост.

— А три телёнка?

— Да.

— Ну вот поэтому у двоих обрезали, значит.

(Смех, неразборчивые реплики из зала).

— (Нрзб). Да. А вот один, это давно было, управляющий продал тройку лошадей за сто тридцать семь рублей. По чём же каждая лошадь пошла?

— По земле.

— Правильно.

— Молод был — семью кормил, стар стал — пеленять стал, умер — выкинул в поле, птицы ня клюють и звери не ядят.

— Горшок?

— Нет, горшок так умер (нрзб), никто не хороня, выкинут в поле (нрзб).

(Неразборчивая реплика из зала).

— Молод был — семью кормил, стар стал — (пеленят) стал, умер — (нрзб), птицы не клюють и звери не едят. Ну я вот приду через няделю, запишите, отгадаете.

— А это что такое: шерсти клочок и соломки пучок, ногу подынешь — вот и шпалчок.

(Смех, неразборчивая реплика из зала).

— Они на каком курсе-то у вас?

— На первом.

(Смех, неразборчивая реплика из зала).

— Вот во время каникулов надо их проводить. Не отдыхать, а работать в колхозе. Они узнають, что. Это хомут. Хомут. В нём подкладка из шерсти, а вот что круглое-то, там ведь солома. А никак няльзя, пока ногу подынешь, супонь-то (нрзб).

(Неразборчивые реплики из зала).

— Ну вот ещё одну расскажу сказку. Я ня знаю, это ж надо спросить, какую рассказывать. Какую?

— Анна Николаевна, вы не устали? Может, перерыв сделать небольшой, минут на пять-десять?

— Смотрите, дело ваше.

(Неразборчивые реплики из зала).

— Ды нешто дюже старая, что ли? Я могу чятыря часа рассказывать.

8.16.

Вот жил старик со старухой. Жили они бедно, крепостные были, на барина работали. А детей не было. Ну, работать не годны, чяво уж им по восемьдесят. А старуха говорить:

— Старик, ты б, ягодка, учился ворожить.

Он:

— Ды как, старуха?

— Ч-то как, как? Ды вон пошёл бы у суседа на дво.. на дворе лошадёнка лядашшая (*нрзб*). И ночью увёл бы ее в лес, ее прибрал. А я утром пойду попросить жарку избу затопить, печь затопить, ды сказала бы и поворожил бы.

Ну пошёл старик. Чё там в воротáх (*нрзб*). Взял, отвёл в лес, привязал ее за дерево. Старуха утром рано встала. Приходить:

— Здорово живёте!

— Ня сами здорово, дорогая соседушка. Горе.

— Какая?

— Ды лошадь увяли.

— О-о, головушка горькая, да вы б поворожили.

— Ды то думаем, (*нрзб*) к бабке.

— Да к какой тут бабке? Вот к моему старику Пётру Андреичу, ведь он толька руку не оказывая. Яму что и в воду глянуть.

А он небольшой был человек и кучярвенький, жучкём дражнили.

Приходить:

— Пётр Андреич, отец, поворожи, пожалуйста.

— Ды щё ж я? — говорить. — Старуха, приняси непитой воды.

Она принясла. Он налил в чашку, зажёт восковую свечу и глядеть.

— О! Воры лошадь-то увяли, да добрые люди помяшали. Да ведь она на Микитиной поляне привязана. Привязана, два узла, бьется, а то луп, как бы не оторвалась.

Ну у всех свои мысли, знают, где какая поляна. Побяжали — лошадь. Ну и прошёл слух по сялу: Пётр Андреич ворожить.

Пропади у одного старика деньги. Ну вот он пришёл.

— Ка(к) жа, Пётр Андреич, приди, поворожи, пожалуй, деньги.

— Да много?

— Да то ещё мало, двадцать пять цалковых. Вчера лошадь продал.

— Ну шо ж, приду, — говорить. — Кто ж да лошадь взял?

— Да хто ее зная? Дык у ней три сына жанатых, либо баба ай рябята-то, одна старуха знала (*нрзб*). И вот вечярком (*нрзб*) вся сямья дома щас.

— Запирайте двери, закрывайте окна! Тушите каптушку. Приготовили кочета белого снегового? Приготовили. Давайте суды.

Он пошёл к печке, ды по-вашему сажа, по-нашему сыпуха, грязным яво сделал, посадил на лавку.

— Подходите все, три раза кочета бярите, за крылья выше головы подымайте. Кто деньги взял — кочет три раза крикня.

Сел старик сидеть на конике. Спрашивает:

— Все кочета брали? Сколько?

— Два раза?

— Подходите третий.

Кочет всё не кричить.

— Все брали?

— Все.

— Три раза?

— Три раза.

— Мож, кто ня брал?
 — Нет, все брали.
 — Зажигайте каптушку, идите сюды. Давайте руки, глядите, у ва всех грязные, а у старухи чистые.
 — Эх! Как же ж? Да ведь ты деньги-то взяла.
 — Ды то-то, грех попутал. Хотела дочьярям подялить, ну если старику отдам. Оказалси ворожить на сколько сёл. Ишшо одного. Приязжая из чужого сяла.
 — Поедем, Петр Андреич, заплачу.
 — Ды я, г(ово)ритель, приду, тут недалёко, тут вярсты три. Кто ж, думаешь?
 — Ды кто ее зная? У мене семь сынов жанатые, бабы. Денех-то сорок цалковых.
 — Ну, — говорить, — приду.
 Приходя вечером.
 — Вся сямья дома?
 — Вся.
 — Запирай двери, закрывайте, зажигайте каптушку. Давайте Богу молиться. Вот он к столу встал, ворож(ит), они все за спиной. Домолились до двенадцати часов, молчкём зявають, спать хочуть. (*Нрзб*), а он спрашивая:
 — Все (молются) (*нрзб*)? Ну давайте ишшо.
 Молились-молились, сзади они все храпя.
 Он их спрашивал:
 — Все молятся?
 — Мулимси.
 Как он гаркнул:
 — Почаму ня молишься, хто деньги-то взял?
 А средний сын:
 — Нет, — г(ово)ритель, — молюся.
 Ну и хватя, няси. (*Нрзб*).
 Ну что ж тут прошёл слух, что ворожей на совесть.
 Пропал у барина перстень. Приязжають слуги. А прозвишша: один Пузин, а другой Спинин.
 — Здесь ворожей живёт?
 — Здесь.
 — Убирайся к барину ворожить, перстень пропал. Узнаешь, а не узнаешь — на конюшню сечь.
 Тады ведь сёкли. Ну и не ехать — сечь. Старуха перепугалась. Учила ворожить. Он вот обувая лапти. Как вот, она:
 — Старик, я табе, я хлебушка кусочек в карман положила: он защищяя от бяды.
 Старик старый, лет девяносто. Знал много пословиц и поговорок, боле мене. Вот он едя и думая, ну что делать?
 — Эх, — говорить, — пузе-то будя (*нрзб*), спiне-то достанется.
 То есть по спине будут сечь.
 А Спинин:
 — Дедушка! Вот табе три цалковых серябром и перстень. Не говори, а то барин засекё, у мене четверо детей.
 Ну, старик взял, деньги в карман, а хлеб вынул, перстень закатал. Едут по двору, гусей много: сот пять, няльзя по пальцам пересчитать. Он спрашивает:
 — Это барина гуси?
 Он:
 — Все, все.
 «Теженьки-теженьки», — бросил, а гусак проглотил. А он его приметил. И вот барин выходить:

— Ну, старик, умеешь ворожить?

Он говорить:

— Умею.

— Кто у мене перстень украл?

— Да что вы, — говорить, — тебе никто его не крал, его гусак спёр.

— Как можно? Он вот в спальне висел на крючке, там на гвоздике.

(*Нрзб*) Он г(ово)рить:

— Барин, вы не кричите. Вы мене пригласили ворожить, вот я и ворожу. А вы помалкывайтя. Я говорю, что он висел, вы помните. А вот забыли вы яво на день, шли, а он упал, а его гусак склявал, и знаю, какой. Позовите гусей.

Позвали.

— Ды вот, серый грудастый.

Зарезали, скажи, как толька проглотил. Барин удивилси: как можа ворожить! Даже узнал, какой гусак спёр. Приказал старика в столовую, зажарить куру.

А повара г(ово)рять:

— (*Нрзб*) ну мы зажарим ворону, ворожей — так угадаеть. Сейчас и куру (*нрзб*) зажарим. Старика увяли, а там ковры, зеркала, (*нрзб*). То изба там по-чёрному у них топилась, а он стоить:

— Эх, ворожба-то подвязла, семьдесят пять лет работаю на барина, ни разу не обедали. Ворона-ворона, залятела да ня в те хоромы, это он про себе.

А повара-то какие:

— Правильно, дедушка, ворона. Мы сейчас куру подадим, мы думали, ты не угадаешь.

— Да нуу, как это ворожею не угадать? (*Нрзб*).

Позвали яво к обеду.

Вышли, а рабочие взяли косу, какой траву косють, об каменный иструб колодца (*нрзб*). И косу повесили на нитку в воду.

— Дедушка, коли ты ворожей, угадай, что в колодизе.

Он поглядел-поглядел.

— Вот это-то, — говорит, — налятела коса на камень. Значить, он не угадая?

— А и правда, дедушка, коса. Это мы повесили, мы думали, ты не угадаешь.

— Ну как это? (*Нрзб*).

Ну, тут уж насколько сильный. До князя до Барятина, в Анне он был князь, Барятин-то, он был дядей (*нрзб*). Ну вот у него пропала казна, двадцать три тыщи золота. Но пропала давно, уж годов восемь. А слух-то прошёл: ворожей-то недалеко.

Приязжають слуги: к князю ворожить, казна. Приязжають (*нрзб*).

— Ну сколько тебе потребуется, старичок, чтоб ты узнал, хто у меня денех взял?

Старик подумал-подумал:

— На это дело надо, — говорить, — сутки, штоф водки, да хвунт селёдки, да хвунт икры, да булки три, — подумал, — выпью прямо щас.

Вялел князь всё старику показать. Подать на стол и запереть под замок. Бойт-ся убязжить (*нрзб*). А слух-то прошёл, что ворожея-то привязли, денежки-то трое украли. Один говорить:

— Ночь тёмная, ниhto не увидя. Я пойду к няму. Чаво ворожей, — говорить, — да ведь если угадая, нам же пропадать, прям виселица.

Пошёл. А старик думал-думал:

— Да дай выпью, закушу.

Тольки вор под окно, а старик выпил, стаканом об стол:

— Один есть.

А вор как пал на четвереньки. Ползком по саду.

— (*Ребят*), (*нрзб*) ты истинно ворожей. Пошли.

Другой только подходит, а старик другую выпил:

— Два есть.

Они бягом.

— Скорей ты, да чаво там истинно ворожей.

(*Нрзб*) в мяшок. А золото ведь чижёлое. На плячя. Подбгааеть тольки, а старик третий стакан выпил:

— Ну есть.

Они стук-стук об окно, а он навеселе (уж).

— Что, кто там разбойники?

(*Тонким голосом*):

— Дедушка, это мы табе деньги принесли.

А то услышать там на улице.

А он:

— Ня надо мне денех! Отнясите, заройте, где молодая ста́да к лесу приходя, под чухом.

Они схватили железную лопату — бяжать-бяжать. Прибгають в степь, где молодая ста́да ходила, чухала. Вы понимаете, столбы там суковатые стояли, чтобы чясалась скотина. Вырыли, засыпали туды деньги, вытрихнули, завалили, бягом домой. Солнце взошло. Выходить князь (*нрзб*):

— А ну, старичок, ну хто у мене деньги взял?

Он говорить:

— Да что вы, людей-то этих и нету, их искать. А деньги-то все целы. Пойдемте, я укажу, где.

Ну князь со свитой, с жаной, с дятьми, столько у него разных (*нрзб*). Идутъ. Пришел, а старик наперво глядить, иде свежая зямля-то.

— А ну-ка вырывайте чухала.

Вырыли, а там — золото. Князь удивилси:

— Как можно? Ну как же тут и скотина, и пастухи не видали?

Ну, и за это ему золотой дал, всё-таки (черный) труд. Идутъ, а там много навозных жуков, вы знаете, ползють (*нрзб*). Он одного взял.

— А, дед, — говорить, он говорить, — уж коли ты ворожей, угадай, с кем я иду?

Он говорить:

— Да с жучкём.

— Так и есть, жучок.

Этой сказке конец, хто рассказывал — молодец.

(*Аплодисменты*).

Вопрос: умел старик всё-таки ворожить ай нет?

(*Реплики из зала: «Умел», «Не умел»*).

Не. (*Нрзб*). Он пользовалси пословицами, поговорками. Вот такие сказки.

18.20.

Есть сказка очень хорошая. Можно им ышшо одну рассказать?

(*Неразборчивые реплики из зала*).

Вот рассказывал её этот самый Стяпан Иваныч Расстригин.

Верная жана князя Пятра.

В давние времена, когда были князья, жили два брата. Большой брат был жанат. А Пётр, младший — ещё не жанат. Но был он высокого роста, плячистый, полководец харошай и стрялок, на всё он мастер. А энто-то выезжал за границу, по дялам там, туды-суды. А этот всё дома был. Приязжая однажды, а жана очень похудала. Он г(ово)рить:

— Что с тобой, дорогая? Или ты заболела?

Говорить:
 — Нет.
 — А чего же?
 — Да вот невидимые силы являются ко мне в спальню ночью и мене беспокоя. Я вот очень боялась, а теперь привыкла. Ну, как вот избавиться от этого?
 — Убить если явó?
 — Ну ды вряд убьешь. Он такой здорову́ший.
 — Может, нячистая сила, ай колдун, ай хто на самом деле? Ты, — говорить, — спроси у няво. От чаво он можа умереть, хто его победить?
 Вот он приходя ночью, является к ней. Она запёрта под замком, всё, там и слуги, ништо ня видя. Ну она спрашивая:
 — А как же ты лятаешь ко мне, не боисси? Вот у мене муж приехал. Но ведь могут тебе загубить.
 Он г(ово)рить:
 — Нет. Мене ништо не можа. Я толька погибну от булатного мяча и от Пятрова от плеча. А, может быть, его даже родственника. А на... этот меч в Ерусалиме ляжить в йинтаре (алтаре), в стенке закладен.
 Когда он улятел, рассвяло, она рассказала мужу. Он сваму брату г(ово)рить:
 — Пётр, не ты ли такой сильный и храбрый? Нельзя ли нам этот меч найти?
 Запрягли они лошадей, повозки, и поехал(и). Приязжают в Ерусалим, это вот в Турции идей-то. Подкупили этих караульных сторожов, достали этот меч. В стяне, правда, ничаво ня взяли.
 Притаились в спальне такой, где-то за каким-то большим шкафом. Когда он пришел, Пётр сразу выскочил, вдарил и сразу голову отрубил. А кровью яво обрызгал, Пётр. Ну, он помылси, и яво убра́ли, всё.
 Через трое суток такой зуд — что невозможно. Он весь смок, весь стал сыпью (*нрзб*). Ходили они и к ворожеям, и к лякаркам, и к лекарья́м, и к докторам, и к профессорам — никак ня могут ничаво сделать. Ну и поехали с сяла на сяло по сваму королевству искать — можа, кто умея лячить?
 Приязжают к одной старухе, спрашивают. Слуги входят:
 — Вот у нас с князям болезнь такая-то.
 — Надо посмотреть.
 Она посмотрела:
 — Тут я не могу вылячить, — говорить. — Старик вот есть, тут нямного, вёрст сорок, — г(ово)рить, — там старик, спросите такого-то.
 Поехали туды. Старик (*нрзб*).
 — (*Нрзб*) вот в некотором сяле, там от краю двора три-четыре есть девушка. Девушка очень красивая, (*нрзб*). Может, она вылечя. Она кое-кого вылечила.
 Поехали. Приязжают, она сидить, лён прядеть на вертяне. Повидались. спрашивают:
 — Не можешь ли ты вылечить?
 — Надо посмотреть.
 Ну мимо шёл князь. Она:
 — Посмотрю. Да, — г(овори)ть, — это я вылечу. Но что мне за это будя?
 А он г(овори)ть:
 — Что хотите.
 Она г(ово)рить:
 — Женитесь на мне.
 Вот и всё.
 — Жанюсь.
 — Ну, — г(ово)рить, — сейчас.
 Она взяла коровьего маслица нямного и положила туда ртуть. И заставила явó

взбивать, чтобы ртуть простым глазом было видать. Она там рассыпалась на молекулы.

Вот она сидит предя, а он взбивая, страж ждет. Он мяшал, может быть, час-два. Она поглядела:

— Ну-ка ещё.

Вот он вымешал, теперь можно. Чавой-то еще подняла, незаметно насыпала (*нрзб*) совсем крошечку. Он не заметил. Она говорить:

— Вот приедете домой, сходите в баню и всю мокроту не вытирайте, а вот так, чтоб полотенце взяла всё. И смажьте этой вещью. А один пупушек, где хотите, оставьте, на руке... А банку эту, стаканчик стеклянный, каким вот, перякиньте через себе, через речку.

Приехал, сходил в баню, вытерси, намазал. На третий день всё скорлупой всё слятела, нет ничё. Какой и был красавец, такой и есть. А банку-то он через голову через речку зашвырнул.

Наклали несколько подвод. Кажется, восемь или десять, разного шелкового барахла (*нрзб*), в шестерых там мяхá. Повязли дары ей. Привозют и говоря:

— Вот, девушка, вам князь прислал. А жаниться он на вас не можа.

Она г(ово)рить:

— Спасибо. Возьмите назад. Ну куда ж, он не хотел как болеть, куда я буду это беречь? Да мне ничяво́ ня надо.

Пока они назад приехали, он опять такой же болея. Тады он поехал. Приезжая, извинилси, поклонилси, стал на одно колено, г(ово)рить:

— Вы меня извините. Я жанюсь и буду верным мужем на всю жизнь.

Она г(ово)рить:

— А я буду верною жаной. Вместе помрем, и чтобы в гроб на один день и чтобы вместе нас положили.

Ну вот он ее и привёз. Привёз. Приняли они закон, какой был обычай. Вот и жили. Сами эти придворные, все вальможи там и министры, какие были, взво-валися:

— Батюшка Пётр, ня хочють наши жены подчиняться, она крястьянка деревенская, необразованная. Не нужна она. Вы ее про...

Он г(ово)рить:

— Ну не могу я этого сказать. Если она сама поговорить с ними.

Они сделали вечер, богатый бал. Все с жанáми, все вырядились. Пригласили и ее.

— Ды матушка Ефросинья, дорогая наша, вот ведь, ведь вы деревенская, вы крястьянка, не имеете образования, ведь бесчёсно нам вам-то кланяться, вот нашим жёнам. Вы что хотите, то возьмите. Ступайте в деревню и там будете жить.

Она г(овори)ть:

— Ну так что ж...

— Ну что хошь, ну что хошь. Чего вам надо?

— Мне ничяво́ ня надо, кромя́ мужа, князя Пятра, отдайте.

Они там подумали: да и без няво обойдемси.

— Возьми.

Хотели много, пару лошадей запрягать. Она г(овори)ть:

— Не надо. Пётр, будя одна нам лошадь. Зачем нам брать? Возьмем вот на три суток продуктов (*нрзб*) и поедем.

Вот они отъехали за сто вёрст, а тут война, Гярмания напала. Она и стариков, ну я помню на нас, они говорили, всегда нападала.

Да гонцы за ним, догнали эти, под перёд стали на колени, с такими бородами министры просить. А он не ворочивается.

— Не вернусь.

А он полководец был хороший, всё зная, чё ж. (*Нрзб*).

Она г(ово)рить:

— Пётр, няльзя в бяде бросать никакого человека, ни свою родину, ни землю, ни леса и ни поля, ничего. Ты хороший полководец. Давай вёрнемси. Так же не-хорошо, раз люди прбсють.

Вярнулись. И он их побядил, врагов. И вот они живутъ.

Стали они ста-арые. Она сидела, «возд́ух» вышивала, она была рукодельница. Вы знаете, что «возд́ух»?

(Реплики из зала).

Сосуд чем накрывають. У ней там ангелы, ну *(нрзб)* всё-таки работа чистая.

И вот она этот «возд́ух» вышивала. Приходють слуги и говорятъ:

— Ефросинья-матушка, прося Пётр, он помирая.

Она говоритъ:

— Пусть немножко обождётъ. Я, — г(ово)рить, — может быть, дошью. А то без меня кто яво тут, мало ли.

Вот они пошли, сказали. Немного годя он г(ово)рить:

— Нет. Идите, скажите, что преставляюсь совсем.

Приходють, говорятъ. Она г(ово)рить:

— Сейчас.

Она воткнула в «возд́ух» иголочку, замотала шёлком, положила. И прихóдя.

— Ну, — г(ово)рить, — Пётр, я готова.

Лягла, и помёрли. Помёрли они, ну, приказали гроб один. А тут бяз них, чё ж, они умёрли, теперь чаво хош делай. А-а, как? Да в один сроду никого ня клали. Делай два гроба. Сделали, положили. А на ночь вапче у нас такие (повадка) у царей — в церковь носили. Наш брат, по-моему, стоить минут пятнадцать. Прочитая батюшка — и домой. Они там ночявали. Утром пришли — они вместе ляжа.

На другую ночь опять так же. На третью — сделай гроб такой и похорони её.

Это будто бы дед-то говорил, Стяпан Иваныч. Это, говорить, былина или легенда, когдай-то давно это было. Ну вот я ня знаю, как у нас — сказка она или кто? Ну там в ней доказано, что такая жанá-то верная, видите? Что она (спрятала).

(реплика из зала: Анна Николаевна, а от кого вы слышали эту сказку?)

От Стяпан Иваныча. От Растрьгина. Он жил сто восемнадцать лет. Он пчялиновский. Тридцать три года он жил на Битюге, а робил — ловил рыбу. Он имел капкан, он волков живьём брал.

(Реплика из зала: «Он грамотный был? Читатъ умел?»)

У няво, ня знаю. Я знаю, к няму бегали... Такая вот книжечья... во, ну вот как шесть пальцев. «Святцы». Говоря: «Когда праздник?» «Да Ягорий вот двадцать третьего, ещё рано». И был, я помню, вроде, сычас журнал, а он звал календарь. На нём там цари и голубые так вот ленты, там какие-то вот... Ну и вот я и подклеила *(нрзб)*. Вот он эти сказки и рассказывал. Ну вот. А жэ... старуха про-жила девяносто шесть лет. Я у няво спрашивала:

— Ба, дедушк?

Я, дюже он мне нравилси. Я яво любила с детства. Можá, я неправа, вот девки убягутъ, а я всё с ним сижу. Он то хлебушек помажа мядком, то сказки расскажа.

— Чёй-то, бабушка, такое: «Оу! У! У!»? Кричал иногда на молодом месяце (говоря).

— Ды всё...

— Тут Кудяяр ведь был. Он вот, под Тишанкой часовенка-то иде, знаешь? Знаю. Тут монастырь. А Кудяяра изгнали. Кудяяр, у няво была такая дружина... Ну, он бедных ня трогал. Бувало, с сярпами жнешь, а они скачуть. Стояла каланча высокая, там стоить человек. И на палке у няво мятло. Вот все жнуть и поглядывають: как он им поможа от Кудяяра? Скача *(нрзб)*, а тут (кашину с хлебом, в халаты) и всё проскаче (на) *(нрзб)*.

И он этот монастырь разгромил. Ну он, говорят, был Ивана Грозного какой-то брат, потомок, я, говорит, правда, ня знаю. И вот они ночью постучелись, мене дома не было, а она испужалась. Э... поговорка была: Анюта, *(нрзб)*. И чяво ж ты боялась? Люди ды всё. И зимой им хлеба негде взять. Испяки-ка хороший хлеб. Она коврих семь таких испякла, да я с полпуда сала на сарай положила. Утром встала, да *(они)* бы хлеба попросить. Ды вот табе всё и дела. *(Нрзб)*.

А сказок-то много знала, особенно вот эта. Вот это я у няво выучилась, Илья Муромец, Еруслан Лазарич. Это, вроде, любовный какой встретилси сабе *(нрзб)*. Вы читали Еруслан Лазарич?

(Реплика из зала: «Да»).

У мене голос слабоват...

Мы первого приехали
(Да Москву-город) посетить,
А второго в Ярославль
Лимпиаду проводить.
Лимпиада областная
Это *(нрзб)*
И оцениють это люди,
Отличають от жюри.

Там жюри *(нрзб)*.

Александр Сергеич Пушкин,
Жаль, ты с нами не живёшь,
Сочинял бы ты частушки,
Да их ба пела молодежь.
Япония озверела,
На Китай бросается.
А Китай её не боится,
Быстро расправляется.
Тридцать первого числа
(Ды нас) затронула она,
Красной армия (слюна)
Да в один час дала.

А хор говорил:

Это дело было там,
Идэ озеро Хасан.
Это было дело там,
Идэ озеро Хасан.

А после вот частушки у мене были, Лазутин записывал:

Послушайтя, дорогие,
Я вам песенки спюю
Я про матушку-Россию
Да про родину свою.

И где полосы лесные
Да широкие поля —
Это матушка-Россия,
Это родина моя.

Ды ничево было ня видно,
Бугры, горы да пески.
А тепэря ныйборот —
То фабрика, то завод.
А тепэря ныйборот —
То фабрика, то завод.

Бригадиры угодили,
По сену сготовились.
(В её) машины, трактора
Выстроились ны поля.
Дырогия стахановки,
Уборочья вот и вот,
Не забудьте, стахановки,
Что приказывал нам слёт.
Нам на слёте гворили
Урожай высокий дать,
Чтоб пятнадцать миллиардов
Зерна чистого собрать.

А как дальше?

Дальше пыстараться
План надо выполнять,
Чтоб до двадцать миллиардов
Зерна чистого собрать.

Вот так, они ж все такие. У меня есть, кажется, если не забыла, про целину (нрзб).

Я подружку приводила
В казахстанские края,
А сама в Алтай поеду,
Там симпатия моя.
Мы с милёнком поедем
В казахстанские края,
Целину он пахать будя,
Рядом сидеть буду я.

Ну их много. Они у мене записаны.

В стéпи, знаешь, прыгай, мать,
Нам стальные трыхтора.
Комсомольцы, дыбровольцы
Там построят гырода.

Я вот в заключение скажу такую одну сказку.

В стране нашей родимой
Был премудрый человек.
За яво труды-заботы
Не забудем яво век.
Долго будем помнить,
Пройдут десятки, сотни лет.
И тогда люди скажут:
«Был премудрый человек».
Это был великий Ленин,
Он известен на весь мир.
Он трудящихся рабочих
Из неволи выводил.
Он нас вывел на свободу,
Путь счастливый указал.
С тех времен в стране советской
Человек счастливый стал.
Дорогой товарищ Ленин,
Ты проснися хоть на час,

Посмотри-ка своим оком,
Что в стране сейчас у нас.
Какие фабрики, заводы,
Как красивы города,
От начала ещё века
Никто не видывал никада.
С нами партия родная
Счастья, мира и труда.

3.59

— Может, вопросы у вас какие-нибудь есть? Анна Николаевна, ответите, если они спросят?

— Если сумею, отвечу.

— А звать как (*нрзб*)?

— Пятра первого? (Ефроси... Ефросинья). Вы знаете, в сказке так рассказывается. Вот я так могу начинать. Это уж я сама придумала. Вот жил старик со старухой. Жили они бедно-прибедно. Ды яво звали там Данила, про няво хтой-то там говорил. А дело было давно, забыла, как старуху-то звали. Да что нам до ее званья? Назовем Маланья. Ай Наталья. Это просто такая начбла. Всё там, в некотором царстве, да не на небе, а на земле (*нрзб*). Это начбла такие. Вот я считаю, что сами это люди, тады сказители. Можеть, они все сказки. Вот когда их стали записывать? Говорят, с четвертого, что ли, века, я ня знаю. Но я-то почему, я ведь немножко, ребята, (не правы). Мне было только десять... год и семь месяцев, я сломала ногу. Но вот когда дошш, на работе, в ночном. Там мужчины, а тут девки. Ну вот играют песни. А дошш, они плясать на улицу. А курень он, вот отсюда солома вот так, туды на четвереньках проползешь, там соломы воза два, нас человек (пятьсот). То русские, (бродовские, садовские, курлацкие), все там. Ну вот сказки рассказывая. А я деда слышала, когда я вот жила маленькия, беленькия, лапочками (*нрзб*). Он увидел, как дитё кувырнулось (*нрзб*). Я уж йих забыла и какие, какие он мне рассказывал. Я уж и ня знаю. Вот. И вот я рассказывала сказки. И не стала ими нуждаться. А потом, когда вот в Москву-то я уехала с хором, и вот я эти частушки пела. И мене вызвал корреспондент «Правды» и профессор Помяловский. Ну я, правда, дюже там, у мене аж в горле перясохло. Мне казался он дюже (рубчистый). Ну что у меня шестеро детей, (*нрзб*). Все там разнаряженные, а я сроду (*нрзб*) щас-то я богатая, а то платочек-то из ситца (*нрзб*). Ну посадили мене в кресло. Ко мне корреспондент «Правды» начал говорить (*нрзб*), ведите себе покойно. Ня ценится, что на голове, а что в голове. Нам безразлично (*нрзб*). Он догадался. Ну вот они мне сказали, что будете рассказывать, и всё это хорошо, всё это к делу. Ну я (*нрзб*) стала работать. А тут они сообщили. Я пёрво была обратилась к Пявцову. Ну он поглядел на мене. Видить, что я человек... Есть пословица такая: «Отёсывывите в Воронеже, выстраивайте в Москве». В части образования. А я уж нигде, вроде так. (Балашка), ну вот. Он на мене поглядел и ничего мне не сказал. Я написала, переписали девки сказки. Я принесла штук восемнадцать, что ли, или двадцать. Он не взял. А потом я пошла к Танкову, Вячеслав Алексеич Танков. Теперь он мне сваха. Он в музее был директором, Никитина. Он у мене взял, прочитал. А потом не сколько сказок спросил. Я ему рассказала больше тридцати сказок. И первой книга вышла в сорок первом году в январе месяце. А тут весной война. Так их не осталось. Но у меня одна есть. Была в музее, было нужно, когда в Москву меня писательницей принимать, я ее, ну Михаил Михалыч дали отсюда, значить э... расписку, под расписку. А то из музея нельзя давать книжки. Вот. А у мене были еще, купила январские. Отослали. Одна у мене есть.

Вот я стала сказки рассказывать. А песенницей я была дюжей. Я знаю и вели-

чальные, и хороводные, и плясовые. И вот знаю, вот, девочки, какая трудная была замужества. Она и сейчас нелёгкая.

(Смех).

Нет. Вы знаете, что? Я вот скажу. Может быть, немножко я заблужусь, неправильно, но вы (*нрзб*).

Всё-таки говорить, что мы равноправны. Но мы не равносильны. И из ста человек выраживается умная женщина. А мужчин больше. Вот, например, у нас есть правительство. Там ведь одна женщина, а то всё мужчины. Я вот покойнику своему мужу бывало что-нибудь скажу: «Теперь мы равны». Он г(ово)рит: «Когда там будет тётка, (а то дядя)».

Сейчас мяшуют девочкам, она как выйдя. Вот, вы знаете (*нрзб*). Если б я была вот такой начальник. Ну вот ня как у вас, а тут кто вышло управляя профессорами? Там облоно или кто?

(Реплики: «Ректорат. Министерство»).

— Во! Министерство. Я бы сказала: «Отпуск закончился. Сдали? Сдали. Два месяца работать». Чтобы знали труд. А она выйдеть (*нрзб*) и дитя ня хочеть, старикам прям погибай. Одна работая и мать работая, мать кубовую топя (*нрзб*), она инженер. А у ней девочка пять лет. Она один день не постирала. Она говорить: «Мам, какая ты бесчеловечная! Почему ж ты на Галочке не постирала?» «А у тебе из чего же руки-ты? Ай кринки?» Надо работать, рябят. Когда буде хлеб, буде мясо, буде яйца, буде молоко, будут фабрики, будут заводы, будут (*нрзб*). И всё-таки, кто ня кушал гурькиво, не покушая сладкого. Что из себя воображают? Если уж он институт закончил, умея он (*нрзб*) читать, считать, писать. И я сочту денег. Ну? Так надо всё-таки как-то вежливым быть и надо труд любить. Ведь не можем мы на одних машинах. Ведь машины вам ня надо бы было и говорить моё дело, она же мяртва без человека. Вот там буде эляктричество, надо же толкнуть это, когда они поползуть-то эти машины, трактора (*нрзб*).

А вы, девочки... Вот они выйдуть, она говорить: «Давай вместе обедать». Да что это такое? Ведь няльзя же так. Вот говорить так: мы будем равноправны. Ня можем! Я вот буду равняться, скажу, платите мне жалованье, как врачу! И давайте мне машину, я буду ездить, вот профессоры. А он прийдя, керосинку-то затупя, иголки прокипятить, скажа: «Анна Николавна, опярация». А я... не умею делать. Вот мы ня можем так. Ну и дюже козыряться грамотным, высоко себе нести нельзя. Иные люди: выучились и хотить восемь человек у порога становить и ноги вытирать. Этого няльзя.

Вот был Лев Николаевич Толстой. Почаму яво называли, Ленин, что ль, мужик и барин или кто он, князь. Почаму он всё делал? И никогда он не ругалси на прислух. Как прислуга жил.

Вот в одном месте жила (*нрзб*) волк. (Волк шкуру содрал) (*нрзб*), а голова-то, (мосол-то у неё). Вот каждый день (*нрзб*) яво (*нрзб*). Это в Каменской станице жил, на природе. Вот там (*нрзб*) сделал. Она приходит, старуха: «Ты ее сюды головой клади. Ня надо ее переворачивать». А молодая свое скажа, (*нрзб*) куды яво (*нрзб*). Это она видя, что, вроде, я ничяво ня делаю. Теперь жила я... Там была кухарка. Я ей подчинялась. Нас горничных две. Там была красивая горнишная, на стол подавала. Там она придя (*нрзб*), а ножей горы: там каждый день вейярьб. Что ножи в пятнах? Пахнуть кушаньем, перячисть. Ну а как же? Сейчас перячистила эта, кухарка. Вот она ушла. Ну чистить надо. Да няхай она, пралич ее (*нрзб*) сама их чистя. Она их на этот бок накрыла скатертью. Приходя. Глянь, перячистили. Пряма (не поверила), сама вот гляжу, право слово, вот как доверишь (ей). Правда, ня (чисты были). Ну (*нрзб*). Она же, говорю, она (богатая). А мы ведь тоже люди.

Без людей на свете жить няльзя. Няхай будут. Чё-то вот сколько тут сидите все грамотные. Если вам ня дать хлеба — и вы никуды не (*нрзб*), вы помрёте. Люди

ведь одни пишут, читают, учют, лечют, а энти обрабатывают поля. Ведь вот так люди есть. Вот я знаю. Я всё помалкываю, гляжу. Ды что же, приязжал Никита Сяргеевич. Шумели: «Мяса! Мяса!». Вроде, он привёз в кармане, они шумели (*нрзб*). Ведь её надо скотину ту поить да кормить, ды ей корм готовить. Ведь он только год как у вас, за старшого (*нрзб*) вы же должны все-то чавой-то делать. А теперь: у-у, ды послали кукурузу убирать детей. Да почяму ж ты-то убирала, кажная (мать), что же я-то. Я умею... И косила только овёс, рожь чижало. У купца за коровой (убирала). И сажать, и полоть, и поливать, и шить, и мыть (*нрзб*), и прясть, и ткать, и вышивать, и скатертя забирать. Правда, кружава не умею. Никады их (не делала) (*нрзб*). Надо труд любить — это в первую очередь. И стариков почитать. Раз сказали нельзя... Вот если б я ещё был учитель, как пришла, уж не про вас (прок), а вот в школу, в пятый класс, в шастой, уж (*нрзб*) волосы подстригла, вроде буря по голове прошла. Колени у ней наружу. Даже я видала картину: учительница указывая, это годов (*нрзб*) (вот в Утюжке ж). А у етой у девочки-ты первый класс, то есть у ней-то как решато (*нрзб*) волосы (*нрзб*). Почяму же? Ведь ценится что в голове. Не причястаться, так чудок повежливей, и на десять сантиметров закрыть колени. Это безобразия, страм, стыд, позор, позор, девушки!

(*Смех*).

Вот анадьсь на собрании вы были? Виктор Иваныч (говорит). Значить, одна учительница приходить, глаза понаплакала там. У нее (*нрзб*). Ну вот одна девочка, ну чего ей четырнадцати нет, пришла — на ней тут часики, тут маникюр, тыт это всё взбудоражено. Ну матерю позвали. Она: и что же? Мой ребёнок, как хочу, теперь мода. Ды какая же ребенку мода? Кабы ей было девятнадцать. Ну какая мода? И на что ей часы? А вот у меня унучка, я говорю, вот когда в институт сдашь — будут табё и часы золотые, я в банк, говорю, кладу. Я тебе всё. Ну для чавой ей часы? Чи б их сняли да (*нрзб*).

(*Смех*).

Ды вы знаете, ученики какие неблагоприятные. Ведь учитель всё-таки он тоже закончил институт. Большие труды. Одному ышшо лёгко дается, а другому очень тижало. Память отсутствует, сколько труда! С няво спрашивает там какая-то гороно да облоно, да какая-то министерства (*нрзб*). Чтоб, говорить, были люди. А он никак. Значить, приходить, учительница спрашивая. А тот (*нрзб*). Отвячай. Я ня буду. Почяму? Ды я урок не готовил. Другой, третий. Она заплакала, бросила (*нрзб*), разве можно так? Разве можно? Я знаю, кажный ученик три раза прочитал — на три, это чятыре на чятыре. Пять раз прочитая на пятёрку ответа. Ты же сабе кусок хлеба так зарабатываешь, а не учителю. У учителя уж есть и хлеб, и булки. И чай, и сахар. Сабе. Надо учиться грамоте, вежливости, скромности. И учи. Вот есть песня «Первая моя учительница». Учитялями надо дорожить. Потому что родители с себе вроде хомут сбросили. Как учить отдала, чтоб ты вышел человек. Шо ж ты выйдешь так это, ни туды ни сюды? И девушка должна быть гордой, собой гордиться. (*Нрзб*).

Ну вот. У вас хто же тут на пятёрки-то учится? А то я приду, спросють. Ну я скажу. Ну вот подымите руку, кто пятёрошник?

(*Неразборчивые голоса из зала*).

Э-э-э, как слабо учатся-то. А учитель... А пять-чятыре?

(*Голос из зала: Есть, есть такие*).

Есть, да.

(*Голос из зала: Есть, они скромные, стесняются*).

А на тройки?

(*Голос из зала: Есть*).

О-о-о.

(*Смех*).

Больше не могу. До свидания. Я бы и ня стала с ними разговаривать, с троишниками.

(Неразборчивая реплика из зала).

Ну, мало. Подтянитесь, подтянитесь.

(Неразборчивая реплика из зала).

Как, двое?

(Реплика из зала: «Нет»).

Да ты шо?

(Смех).

(Реплики в зале: «Есть у вас вопросы еще? Нет...»)

Разрешите от вашего лица тогда поблагодарить Анну Николаевну).

Расшифровка аудиозаписи преподавателей филфака ВГУ
Т.Ф. ПУХОВОЙ, М.В. ПАНОВОЙ, Г.В. МАРФИНА,
а также студентов-филологов Н. САВЕЛЬЕВОЙ,
А. БУХАНОВОЙ, Г. ПАБЛО

Татьяна Мануковская,
*кандидат филологических наук,
заведующая музеем народной культуры
и этнографии ВГУ*

ГОЛОСА ВРЕМЕНИ

(Воронежские народные песни
в записи С.А. Ананьина)

Воронежская область всегда славилась своими талантливыми исполнителями и богатым песенным репертуаром. Фольклорные записи, сделанные С.А. Ананьиним в 1936 году и сохраненные в личном архиве преподавателя-фольклориста А.И. Кретьова, представляют несомненный интерес для работников вузов, студентов-филологов и музыкантов, для всех ценителей фольклора. Экспедиционные материалы 1930-х годов очень важны для нас. В них отражены черты крестьянской жизни начала XX века и элементы быта нового времени. Большой удачей оказалась хорошая сохранность записей, их грамотная систематизация. В статье мы ставили перед собой определенную задачу: выяснить, что больше привлекает крестьян — песни с традиционной тематикой или с элементами новой жизни.

С.А. Ананьин разместил песни по следующим разделам: обрядовые песни (календарные и свадебные), необрядовые (любовные, семейно-бытовые, трудовые, исторические, солдатские, тюремные, шуточные и плясовые). В отдельные группы объединены песни литературного происхождения, песни-переделки, баллады, мещанские романсы и детский фольклор (здесь и далее анализ песен производится по сборнику «Сказки и песни Черноземного края») [6].

Раздел «Календарно-обрядовые песни» в сборнике один из немногочисленных. В него входят 3 обрядовые песни: таночная «В леле с гор-горы катилось» [№ 1, с. 103] и две жнивные: «Что за горя и забота» [№ 2, с. 104], «Ребята молодые, что вы рано приуныли» [№ 3, с. 104], но эти календарно-обрядовые песни уже не зафиксированы в сборниках фольклора Воронежской области, поэтому особенно ценны. Таночная песня «В леле с гор-горы катилось» (как обычно, все таночные) исполнялась на Троицу двумя группами певиц, которые в такт музыки рядами поочередно двигались навстречу друг другу. Часто в календарных песнях применяется композиционный прием — диалог. В данной песне в виде «торга» идет противопоставление молодца и девушки:

У нас дешевы молодцы,
За молодца лык-пушню,
А за хорошего два дают,
А за пригожего — три дадут.

[№ 1, с. 103]

Ситуация повторяется дважды, поскольку в диалоге участвуют две группы исполнителей, одна из которых хвалит «молодца», другая — «девушку»:

У нас дороги девушки,
За девушку 100 рублей,
За хорошую — тысячу,
За пригожую — сметы нет!

[№ 1, с. 104]

«Два основных цикла человеческих эмоций — радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями — составляют основное содержание народных лирических песен» [4, с. 207]. Лирические песни отличаются большим тематическим разнообразием. Здесь и величания невесте и жениху — «Черемушка, черемушка» [№ 14, с. 112], тоска по любимому — «Шел Ваня дорожкой столбовой» [№ 2, с. 117], жалоба на бесправное положение замужней женщины в семье с нелюбимым мужем — «Девки-шапутинки, молодые бабы-шалудивки» [№ 8, с. 151]. Любовные песни полны тем расставания и одиночества. Так, в песне «Черемуха, черемуха моя» [№ 41, с. 140] девушка жалуется, что «Подушечки потонули во слезах / Тебе, милый дожидаясь»; «Отъезжая, милый, оставляя» [№ 38, с. 139] героиня на ночь кладет под подушку «с руки перстень золотой», чтобы увидеть своего дружка во сне.

Фольклорная лирика сюжетна, в отличие от лирики литературной. «В народной лирической песне сюжет всегда есть, как бы он ни был мал и слабо развит» [1, с. 10]. Его можно назвать лирическим повествованием. Так, в любовной песне «Не в любви ни белое личико» [№ 6, с. 150] рассказывается, как свекровь невзлюбила раскрасавицу-невестку, как не знала, «чем их разлучить. / Разлучила матушка во единый час». Посылала она сыночка в поле работать, а «молоду невестушку / Ленюк выбирать», при этом жестко приказывала:

Не выберешь лопушку,
Не ходи домой,
Ляжь ты под бороздушку,
Зарасти травой.

[№ 6, с. 150]

Для народных песен характерным композиционным приемом являются *повторы однокоренных* («с гор-горы», «далеко-далеко», «дворы-дворики», «хмель мой, хмелюшка», «горе горевать», «по лугу, по лужочку», «туман притуманился», «голубой голубеется», «ум-разум», «живет-поживает», «гость гостюя», «присушила сухоту», «туман притуманился», «огонюшку — огню нет», «Волга-Волжица», «правдешеньки — правды нет») и *синонимичных слов* («лык-пушню», «грусть-тоска», «не стошнитса, не сдурашнитса», «сохнет-вянет», «не целуешь, не милуешь», «песком-илом занесло», «пить-есть не хочется», «ходила-гуляла», «воля, ты неволя», «зимушка-зима»). Для удобства пения слоги «распеваются», «огласовываются», причем гласная «о» обычно заменяется на «ы» («кЫ двору», «вЫ торгу»).

Выразительны в традиционных песнях *эмоциональные эпитеты* — «В леле с гор-горы катилось» [№ 1, с. 103]: «девушка хорошая», «девушка пригожая». Композиционные приемы выделения и идеализации сконцентрированы в последних словах данной песни: «За пригожую — сметы нет!» Многочисленные эпитеты подчинены целям идеализации: «дружок милый», «шляпа пуховая», «пинелюшка новая», «хмелиная пирушка», «веселая беседа», «жаркая птица», «из-за лесу темного», «гвоздочки позлаченные», «подковки серебряные», «перстень золотой», «кони вороные», «золотая клеточка», «сизый голубь», «штык стальной», «пуля быстрая», «ворота новые, кленовые, решетчатые», «мосточки калиновые», «пярина пуховая», «кро-

вать тесовая» и др. Эпитеты лирических песен почти исключительно бытового характера, поскольку раскрывают любовные и семейные отношения. Для традиционных песен характерно использование постоянных эпитетов: «на вороном коне», «штук стальной», «пуля свинцовая», «шашка острая», «пуля быстрая», «Гробовая доска», «мать-сыра земля», «сине море», «весна красна», «раны больные», «чужедальная сторонка», «родна матушка», «белы руки», «зеленая дубрава».

Характерной особенностью народных песен являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, многочисленность подобной лексики: «головушка», «сударушка», «душенька», «невестушка», «хозяйушка», «кусточек», «мосточек», «писарёчек», «слединьки», «неделюшка», «без дождичья», «неделюшка», «извозщицки», «кроватька», «дьяружечка», «солдатушки молодые», «кузнец Петрушка». Основная композиционная форма — описательно-повествовательная часть плюс монолог или диалог, но в чистом виде они встречаются не всегда. Стоит отметить, что в песнях диалогической композиции ее части неравны по размерам. Обычно речь первого героя менее развита и имеет подчинительное значение. Основное содержание выражено в словах второго героя (девушки), которая и является в песне лирическим героем, как в таночной «В леле с гор-горы катилось» [№ 1, с. 103].

Различные композиционные формы и приемы отмечаем и в жнивных песнях «Что за горя и забота» [№ 2, с. 104] и «Ребята молодцы, что вы рано приуныли» [№ 3, с. 104]: *повторы* («что за горя и забота», «дружку-дружку»), *аканье/яканье* («с поля скорЯй приубраться», «сЯдлайте вы коня», «бЯрите вы седлы», «Язжайте в поля»), *смягчение окончаний* («день и ноченькЮ», «девка просо поля»), *диалекты* («зажинать» — в значении «убирать»). В обеих жнивных песнях показаны реальные стороны крестьянской жизни: «яровой хлеб зажинать», «девка просо поля», «поля яровое», «беряги рукавицы», «положи на пашцы». Лирический герой традиционных песен — всегда простой человек, крестьянин, поэтому и пел он о том, что ему близко.

Раздел свадебных и лирических песен богат символическими образами, отражающими древние представления народа, устойчивыми картинками-формулами. Чаще всего они связаны с птицами или животными: «лебедушка белая», «утушка серая», «гусынька», «кукушечка», «черемушка, лазоревый цвет», «березынька» — образы девушек; «селезенюшка сиз-касат», «соколик», «мерин гнедой» — образы молодца. Символический мотив «убить лебедушку белую» означает взять замуж, «перейти по досточке» — посвататься, «свить гнездо» — создать семью, «стал цветочек падать» — милый разлюбил.

Помимо символических образов, в свадебных и семейно-бытовых песнях довольно часто в диалогах участвуют члены семьи, рода: «сударь-батюшка», «сударыня-матушка», «деверинушка-девярек», «невестушка», «муж», «жена-сударыня», «тетя ласковая», «маменька родная», «свашенька», «любезная семеюшка», «кумушки-голубушки». Постоянно присутствуют и такие традиционные образы, как «сердечко ретивенькое», «головка спобедненькая», «красна девушка», «золотая уда», «терем высокий», «куст рацитов», «кровать тесовая», «голова кудрявая», «кудри русые», «грудь белая», «коса русая», «перины пуховые», «перстень золотой».

В песне «Ехал Ваня из Рязани» [№ 43, с. 142] переданы отголоски традиции в семье, когда жениха выбирали родители. Героиня песни говорит:

Не сама я, девка вольна,
Родители на то есть.
Родители, учителя,
Сильно замуж отдают,
Моим словам не веряют.

[№ 43, с. 142]

Композиционный прием *психологического параллелизма* особенно распространен в свадебной лирике. Так, в песне «Селезенюшка сиз-касат» [№ 10, с. 110] открывается символической картиной природы, после чего следуют образы человеческой жизни. «Общая схема психологической параллели нам известна: сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием» [3, 144]. Одна картина связывается с другой по принципу «цепочной» ассоциативной связи:

— Селезенюшка, сиз-касат,
А молоденький бел-хохлат.
Не бывал ли ты на морю,
Не видал ли ты утушек?
— Ох, как не бывать на морю,
Ох, как не видать утушек,
Плыла утушка с камушка,
Плыла серая с трясничка.
За ней утушек три ряда,
За ней серые четыре.
И усе серые пригожи.
Одна утушка лучше всех,
Одна серая пригожей.
Она пёрышком порябей,
Она крыльями позвончей,
На головушке бел-хохол.

[№ 10, с.110]

Картина природы не имеет самостоятельного значения. Основное смысловое содержание разыгрывается в картине человеческой жизни. В данной песне — это представление молодца: «Тимофеюшка бел-румен, Александрович чернобров». Он ищет себе парочку среди девушек (а они «все хороши, / Усе красные пригожи») суженую, которая всех «пригожей»:

Она косой порусей,
Она щёчками порумяней.
В косе лента алая,
Наша Олюшка бравая.

[№ 10, с.111]

В свадебной и любовной лирике часто встречается композиционный прием *идеализации*. Так, в песнях «Думаю, подумаю» [№ 27, с. 133] героиня описана, как «... тонка она и высока, На листу была широка»; «Вдоль по лугу» [№ 7, с. 108] — «Красна девушка, гарньюшенька»; «Шел я, мальчик, примарился» [№ 8, с. 120] — «Лицом бела, как платок, Брови черны, как шнурок». Отмеченные композиционные формы и приемы, как повествование и описание + монолог или диалог, образный параллелизм, ступенчатое сужение образов, повторы, принцип «цепной» связи отдельных картин, прием выделения и идеализации встречаются во многих песнях, помещенных в данном сборнике. Они находятся в тесной связи и взаимопроникновении, с ведущей ролью того или иного приема: «А ох да, что ж ты, гусенок, один на воде?» [№ 15, с. 112], «А горькая кукушечка, зачем же ты скуковалась?» [№ 10, с. 121], «Сохнеть, вянуть во полюшке травка без дожжечка» [№ 3, с. 118], «Птичка-невеличка по полю летая» [№ 35, с. 137], «Твяли, твяли алые твяточки» [№ 33, с. 136], «Ох, выпадала порошица» [№ 4, с. 149] и др.

Цифра «три» имеет в фольклоре символическое значение, и она часто встречается в лирических песнях. Так в свадебной «Да один вьюн по реке» [№ 9, с. 109] ситуация традиционно повторяется трижды, три раза «Иван у ворот называет»

ся», но лишь в третий раз ему вывели «Аннушку и Ивановну», на что жених отвечает: «Вот это мое, дарованное».

В любовной песне «Аринушка коровушку доила» [№ 25, с. 132] героиня трижды обращалась, «...окликала своо родного батюшку, /Ох, я кликала да не докликаласи». Затем девушка звала свою «маменьку»: «Да я кликала, не докликалась./ Показался мне лесок невысок./ Не доходя до маменьки голосок». В третий раз Аринушка «кликала Ванюшку-дружка.../Да эх, доходя до Ванюшки голосок».

В песне «Эй, Данюшка, Данюшка» [№ 13, с. 112] героиня, «девка-семилетка», разгадывает три загадки, которые ей загадал сын купецкий:

— И што растет без кореньев,
И што цветет без алого цвету,
И што шумит без буй-ветра?
— Цветет сосна без алого цвету,
Шумит вода без буй-ветра,
Растет камень без кореньев.

[№ 13, с. 112]

Характерным приемом в народных песнях является использование глаголов многократного действия, как в песне «Матушка, ня можется...» [№ 7, с. 184]:

Она на улицу не хаживала
И с ребятами не стаивала,
С холостыми не балакала.

[№ 7, с. 184]

Традиционно женщина в патриархальной семье должна быть покорной. Но устное творчество донесло до нас новые настроения, где отношения в семье порой не гладкие. «Мы сойдемся — побранемся, /Разойдемся — бросимся» — поется в песне «Выйду ль я на горушку» [№ 17, с. 126]. Неверность девушки и жестокость молодца проявляются в диалоге героев песни «Из-под зорюшки-зари» [№ 42, с. 141]:

— Ты скажи, скажи, даячонка,
Скажи правду всея.
— Усю правду расскажу,
Не одного тебя люблю.
Любила молодца,
Старооскольского купца.
Старооскольский купец,
Неженатый молодец.
Развернул правую руку,
Вдарил девку по лицу.

[№ 42, с. 141]

В любовной песне «На реченьке была, рубашонки мыла» [№ 16, с. 125] девушка приглашает милого прийти к ней ночью в одной рубашке. При этом героиня хитрит и обманывает старого отца:

Стало бело рассветать,
А я с милым горевать:
Куды мне его девать?
Посажу его в подол
И понесу во двор.

[№ 16, с. 125]

Непокорность, непослушание и свободный нрав девушки переданы в песне «Вот, кумушки-голубушки, напоили вы меня» [№ 4, с. 118], где героиня вольно разговаривает с «батюшкой родименьким»:

Кады будешь журить,
Я больше того буду шалить,
Во царев кабак ходить,
Целовальничка любить.

[№ 4, с. 118]

Темы пьянства, похмелья с вина, жестокости мужа нередки в любовных и семейно-бытовых песнях. Так, мотив «пил, гулял, ей ублажал» является главным в песне «Как запил, загулял с красной девушкой» [№ 29, с. 134]. В песне «Воробьюшка, воробей» [№ 10, с. 152] уже в начальной картине природы говорится о пьянстве неженатой молодежи:

У нашего воробья
Болит больно голова
Сы зяленого вина,
Су черешнего похмелья.

[№ 10, с. 152]

Целая драма разыгрывается в песне «Долина, долинушка» [№ 7, с. 150]:

Ходил-гулял молодец,
Не пьяный — шатается,
Не хмельной — валяется.
Увидала яго мамушка
С терема из оконушка:
— Дите ж ты мое, дитятко,
Дите мое милое,
Что же ты не женат ходишь?
Что же ты холостым живешь?

[№ 7, с. 150]

Тема осуждения пьянства проходит даже в шуточных, как, например, в песне «Ох ты, милый мой, голубчик мой Касьян» [№ 8, с. 185]:

Двадцать девять дней бывает в феврале,
А последний день — Касьян
Спит на земле.
Для него же тут
Зеленое вино —
Уж особливо пьяно,
Пьяно, пьяно.

[№ 8, с. 185]

Запечатлены в фольклоре и случаи пьянства женщин. Мотив «не могу встать я с похмельица» читаем в песне «Я зайду, пройду вдоль по улице» [№ 26, с. 132]. Часто на это толкает женщину несладкая жизнь замужем — песня «Девки-шапунтинки, молодые бабы-шалудивки» [№ 8, с. 151]:

Вы, девушки, поиграйте,
А молодухи — попляшите.
Вы пляшите, не спешите,
Мене, молоду, не дражните.
У мене, молодой, муж рявнивый,
Раканалья кропотливый.
Сам на улицу не ходя,
Мене, молоду, не пуская.

[№ 8, с. 151]

Христианство и патриархальность имели глубокие корни на Руси, неслучаен, поэтому, в песнях мотив осуждения своих грехов на стороне — «Все куры на населе, кочет на пороге» [№ 6, с. 184]:

У нашего у двора
Погорела лебеда.
Отчего погорела?
Худа слава надоела.

[№ 6, с. 184]

Осуждались в народе небескорыстные взаимоотношения молодежи. Герой песни «Люба, ты Люба моя» [№ 44, с. 143] откровенно говорит, почему он долго не женится:

Я надеюсь на денежки,
А жанюся я на девушке,
На ближайшей на суседушке.

[№ 44, с. 143]

Эта тема развивается и в песне «Из-под зорюшки-зари» [№ 42, с. 142]:

Уж ты, молодец, дурак,
Не ходи ты к девкам так,
Понеси ты рублей пять,
От печали пятьдесят.

[№ 42, с. 142]

По своей тематике любовным и семейно-бытовым протяжным песням (последние С.Г. Лазутин называл «голосовыми», «проголосными») близки хороводные, игровые и плясовые песни. Согласны с С.Г. Лазутиным (и это является главным отличием от протяжных песен), что «отношения между юношей и девушкой, между родителями и детьми изображаются не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они должны быть» [5, с. 62].

Шуточные и плясовые призваны создать хорошее настроение у слушателей — песня «Из одной московской дачи» [№ 15, с. 189]:

У нашему у трахтире
Сидять девочки красивы,
Очень хороши.
У одной затылок бритай,
У другой глаз подбитай,
Третья без косы.

[№ 15, с. 189]

В основе шуточных лежат события реальной жизни, например, песня «У нашего господина» [№ 5, с. 183]:

У нашего господина
Разыгралася скотина.
Овцы-уловцы,
Куры-пташки,
Пегухи-ромашки,
Свиньи Аксины,
Телка Матрюшка,
Бык Корнюшка,
Коза Улита,
Козел Микита.

[№ 5, с. 183]

Исследователь Н. Бачинская отмечает, что «русские хороводные песни в громадном большинстве состоят из строф, не имеющих смысловой законченности. Полное распространенное предложение обычно распределяется в них между несколькими строфами» [2, с. 51]. Характерная особенность хороводных песен заключается еще в том, что строфы в них не связаны друг с другом и перемежаются постоянно повторяющимся припевом, например, песня «Как настал голодный год»:

Припев: Гой гир, гир, гой ра,
Голодал увесь народ...
Припев.
Как с галерки я летел
Припев.
Лаптем барина задел.

[№ 19, с. 190]

Забавный припев в песне «У мене, молодой, муж гнядой» [№ 3, с. 148]:

У мене, молодой,
Муж гнядой.
Припев:
Виндюрена, виндюрена,
А виндюр виндеря.
Мои ж детки кари,
Мене, младу, старили.
Припев:
Виндюрена, виндюрена,
А виндюр виндеря.

[№ 3, с. 148]

В песнях, записанных С.А. Ананьиним, мы отметили ряд топонимических названий как общерусских, так и местных: «Вы Рассеюшке, славном Петропавлове» [№ 11, с. 167], «За Кубанью, за рекой» [№ 10 с. 166], «Ехал Ваня из Рязани» [№ 43, с. 140], «На Елецкой на сядло» [№ 41, с. 140], «И в Ташкент нас прикатил» [№ 19, с. 190], «Да ходил бурлак сим год по Крыму» [№ 13, с. 154], «Враг-германец выходил» [№ 3, с. 163], «В ощельях, Карпатских горах» [№ 5, с. 161], «Временно в дали Иркутской» [№ 11, с. 178], «Из Москвы бежал, он бежал без шляпы» [№ 2, с. 158], «Проходили мы Амурские поля» [№ 18, с. 171].

Определенные жизненные реалии уже ушли из современной жизни, но детали старой жизни сохранились в песнях, например, долгая упоминание о долгой службе в царской армии — песня «На горке, на горе» [№ 12, с. 167]:

На горке, на горе
Собиралися паны
И приказывали:
— Ты служи, служи, сынок,
До пятнадцати лет.

[№ 12, с. 167]

В народных песнях упоминаются некоторые детали крестьянского костюма. Он является уже музейной редкостью и мало сохранился в селах. Так, в песне «Ох, выпадала порошица» [№ 4, с. 19] даны некоторые детали одежды молодой замужней женщины: «Ты плети, муж, лапти, /Завивай оборки»; «лапти-оборки» в песне «Я пойду к обедне» [№ 4, с. 149]. Богатый костюм девушки описан в песне «Воробей, воробей» [№ 10, с. 15]:

Уж ты, батюшка родной,
Подаржи меня годок,
Купи, милый друг, платок.
Я платочек повяжу,
На перед крылья завяжу,
Вдоль по улице пройду...
Подзатылень с блесткам,
Поди, жана, с слёзками.
Юбочка шитая,
Поди, жана, битая,
Повязочки с узором,
Поди, жана, с позором.

[№ 10, с. 15]

В песне «Нарядили бабку» [№ 17, с. 189] прослеживается антирелигиозная политика советского государства и высмеивается нечестность служителей церкви. Упомянутое слово «цепы» уже относится к прошлому быту крестьян, значение его уже не понятно современной молодежи:

А поп с кровати
Пошел воровати.
Поповы ребята
Горох молотили,
Цапы поломали,
В лес помятали.

[№ 17, с. 189]

С победным эпатажем в солдатской песне «Из-за лесу, лесу конная мечей» [№ 18, с. 171] описывается, как «рота коммунаров-лихачей» боролась с белогвардейцами, как «притащили Колчака за волоса» и «кровь буржуйская лилась, как струя» [№ 18, с. 171]. Многие исторические события сейчас переосмыслены. Тюремные песни полны реалий жизни, в них используется соответствующая лексика: «белый каменный острог», «тюремный замок», «казенный дом», «острог», «Александровский централ». 30-е годы XX века исторически известны как годы репрессий. Это отразилось в тюремном фольклоре. Среди действительных воров и убийц были люди, сосланные по доносу, за мелкую кражу — песня «Временно в дали Иркутской» [№ 11, с. 178]:

— Ты за что сюда попал?
— За буханку, за портянку,
За казенную шинель.

[№ 11, с. 178]

Весь фольклорный песенный материал снабжен комментариями. Автор представил записи с местными *диалектами* и устаревшими словами. Очень важно, что он сохранил своеобразие речи исполнителей: «шукать» в значении искать, «балакать» — говорить, «журить» — ругать, «голосить» — плакать по умершему, «схорониться» — спрятаться, «обнос» — подношение вина, «трохи» — немного, «приубраться» — убрать урожай, «зажинать» — собирать зерно с поля, «примарился» — устал, «шукать» — искать и др.

По звуковым особенностям язык народных певцов отражает такие местные черты говора, как аканье/яканье: «стадо лебЯдиное», «рЯка», «стрЯпыхнулась», «вывела Яму», «бЯжала», «голос мой нЯ слышан», «сы вЯликих радостей»; смягчение и замена гласных: «платочкЕм я машу», «заноЕ сердечушка», «да пошел Ён по тоненькой». Не было в народной речи буквы «ф», она заменя-

лась на «х» или сочетанием «хв»: «Хвартучек», «Хведор». Заменялась буква «ц» на «т» — «Вы будетья Твяточки рвать», «Твяли, твяли алые твяточки»; «к» на «х»: «траХтир»; «ы» на «и» — «в тереме вЙсоком»; «у» на «ю» — «По проЮлочку пройдем»; «тя» на «чи» — «Чи жало вздыхал»; «в» на «у» — «Усе угушки хороши».

К морфологическим особенностям относится смягчение согласных глаголов в 3-м лице единственного и множественного числа: «ходятЬ», «пьётЬ», «сидятЬ», «бегаютЬ», «спокидаетЬ», «плывутЬ»; отсутствие среднего рода: «ПлылА стада гусиная, лебадиная», «СердечкА твоЯ ретивенькаЯ». Возвратная частица «ся» заменяется на «си»: «Ох, да вьюн по реке взвиваетсИ, Ох, да Иван у ворот называетсИ» [№ 9, с. 109]; «Во этой речке купалсИ бобер» [№ 6, с. 120] и др. Эти особенности речи очень важны для фольклористов и диалектологов и еще раз подчеркивают, что данные фольклорные записи С.А. Ананьина представляют большую научную ценность.

Фольклорный материал 1936 года, записанный С.А. Ананьиним, очень ценен своей художественной стороной, красотой народного поэтического слова, сохранением традиций и обычаев. Многих песен уже нет в репертуаре сельских исполнителей, нет даже укороченных вариантов, поэтому их не с чем сравнить. Исполнители песен — это люди уже ушедшего времени, они несут в себе старые традиции, хотя в чем-то отражают и новые веяния. В записанных С.А. Ананьиним песнях сохранились в основном традиционные устои, как, например, почитание старших, вековые требования к жизни, патриархальная покорность женщины, традиции в элементах крестьянского костюма. Если же кто-то отклонялся от принятой веками нормы поведения, то это непременно высмеивалось в народе. Так, в песнях резко осуждается пьянство (особенно женщин), похмелье с вина, лень, неверность жены, жестокость мужа, вольное поведение молодежи, грехи на стороне, небескорыстное отношение в семье.

Очень ценно и то, что сохранились многие поэтические формы песен, как символика, психологический параллелизм, диалектные особенности языка. Поэтому сохраненные записи 1936 года очень важны для нас и долго еще будут радовать будущих читателей и любителей фольклора.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимова Т.М. О поэтической природе народной лирической песни. — Саратов, 1966.
2. Бачинская Н. Русские хороводы и хороводные песни. — М.; Л., 1951.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л., 1940.
4. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. — М.; Л., 1962.
5. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособ. для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит-ра». — М., 1989.
6. Сказки и песни Черноземного края. Материал фольклорной экспедиции 1936 года. — Воронеж, 2006.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

(По материалам фольклорной экспедиции 1936 года)

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

1

В леле с гор горы катилось,
Прикатилось кы торгу.
Стало спрашивать вы торгу:
— С чо вы торгу дешево?
— У нас дешевы молодцы,
За молодца лык пушню,
А за хорошего два дадут,
А за пригожего три дадут.
В леле холоду катилось,
Прикатилось кы торгу.
Стало спрашивать вы торгу:
— С чо в торгу дорого?
— У нас дороги девушки.
За девушку — 100 рублей,
За хорошую — тысячу,
За пригожую — сметы нет!

2

Что за горя и за забота,
Деревенская все, братцы, работа,
Все, братцы, работа.
День и ноченьку они мало спят,
Дружку дружку они торонятся,
Чтобы, чтобы с поля,
С поля скоряй приубраться,
Яровый хлеб зажинать,
Чтобы, чтобы тученька не зашла,
Ох, да она не сходила,
Сильным дождем,
Сильным дождем не мочила.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

1

Приехали сговорнички да на сговор,
Ух, везут писаря за собой,
За собой, за собой.
Да у писаря написано: разлука,

Ой, разлука, да разлука.
Да хотяги нашу Марьюшку разлучити,
Разлучити, да разлучити
С родненьким батюшкой,
Батюшкой да батюшкой.
Ох, да с родненькой мамушкой,
Мамушкой, да с матушкой.
Ох, да со всею любезной семеюшкой,
Любезной семеюшкой,
Родною семеюшкой.

2

Хмель, моя хмелюшка,
Хмелиная пирушка,
Веселая головушка,
Иван там Иванович.
— Ай, табе, моя дитятка,
Есть-пить нечего?
— Сударыня-матушка,
Пить-есть мне не хочется,
Жениться мне надобно.
— Жанись, жанись, дитятка,
Жанись, моя милая,
Возьми, возьми, дитятка,
Из бояр боярыню,
Купецкую дочерю.
— Ой, маменька родная,
Мне ее не хочется,
Она дома не работница,
Не кукобнится.
У суседа девушка,
Она мне понравилась
Своею ухваткою,
Головкой гладкою.

3

— Селезёнюшка сиз-косат,
А молоденький бел-хохлат.
Не бывал ли ты на морю,
Не видал ли ты утушек?
— Ох, как не бывать на морю,
Ох, как не видать утушек.
Плыла утушка с камушка,
Плыла серая с трясничкя.
За ней утушек три ряда,
За ней серые четыре.
И усе утушки хороши,
Усе серые пригожи.
Одна утушка лучше всех,
Одна серая пригожей.

Она пёрушком порябей,
Она крыльями позвончей,
На головушке бел хохол.
— Ох, и кто ж у нас бел-румен,
Ох, и кто ж у нас чернобров?
Тимофеюшка бел-румен,
Александрович чернобров.
— Не бывал ли ты у тестя,
Не видал ли ты девушек?
— Ох, как не бывать у тестя,
Ох, как не видать девушек:
Шла Олюшка с терема,
Шла Ильинична с высокого.
За ней девушек три ряда,
За ней красные четыре.
Усе девушки хороши,
Усе красные пригожи.
Одна Олюшка лучше всех,
Ильинична пригожей,
Она косой порусей,
Она щёчками порумяней.
В косе лента алая,
Наша Олюшка бравая.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

1

Заболить больно головушка,
Заное сердечушка
У моего дружка по сударушке
Верно по своей.
— Где ж ты, моя сударушка,
Да иде ж ты, моя любезная
Душенька, живешь?
— Живу, живу по ту сторону,
Верно за рякой.
Чесал милый кудерцы,
Да чесал милый русые
Свои волоса.
Расчесавши, милый кудерцы
И расчесавши русые
Свои волосы,
Пухову милый шляпу надел.
Шляпушка пуховая,
Шинелюшка новая
На моем дружку.
Рубашонка красная,
Да жалетка атласная,
Перчаточки новые,
Сапожки козловые.

Знать, милый приубралси
И снарядилси хорошо.
Верно, верно милый к Сашеньке пошел,
Подшел милый к речушке,
Переходу милый не нашел,
Хоть нашел милый перяходушка,
Перяходушка тонкай:
Ляжит, ляжит жердочка,
Жердочка тонкая,
А речка тая невеличка,
Но и только глубока.
Пошел милый по жердочке,
Да пошел ён по тоненькей,
Жердочка сломалась,
С мило дружика пухова шляпушка свалилася,
Она вдоль и да по речке поплыла,
Подбежала его сударушка,
Пухову шляпу поймала.
Ох, и она стала плакать-горевать,
Стала речкю проклинать.
— Уж ты, вота-речка,
Чтоб тебе, воту-речкю
Песком-илом завлокло.

2

Сохнеть, вянетъ
Во полюшку травка без дожжечка,
Когда дожжик травку помочить,
Тогда травка вздохнеть.
Сы восточный ветерок подует,
Высе цветочки затветуть.
Долго времячко милого нет.
Знать, шельмец, иную полюбил,
Верно, верно мене, горькую, разбесчастную,
Навеки позабыл.
Пойду, молода, се во темные леса,
В леса было ничего ня слышна,
Толька слышно одни листики шумят.
Когда вы полюшке ничего не видно,
Толька видно — одни лебеди сидять.
Усе лебеди сидя попарно,
Одной лебедушке пары нет.
Усе девки сидят с молодцами,
А мне горькей, разбесчастной,
Молодца нет.

3

Черно море без разлива,
Море ходит бротежом,
Два часа, одна минута
Оборот суды даем.

Я спустился в черно море,
Приподнял я паруса,
Я потом скорей на лодку,
Я на берег поспешил.
Я три года был в разлуке,
Любезную не видал.
Я увидел красный город,
Любезную прежнюю,
Я промолвил ей невольно
Словечушку потайну.
Я дарил, дарил колечко,
С руки перстень золотой.
Ты носи кольцо, отрада,
Носи ее, не теряй.
Мил, кольцо это золотое —
Обручатся нам с тобой.
Крест-Евангелье готово
И священник наречен,
Белый свет нам затеплит,
Их нам в руки подадут,
Злат венцы на нас наденут,
Круг наложат поведут.
Крепко певчие запели
Нас со славою святой.

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

1

Во горенке во новой,
Во святлице светловой
Стоит столик дубовой,
Ножки точеные,
Позолоченные.
За этим за столом
Все бояре сидят,
Все честные господа.
Они кушают, едя,
Промеж себя говоря,
Разговаривают,
Разболакивают
Про Сяргееву жену.
Чумовитая, спесивая
Сяргеева жена.
Она пешая к обеденке не хаживает,
Она летным путем
Во колясочках езжала,
А зимою студяной
Все в описанных санях,
На ямшницких лошадях,
Все с извозщичками.

Извозщички молодые,
Во руках плати шелковые,
Присвисните, прихлысните,
Приударьте по коням.
Кы тому ли ко двору,
Ко Сяргеевому.
Сярежка-господин
На крылечко выходил,
Таки речи говорил:
— Где жана моя была,
Где погуливала?
— Я была, была, была,
С господами гуляла,
Красну водочку пила
И закусывала.

2

Ох, выпадала порошица,
Выпадала зелененькая
На талую землю.
Как по этой порошице
Ходил миленький хорош,
Ванюша пригож.
Ходи, Ваня, берегися,
Смотри, не уловися.
Хочут Ванюшку поймать,
Одну ночку ночевали,
Тую продремали.
А другую ночевали,
Ванюшу поймали.
Повели Ваню-Ванюшу
В зеленую рощу,
Привязали Ваню ко дубу-березе,
Между дубом-березой речка протекала.
Вот нельзя к этой речке,
К речке подступиться,
Нельзя приступитья,
Нельзя воду пити.
Нельзя воду пити,
Нельзя жену бити.
Побил жену на часок,
Пропадал неделю.
И проплакал свои глаза
За четыре ночи.
— Не плачь, жена-сударыня.
— Теперя не буду,
Вовек не забуду.
Ты плети, муж, лапти,
Завивай оборки,
Завивай, завивай,
Завивай оборки,

Я пойду, к обедне,
А я ныне к обедне,
А завтра к вечерне.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

1

Отчего машина стала?
Наш хозяин проел сало.
Раз, дубинушка, ухнем,
Раз, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем
Да ухнем!
Как у нашей у Ариньи
Разорвали юбку свиньи.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем
Да ухнем!
Как у нашего капрала
Повернулся нос направо.
Раз, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем
Да ухнем!

«Прибаутки» при передвижении молотилки в старое время. Партия работающих на машине, человек 30. Один запеваля. Он выходит с этой партией для того, чтобы машину сдвинуть с места в один лад, сразу. Подает песенный тон. И вот начинают машину перевозить, бабы подсобляли, девчата и ребята. Начинает запеваля.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

Ой-на, ой на гори, там жнецы жнут,
Ой-на, ой на гори, там жнецы жнут,
А под пид горою, яром зеленою,
Казаки идут, казаки идут.
По-пе, попереди Дорошенко,
По-пе, попереди Дорошенко
Ведет свое войско, войско запорожско,
Хорошенько, хорошенько.
Э-ей, долини, эй, запорожско.
Ай-по, ай позади Сагайдачный,
Ай-по, ай позади Сагайдачный.
Что променял жинцу на тютюн на люльку
Неудачно, неудачно.

Ай, мне с жинцей не возиться,
Ай, мне с жинцей не возиться,
А тютюн да люлька казаку в дороге
Пригодится, пригодится.

2

Раскрасштришный был мальчишка,
Самому ветру приказ,
Ветреный хранцуз,
Всем невреям, англичанам
Злато, серебра давал,
Братцев нанимал,
Братцев нанимал.
Уж он братцев нанимал,
Стакан спирту наливал,
Деньг не жалел,
Деньг не жалел,
Вышло дело, наконец,
Съел картошку, огурец,
Сказалси хорош.
Из России вырвалси,
Он к Москве к нашей подобралси!
За что ж получил,
За что ж получил
Волгу-вольницу.
Ищет старую старицу,
Прекрасна Москву.
Он нямного в Москве жил,
Из ризяв платье шил,
Москву снарядил,
Москву снарядил.
Обобрал церква, иконы,
Он наполнил свои звоны,
Разжиться хотел,
Разжиться хотел.
Через месяц миновалси,
По старому одевалси,
Из Москвы бежал,
Из Москвы бежал.
Он бежал, бежал без шляпы,
Ноги голы, как собаки.
Мы шли провожать,
Мы шли провожать.
Провожали, провожали,
Путь-дорожку очищали
Очень хорошо,
Очень хорошо.
Купоресу подходил,
Хранцуз речи говорил,
Мириться просил,
Мириться просил.

— Давай, давай, белый царь,
Александра государь,
Давай мирно жить,
Давай мирно жить.
— Как заставим мы злодея,
Хранцуза-лиходея,
Стадо свиной пасть,
Стадо свиной пасть,
Тут хранцузу и пропасть.
Хранцуз весь пропал,
Хранцуз весь пропал.
Перпрудил Волгу-волжицу,
Ище старую старицу.
Стало прекрасно в Москве,
Стало прекрасно в Москве.
Прекрасно стало опять
В Москве у нас.

3

Спомним, спомним, ребятенки,
Как ж стояли в поле зелену.
Нам тогда ж на все ж было время,
Тогда ж было нам хорошо.
И распроклятый турка-басурман
Вздумал с нами шутку пошутить.
Приостановил все дороги,
Хотел нас с голоду поморить.
Нет у нас хлеба, нету соли,
Нету кислого борща,
И мы рогатую скотину
Вочистую первели,
Вместо соли мы ее солили
Из патрону порошком
И потом мы все, братцы, трубочки закурили
И распростились с табачкем. (с. 160)

4

Мой ли синенький голубочек,
Он на воздухах летал.
Ой, наш батюшко-царь,
Александра государь.
Он по армиям гулял,
Он погуливал
И молодых солдатиков
Он успрашивал:
— Трудно, трудно вам, ребята,
На приступе стоять?
Мы стояли на приступе,
Мы на правой на крыле,
На камышевой траве.

Нам и горе придала
Солдатская голова,
Много слезы пролила.

5

Близ моря, на западном фронте,
В ощельях, Карпатских горах,
Там льются кровавые потоки,
Там бьются солдаты за правду
И смерть не страшна храбрецам.
Опять пойдем в бой скоро смело,
И, Божия Мать, сохрани.
Читают газеты про битву,
Что брызнули слезы из глаз,
Что сын ваш убит, извещаить
Об этом военный приказ.
Убит он на поле сраженья,
Что кости в долину вросли,
Никто той могилы не узнает,
Защитники русской земли.
Лишь дома жена молодая,
Склонившись над малым дитем,
И горькие слезы проливая,
По милу вспоминает своем.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

1

Из-под рощицы зеленой
Вышла ротушка солдат,
Вышла ротушка солдат,
Перед ротой капитан.
Перед ротой капитан
Хорошо маршировал,
Хорошо маршировал,
Останавливался.
Останавливался,
С Машей здоровался,
С Машей здоровался:
— Здравствуй, Маша,
Здравствуй, Саша,
Здравствуй, душенька моя,
Как живешь ты без меня,
Как живешь ты без меня
А и помнишь ли меня?

2

Пойду с горя на синее море,
Сама сяду на славный крутой бережок.
Я сидела, во речку смотрела,

Сижу-вижу, вижу-слышу
Свою стень на воде.
Стень моя такая, стень пустая,
Во речке все студеная вода.
Спрошу я во речки,
Спрошу я во быстрой
Про милого дружка своего,
Ей речка отвечала:
— Не было, не было здесь никого.
Из кусточка, из лясочка
Поздно, поздно вечерочком
Выезжает мой милой
На вороном на коню.
Он на тройке, на шестерке,
На буланных лошадях.
Близко, близко милый подъезжая,
Приподнял черную шляпу:
— Здравствуй, здравствуй, Саша,
— Здравствуй, Маша,
Нам теперя не до вас:
Во поход погонють нас.
Во поход итить неохота.
С отцом-матерью разлука.
Никто ж нас не разлуча —
Ни солнце, ни луна,
Толька нас разлучит
Чужа-дальня сторона.

3

На возморье мы стояли
На германском беряжку,
Мы стояли, мы смотрели,
Как волнуется волна.
Ни туман с моря поднялси,
Сильной дождичек пролил.
Из-под етого тумана
Враг-германец выходил.
Врешь ты, врешь ты, враг-германец,
Тебе некуда зайтить:
У русского войска много,
Русской может угостить.
Угостить свинцовой пулей,
На закуску — стальной штык,
Штык стальной четырехгранный
Грудь германскую пронзить.

4

Куда, Ваня, едешь,
Куда уезжаешь,
На кого ты, Ваня,
Дуню покидаешь?

— Спокидаю Дуню
Одному Богу,
А сам уезжаю
Во путь-дорогу.
Выходила Дуня
На гору крутую,
Дожидала Дуня
Радость дорогую.
Не идет ли моя
Радость дорогая,
Не несет ли она
Тветы голубые.
Разноветный твяток,
А мово Ванюшу
На носилках несут,
А за ними следом
Коня в поводу ведуть.
Уж ты, конь, ты, мой конь,
Воронушка мой,
Полятим-ка с тобой
К отцу, матери родной,
К жене молодой.
Жанила меня
Шашка вострая,
Первенчала меня
Пуля быстрая,
Приняла меня в зятья
Мать-сырая земля,
Прикрыла меня
Грбовая доска.

5

Калинушка с малиною,
А ты стой, ня стой
На горе крутой,
Ня спущай листьа
На синя морю.
По синему морю
Корабель плыветь,
Аж вода от него ревьеть.
Вы этом корагле
Три полка было солдат,
Молодых ребят.
Охвицер-маёр
Богу молитса,
Рядовой солдат
Домой проситса.
— Охвицер-маер,
Пусти мене домой,
К отцу, матери родной,
Кы жаненке молодой.

6

Зимушка, зима
 Холодная была,
 Зажурила, замела:
 Ни дорожки, ни следа.
 Негде молодцу пройтись,
 Негде коня провести.
 Зимний праздничек проходит,
 Весна-красна настает,
 А у солдата сердце мрет.
 Она не идет, она не идет,
 Им не хочется в поход.
 Им в походе чижало,
 Кто не зная ничего.

7

Вы Рассеюшке,
 Славном городе Петропавлове,
 В Петропавлове
 Се хватурушке порасписаны,
 Все солдатики в ряд поставлены.
 У солдатухек ружья на плечо.
 У солдатухек ружья брякнули,
 У нас девушки слезно плакали.

8

На горке, на горе
 Собиралися паны
 И приказывали.
 — Ты служи, служи, сынок,
 До пятнадцати лет.
 Отслужил семь годок.
 Он, доходя до ворот,
 Он пытая про свой род:
 — Тебе роду нема,
 Твоя мать померла,
 Твой отец помирал,
 Сестра замуж ушла.
 Вот осталси один брат
 И тот холост, не женат,
 Волочится, как дурак.

9

Спородила молодая дивчина
 Молодого сына.
 А где она его спородила?
 В зеленой дубраве.

Она его положила
На желтый пясочек,
Под зеленый дубочек.
Не дала она ему
Ни счастья, ни доли.
Только она дала ему, казаченька,
Одни черны брови.
— Не развевайся, зеленый дубочек,
Завтра мороз будя.
— Я морозу не боюся
Зараз вернуся.
— Не женися, молодой мальчик,
Завтра набор будя.
— Я набору не боюся.
Сразу уберуся. (с. 170)

10

Запевала: Из-за лесу, лесу конная мечей.
Хор: Вышла рота коммунаров-лихачей.
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Вышла рота коммунаров-лихачей.
Запевала: Попереди командир их молодой
Хор: Ведет роту коммунаров за собой.
Хор 2 р.: Гей, гей, гей, герой,
Ведет роту коммунаров за собой.
Запевала: За мной, братцы, не робей, не робей,
Хор: На засаду поспешай поскорей.
Хор 2 р.: Гей, гей, гей, герой,
На засаду поспешай поскорей.
Запевала: На засаде мы сидели до утра,
Хор: Пули сыпались, жужжали, как пчела,
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Пули сыпались, жужжали, как пчела.
Запевала: Пули сыпались, жужжали, как пчела.
Хор: Кровь буржуйская лилась, как струя.
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Кровь буржуйская лилась, как струя.
Запевала: Проходили мы колхозные поля,
Хор: Все колхозники кричали нам ура.
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Все колхозники кричали нам ура.
Запевала: Проходили мы рабочие мосты,
Хор: Все рабочие бросали нам цветы.
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Все рабочие бросали нам цветы.
Запевала: Проходили мы Амурские поля,
Хор: Притащили Колчака за волоса.
Хор 2 р.: Гей, гей, пусть говорят,
Притащили Колчака за волоса.

ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

1

Ветер веет, сповекает,
Сад зелененький шумит.
Я сама того не знала,
Которого с трех любить.
Полюбила я мальчишка
С-под тюремного замка,
Ничего в тюрьме не слышно,
Ничего там не видеть,
Только слышно звук находит,
Одни ключики звенять.
Тихо, тихо они звонют,
Часовые там стоят.
Отпустите, часовые,
Молодого молодца.
Трудно, трудно в тюрьме сидеть,
У ней нетути конца.
Зачем я, подлец, так провинился,
Посадил я сам себя,
Зачем ж было это нужно так
С молодых лет девочку любить.
Через свою глупость несчастную
Довел, мальчик, я себя,
Загубил я молодую дьявчонку
И посадил в тюрьму себя.

2

Соловей ты мой, соловьюшка,
Не веселый был жа,
Повесил ты головушку,
Зерно мало ты клюешь.
Склевал я только зернушко,
А у Алешки моей нет.
Запел бы я только песенку,
Да голосу мово нет.
Золотая моя клеточка,
Засушила ты мене,
Зеленая моя веточка,
Взвеселила ты мене.
Поймали меня, молодчика,
Сковали, взяли в острог.
Жана, мои малы детушки,
Плакали они по мне.
Да не плачтя, мои детушки,
Я приду домой жа,
Отсиджу да я в неволюшке,
Тогда я приду домой.

Да все друзья, мои товарищи
Да сойдутся они ко мне,
И ох, да повидаемся, погуляем, —
Отсидел да и в тюрьме!

3

Ой, мальчишечка, бедняжечка,
Не знал ни горя, ни нужды.
Ой, родные меня сгубили,
Сбаловали, как дитя.
Баловство меня сгубила,
Сбился с праведной путя.
Она ж меня, шельма, сгубила,
Сидел я год, сижу я другой,
Сижу вечернею порой.
Где ни взялся безумный разум
Из замка убежать.
Гляну я за железную лампадку,
Лампадка тусменно горит,
За железными дверями
Часового штык звенит.
Я упаду на колени,
Я всех святых буду просить.
Мене молитва оправдала,
Я из замку убежал.
Часовой выстрел дал —
Тут рестанта убежал.
Бежал я лесами,
Бежал я полями,
Бежал к изменнице своей.

4

Солнце всходя и заходя,
А в тюрьме моей темно.
Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.
Стерегите, как хотите,
Я и сам не убегу,
А мне хочется на волю,
Цепь порвать я не могу.
Уж вы, цепи, мои цепи,
Цепь — железа сторожа,
Не порвать вас, не порезать
Без булатного ножа.
Проходит моя младость
По острогам, по тюрьмам.
Вот когда я отходился
По родимым по полям.

В воскресенье мать-старушка
 К воротам тюрьмы пришла,
 У платке родному сыну
 Передачу принесла.
 Она привратнику сказала
 Справедливые слова:
 — Передайте хлеб сыночку,
 А то люди говорят:
 Заключение в тюрьме много,
 Сильно с голоду их морят.
 Ей привратник отвечает:
 — Твой сыночек осужден,
 Осужден прошедшей ночью,
 На покой отправлен он.
 Расстреляли твоего сына
 У тюремной, у стены.
 Когда приговор читали,
 Знали звездочки одни.
 Покачнулась мать-старушка,
 Побледнела, как стена,
 У привратника невольно
 Покатилась слеза.
 — Я купила передачу
 За последние гроши,
 Так раздайте передачу
 На помин его души.
 Повернулась мать-старушка,
 От ворот тюрьмы пошла
 И никто про то не знает,
 Что на сердце она несла.

Посеред села родного
 Колокольчик прозвенел.
 Куда ж ты, вор-бродяга,
 Куда ж ты скоро спяшишь?
 Твоя маменька родная
 В сырой земле лежит.
 Жана твоя молодая
 Под венцом с другим стоит.
 На восходе рассветного солнца
 Поймали вор-бродягу.
 Куда ж ты, вор-бродяга,
 Куда ж ты скоро спешишь?
 Заковали его рученьки
 Во железны кандалы.

Геннадий Ковалев,
*доктор филологических наук,
профессор Воронежского
государственного университета*

ПРИРОДА КРАЯ В МИКРОТОПОНИМИИ

Э тот материал складывался у меня десятилетиями: я ведь составляю «Словарь микротопонимов Воронежской области». В него не входят названия крупных населенных пунктов или рек (это все расписано в справочниках). А вот народные, истинные, а не искусственные названия улиц, концов, порядков, плантов, да еще названия овражков, яружек, лощин, прудов, озерков, болот и прочая, прочая... Это нужно собирать. В этом душа и история нашего народа.

Воронежский край справедливо называют еще и Черноземным, хотя на территории области заметны и песчаные выходы, а все наше Белогорье-Дивногорье — меловое, поскольку миллиарды лет назад являлось дном моря. Но вот что интересно: жители области редко называют свои улицы Черноземными, да и те названия, видимо, даны ретивыми административными органами:

Чернозёмная — ул. в пгт Анна.

Чернозёмная — ул. в с. Бабяково Новоусманского района.

Чернозёмная — ул. в пос. Большие Базы Ольховатского района.

Чернозёмная — ул. в пос. ВНИИСС Рамонского района.

Чернозёмная — ул. в пгт Латная Семилукского района.

Чернозёмная — ул., проложенная по бывшему саду колхоза имени Кирова в р.п. Ольховатка.

Названия даны по прекрасному чернозему. И это можно понять: все-таки основной массив наших земель — это классический чернозем. А выделяют всегда нечто особенное. Например, песчаные территории дали множество названий не только в названиях сёл области, но и улиц, мест и проч. Это и Пески́, и Пяски́, и Пёски. Конечно, не было возможности привести все названия, мы приводим в основном различающиеся варианты, или уж одинаковые названия, которые называют разные объекты (лес, поле, овраг, улица). Вот эти названия:

Пески — ул. в с. Богана Борисоглебского района. Названа так по *песчаной* почве вдоль реки Богана и озера Оляха.

Пески — часть с. Братки Терновского района. По словам местных жителей, именно это место было заселено первым, как более возвышенное. Название связано с тем, что здесь песчаные почвы.

Пески — ул. в пос. Воля Новоусманского района.

Пески — поляна в лесу Красное возле с. Краснолипые Репьевского района.

Пески — часть с. Новая Усмань. Названа по песчаной почве.

Пески — исторический район г. Острогожска. Ранее это была отдельная слобода.

Пески — ул. в пос. Пески Новохоперского района.

Пески — ул. в с. Репьевка. Раньше это была часть села с *песчаной* почвой.

Пески — район и площадь в г. Россошь. Здесь была *песчаная* почва на огородах, много *песка* нанесла протекающая рядом р. Черная Калитва.

Пески — ул. в пос. Синицыно Новоусманского района.

Пески — *песчаное* место у с. Старотолучеево Богучарского района.

Пески — *песчаное* место у с. Углянец Верхнехавского района.

Песок — ул. в с. Волоконовка Кантемировского района. Улица проходила по низине, весной затапливаемой половодьем, но в одном месте были *песчаные* дюны.

Очень часто встречаем в качестве названия и другие варианты, характеризующие почву:

Песковатка — ул. в с. Болдыревка Острогожского района и еще 10 названий.

Песковатое — озеро к востоку от с. Новая Калитва Россошанского района и еще пять названий.

Песковатская — ул. в г. Богучар.

Песочек — часть Щербачёвского пруда в с. Щербачёвка Панинского района. Это одно из любимых мест для купания, так как дно покрыто песком.

Песочки — большой *песчаный* пляж на реке Ворона, недалеко от г. Борисоглебск.

Песочная Яма — ул. в с. Верхняя Хава. Возле этой улицы были залежи строительного песка.

А уж *Песчаных* улиц не счесть, они есть в каждом районе, если почти не в каждом населенном пункте, их более пятидесяти, да еще более двух десятков переулков. Но это не потому, что везде песка много, нет. Выходы песка позволяют наладить производство современных строительных материалов, да и хороший *песчаный* пляж — удовольствие далеко не частое. Такие места народ помечает особо:

Песчаная — ул. в с. Бабяково Новоусманского района.

Песочный карьер — место разработки строительного песка в пос. Грибановский.

Песчаная гора — возвышенность в с. Карачан Грибановского района.

Песчаник — озеро в г. Россошь.

Песчаный — холм в с. Щучье Эртильского района.

Песчаный яр — овраг у с. Белая Горка Богучарского района. Почва в овраге *песчаная*.

Песчанка — участок р. Дон у с. Гремяче Хохольского района. Здесь почва берегов *песчаная*.

Песчанка — озеро восточнее хут. Богдань Новохопёрского района.

Песчанка — пляж в пос. Ольховатка. Это общественный пляж с *песчаным* берегом и дном. Другое название — *Песбчек*.

Песчанка — пляж на р. Черная Калитва у пос. Малые Базы Ольховатского района.

Песчанка — большой *песчаный* пляж на берегу р. Воронеж у с. Ступино Рамонского района.

Песчаное — озеро у с. Александровка-Донская Павловского района.

Да и карьеров по добыче песка или камня в Воронежской области хватает. Это и под Воронежем в Стрелице (песчаник), и под Павловском (гранит), и в целом ряде других мест:

Карьер — пляж на р. Дон у с. Верхний Мамон. Расположен рядом с каменно-щебёночным *карьером*.

Карьер — место добычи строительных материалов к северу от с. Мосальское Каширского района.

Карьер — ул. в с. Подгорное Подгоренского района. Название дано по близне-му *карьеру* (месту добычи строительных материалов).

Карьер — место рыбной ловли на р. Девица у с. Хохол. Название дано по ближ-нему *карьеру* (месту добычи строительного песка).

Карьерная — ул. в г. Борисоглебске. Возникла в 1974 г. Названа так, поскольку выходила на песчаный *карьер*, богатый формовочным песком.

Карьерная — ул. в с. Кондрашовка Семилукского района.

Карьерная — ул. в хут. Серпанки Подгоренского района. Название дано по близне-му *карьеру* (месту добычи строительных материалов).

Карьерный (Карьёрный) — пруд у с. Девица Семилукского района. Название дано по близне-му *карьеру* (месту добычи строительных материалов).

А конкретно, это места с выходами гранита:

Гранитная — ул. в с. Украинская Буйловка Подгоренского района.

Гранитная — ул. в пос. Шкурлат 3-й Павловского района.

Гранитный — микрорайон г. Павловска. Назван по *гранитному* карьеру.

А еще, на радость нашим школьникам, у нас добывается мел. Целые районы области являются практически меловыми, только улиц Меловая с одноименны-ми переулками более двадцати, а еще:

Меловая гора — холм рядом с посёлком совхоза «Нижедевицкий» в с. Кучу-гуры Нижедевицкого района: *Там бчьнь мнóгъ мѣль, и дóлгййь врѣмь в нáшъм калхóзь жгли тут Ёзвисьть сáми.*

Мелки — место на р. Дон у с. Белая Горка Богучарского района. Название ука-зывает на особенность почвы берегов и дна — она меловая.

Меловатка — часть с. Верхнее Турово Нижедевицкого р-на. Здесь есть выхо-ды *мела*. И еще пять мест с таким же названием.

Меловка — речка у с. Лебяжье Нижедевицкого района. Названа так из-за выходов мела по ее берегам.

Меловое — поле в с. Ступино Рамонского района. Названо так потому, что при вспашке иногда поднимаются глыбы с включениями мела.

Меловой — лог, по которому названо с. Меловатка Семилукского района.

Меловой — карьер восточнее г. Россошь.

Меловой бор — название памятника природы, меловой бор у с. Нижний Кара-бут Россошанского района.

Меловой бугор — возвышенность в южной части с. Хохол.

Меловой Курган — меловая гора у с. Истобное Репьевского района.

Меловые пещеры — пещеры между г. Павловском и с. Белогорье.

И то же самое, но на украинском языке (мел по-украински — *крейда*, которое заимствовано через польский язык из немецкого):

Крейда — ул. в с. Волоконовка Кантемировского района. Рядом с улицей рас-положен меловой карьер с тем же названием.

Крейда — поле в хут. Гойкалово Каменского района. Почва на поле с выхода-ми мела, довольно неплодородна.

Крейда — небольшая меловая возвышенность на окраине слободы Караяшник Ольховатского района. Название идет от укр. *крейда* — «мел».

Крейда — часть с. Кривая Поляна Острогожского района. Названа в связи с выходами меловой почвы.

Крейда на западе — урочище у с. Залужного Лискинского района. В урочище охраняются реликтовые растения.

Крейдянка — место в пос. Ольховатка, где добывают мел.

Крейдянка — пологий меловой склон в с. Старая Калитва Россошанского района.

Леса — это тоже наше богатство. Однако древних, настоящих лесов почти не сохранилось. Наиболее известны *Теллермановский лес* да *Шипова дубрава*. Очень много у нас было посадок и лесополос, особенно в советское время. Наиболее популярное дерево — *берёза*. Это слово перешло в названия сотен улиц, переулков, различных мест, да и названий населенных пунктов, причем в различных вариантах:

Березнец — лесной массив культуры сосны с березой в урочище Савальская дача Терновского района.

Березняги — лес у с. Верхнее Турово Нижнедевицкого района.

Березняги — часть с. Истобное Репьевского района. Здесь когда-то была березовая *роща*.

Березняги — *берёзовый* лес у сл. Юрасовка Ольховатского района.

Березняговый — овраг, «поросший березами, дал название хутору Березняги Россошанского района».

Березник — часть с. Новая Усмань.

Березняк — мощные посадки берёзы на одном из крайних полей в с. Ступино Рамонского района.

Березняки — лес у с. Гремячье Хохольского района.

Березняки — лес у с. Листопадовка Грибановского района.

Берестовый яр — овраг у с. Дерезовка Верхнемамонского района. Там растут березы, верхний светлый слой коры которых, береста, использовался в хозяйстве.

Бересточки — место в с. Архиповка Россошанского района. Название связано с несколькими березами или даже с березовой рощицей. С ними связано слово *береста*, укр. *бересток*.

Берёзин Лог — лес в с. Медвежье Семилукского района.

Берёзка — ул. и часть с. Байчурово Поворинского района.

Берёзка — ул. в пос. Колодезный Каширского района.

Берёзка — бугор в с. Третьяки Борисоглебского района. Когда-то на этом бугре росла одинокая *берёза*.

Берёзки — озеро у с. Васильевка Грибановского района. Возле озера растут *берёзы*.

Берёзки — урочище на левом отроге Грачева Яра в Верхнемамонском районе. Это лесопосадки, которые велись с 1926 г. и продолжались до сер. 50-х гг.

Берёзки — березовые посадки возле хут. Постоялый Ольховатского района. Раньше на этом месте была березовая аллея, по которой баронесса Притвиц ездила из своего имения Крылатое до шляха на Воронеж.

Берёзовая — роща у с. Архиповка Россошанского района.

Берёзовая — ул. в с. Долго-Маховатка Семилукского района.

Берёзовая — ул. в с. Лиски Лискинского района. И еще более пятидесяти таких же названий.

Берёзовая балка — овраг у с. Сухой Донец Богучарского района. В овраге преобладают *берёзы*.

Берёзовая роща — ул. в пгт Каменка. И еще более десяти таких же названий.
Берёзовка — часть с. Бабяково Новоусманского района. Когда-то здесь на при-
голье росли берёзы. Теперь это улица в центре села.

Берёзовое — поле в с. Большой Самовец Эртильского района.

Берёзовое — урочище близ с. Митрофановка Кантемировского района. Назва-
но так, видимо, из-за березовых рощиц.

Берёзовое — озеро в с. Средний Самовец Эртильского района. Названо так по-
тому, что у озера росло несколько берёз.

Берёзовый — родник у с. Нижний Мамон Верхнемамонского района. Назван
так потому, что у Степного пруда, где он находится, растут *берёзы*.

Берёзовый — луг у с. Средний Самовец Эртильского района. Названо так пото-
му, что у озера рядом с лугом росло несколько берез.

Берёзовый — пруд в с. Чичерино Грибановского района. Вокруг пруда росли
берёзы.

Берёзовый куст — часть леса у с. Багно Борисоглебского района. Здесь была
берёзовая роща (по местной терминологии — *куст*).

Берёзовый Лог — овраг в с. Щучье Эртильского района.

Берёзовый Яр — урочище на границе Каменского, Ольховатского и Подгорен-
ского районов.

Берёзовый Яр — овраг недалеко от пос. Зелёный Бутурлиновского района.

Берёзовый Яр — овраг недалеко от с. Новомеловатка Калачеевского района.
Назван так потому, что порос березовой рощей.

Берёзовый Яр — овраг недалеко от с. Рыбное (Рибенсдорф) Острогожского рай-
она.

Березняги — ров близ с. Верхнее Турово Нижнедевицкого района. Вдоль рва
росли березы.

А верба — вроде бы не строительный материал, но довольно широко представ-
лена в названиях нашей области. Любит ее народ во всех ее разновидностях дре-
весных и кустарниковых растений: ивы, ветлы, лозы, бредины, раkitняка, мо-
локитника, шелюги. Видимо, отчасти и потому, что была сакрализована славян-
ским православием:

Верба — южный район с. Лиски Лискинского района. Рассказывают, если у
крестьянина рождался сын, отец высаживал рощицу верб, и когда чаду приспи-
чивало жениться, из подростшей древесины рубилась изба.

Вербная — ул. в пгт Анна.

Вербная — ул. в с. Новая Усмань.

Вербная — поляна в пос. Озёрный Новохопёрского района. Вокруг поляны рос-
ли *вербы*.

Вербня — урочище и любимое место отдыха в пределах Нижнемамонского лес-
ничества Верхнемамонского района.

Вербóвья — ул. в с. Краснофлотское Петропавловского района. Улица выходи-
ла на местечко с названием *Вербово*.

Вербóвая — ул. в с. Советское Калачеевского района.

Вербово (Вэрбóвэ) — озеро у с. Макашевка Борисоглебского района. По бере-
гам озера росли кусты *вербы*.

Вербовый — пруд в с. Советское Калачеевского района. Возле пруда растут
вербы.

Вербочка — озеро в Хопёрском заповеднике. Вероятно, название дано по рос-
шей на берегу озера *вербе* (или *вербам*).

Вербынка — излюбленное место купания жителей с. Грань Павловского райо-
на. Здесь на берегу озера Раковое растут *вербы*.

А это уже женственная ива:

Ивница — речка. Названа «по росшим в этих местах ивам», по речке названа деревня Ивница Рамонского района [Прохоров, 1973, с.109].

Ивницы — ключ, родник у с. Ступино Рамонского района. Назван по росшим неподалеку ивам.

Ивочка — озеро в с. Васильевка Грибановского района. По берегам озера растут *ивы*.

Ивушка — садовое товарищество в пос. Мировой Октябрь Борисоглебского района.

Ивушка — родник у с. Нижний Мамон Верхнемамонского района. Расположен у озера Мамонское. Назван по большой, старой *иве*, растущей неподалеку.

И это тоже ивовые:

Талицкая — ул. и часть с. Урыв-Покровка Острогожского района. Была расположена в топком, низменном месте, поросшем *тальником* вблизи от впадения ручья Змайла в Дон. Расселившиеся вокруг служилые люди вырубili тальник и сделали насыпь — образовалась гряда, на которой постепенно расселились мастера стругового дела. Ул. *Тальницкая* со временем сменила название на *Талицкая*. Согласно легенде, здесь селились итальянские купцы — *тальяне*, отсюда и название.

Талы́ — пять кулижек среди поля примерно по гектару каждая, заросшие тальником у с. Михайловка Рамонского района.

Талы́ — большое болото у р. Икорец, где весной сливаются донская и икорецкая поймы.

Тальнико́вое — одно из самых больших озер поймы р. Хопер в Хоперском заповеднике.

Но уж королем родных просторов является дуб, как охранитель нашей вековой истории:

Дуб — урочище близ с. Осетровка Верхнемамонского района.

Дубки — рощица в пос. Наумовка Новохоперского района. Собственность семьи Иванниковых: 12 дубков и две груши были посажены хозяином усадьбы в конце 20-х годов. Спилены в 1959 г. В июле 1957 г. в Дубках выступала М. Мордасова с баянистом Шалаевым и с группой Воронежского хора.

Дубки — место в г. Павловск. Расположено возле кинотеатра «Юность», где были четыре срубленных *дуба*.

Дубки — место на р. Савала, в 10 км от г. Новохопёрск. Здесь находится излюбленный пляж новохопёрцев. Назван так по растущим по берегам р. Савалы *дубам*.

Дубки — лес возле с. Платавы Репьевского района. В лесу преобладает дуб.

Дубняк — дубовая часть леса у с. Пады Панинского района.

Дубовая — ул. в пос. Воля Новоусманского района.

Дубовая — ул. в дер. Новоподклетное Рамонского района.

Дубовая — ул. в пос. Подлесный Верхнехавского района.

Дубовая роща — небольшой дубовый лес у с. Гремяче Хохольского района.

Дубовая Хата — кордон в Хопёрском заповеднике.

Дубовка — ул. в с. Елань-Колено Новохоперского района, близ которой раньше была дубовая роща.

Дубовка — поле в с. Новоспасовка Грибановского района. Расположено у *дубового леса*.

Дубовка — название оврага у с. Старая Чигла Аннинского района, по краям которого росли *дубы*.

Дубовка, Дубовой конец, Дубовой хутор, Дубовская — ул. (плант) в с. Платава Репьёвского района, упирающаяся в Платавский лес, в котором, по легенде, был *дуб*, с вершины которого виден Воронеж.

Дубовое — поле в с. Власовка Грибановского района. Расположено на месте срубленного *дубового леса*.

Дубовская — поляна близ с. Средний Карачан Грибановского района. Вокруг поляны дубовый лес.

Дубовской — лес у с. Макашевка Борисоглебского района.

Дубовщина — часть с. Синие Липяги Нижнедевицкого района. Названа по поселившимся здесь выходцам из с. *Дубовка*.

Дубовщина — урочище у с. Костомарово Подгоренского района.

Дубовщина — урочище в Ольховатском районе. Название связано с нагорными дубравами, растущими в нем.

Дубовый — микрорайон в с. Верхний Мамон. Назван по хутору близ Верхнего Мамона. Хутор начинался со сторожевого домика в *дубовой* роще. Одно время хутор назывался *Дубовский, Бабарин*.

Дубовый — сенокос близ с. Власовка Грибановского района. Раньше на этом месте был срублен *дубовый лес*.

Дубовый — хутор в 5 км от с. Средний Икорец Лискинского района. И до сих пор среди домов хутора растут огромные *дубы*.

Дубовый Куст — лесопосадка в поле у с. Ступино Рамонского района. На ней растут в основном дубы.

Дубовый Яр — овраг близ г. Калач. По склонам оврага раньше росли дубы.

Дубовый Яр — балка в Таловском районе.

Дубок — пруд в с. Юрасовка Ольховатского района. Назван так, поскольку до 1950-х годов вокруг пруда росли *дубы*.

Дубочки — часть леса близ с. Власовка Грибановского района.

Дубочки — овраг в с. Кирсановка Грибановского района.

Дубрава — сенокос близ с. Белая Горка Богучарского района. Рядом с сенокосом располагалась *дубовая* роща.

Дубрава — дубовый лесной массив у с. Ковалево Лискинского района.

Дубрава — лес, расположенный справа от трассы Верхний Карачан — Новохоперск в Новохоперском районе.

Дубрава — лес близ с. Кутки Грибановского района.

Дубрава — комплекс лесной и луговой растительности в урочище Липецкая дача в Терновском районе.

Дубрава — балка близ с. Попасное Лискинского района. Название дано по характеру растительности.

Дубрава — гора близ с. Средний Карачан Грибановского района. *Дубовый лес* полностью вырубил, но название осталось. Сейчас там берёзовая роща.

Дубравная — ул. в пгт Грибановский.

Дубравная — ул. в с. Семилуки Семилукского района.

Дубравный лог — овраг в с. Верхний Икорец Бобровского района. По краям оврага (кое-где и в нем) располагалась *дубрава*.

Дуброва — ул. в с. Калинино Борисоглебского района. Улица проходит по месту, где раньше была *дубрава*. Лес полностью вырубил.

Дуброва — балка, заросшая *дубом* в с. Ковалево Лискинского района.

Дуброва — возвышенность у с. Средний Карачан Грибановского района. *Вот ётъ гарá Дубрóва назывáйьцъ, пустáя мéста.*

Не забыта и липа, наш самый главный медонос, а также дерево, из которого раньше изготавливали чашки и ложки:

Липка, Липки — поле в с. Кутки Грибановского района. Поле протянуто (поэтому и вариант мн. ч.) вдоль *липового* леса.

Липки — лес у с. Гремячье Хохольского района. В нем преобладает *липа*.

Липки — овраг близ с. Макашевка Борисоглебского района. По оврагу растут *липы*.

Липки — урочище близ с. Пески Поворинского района. Раньше здесь в основном росли *липы*.

Липов Лог — низина близ с. Караяшник Ольховатского района. Раньше здесь была небольшая липовая роща. Рощи уже нет, а название осталось. Другое название — *Липошное*.

Липов Лог — овраг к востоку от с. Юдановка Бобровского района.

Липов Лог — поселок близ с. Юдановка Бобровского района. Появился в 20-е годы XX века. Назван по одноименному оврагу, заросшему *липой*.

Липов Яр — овраг в с. Старая Калитва Россошанского района. Там росли *липы*.

Липова балка — овраг в с. Архиповка Россошанского района.

Липовая — ул. в р.п. Кантемировка.

Липовая — ул. в с. Отрадное Новоусманского района.

Липовая — ул. в с. Семилуки Семилукского района.

Липовая — ул. в с. Старая Калитва Россошанского района.

Липовая — ул. в с. Углянец Верхнехавского района.

Липовая Хата — кордон в Хопёрском заповеднике.

Липовка — часть с. Старая Калитва Россошанского района. Там росли *липы*.

Липовская — балка в лесу у хут. Залесный Калачеевского района. Название указывает на преобладание *липы*.

Липовская Дача — урочище у с. Шестаково Бобровского района.

Липовский — овраг, который «так назывался потому, что в нем росли *липы*», по оврагу названо пос. Липов Лог Бобровского района.

Липовский — пруд в пос. Прохладный близ с. Юдановка Бобровского района. Поселок исчез, остался пруд его имени — *Прохладный*. Кроме него сохранились и еще два пруда: *Липовский*, расположенный в *Липовом Логу*, и Орёловка.

Липовый — овраг у хут. Березняги Россошанского района. В овраге растут *липы*.

Липовый Лес — урочище к западу от с. Комсомольское Ольховатского района.

Липовый Уголок — часть леса близ с. Танцырей Борисоглебского района. Здесь, недалеко от Давыдовского моста, росли прекрасные *липы*.

Не забыта и ольха, да еще с таким разнообразием названий. Это дерево (из семейства березовых) или полкустарник является показателем близости воды, ибо и растет в основном вблизи водных объектов, по рекам, ручьям, возле озер и прудов:

Алѣх — луг за с. Ямное Рамонского района. Название было дано по зарослям *ольхи* рядом с лугом.

Волех — ольховый лес, растущий по болоту близ с. Тресоруково Лискинского района.

Олѣх — роща в с. Никоново Верхнехавского района. Расположена в болотистой низине, где было много *ольхи*.

Олѣх, Ольха — ольховый лес у с. Солдатское Острогужского района.

Олѣх — заливной луг, расположенный в низменном месте у с. Средний Карачан Грибановского района. Видимо, лог окаймляли *ольхи*.

Ольсяи — балка в с. Васильевка Грибановского района. В балке росла *ольха*.

Ольсяп — местность у с. Кирсановка Грибановского района.

Ольха — озеро в центре с. Богана Борисоглебского района. Вокруг озера растет много *ольхи*.

Ольха — урочище в пойме р. Девица у с. Новосолдатка Репьевского района. Объявлено памятником природы.

Ольхи — часть леса у с. Васильевка Грибановского района.

Ольхи — урочище у с. Елань-Колено Новохоперского района. Площадь 2 га.

Ольхов лог, Ольховатский лог — овраг. Назван так потому, что расположен в верховье речки Ольховатки; по оврагу названо с. Ольхов Лог Подгоренского района.

Ольхов лог — большая лощина близ хут. Фриденфельд Каменского района. По ней был назван поселок Ольхов Лог.

Ольховатая — ул. в пос. Малые Базы Ольховатского района.

Ольховатка — ул. в пос. Некрылово Новохоперского района.

Ольховатое — озеро близ хут. Прияр Лискинского района.

Ольховатская Сосна — урочище к северо-западу от с. Загирянка Ольховатского района.

Ольховатый — озеро близ с. Верхняя Тишанка Таловского района, по берегам которого растёт ольха. Раньше озеро было затоном на Битюге, название употреблялось без определяемого слова, отсюда — мужской род вместо среднего.

Ольховая — ул. в пгт Елань-Коленовский Новохоперского района.

Ольховая — ул. в пос. Малые Базы Ольховатского района.

Ольховенькое — озеро в Хопёрском заповеднике.

Ольовец — озеро близ пос. Давыдовка Лискинского района. По берегам его растёт *ольха*.

Ольховид — урочище в Верхнемамонском районе.

Ольховка — часть с. Ярки Новохоперского района.

Ольховое Болото — урочище в Лискинском районе.

Ольхов-озеро — озеро у с. Бродовое Аннинского района. Здесь действительно растёт *ольха*, деревья из семейства берёзовых.

Ольховский — ключ на Ольховской речке у с. Верхний Мамон.

Ольховское — озеро близ с. Русская Гвоздевка Рамонского района.

Ольховый — лес у с. Пустоваловка Хохольского района.

Ольшанка — ул. и часть с. Берёзовка Семилукского района.

Ольшанка — речка. «Речка так звалась по встречавшимся здесь ольховым перелескам», по речке названо с. Верхний Ольшан Острогожского района.

Ольшанка — родник у с. Нижний Мамон Верхнемамонского района. Назван так по зарослям ольхи в прилужном месте, где он находится.

Ольшанка — речка. «Название... по встречавшимся в ее долине ольховым кустам», по речке названо с. Старая Ольшанка Семилукского района.

Ольшанов — название леса в с. Щучье Эртильского района.

Ольшановка — ул. в с. Шестаково Бобровского района.

Да и дерево, казалось бы, с бросовой древесиной, каким профессионалы считают осину, тоже дало множество названий:

Осинки — пастбище в с. Белая Горка Богучарского района. Название указывает на характер растительности — преобладание осины.

Осинки — урочище близ с. Подколodновка Богучарского района. Название указывает на характер растительности — преобладание *осины*.

Осинник — название поляны в с. Старая Чигла Аннинского района. *Лес там раньше был, щас явó вёрубили, стала палынь.*

Осиновка — часть села и ул. в с. Ближняя Полубянка Острогожского района.

Осиновка — часть села и ул. в с. Хлебородное Аннинского района. Название было дано по Осиновому Логу, которым заканчивалась ул.: «*В Осиньфки там были осины, в итим логу, осина там была*».

Осинов Лог — овраг у с. Девица Острогожского района. По оврагу растёт *осина*.

Осинов Куст — небольшой хутор у с. Истобное Репьевского района. Хуторок был назван по осиновой роще, которая по местной терминологии называется *куст*.

Осинова голова — лес в начале оврага близ с. Верхнее Турово Нижнедевицкого района.

Осиновая — ул. в с. Копыл Эртильского района.

Осиновка — речка возле с. Бабяково Аннинского района. Названа по зарослям *осины* на ее берегах.

Осиновка — ул. в Голдаевке, части села Урыв Острогожского района. Улица проходила раньше рядом с *осиновой* рощей.

Осиновка — народное название ул. Овражной в с. Никоново Верхнехавского района.

Осиново — лес в с. Гремячье Хохольского района. Осиново — овраг в с. Платава Репьевского р-на. В овраге, по свидетельству местного жителя, «*лесá непроходимые, осины много*».

Осиновое — поле в с. Ступино Рамонского района. Поле окружено *осиновыми* посадками.

Осиновое — озеро близ с. Алферовка Новохоперского района. Когда-то, вспоминали старожилы, здесь была *осиновая* роща.

Осиновое — лесополоса в с. Подколодновка Богучарского района.

Осиновский — пруд у с. Преображеновка Терновского района.

Осиновское — поле у хут. Гойкалово Каменского района.

Осиновый — лес в с. Шубное Острогожского района.

Осиновый Куст — лес в с. Новосильское Семилукского района.

Осиновый Лог — овраг в с. Русская Гвоздевка Рамонского района.

А вообще в Воронежской области появилось огромное количество улиц, именованию которых, как нам кажется, «помогла» популярная песня Юрия Антонова «На улице Каштановой» (я выделил курсивом те улицы, названия которых размножились в Воронежской области):

Есть улицы *Центральные*, высокие и важные,
С витринами зеркальными, с витринами огней.
А мне милей не шумные, милей одноэтажные,
От их названий ласковых становится светлей.

Пройду по *Абрикосовой*, сверну на *Виноградную*,
И на *Тенистой* улице я постою в тени.
Вишневые, Грушевые, Зеленые, Прохладные,
Как будто в детство давнее ведут меня они.

И, может, на *Сиреневой*, а может, на *Каштановой*,
А не на этих улочках, тогда на *Луговой*
С любовью встречусь primero нежданно, нежданно я,
И вновь бродить до полночи я буду сам не свой.

По словам Юрия Антонова, песня «На улице Каштановой» — единственное произведение, которое он написал на заказ. В начале 1980-х артисту позвонил знаменитый поэт-песенник Игорь Шаферан со словами: «Меня попросили сочинить песню к юбилею Крымской области. Я набросал несколько строчек — послушай, пожалуйста». И зачитал Антонову свои незатейливые стихи. В них герой рассказывал о том, как ему нравятся небольшие улочки, от чьих «названий ласковых становится светлей». Вот лишь несколько таких улиц: Каштановая, Абрикосовая, Виноградная, Грушевая, Тенистая — причем, все они реально существуют. Каштановая, Грушевая и Абрикосовая, например, находятся в Севастополе,

Тенистая — в Евпатории, а Прохладная — в Керчи. (История одной песни: «На улице Каштановой» // Аргументы и факты, 19 февр. 2014).

И вот в Воронежской области такие улицы с названиями из песни расплодись довольно основательно:

Абрикосовая — ул. в пгт Анна.

Абрикосовая — ул. в г. Богучар.

Абрикосовая — ул. в пос. Бороздиновский Новохоперского района.

Абрикосовая — ул. в с. Заброды Калачеевского района.

Абрикосовая — ул. в г. Лиски.

Абрикосовая — ул. в г. Нововоронеже.

Абрикосовая — ул. в хут. Подлесный Лискинского района.

Абрикосовая — ул. в г. Россошь.

Абрикосовая — ул. в пгт Стрелица Семилукского района.

Абрикосовая — ул. в с. Хохол Хохольского района.

Абрикосовая — ул. в пос. 1-е Отделение свх «Новоусманский» Новоусманского района.

Виноградная — ул. в пгт Каменка.

Виноградная — ул. в с. Ковалево Лискинского района.

Виноградная — новая ул. в с. Коломыцево Лискинского района. Название явно искусственное, идущее от популярной песни Юрия Антонова: «И хотя новоселов тут еще мало и винограда никто из них не посадил, можно предположить, что само название «обяжет» их это сделать» (Лискинские известия, 2007, 3 марта, с. 3).

Виноградная — ул. в г. Лиски.

Виноградная — ул. в пос. Нечаевка Новоусманского района.

Виноградная — ул. в с. Новая Усмань.

Виноградная — ул. в с. Сабуровка Аннинского района.

Виноградная — ул. в с. Углянец Верхнехавского района.

Виноградная — ул. в с. Хохол Хохольского района.

Виноградная — ул. в с. Шекаловка Россошанского района.

Виноградная — ул. в с. Ямное Рамонского р-на.

Виноградная — ул. в пос. 1-е Отделение свх «Новоусманский» Новоусманского района.

Виноградный — пер. в с. Новая Усмань.

А вот с Грушёвыми улицами у нас недобор — всего три улицы:

Грушёвая — ул. в пгт Анна.

Грушёвая — ул. в с. Новая Усмань.

Грушёвая — ул. в хут. Подлесный Лискинского района.

И это совсем не потому, что груши у нас не растут (растут, и прекрасно растут!), но чаще не садами. Кроме того, на груше обнаруживаются колючие наросты, что для славян уже плохо. Например, у нас не мифологизировалась *роза*, ее культ завезен с Запада, для русских же — это обычный *шиповник*. Точно так же у нас мифологизировалась яблоня — она символ материнства, плодовитости и даже древа мирового, а груша — нет, хотя она тоже плодовита и вкусна, и это слово тоже женского рода.

Зелёных улиц оказалось с полтораста, переулков — более 30, а в целом зелёный цвет у нас доминантный из естественных названий, встречаются и двухсловные наименования:

Зелёная-Подгоренская — ул. в с. Ямное Рамонского района.

Зелёная Аллея (Зэлэна Алэя) — ул. в с. Болдыревка Острогожского района.

Зелёная Аллея (Зэлэна Алэя) — ул. в хут. Дубовой Острогожского района.

Зелёная гора — ул. в г. Лиски. Начала застраиваться в самом конце XIX в. на зелёном склоне к реке Тормасовке.

Зелёная Дубрава — ул. в с. Никольское Воробьевского района.

Зелёная дубрава — культуры сосны Суходского в Хреновском бору, в окрестности с. Семено-Александровка Бобровского района. Когда-то на этом месте была дубрава. Сейчас — рукотворный сосновый лес, один из самых ценных участков Хреновского бора. Памятник природы занимает площадь 138,4 га.

Зелёная Поляна — ул. в с. Михнево Нижнедевицкого района.

Зелёная роца — ул. в пгт Анна.

Зелёная роца — садовое товарищество в с. Анцелович Россошанского района.

Зелёная роца — лесок, растущий возле Горы в с. Гремяче Хохольского района.

Зелёная роца — ул. в с. Дегтярное Каменского района. Улица когда-то проходила мимо роци.

Зелёная роца — ул. в хут. Нагорное Россошанского района.

Зелёный Гай (Зэлэны Гай) — ул. в с. Старая Криюша Петропавловского района.

Зелёный ключ — ручей юго-западнее с. Склеяво Рамонского района.

Зелёный курган — возвышенность и местность в районе пос. Введенковский Аннинского района. Возможно, там было захоронение.

Зелёный курган — возвышенность и местность близ с. Мечетка Бобровского района.

Зелёный куток — место на лугу у с. Красносёловка Петропавловского района. Здесь растёт самая высокая и сочная трава.

Зелёный Луг (Зэлэный Лух) — ул. в с. Подгорное Калачеевского района.

Зелёный Луг — ул. в с. Лиман Аннинского района. Проходила в низине, возле пруда, в теплое время года здесь всегда была сочная зеленая трава, которую накашивали в больших количествах.

Зелёный Луг — луг и прилегающая местность близ с. Мечетка Бобровского района. Отличались сочной травой для выпаса и сенокоса.

Зелёный Шум — лес у с. Гремяче Хохольского района. Название-метафора, указывающее на цвет листвы и шум деревьев.

Каштаны в Воронеже начали сажать только после войны, в шестидесятые годы (сразу после войны сажали быстрорастущие тополя), а в селах они были редкостью, но все-таки и этих названий набралось достаточно:

Каштановая — ул. в пгт Анна.

Каштановая — ул. в с. Заброды Калачеевского района.

Каштановая — ул. в с. Новая Усмань.

Каштановая — ул. в г. Нововоронеже.

Каштановая — ул. в г. Острогожске.

Каштановая — ул. в пгт Рамонь.

Каштановая — ул. в с. Семилуки Семилукского района.

Каштановая — ул. в с. Устье Хохольского района.

Каштановая — ул. в пос. 1-е Отделение свх «Новоусманский» Новоусманского района.

Каштановый — пер. в хут. Ивченково Каменского района.

Каштановый — пер. в с. Заброды Калачеевского района.

Много оказалось и улиц с названием *Тенистая*, их насчитывается около тридцати, да еще 13 *Тенистых* переулков.

А улиц «прохладных» значительно меньше:

Прохладная — ул. в г. Борисоглебске.
Прохладная — ул. в с. Кондрашовка Семилукского района.
Прохладная — ул. в с. Новобогородицкое Петропавловского района.
Прохладная — ул. в г. Семилуки.
Прохладная — ул. в с. Синие Липяги Нижнедевицкого района.
Прохладная — ул. в хут. Шапошниково Каменского района.
Прохладный — пер. в г. Борисоглебске.
Прохладный — ранее посёлок близ с. Юдановка Бобровского района. Посёлок исчез, остался только пруд его имени — *Прохладный*.

Сиреневых улиц оказалось 15, а кроме улиц *Сиреневыми* оказались разные объекты:

Сиреневый — пер. в с. Ивановка Россошанского района.
Сиреневый — пер. в с. Новая Усмань.
Сиреневый — пруд в окрестностях с. Петропавловка. Назван так по буйно цветущей *сирени* весной по берегам пруда.
Сиреневый — пер. в с. Староживотинное Рамонского района.
Сирень — садовое товарищество на территории пос. Княжево Павловского района.

А вот улицы *Луговые*, хотя и встретились в песне, но появились гораздо раньше и вполне самостоятельно. Таких улиц вместе с переулками насчитывается более шести... страниц нашего словаря. А кроме них целых три Лугани, Луганск и четыре Луга.

И, вопреки песне, край наш все-таки — *яблочный*, а не абрикосовый или виноградный, природа берет своё, поэтому названий улиц и переулков с «наливным яблочком» в нашей области значительно больше:

Яблонева — ул. в с. Заброды Калачеевского района.
Яблонева — ул. в г. Россошь.
Яблонево — пер. в г. Россошь.
Яблонева — ул. в пос. Соколовский Новохоперского района.
Яблонево хребет — гряды, цепь холмов, вдоль которой растут дикие яблони близ г. Павловска.
Яблочная — ул. в с. Александровка Новоусманского района.
Яблочная — ул. в с. Давыдовка Лискинского района.
Яблочная — ул. в с. Отрадное Новоусманского района.
Яблочная — ул. в с. Россошь Репьевского района.
Яблочная — ул. в г. Семилуки.
Яблочная — ул. в с. Софьинка Панинского района.
Яблочная — ул. в с. Шубное Острогожского района.
Яблочная — ул. в пос. 2-е отд. свх «Острогожский» Острогожского района.
Яблочный — пер. в дер. Новоподклетное Рамонского района.
Яблочный — пер. в с. Отрадное Новоусманского района.
Яблочный — пер. в с. Солдатское Острогожского района.

Правда, к сожалению, все равно улиц *Центральных* в Воронежской области оказалось больше всех — более трёхсот, да еще 20 *Центральных* переулков.

Валентина Филатова

ДЕРЕВЯННОЕ УЗОРОЧЬЕ

Деревянная надомная резьба Борисоглебска в значительной степени придает городу эстетическую и историческую уникальность, но, к сожалению, она стремительно уходит в прошлое. Купеческие и мещанские особняки в настоящее время дряхлеют, покрываются безликим сайдингом, бездумно реконструируются или безжалостно уничтожаются. То, что пощадили революция и войны, не щадит сегодняшнее лихолетье.

«Орнамент — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры — какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте». Сергей Есенин удивительно тонко уловил и несколькими словами точно выразил все главные особенности орнамента.

Будь то заставка книги, вышивка на одежде или полотенце, узоры на коврах, кружево, ажурная вязаная шаль или платок, ажурная кованая решетка, роспись предметов быта и, наконец, резной карниз, фриз, фронтон или козырек — всему этому русскому узорочью в равной степени свойственны гармоничность, космологичность и связь с религиозными воззрениями творцов. Вряд ли задумывались резчики конца XIX — начала XX веков, кружевницы, вышивальщицы и вязальщицы, бережно сохранившие вековые традиции мастеров нашего края, о семантике орнаментальных символов. Время возникновения знаков-узоров относится к глубочайшей старине.

Мировоззрение народа-творца и его религиозность на протяжении длительного времени существования народного искусства менялись, изменялось и орнаментальное искусство. Исконное значение того или иного символа выветривалось, забывалось или изменялось, орнамент все более и более приобретал свойство эстетической декоративности.

В. Стасов во второй половине XIX века отмечал: «...у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики — это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не предназначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства».

В настоящее время историки, культурологи, искусствоведы и другие специалисты пытаются понять эту загадочную речь наших предков. Наиболее продуктивным для ее расшифровки представляется семиотический подход, рассматривающий объект исследования как систему знаков и обладающий, с нашей точки зрения, большой объяснительной силой.

В различных народных текстах представлено понимание органического, неразрывного единства, связи всего земного (неорганического мира, человека, животных и растений) и небесного, космического. Сам орнамент в его ритмичных повторениях основных элементов, в сплетении различных знаков-образов в единое целое включает в себе указанную связь всего со всем. Деревянный борисоглебский дом с его резными подзорами, наличниками и лопатками сообщает нам, прежде всего, об этой связи. И такая всеобщая связь представляется народу сакральной. Не случайно как волшебство рассматриваются в народной культуре пряде-ние, вязание, плетение, ткачество, назначение которых — соединение, создание связи одного с другим. Ближайшим же символом соединения являются узел и крест.

Узел (и завязывание) как магический знак широко представлен в народных обрядах. Приведем примеры. Для избавления от сглаза традиция предписывает взять суровую нить в соответствии с размерами талии, завязать на ней сорок узелков, читая молитву «Отче наш», и носить ее под одеждой, не снимая во время купания, до тех пор, пока «она не изотрется». Бытует в нашем крае обряд завязывания женихом и невестой в первый день свадьбы разноцветных ленточек на деревьях (березе, калине) в знак соединения. Завязывание полотенец, платков пронизывает свадебный и похоронный обряды.

Узлы, жгуты, скрещивания и переплетения, универсальные орнаментальные мотивы — повторяющийся элемент деревянного узорочья Борисоглебска. Переплетения борисоглебской резьбы включают как растительные символы (побеги, листья, завитки, цветы), так и символы геометрические (спирали, круги, кресты). Сами контуры и переходы не отличаются резкостью, а более плавны и трудно различимы. Едва различимы порой и символы: цветок это или звезда, ветка или крест, завиток растения или спираль, или то и другое одновременно, или что-то третье. Все эти переливы форм дополнительно обусловлены особенностями пропиленной резьбы, игрой ее внешних и внутренних контуров (дерева и выреза, «пробела» между ним), а в солнечный день — игрой света и тени. Но неизменной остается идея связи.

Кресты самых различных конфигураций находят свое место в деревянном декоре борисоглебских особняков: косой крест, тау-крест, равносторонний флорекрест и другие. Вообще крест — один из постоянных символов орнамента и обряда. Скорее всего, он является сквозным символом всех мировых культур.

Крест понимается в народной традиции как необходимая категория жизни вообще: «У каждого свой крест». Несение креста как исполнение Божьей воли (вслед за Христом) — залог благословения Божьего и светлой будущей жизни человека. Эта идея выражена в народных псалмах, записанных в 2000 году в селе Третьяки Борисоглебского района от М.А. Телеповой (1919 г.р., образование начальное):

Не ропщи на суровую долю,
Крест тяжелый покорно неси.
Уповай же на Божию волю,
Лишь терпения, силы проси.
Бог послал тебе все испытанья,
Чтоб окрепнуть в тяжелой борьбе.
Эти муки и сердцу страданья
В этой жизни на пользу тебе.

В то же время крест — один из мощнейших способов защиты человека. Традиция предписывает осенять себя крестным знаменем в самых сложных жизненных ситуациях. Возникновение креста как символа относится, согласно данным археологии, к глубокой древности.

В повсеместно бытовавшем в Воронежском крае обряде изготовления на сре-

докрестье (среда Средокрестной недели Великого поста) печенья в виде креста и последующего его использования отражена древнейшая символика креста как эмблемы богини земли. Печенье хранилось в зерне, предназначенном для высевания, во время весеннего сева оно крошилось и бросалось вместе с зерном в землю. Обряд можно рассматривать как жертву земле.

Крест (как и квадрат, и круг) имеет свою сложную знаково-мифологическую историю в культурах разных народов. В отличие от круга и квадрата, он не замыкает пространство, и, видимо, эта открытость предполагает опасность. Воронежская традиция предписывает избегать перекрестков, называемых в воронежских говорах крестами или средокрестьем (середина, центр креста), куда ведьмы и колдуны, по поверьям, выбрасывали все дурное и где издавна хоронили нечистых покойников. Часто обряд и орнамент объединяют крест, квадрат и круг. В обряде защиты от русалок чертят крест, становятся на него, а вокруг креста чертят круг. Русалка не может пересечь эту черту (записано в 2008 году в селе Октябрьское Поворинского района от Т.В. Афанасовой, 1932 г.р., образование 9 кл.)

Косой крест с точками на концах креста — часто встречающийся знак в борисоглебской надомной резьбе. По-видимому, он содержит идею ограничения пространства, потенциальный квадрат, усиливающий защитные свойства креста. К тому же точка содержит идею превращения ее в круг.

Точка, как показано в работах Б.А. Рыбакова, обозначает и капли дождя, и семя — то и другое связано с земледелием, с плодородием. В этом отношении концентрические круги символизируют не что иное, как «возрастание» точки в круг (вспомните разбегающиеся круги от брошенного камешка). Мотив этот, видимо, символизирует явление набухания, увеличения, разрастания.

В декоре борисоглебского орнаментального чугунного литья (в козырьках над парадным входом в дом) часто встречаются круг в квадрате, в кругу — крест, то есть наблюдается совмещение символов, объединение их, по словам В. Стасова, в одну фразу. Происходит превращение простого символа в сложный знак, определенным образом структурированный.

Орнамент Борисоглебка, следовательно, сохраняет символы глубочайшей древности, что подтверждается местным археологическим материалом.

Мария Медведева

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

(По материалам этнографических исследований
в селах Лискинского района)

Легенды и предания, рожденные в недрах народной жизни, давно уже считаются отдельным литературным жанром. Одни повествования относятся к древнейшим — языческим (сюда относятся предания о русалках, леших, водяных, Яриле и прочих богах дохристианского русского пантеона). Другие — принадлежат более позднему времени, периоду христианства, и потому более глубоко исследуют специфику народного быта, но и они все еще перемешаны с языческим мировоззрением.

Исследованиями легенд и преданий Лискинского края изначально занималась Воронежская ученая архивная комиссия. В памятных книгах и трудах ВУАК был опубликован целый ряд статей. В XX веке работу в этом направлении продолжили ученые и студенты ВГУ, ВГПУ, Воронежский историко-краеведческий музей. В 2004 году в ходе практики студенты исторического факультета ВГУ предприняли экспедицию на территорию Лискинского района, был обследован ряд сел по течению реки Хворостань. Материалы исследований опубликованы в 4-м выпуске сборника «Этнография Центрального Черноземья». В 2007–2008 годах Лискинский историко-краеведческий музей предпринял экспедицию по селам района с целью сбора легенд, преданий, а также верований, связанных с календарным годовым циклом. По итогам экспедиции в 1-м выпуске альманаха «Петровская слобода» была опубликована статья научного сотрудника музея А.А. Гордышевой.

В данной статье использованы материалы, собранные исследователями XIX–XX веков, а также легенды и предания, записанные со слов жителей автором публикации.

Легенды и предания можно разделить на мифологические и исторические.

Мифологические легенды характерны для всех сел, их самыми распространенными героями являются колдуны и ведьмы.

Жители села Дракино рассказывают:

«Колдуны и ведьмы не отличаются внешне от других людей, но наносят вред обычным людям. Ведьмы могли превращаться в кошек, приходили ночью в сарай и выдаивать коров. В лунные ночи появлялись на перекрестке и сбрасывали порчи, которые могли «пристать» к случайным прохожим. Один случай был: шел

мужик домой, а на него кошка сзади прыгнула. А он изловчился, скинул ее с себя и побил. Предположил он, кто с ним хотел злую шутку сыграть, и на следующий день наведалься к старушке-соседке, а она на печи побитая лежит».

Уроженцы села Добрино рассказывают о ведьмах, превращавшихся в клубки и таким образом «заводившие» людей. «Был у нас на деревне рассказчик Ванька Семенов, по подворью Ситок. Рассказывал он нам, ребятишкам, побасенки какие-нибудь на ночь. Запомнилась мне одна — про свинью. Шел Ванька, дескать, как-то по двору. Вдруг видит, клубок за ним катится. Ситок испугался и побежал. Потом приостановился, оглянулся, а там уж не клубок, а свинья бежит. Ситок остановился, так и она стала. А рядом телега. Свинья к телеге подбежала и ну чухаться об колесо. Ванька взял лопату (сарай был рядом) да по ноге свинье, а потом убежал. А на краю села жила бабка одинокая. Так наутро после всего этого бабка эта хромать стала. Вот и думай теперь».

В селе Троицком есть легенда о ведьме, которая могла обернуться свиньей и гонять стада домашних животных.

Кроме того, существуют легенды о ведьмах и колдуньях, которые навели порчу на людей. Жительница поселка Давыдовка рассказала случай:

«Молодая женщина однажды не поздоровалась с соседкой, задумалась и пошла мимо. А на следующий день у нее вскочил нарыв, она лечит его, тот прорывается, а рядом на его месте образуются уже два. Таким образом, нарывов стало очень много, чем только она ни лечилась. А потом ее кто-то надоумил обратиться к местной знахарке, та посмотрела и говорит: «Ты сможешь поправиться, если свою соседку-колдунью задобришь». Женщина купила пряников и пошла в гости к соседке, в процессе разговора она сказала, что иногда так может погрузиться в себя, что ничего вокруг не замечает и как бы невзначай обронила, что если вдруг когда не поздоровалась с ней, то не со зла. Пришла она домой, легла спать, а наутро — кожа чистая».

Во всех населенных пунктах Лискинского района встречаются рассказы местных жителей о колдуньях, вылетающих из трубы, шабашах, и т.п. Колдуном или ведьмой, согласно преданиям, мог стать любой человек. Перед смертью колдунья должна передать свой дар, и в то время, если тот или иной человек находился рядом, по желанию мог его получить. Чаще всего это были родственники.

Еще один персонаж народных преданий — знахари, они лечили порчу и сглаз — в отличие от предыдущих злых колдунов, это как бы добрые герои, помогающие людям. Во всех населенных пунктах до сих пор живут те, кто занимается «отливанием от испуга», «изгнанием бесов», и т.п.

Например, в поселке Давыдовка одна старушка так излечивала детей, которые плохо спали ночами: носила их в курятник и там что-то читала. После этого ребенок меньше плакал и лучше спал.

Из мифологических персонажей самый популярный — домовый (или хозяин дома).

Жители села Старая Хворостань рассказывают:

«Домовые живут на чердаке. Многие люди их видели. Внешне они обросшие, невысокого роста. Бывают и злые, и добрые». В селе Аношкино утверждают, что домовый обитает в каждом доме. Поэтому, когда завершена постройка нового дома, на чердаке обязательно нужно положить старую одежду, чтобы задобрить «хозяина».

В селе Добрино местная жительница поведала рассказ о домовом, который предсказывал судьбу:

«Одна женщина овдовела, а осталась беременная от мужа. К ней ночью пришел домовый и рассказал ей, что та родит девочку, как ее назовут и дальнейшую судьбу ребенка. Предсказанное сбылось».

Ряд легенд рассказывает о том, что домовый мог прийти ночью и заплетать косы девушкам. Мог домовый и о несчастье предупредить.

В том же Дракино бытует такая легенда: «Жителям одного дома по ночам на чердаке слышался топот и грохот. Никто не знал, что это такое и как с ним бороться. Но один догадливый из старших говорит: «Когда услышите грохот вновь, выгляньте в сени и спросите: к добру или худу». Так и сделали, а в ответ: «К худу!» На следующий день узнали о начале войны, мужчину, жителя этого дома, призвали на службу, и он погиб спустя короткое время».

Иногда чужие домовые проникали в дома соседей, и там происходили неприятные вещи.

Жительница села Почепского говорила, что однажды проснулась от того, что ее кто-то душит. Открыла глаза, а на нее навалился кто-то черный и мохнатый. Она скинула видение с себя и оно исчезло.

Другая женщина из Давыдовки рассказала такую легенду: «Это было очень давно. Мне было пять или шесть лет. Я боялась темноты, поэтому спала с включенным ночником. Однажды ночью я проснулась от скрипа, казалось, что в комнату кто-то вошел, тяжело ступая. Половицы прогибались под его весом. Забившись под одеяло так, что торчали только нос и глаза, я ждала его появления. И он пришел: огромный, лохматый, рыжебородый, бурый, грива, длинные волосы. Из одежды, помнится, ветошь, лохмотья — не вещи даже. Прошел к бабушкиной кровати, наклонился над ней, сделал несколько шагов и, вытянув руки вперед, несколько раз повернулся вокруг своей оси. И ушел. Я долго, затаясь, лежала. И не помню, как уснула. Проснулась, когда ярко светило солнце. Сразу посмотрела, как там бабушка. Кровать была пуста. От страха я дико завопила, на мой крик прибежала мама и сказала: «Тише, тише, не кричи». Ночью бабушке стало плохо. Родители вызвали ей «скорую», и она перелегла на диван. Вот и все. И до сих пор я не знаю — был ли это сон или явь».

В ряде сел домовый отождествляется с чертом. В Дракино записана легенда следующего содержания:

«Одна женщина осталась вдовой. Она работала ночами. Чтобы не оставлять дочку одну, приглашала соседку ночевать с ней. Однажды ночью девушки проснулись от стука копыт. Смотрят: по комнате скачет что-то мохнатое и стучит копытами. Они испугались и начали молиться — видение исчезло».

Также существуют легенды и былички о русалках. Согласно им, по внешнему виду — это молодые девушки, иногда они могут превращаться в животных. Волосы у русалок длинные, распущенные, некоторые из них целиком обросшие. Иногда русалки предстают в обнаженном виде, чаще в белых одеяниях. Жители села Рождествено рассказывают, что на русальской неделе летом они выходят из воды и встречают людей. Иногда они могут утопить человека.

Реже встречаются легенды, связанные со смертью.

Например, такая легенда: «Один житель Давыдовки пошел в лес за хворостом. По дороге он встретил женщину в белом, она ему представилась Смертью. Старик ей говорит: «Дай хоть до дома дойти, а то умру здесь и никто меня не найдет, и не похоронит». Смерть согласилась. Набрал мужик хворост и пошел домой. Идет, а сам размышляет: может, передумает она и даст еще пожить. Уже и в село вошел. Идет ему навстречу сосед, поинтересовался, почему тот грустный. Он и рассказал ему про смерть. Собеседник лишь посмеялся. А тот человек дошел до дома и у самого порога умер».

По мнению сельских жителей, существует много способов, с помощью которых можно уберечься от нечистой силы: осиновые колья в изгороди, нож или иглолка, вставленные в косяк входной двери, пшеничный хлеб, который закапывают у входа, булавки, прикрепленные к одежде, а также молитва.

В селе Почепское рассказали такую легенду:

«Был Иван Яковлевич председателем колхоза. Одной бабке надо было что-то попросить у председателя. И пришла она к нему. А сама была худючая, гнутая. Говорили про ту бабку, что она колдунья. Девки решили ее проверить: вставили нож в трубу дома председательского. Сидит бабка, собирается уж уходить. Только встанет, похлопает председателя по коленке: ну, вот, дескать, пошла я. До дверей дойдет и опять возвращается. Постучит по коленке, до дверей дойдет, а потом обратно — нож-то в трубе. Председатель уже испугался. Сидит, боится. Тогда старуха возвращается в четвертый раз и говорит: «Иван Яковлевич, скажи своим девкам, чтоб нож вынули, а то я выйти не могу».

Исторические легенды рассказывают о тех или иных событиях например, о возникновении населенных пунктов, знаменитых жителях, а также об известных государственных деятелях, побывавших в нашей местности. В зависимости от объекта повествования легенды бывают топонимическими, а также свидетельствуют о самих исторических событиях.

Возникновение ряда сел нашей местности согласно легендам связано с деятельностью известной исторической личности — царя Петра I. Например, село Аношкино. Судя по рассказам местных жителей, будто бы в Азовскую кампанию, весной 1696 года, царь проплывал на «Принципиуме» мимо села, приветствовать его вышли первые поселенцы во главе со старостой села *Анохой Голобковым*. Преподнесли царю хлеб-соль, а Петр между тем поинтересовался о названии гостеприимного села. Выяснив, что такового пока не придумано, царь распорядился назвать его по имени старосты Аношки: «Отныне это будет село Аношкино». Также Петр I подарил Аношке денег на постройку церкви и икону Иоанна Богослова древнего письма (1237 год), собственноручно начертал на обороте: «Владеть Аношке с крестьянами, их детям, внукам и правнукам всеми землями по речке Хворостани во все времена». После строительства церкви в честь Иоанна Богослова численность населения села увеличилась. По сообщению жителей, с иконой, подаренной аношкинцам Петром I, произошел инцидент. Жители соседнего села Старая Хворостань украли икону и косой стерли надпись. Позже, когда икона была возвращена в храм, жители Аношкина соседей с тех пор стали называть «косырями».

С именем Петра I связана и легенда основания слободы Петровской, находившейся на территории современного города Лиски. По мнению старожилов, в конце XVII века, в связи со строительством Игорецкой верфи сюда переселялись мастеровые люди из центральной России, а населенный пункт, который был образован, назвали именем царя Петра — слобода Петровская.

Название села Дракино произошло, по одной версии, от того, что здесь часто были поединки — кулачные бои, поэтому местных жителей и стали называть драчунами, а село — Дракино. По другой версии: переселенцы — это монастырские крестьяне, которые активно боролись против монастырских властей Подмоскovie, слыли бунтарями или «драчунами», что и послужило оформлением имени их новой родины — Дракинское поселение. Согласно третьей версии: местность, куда приехали выходцы из Подмоскovie, была поросшей хворостом, и чтобы расчистить место для строительства домов, приходилось выдирать или «драть» хворост — отсюда и название.

Интересна легенда о происхождении названия поселка Давыдовка: «Раньше на этом месте было Чистое или Дикое поле, а потом из Подмоскovie стали заселять эту местность богатые люди, купцы и помещики, все они захватывали тут землю. Одного из них, основателя, звали Давыдом, его именем и назвали новое поселение».

Село Старая Хворостань, по мнению местных жителей, названо так, потому

что давно в этой местности жили татары, и они назвали реку и населенный пункт Хорососом, что в переводе означает — торговое село.

Село Добрино получило свое название якобы потому, что раньше тут жил добрый человек, который всем помогал, слава о его добрых поступках пошла и за пределами села, и соседи стали называть село Добрым или Добринным.

Рождественно названо по фамилии помещика Рождественского, построившего на свои средства церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В дальнейшем хутор, в котором стоял храм, стали называть по церкви.

Село Тресоруково ранее носило название Трушкино, потому что основателя села звали Трушкой.

Ковалево основано в середине XVIII века служивыми людьми из Острогожска, называлось по имени одного из переселенцев Крюськов (тогда это был хутор Крюськов). Современное название «Ковалево» (Кузнечное) носит с 1871 года, когда в село пришли ковали (кузнецы) — строители железной дороги.

От имен первопоселенцев пошли названия хуторов Демченков, Путчино, Шепелев, Попасное, а также сел Мелахино, Мисево, Пухово, Коломыцево, Масловка.

Одна из легенд гласит: «Говорили на селе: с Острогожска приезжал такой купец — Пухов. Он поставил здесь винный завод. Потом этот завод был разрушен, а кирпичи от него мы до сих пор вытаскиваем из земли на огороде. Здесь проходила большая дорога на Лиски. В местечке Барское жил барин по фамилии Пухов. Много скота держал, поэтому сейчас здесь земля очень плодородная. Барин водил здесь скот, а сам жил в своей усадьбе. Потом он запил, загулял, все крестьянам раздарил. По его фамилии многие в Пухове также имеют эту фамилию».

Села также могли называть по именам владельцев, например, Петровское и Екатериновка. Легенда такова: «Оба села принадлежали помещикам Гевяшовым, одно из них называлось Хрестики, а другое — Колодизи. Когда дочь помещика Екатерина выходила замуж за Петра Винтулова, они стали частью ее приданого, и впоследствии их переименовали по именам новых владельцев — Петровское и Екатериновка. Также здесь были построены церкви в честь святых Петра и Екатерины». Данная легенда оказалась подтвержденным фактом, а Петра и Екатерину до сих пор местные жители считают своими покровителями и рассказывают легенды о том, что в период тяжких испытаний они появляются и помогают землякам.

Ряд населенных пунктов получили название от местных природных достопримечательностей. Например, село Лиски (или ранее — Лыски) поименовано по названию реки Лыски, протекавшей рядом с селом и получившей в свою очередь название от меловых, лысых гор, расположенных вдоль по крутому берегу. По другой версии, название пошло от большого количества лис, обитавших в этих местах.

Аналогична топонимика хутора Дивногорье — от Дивных гор, которые находятся рядом. Дивные же горы в свою очередь так названы, согласно легендам, о «дивных людях», которые обитают под землей. Они, дескать, выкопали когда-то удивительные лабиринты пещер благодаря совершенству науки и техники. Местные жители рассказывают о том, что подземные обитатели выходят часто из меловых гор и возвращаются среди народа, как обычные люди, но их никто не видит. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. «Дивьи люди» небольшого роста, очень красивы, обладают приятным голосом, но слышат их только избранные.

Согласно другой легенде Дивногорье обязано своим названием Петру Великому. Проезжая по этой местности, он воскликнул: «Какие дивные горы!»

Ряд названий связан с деятельностью местных жителей, как, например, хутор Попасное: «Когда люди из дальних сел ехали в Лиски, их подводы останавлива-

лись на отдых в степи, и путники ночью пасли скотину. Вот поэтому, говорят, село названо Попасным. Попасти (попасать *(укр.)* — пасти, мол, нужно скот».

Название местных водоемов тоже порой легендарно. Озеро Костянка так названо, судя по легенде, от найденных на берегах водоема костей (то ли мамонтам они принадлежали, то ли динозаврам, а могли и великанам давно вымершим).

Озеро Максим получило такое наименование согласно преданию, по которому в этом водоеме утонул сын колыбельского попа.

Озеро Богатое хранит тайну сокровищ, награбленных и затопленных разинцами. И якобы американцы готовы были потратить большие деньги, чтобы обследовать дно озера и поднять богатства.

В каждой местности есть достаточное количество легенд о людях, живших здесь, или о знаменитостях, бывавших в данной местности.

Повсеместно встречаются истории о богатырях. Лискинская земля в этом отношении тоже не стала исключением. В конце XIX века приехал из Бобровского уезда работать на станцию Давыдовка богатырь Прокофий Рябов. С его именем связано несколько легенд. Одна из них рассказывает о женитьбе богатыря: «Долгое время добивался он расположения одной девушки из села Дракино. Девушка никак не соглашалась выйти за него замуж. В один из дней силач снял жернова с местных мельниц и положил их горкой. Неделью зерно дракинцы молотить не могли. Жители собрались и пошли к той девушке домой, уговаривали ее дать согласие и выйти замуж за Прокофия. Перед таким прошением она устоять не могла, молодых обвенчали в местной церкви». По другой легенде, через Давыдовку проходила дорога, по которой возили всевозможные грузы. Весной по ней было сложно ездить, застревали груженные телеги. И тогда звали Проню, он распрягал лошадей, брался за оглобли сам и таким образом вытаскивал застрявшую телегу. Третья легенда гласит: «Однажды узнал о силе местного богатыря один богатый человек из Москвы. Пригласил Проню выступать в цирке. Работал богатырь в Москве, но не поладил он с начальством и вернулся домой. Какое-то время работал на мельнице в селе Новая Покровка. А там местные мужики развлекались тем, что наблюдали, как богатырь мог выпить ведро или два водки. В итоге Прокофий заболел и вскоре умер».

Есть в нашем крае и легенды о старцах. Перед Великой Отечественной войной появился в нашей местности старец, звали его Моисей: по предположению журналиста Э. Ефремова, это один из трех афонских старцев (Федор, Сергей и Моисей). Пришли они, чтобы укрепить веру людей перед грядущим испытанием. В ряде сел Лискинского района местные жители рассказывают легенду о пребывании старца Моисея. Больше всего таких историй в селах Бодеевка и Аношкино. Подробно легенды о его пребывании описаны в книге В. Мокроусова «Старец Моисей», а также в статье М.В. Русиковой «Старец Моисей — легенда или пророк Бодеевской земли», опубликованная в 6-м выпуске альманаха «Петровская слобода». Могила знаменитого старца находится в селе Бодеевка. К ней часто приезжают люди, просят избавить их от болезней, местные жители рассказывают о случаях исцеления.

Ряд легенд связан с жизнью местных помещиков. Например, про помещика Вульфберта такая легенда:

«Однажды помещик увидел красивую крестьянку и хотел соблазнить ее, но та ответила отказом. И тот, разгневавшись, отдал ее замуж за местного юродивого, девушка с горя наложила на себя руки».

Масса историй связана с пребыванием в наших краях знаменитых россиян.

Есть легенда о пребывании на Лискинской земле святителя Митрофания. Якобы в устье реки Хворостань стояла деревянная часовенка, а Митрофаний Воронежский, как известно, благословил Петра Первого на Азовские походы.

Уже давно подтвержденный факт пребывания на станции Лиски М. Кантария. Однако как Мелитон оказался в городе Свобода и как долго здесь находился, неизвестно. В связи с этим появились легенды: «В период советско-финской войны Кантария был ранен. Его перевозили по железной дороге, бойцу становилось все хуже и его оставили на ближайшей станции — Лиски. Здесь он находился с весны 1941 года, а в декабре, выздоровев, вновь был призван на фронт. И прошел путь от Лисок до Берлина, водрузив вместе с однополчанином Егоровым на крыше рейхстага Знамя Победы».

Территория Лискинского края связана со многими историческими событиями, неудивительно, что многие из них «обросли» легендами.

До XVII века наши места были частью Дикого Поля, места небезопасные. Одна из легенд гласит об этом: «После Куликовой битвы, отошли войска татар в район современного хутора Титчиха. А во время битвы погиб жених дочери Мамая — Челубей. Девушка, согласно легенде, сбросилась с меловой горы напротив села Аношкино. Как рассказывают местные жители, если приглядеться призрак ее иногда можно видеть на том месте, где и произошла трагедия несколько столетий назад».

Есть легенда о пребывании в наших краях разинцев: «В период восстания Степана Разина его брат Фрол якобы спрятал клад в колыбельских пещерах, с тех пор они и стали называться «Разбейки». За кладом Фрол так и не вернулся, однако если кто ночью к пещерам подойдет, может встретить его там».

Много легенд о событиях времен гражданской и Великой Отечественной войн. Например, о пребывании в наших местах знаменитых военачальников, в том числе и маршала Г.К. Жукова. По одной из легенд, он даже чуть ли не попал в плен.

Еще одна легенда о юных партизанах: «Семеро парней и одна девушка — Катя Стародубова — учились в 10-м классе средней школы села Залужное. 18 июня 1941 года был выпускной вечер. А 22 июня началась война, и ребят, в том числе и Катю, призвали в Красную Армию, направили в военные училища».

В 1942 году многие погибли на фронте, не стало и Кати. А младшие школьники остались в своем селе. В 1942 году немцы уже приближались к Залужному. Стоит село на высоком холме у реки Дон. А внизу над рекой возвышаются два огромных железнодорожных моста. За рекой — районный центр Лиски. Именно к этому месту и рвались немцы, отсюда шли железнодорожные ветки на Ростов и Харьков. И вот на пути гитлеровцев встали младшие школьники. Их организовал в боевой отряд наш преподаватель математики Гавриил Петрович Панцырев. В гражданскую войну он был командиром отряда Красной Армии и на этот раз применил командирские и военные знания. Сутки ребята не пускали немцев к Дону. Но весь отряд школьников, стоявший в обороне у села Залужное, погиб. Погиб и их командир».

Ряд историй связано со строительством железной дороги. По одной из них:

«Изначально станция Лиски должна была строиться у села Лиски. Но когда приехали строители, оказалось, что там пригорок, и станцию строить неудобно. Решено было выбрать новое место — у села Новая Покровка, однако название не изменили, якобы боясь гнева царя — так и появилась станция Лиски».

По другой легенде: «Станция Давыдовка могла и вовсе не появиться. Дорога должна была пройти через село Старая Хворостань, напрямик по кладбищу. Тогда купцы села дали взятку, и проект был изменен, так и появилась станция совсем в другом селе: не в Старой а в Новой Хворостани (так до революции называли Давыдовку)».

Существует легенда о благоустройстве села Щучье. В данном населенном пункте на удивление прямые улицы. Этот факт объясняет такая легенда: «До революции селом владел помещик Карл Вульфферт, обрусевший немец. Большую часть

времени он проводил на военной службе. Однажды, уезжая, он дал распоряжение своему управляющему о том, чтобы перестроил село по немецкому подобию, с ровными улицами. По его возвращении, село было не узнать. И до сих пор застройка ведется так же, несмотря на пожары и разруху Великой Отечественной войны, общий план села не меняется».

Сказки любят все: и взрослые, и дети. Детей в сказках привлекает необычность и неожиданность в развитии действия, смелость и находчивость главных героев, торжество добра и справедливости. Взрослых же в сказках очаровывает нравоучительная простота выдумки и многокрасочность народного языка. Не последнюю, видимо, роль при этом играют сознательные или подсознательные воспоминания о днях детства, полных радужных мечтаний и формирования наиболее важных человеческих качеств. Легенды и предания — это память народная, отголоски старины, с помощью чего мы можем ощутить связь с нашими предками.

Евгений Романов,
краевед

ГДЕ КЛАД ЗАРЫТ?

“В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Прошло время — померла старуха. Решил старик ее похоронить, да денег нет. Пошел старик к попу деньги просить. Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!»

«Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе, Господи! Будет на что и похоронить, и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой...»

Так записал народную сказку «Клад» всемирно известный богучарский сказочник А.Н. Афанасьев. Финал этой сказки печален. Клад удачи не принес. Действительно, с этими захоронениями не все так уж однозначно. Как-то мне довелось беседовать с нумизматом, который имел внушительную коллекцию золотых и серебряных монет. Уезжая навсегда из Богучара, он невзначай посетовал на то, что никто из детей не хочет заниматься нумизматикой, дескать, придется свою коллекцию зарыть в землю, как когда-то кто-то — клад. Но, как говорится в русской пословице: «Без хозяина деньги — черепки». Природа кладов, сокровищ настолько таинственна, что есть большой соблазн, прочтя эту главу, по естественным причинам устремиться на их поиск. Однако не спешите! В народе утверждают, что у них есть надежные сторожа. Не верите?

В семи верстах от Богучара есть большой земляной вал. «Под праздник Воскресения в одном месте вала каждый год горит свеча. Один смельчак, убежденный, что там непременно должен быть клад, решил во что бы то ни стало достать его. Взяв с собой заступ и необходимые вещи, он отправился туда. Как только пришел к месту, где горела свеча, он увидел себя окруженным со всех сторон страшными чудовищами огромного роста. Они спросили: «Ты зачем сюда пришел? Мы поставлены сторожами, и знай, что тебе не удастся овладеть сокровищами». Страх овладел кладоискателем, он сделался несчастной жертвой чудовищ и собственной смелости». Это отрывок из статьи богучарского краеведа XIX века Г.Г. Ткачева, помещенной в воронежской газете в 1865 году. Место, о котором идет речь, хорошо видно со скифского кургана, который расположен к северу от села Залиман. Называется оно залиманцами

«могилой». Как бы то ни было, но данный клад был найден в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В нем содержались роскошные одежды, прошитые золотыми нитями, золотые украшения, серебряные чаши — пиалы, пояс, украшенный серебряными с позолотой бляшками. Курганная группа, в которой были найдены эти сокровища, принадлежала погребению эпохи бронзы и скифского времени V–IV вв. до нашей эры. В одном из них были захоронены представители золотоордынской знати XII–XIV веков. Согласно исследованиям ученого-археолога В.Д. Березуцкого, аналогичные погребения были обнаружены в землях Алтая и Тувы. Возможно, данные люди пришли сюда вместе с монголами. Но открытием захоронения эта история не закончилась. Рассказывают, что один из археологов, который нашел сокровища, вскоре неожиданно погиб — не иначе, стал жертвой «сторожей-чудовищ».

Существует крылатая фраза: «Зарыть талант в землю». «Талант» с греческого и латинского переводится как вес. Одно из многочисленных поучений Иисуса сводилось к тому, что некий человек, уезжая, оставил рабам своим деньги на хранение: одному пять талантов серебра, другому — два, третьему — один. Первые двое пустили таланты в оборот и получили прибыль. А третий пошел и спрятал серебро господина своего, закопав его в землю, за что и был наказан.

А еще есть примета: «За найденный клад должна быть отдана одна человеческая жизнь». Каждому знакомо выражение: «Класть деньги в кубышку». Действительно, в глубокой древности деньги прятали в кубышку — небольшой глиняный горшочек, который наполняли золотыми, серебряными монетами и драгоценными камнями, а потом прятали. Искали место — высокий холм, пещеру, старое крепкое здание, дерево, как правило, дуб или грушу, а, возможно, и высокий речной берег.

В народе говорят: «Деньги счет любят». Как правило, любят они и место свое, а также сохранность. На Руси лучше всего деньги сохраняла земля. Гончары изготавливали специальные горшочки и кувшинчики для скромных кладов. Зарывали их в землю, если внезапно приходили враги, лихие люди, а иногда и просто от чужого глаза. Во время войн количество кладов возрастало. Увы, умерший, убитый или угнанный в неволю владелец клада уносил с собой и его тайну. Волшебное таинство клада, мгновенное обогащение за счет этого закладывается в нашем сознании с детства. Взять хотя бы детские игры: написал записку, спрятал ее в бутылку, зарыл в землю и установил срок, описание клада и как его найти. А кому-то поручалось найти этот клад по описанию...

А раскопки Меркулова кургана у Михаила Шолохова в «Тихом Доне»... Не говоря уже о знаменитом романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо», который прочитал практически каждый подросток.

Клады бывают разные: эпохи каменного и бронзового веков, хазарские и скифские, купеческие и казацкие, разбойничьи и трудовые. Существует поверье, что тот, кто сумеет найти цветущий папоротник, станет богатым и мудрым. И еще цветущий папоротник может открывать места, где зарыты клады.

Жителям с. Подколодновка знаком клад, спрятанный мельником возле одной из многочисленных мельниц XIX века. Клад был зарыт в период революционных потрясений и гражданской войны. В 1930–1940-х годах в село вернулся старый мельник. Приехал он не один, а в сопровождении родственников: дети и внуки. Зашел в сельский совет и сказал, что оставил возле мельницы, в месте, известном только ему, клад. По договоренности с властью, каждому из родственников мельника должен был достаться один золотой червонец. Вскоре в показанном мельником месте начали копать, и нашли кубышку с золотыми червонцами. Родственники получили обещанные червонцы, остальное сдали в милицию. И с миром разошлись.

Клады бывают не только золотые. Встречаются и «пьяные». Еще до революции, в 1913 году, купец, проживающий по улице Дворянской, в доме № 9, решил расчистить подвал, который во время наводнения заилило. Как рассказывал

В.Н. Пушкарев, они с товарищами взялись за эту работу. Вдруг под лопатой раздался скрежет по стеклу, а вскоре показались бутылки. Всего их было выкопано более 200. Когда открыли одну из них, то обнаружили там вино. Сообщили хозяину дома, тот ничего об этом не знал и был приятно удивлен. Несколько бутылок работники украли и выпили. Долго еще вспоминал Пушкарев, что после выпитого голова была «светлая», но встать на ноги и идти домой он не мог.

Интересна история с кладом, найденном в 1950-х годах в подсобке с химическими реактивами Богучарской аптеки, расположенной на улице Дзержинского в доме № 32. Здесь при ремонте бетонных полов был найден кувшин с серебряными и золотыми монетами. По городу ходили слухи, что на эти деньги была построена Богучарская больница. Но в действительности, это только разговоры, клад был сдан государству. Аналогично в городе Богучаре на улице Театральной, в доме, где было расположено РСУ, при расчистке старых конюшен был найден кувшин с золотыми червонцами и серебряными монетами.

А еще около 800 серебряных монет было найдено во дворе дома № 14 на улице Кирова. Ребята разбирали старый сарай, и на чердаке обнаружили ведро, которое поднять было очень трудно. Когда спустили ведро вниз, оно оказалось доверху набито «николаевскими» рублями и «полтинниками». В этом доме, как удалось выяснить, в 1920–1930-х годах жил работник НКВД. Возможно, это деньги какого-нибудь купца.

По рассказам Инны Щербань, которая проживала в доме № 11 по улице Театральной, в 1970-е годы в доме № 13 делали капитальный ремонт — полностью сносили старую постройку, обновляли фундамент и строили новые стены. До революции дом принадлежал одному из купцов. При раскопке фундамента нашли клад — в глиняном горшке лежали серебряные монеты. Смотреть можно было всем желающим, потом эти серебряники куда-то забрали.

При исследовании кургана у села Вервековка археологи под руководством А.Т. Синюка обнаружили серебряную монету времен Золотой Орды XII–XIV веков. Данная монета считается старейшей из найденных на территории Богучарского края. У древних греков мелкую монету клали в рот умершего человека. Этот обычай называли «обол мертвых». Обол предназначался для платы Харону — перевозчику душ умерших через реку подземного царства. Такой обычай сохранился и в средние века, да и в наше время, поэтому в могилах и курганах часто находят только одну монету.

Такая монета 1830 года, достоинством в одну копейку, была найдена в одной из могил в селе Филоново, когда к школе монтировали водопровод. У села Монастырщина в 1970-х годах найдены монеты, от которых пошло название копейка. На одной стороне такой монеты чеканилось имя царя, при котором она выпущена, на другой — герб, изображающий всадника с копьём. Поступи эти монеты в музей, была бы доказана гипотеза, что казачья станица действительно была заселена меццерскими казаками еще в XV веке, но, к сожалению, они разошлись по нумизматам.

Несколько слов о монетах из богучарских кладов и «черных копателях». В коллекциях богучарских нумизматов хранится много монет времен Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II. В основном распространены монеты Елизаветы Петровны периода 1741–1761 годов, а также монеты Екатерины II с 1762 года по 1796 год. В основном это «пятаки». Внешне они отличаются только вензелем. Так, монеты Елизаветы Петровны отличаются симметричным вензелем, прозванным в народе «решетом». Подбрасывая монету, гадали, как она упадет: «копьем аль решкой», «орлом или решкой». Возможно, именно отсюда пошло название «орел» и «решка».

Много «потрудились» копатели в районе старой базарной площади, что за «маленьким мостиком». В частности, там была найдена польская монета в один злотый 1838 года и две свинцовые пломбы, на которых выдавлено название города «Лодзь». Находили и грузинские монеты 1810 года номиналом одна биста. На

ярмарку в Богучар приезжали из Саратовской, Астраханской, Киевской, Новгородской губерний. Возможно, был польский и грузинский товар, а соответственно и торговцы — поляки и грузины.

По одной монете можно многое установить. Взять хотя бы монету, найденную Новиковым Н.Л. в селе Дубрава. Большая турецкая серебряная монета: номинал — куруш султана Мустафы III, чеканилась в Стамбуле (Константинополь), ориентировочно в 1766–1767 годах.

В начале 1980-х годов в селе Терешково при расчистке свинарника, расположенного на берегу Дона, был найден клад с серебряными монетами в глиняном кувшине. Как утверждали очевидцы, это были деньги периода правления Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II и нидерландские талеры — всего около ста монет отличной сохранности. Клад был сдан в милицию. Но, конечно, после того, как его «изучили» нумизматы. Часть монет осела в их коллекции.

Известен также клад, найденный терешковскими мальчишками в 1975 году. Дети, играя на крутом донском берегу в двухстах метрах от села, увидели круглую дырочку, раскопали. Обнаружили бронзовый кувшинчик с орнаментом в виде ромбов и круглыми выпуклостями в центре, а также топор-кельт. После мальчишек там побывали археологи. Клад эпохи бронзы, как потом написали ученые-археологи, состоял из семи предметов: два топора-кельта, три серпа-косаря и нож-«бритва». Находка хранится в Воронежском краеведческом музее. Клад датируется II тысячелетием до нашей эры.

Клад найти просто: бери лопату и копай, а иногда он просто лежит на поверхности. Но, к сожалению, «черные копатели» не знают, а, может, чувство мгновенного обогащения затмевает разум, и люди не понимают, что отсутствие даже одной монеты или вещи из клада существенно изменяют его значение. Клады, поступающие в музеи целиком, представляют огромную ценность. Множество монет было изъято из земли «черными копателями» в последнее время и продано на рынках Богучара, Лосева, Павловска, Калача, Воронежа.

Так, в 2003 году в Богучарском уезде был найден небольшой клад в 100 монет. Это пятикопеечные медные монеты времен правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. В 2005 году найден клад в 60 серебряных монет. В составе клада только рубли. Период чеканки монет: 1721–1777 годов. В 2008 году поднят клад серебряных монет (около 40 штук) в районе села Старо-Толучеево. Ни одна из них не поступила в Богучарский краеведческий музей. Таких примеров, к сожалению, много.

Как рассказывают жители села Монастырщина, много серебряных монет периода Золотой Орды, крестиков, мечей и ятаганов было выкопано в районе Селища в последние годы. В одном месте, практически на одном квадратном метре, было найдено пять нательных крестов. Возможно, это было местом казни казаков Донецкой станицы. Тут летели буйные головешки, а кресты падали на землю.

Здесь же была обнаружена часть царской казны, которую вез полковник Бильс в Азов. Казаки Донецкой встретили Бильса с почестями, но как только он отплыл за поворот, то был ограблен. Денежная казна, по архивным данным, насчитывала 2000 рублей. Каждому из нападавших, а их было около 100 человек, досталось по два рубля с гривной, атаману Никите Колычеву в десять раз больше — 21 рубль.

В 2008 году экспедиция кладоискателей из трех человек вышла на Донецкий городок. Здесь было найдено несколько ядер, ведро пуль свинцовых, керамика, а на глубине 40 сантиметров обнаружили кубышку. В глиняном горшке оказались 2100 монет петровской «чешуи», как раз на 21 рубль. По всей видимости, это была доля атаманов Микулы и Никиты Колычевых. Говорят, что был найден еще один клад чешуи россыпью и несколько монет Золотой Орды. Информация об этом упоминалась в статье «Дети подземелья» в воронежской газете «Моё» в 2009 году.

В районе бывшего монастыря у села Монастырщина в 2010 году проводились

раскопки. Рассказывают, что еще раньше там уже находили глиняный кувшин с золотом, как будто бы спрятанный еще служителями монастыря. Там же был найден и кувшин с серебряными «крестовиками», талерами. Клад, к сожалению, разошелся по жителям села. Где-то в селе Монастырщина хранится и золото, награбленное разбойником Чекушей в годы гражданской войны.

Из детства мне хорошо помнится история, как в 1966 году нашли клад купца Селиверстова. В городе достраивалось здание Богучарской типографии, его восточная часть. И тут разнеслась весть — нашли клад серебряных и золотых монет. Случилось так, что двое мальчишек, Петя Чернов и Вова Котов, из соседнего дома наблюдали, как тракторист грузил на машину землю из котлована. Вдруг из ковша вместе с землей посыпался золотой дождь из раздавленного деревянного ларца. Тракторист с землей в ковше и водитель автомобиля сразу уехали. Как рассказывал один из мальчишек (было ему тогда лет девять), они с ребятами спустились в котлован и набили карманы золотыми десятирублевыми червонцами. Потом стреляли ими из рогатки по воробьям. Но вскоре о находке сообщили в милицию. Котлован сразу же оцепили. Шофера и экскаваторщика быстро поймали, землю просеяли. Всю ночь возле котлована стояли дежурные, толпились люди. Утром прибыл представитель из Москвы. В руках он держал бумажный кулек, свернутый наспех, и в него бросали найденные в земле золотые и серебряные монеты. Это были золотые червонцы — золотые монеты номиналом в 5 рублей, 7 рублей 50 копеек, 15 рублей и 37 рублей 50 копеек, а также серебряные «николаевские» рубли и полтинники. Всего было сдано в местное отделение Госбанка 235 золотых монет нарицательной стоимостью 1470 рублей. По нынешнему курсу — на сумму более двух миллионов 300 тысяч рублей. Более 600 монет ушли на сторону. Зато у богучарцев появились золотые зубы, сережки, перстни и новые автомобили.

Из рассказа старожилы города Юрия Вострухина удалось узнать, что кладов находили в Богучаре и в других местах. Нередко они не отражались в милицейских хрониках и архивах, а найденные деньги не сдавались в банк. Один из таких кладов, к примеру, был найден в 1960-е годы при строительстве дома № 2 по улице Ленина.

Из архива мне удалось узнать, что в квартале, где стоят здания женской гимназии, «пожарки» и нынешнего магазина «Эльдорадо», хранится в подземных ходах клад Богучарского собора. По рассказу директора Богучарской средней школы № 1 С.Т. Сергуткина, однажды в школу привезли краску. На автомобиле было около десяти 200-литровых бочек. Когда автомобиль стал разворачиваться в школьном дворе, то неожиданно задние колеса его провалились под землю. Осмотр провала показал, что под землей находится ход со сводами, выложенными из кирпичей. Аналогичный ход вел и в сторону собора, куда по сей день сливается канализация из здания бывшей женской гимназии.

Как рассказывают очевидцы, подземные хода Богучарского собора ведут и в здание «Эльдорадо», и к зданию нынешнего краеведческого музея, и даже через улицу Халтурина в селе Залиман в сторону Галиевских пещер. И это не байка. Подтверждение этому есть. Во-первых, на улице Халтурина стоит дом, в котором жила старая учительница. У нее был во дворе погреб, в котором, почти как в известной сказке о Буратино, есть потайная железная дверь, которая открывает вход в подземелье. Во-вторых, в конце 1970-х годов рабочие МПМК-897 достраивали здание райкома партии на месте, где стоял дом самого богатого купца Куранова. Во дворе райкома партии рабочими был обнаружен вход в подземелье, но его засыпали. Сейчас в подземелье уходит вода из ливневки внутренней части здания. Возможно, где-то рядом с памятником В.И. Ленину остался и клад купца Куранова.

А говорят, такие подземные хода были практически под каждой церковью. Да и много еще разных потайных мест по сей день хранят богучарские сокровища. Но пойдут ли они впрок тому, кто их найдет? Люди, сочинившие сказку о кладе, как мы знаем, в этом сомневались.

ДОНСКАЯ ЛИРА

(Река Дон в русской поэзии
от Пушкина до наших дней)

Александр ПУШКИН

(1799–1837)

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вот он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Ефрата
Я привез тебе поклон.

Отдохну от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

Василий ЖУКОВСКИЙ
(1783–1852)

К ВОЕЙКОВУ
Послание

Ты видел Дона берега;
Ты зрел, как он поил шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрел, как тихими видами
Меж виноградными садами
Он, зеленея, протекал
И ясной влагой отражал
Брега, покрытые стадами,
Ряды стеснившихся стругов
И на склонении холмов
Донских богатырей: станицы;
Ты часто слушал, как певицы
Родимый прославляют Дон,
Спокойствие станиц счастливых,
Вождей и коней их ретивых;
С смиреньем отдал ты поклон
Жилищу Вихря-атамана
И из заветного стакана
Его здоровье на Цимле
Пил, окруженный стариками,
И витязи под сединами
Соотчикам в чужой земле
«Ура!» кричали за тобою (...)

Федор ГЛИНКА
(1786–1880)

1812-й ГОД
(Отрывок из рассказа)

Посвящено людям 1812-го года

На Бородинские вершины
Седой орел с детьми засел,
И там схватились исполины,
И воздух рделся и горел.
Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин?
Со всей Европой — эту встречу
Мог русский выдержать один!

И он не отстоял отчизны,
Но поле битвы отстоял,
И, весь в крови, — без укоризны —
К Москве священной отступал!
Москва пустела, сиротела,
Везли богатства за Оку;
И вспыхнул Кремль, — Москва горела
И нагнала на Русь тоску.
Постихли вдруг враги и грозы —
Переменилася игра:
К нам мчался Дон, к нам шли морозы,
У них упала с глаз кора!
Необозримое пространство
И тысячи пустынных верст
Смирили их порыв и чванство,
И показался Божий перст.
О, как душа заговорила!
Народность наша поднялась:
И страшная России сила
Проснулась, взвихрилась, взвилась (...)

Михаил МИЛОНОВ

(1792–1821)

ПРОЩАНЬЕ КАЗАКА

Нежным верности обетом
Обойми меня, мой друг,
Я завтра, дня с рассветом,
Покидаю мирный луг!

Во своем гордясь убранстве,
Быстрый конь мой, вороной,
Землю бьет в непостоянстве
И зовет лететь на бой!

Опьяненными браздами
Он, звучащий, в чуждый край
Понесет на брань с врагами,
С Дона мигом на Дунай!

Там калены вражьи стрелы,
Крови жаждущий булат,
Там неверных стран пределы
Смертью страшной мне грозят!

Там слезится с сопостатом
Сил изведать твой донец,
На коне своем крылатом
Встретить славу иль конец!

Кондратий РЫЛЕЕВ
(1795–1826)

К КОСОВСКОМУ

*В ответ на стихи,
в которых он советовал мне
навсегда остаться на Украине*

Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случится;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир молодой души —
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак, простите вы:
Краса благой природы,
Цветущие сады.
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной, —
Где, горя, и сует,
И обольщений чуждый,
Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;
Где б дни его текли
Под сенью безмятежной
В объятьях дружбы нежной
И родственной любви!

Все это оставляя,
Пылающий поэт
Направил свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед!
В тревожном шуме света,
Средь горя и забот,
В мои молодые лета,
Быть может, для поэта
Она веночек совет.

Он мне в уединенье,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

Лето 1821

Алексей ХОМЯКОВ
(1804–1860)

КИЕВ

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным Серебром.

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко песни раздалися,
В небе тих вечерний звон:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон?»

— «Я оттуда, где струится
Тихий Дон — краса степей».
— «Я оттуда, где клубится
Беспредельный Енисей» (...)

Ноябрь 1839

Алексей КОЛЬЦОВ
(1809–1842)

КОСАРЬ

Ты прости, село,
Прости, староста,
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострую;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохнете,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной! (...)

Москва, 1836 г.

Михаил СТАХОВИЧ
(1819–1858)

* * *

В глуши пустынной и далекой,
Среди воронежских степей,
Есть хутор. Близ него широко
Лежит дорога. Там коней
Гоняют с Дона косяками,
Обоз идет, скрипя возами,
Порой, под сению ракиит,
Цыганский табор здесь гостит (...)

Иван НИКИТИН
(1824–1861)

ДОНЦАМ

Да здравствует донцов воинственное племя,
Да здравствует и млад и стар!
Привет вам всей Руси за славу в наше время!
Привет за славу вашу встарь!

Русь помнит те былые годы,
Когда свой гибельный удар,
Сын дикой степи и свободы,
Бросал наш предок на татар;
Когда от Дона до Урала
И вдоль днепровских берегов
Внезапной молнией сверкала
Казачья сабля меж врагов.
И помнит Русь тот день великий,
Когда бесстрашный богатырь
К подножью Грозного владыки
Поверг обширную Сибирь;
И подвиг дивный и кровавый,
Которым в летопись веков
На память вечную и славу
Внесен разрушенный Азов.
Привет донцам! Увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны отечественный год:
Весь Дон восстал, на голос чести
И день и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.

Минула грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне...
Войны испытанные дети,
Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровию вписали
Любовь к Руси в ее скрижали...

Между январем и августом 1854

Владимир ГИЛЯРОВСКИЙ
(1853–1935)

ИЗ ДОНСКИХ МОТИВОВ

Дон могучий, Дон глубокий
Темно-синею волной
По степи бежит широкой,
Блещет яркою струей.
И журча катятся воды,
Да валы о берег бьют
И о днях былой свободы
Песни смелые поют.
Все поют — о прошлой воле,
О наездах казаков,
О пирах, о тяжкой доле,
О бряцании оков...
Все поют... И песню эту
Кто душой своей поймет,
Пусть, как буйный Дон, поет,
Пусть несет ее по свету.

Иван БУНИН
(1870–1953)

КОВЫЛЬ

*Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано передъ зорями?*

Сл. о Пол. Игор.

1

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?
Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие, —

Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,
По курганам, по могилам сонным,
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...
Что шумит-звонит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулись балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет
И бежит-звонит старинной былью?

2

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уводит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синеет.
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер, буйный и тоскливый!

... Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894

Сергей БЕХТЕЕВ
(1879–1954)

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

То не буря завывает
Дикой яростью полна,
То на берег набегают
С плеском радостным волна.
Многоводный и широкий,
Всевеликий тихий Дон,
Шлю тебе я, сын далекий,
До сырой земли поклон.
Здравствуй, батюшка любимый,
Здравствуй, русская река,
Ты прими привет, родимый,
От донского казака.
Изнывая на чужбине,
По степям твоим скорбя,
И в лишениях, и в кручине
Помню всюду я тебя.
Совершая подвиг тяжкий,
С вечной спутницей-тоской,
Заменяли наши шашки
Мы лопатой и киркой.
Но в тревогах и в неволе,
В злой юдоли мрачных дней,
Не забыть нам прежней воли,
Царской вольности твоей,
Не забыть станиц далеких,
В мирной степи хуторов,
И казачек светлооких,
И радушных стариков.
Не забыть заветов старых,
Бранной славы светлых дней,
Горбоносых и поджарых,
Недоезженных коней.
И над берегом Дуная,
В муках горя и обид,
Наша песня удалая
Прежней вольностью гремит.
Ты услышь ее, родимый,
Ты разлейся в даль и ширь,
Дон великий, Дон любимый,
Дон-Иваныч, богатырь!

*Сербия,
г. Новый Сад,
1923 г.*

Самуил МАРШАК
(1887–1964)

ПУТЬ СЛАВЫ

По большим путям истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгорья
Далеко озарены.

Блещет Дон военной славою,
Как в былые времена.
Снова — битва под Полтавою,
Бранный гул Бородина.

От побоища Мамаева
До сражений за Донбасс,
От Олега до Чапаева
Славный тянется рассказ.

Городов названья древние
Мы в приказах узнаем,
И деревня за деревнею
В сердце входит с каждым днем.

Здравствуй, Славгород, Ивановка,
Луги, Никонцы, Басань,
Остролучье, Первозвановка,
Переяслав, Березань!

Как дитя, в трудах рожденное, —
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

Анна АХМАТОВА
(1889–1966)

РЕКВИЕМ

(...) Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

Осип МАНДЕЛЬШТАМ
(1891–1938)

* * *

Пластинкой тоненькой жилета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы, именитые вершины,
Дерев косматых именины, —
Честь Рюисдалевых картин, —
И на почин лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин.

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
И тополь встал самолюбиво...
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.

А Дон еще как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа,

Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели...

15–27 декабря 1936

Сергей ЕСЕНИН
(1895–1925)

УС

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль, под тыном,
Расставались мать с верным сыном.

«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо,
Знать пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под поклоном».

То не водный звон за путиной —
Бьет копытом конь под осиной.
Под красневу дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:

«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор била пеной —
Вынимал он нож с полколена,
Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова под дубравой:

Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты сын ли мой, мое чадо!» (...)

1914

Александр ТВАРДОВСКИЙ (1910–1971)

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ (Отрывок)

Я убит подо Ржевом
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушинный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.

Где травинка к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена...

1945–1946

Павел ШУБИН
(1914–1951)

ДОН

Тянулись баржи.
Били волны в кузов.
Шли берега с Задонска на Азов.
Полуторапудовые арбузы
Трещали, сладкой исходя слезой.
С утра качало,
Словно ядра, грузно
Они рвались из трюма наобум
По палубе.
И, как шары по лузам,
По люкам их сгоняли снова в трюм.
И, прорываясь сквозь степные стерни,
Дул ветер каравану поперек,
Сбивал, рулили, навалясь на стерно,
Плюясь в арбузный красноватый сок.
За восемь дней впервой заночевали.
Над дамбой небо плавало в крови,
И было слышно, как в Нахичевани
Посвистывал спросонок паровик.
Потом затихнул.
Баржи у причала
Бортами терлись.
Теплая вода,
Похлюповывая в темноте, качала
Степным вином пропахшие суда.
Дон проплывал спокойно мимо всех,
Извечного не прекращая бега,
Он был — как ночь: он всем давал ночлег,
Сам не имея для себя ночлега.

1936

Константин ГУСЕВ
(1916–1980)

* * *

Пред нами степь,
 шумящая пшеницей.
Полей безбрежных
 золотой простор.
Жужжат жуки.
 Поют о счастье птицы.

Кузнечики
ведут
вечерний разговор.
И надо всем земным разноголосьем
До синей Волги,
до Уральских гор,
Зерном налитых,
вызревших колосьев
Торжественный
многоголосый хор.
Пред нами степь...
Пред нами — земли Дона.
Изрытые окопами поля.
Заря над ними подняла знамена.
Пред нами степь...
Свой дом.
Своя земля.

1946

Анатолий АБРАМОВ
(1917–2005)

ПЕРЕД ПРОТОКОЙ

*Протока — небольшая речка.
Там стоит моя родная станция.*

Это я, если помнишь,
Тот, которому ты
Подарила в ту полночь
Свет и радость мечты.
В час тот не было клева,
Месяц мягко светил.
И заветное слово
Вдруг отец обронил:
«Где б вам жить ни судили
Годы счастья и бед,
Вы живите, как жили,
Где увидели свет;
Где родительским оком
Жизнь смотрела на вас,
Где узнали Протоку —
Вот такой, как сейчас.
Будут горькие вести,
Рухнет вера сама,
Крест сменяют на крестик —
Не сходите с ума.
Сколько б ни было мути
И беспамятства тьмы,

Дон и степь не забудьте,
Здесь на родине мы».
Это я, если помнишь,
Я, узнавший сто рек.
Твоя тишь, твоя полночь
В моем сердце навек.

Николай ОТРАДА
(1918–1939)

НЕКОГДА

Клены цветут.
Неподвижная синь.
Вода вытекает в ладонь.
Красиво у Дона,
И Дон красив,
Тих и спокоен Дон.
Вот так бы и плавал
В нем, как луна,
У двух берегов на виду,
И нипочем
Мне б его глубина,
Вода б нипочем в цвету.
Вот так и стоял бы на берегу
И в воду глядел, глядел;
Вот так бы и слушал
Деревьев гул,
Но много сегодня дел.

Михаил ТИМОШЕЧКИН
(1925–2013)

БЕЛОГОРЬЕ

Много сел люблю мною,
Но одно на всю страну,
Незабытое, родное
Белогорье на Дону.

Я мечтал сюда вернуться.
Суждено, сбылась мечта.
Все пути сейчас несутся
Прямо в здешние места.

Я, наверно, от рожденья
К полевой езде привык —
Забираюсь с разрешенья
На попутный грузовик.

Локти сверху на кабину —
Слушай ветра звонкий свист.
Исподлобья «здравствуй» кинул
Хлопец, пахнувший бензином,
Очевидно, тракторист.

А потом, как побратиму:
«Что, мол, крепко наскучал?»
А навстречу, мимо-мимо
Полетел неудержимо
Поля черного овал...

Знаю, даже среди ночи
Встретят, только прикачу.
Кто-то громко захохочет,
Кто-то хлопнет по плечу.

Ясноглазый и веселый
Улыбнется мне, как встарь,
Из райкома комсомола
Самый первый секретарь.

Буду рад я шуткам, смеху,
Глубоко взволнован тем,
Что опять сюда приехал,
И не в отпуск — насовсем.

В клуб наведаюсь, а там уж
Встречу счастье я свое...
Говорят, что вышла замуж.
Все равно люблю ее...

А машина, как живая,
Чуть касается земли...
Скоро круча меловая
Завиднеется вдали,

За горою за пологой
Заблестит на солнце Дон...
И бежит, бежит дорога
В Белогорьевский район.

Алексей БАГРИНЦЕВ
(1926–1974)

* * *

Он приезжал обычно в мае
Откуда-то издалека.
Шутил, что комнату снимает
Просторную
У лешака.

Он покупал харчи в деревне
И шел к затону босиком.
Он нам казался очень древним
Волшебно-добрым стариком.

Он жил все лето у затона
В духмяно-тесном шалаше.
И говорил, что даль за Доном
Ему, бродяге, по душе.

Но был рассеяннo-задумчив,
Когда по строчкам козьих троп
Угадывал на белой круче
Другим невидимый окоп.

Туда навевывался часто,
Бродил по круче меж камней...
Он, видно, с юностью встречался —
С окопной юностью своей.

Ему нещадно в девятнадцать
Огнем здесь юность обожгло...
И потому уже расстаться
С землею этой тяжело.

Егор ИСАЕВ *(1926–2013)*

ЛИСКИ

Я нисколько не заузил,
не зависил твой порог,
Лиски — город, Лиски — узел
Четырех сквозных дорог.
Стык за стыком, сталь по стали,
Красота — у красоты.
Город новый, город старый,
Под крылом одной мечты
Распашной. И слава Богу,
Полю брат и Дону друг.
Рельсы к западу с востока,
Рельсы с севера на юг,
Эшелон за эшелонoм —
Нескончаемый поток...
Помню кашу по талонам,
Привокзальный кипяток,
Помню памятью солдата
Нары те и тот вагон,
Из которого когда-то
Нас, остриженных, — в огонь...

Добрый ты и ты суровый
У священного огня,
Хорошо, что вы с Бобровым,
Как два брата у меня.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ
(1930–1995)

РОДИНА

Выше Усмани поныне
Сохранился древний вал.
Он громадою польиной
За степным курганом встал.
Мимо мчат автомобили.
И с утра до темноты
Грозовые тучи пыли
Оседают на кусты.
Я теперь уже не знаю,
Это клен или вошла
И дрожит в земле прямая
Оперенная стрела?
Словно желтые страницы,
Перелистывай лета.
Путь Руси. Ее граница,
Белгородская черта.
Ни ограды, ни крылечка, —
Топь на месте городка,
Лес нетронутый и речка,
Безымянная пока.
Положив мешок к пицали
Человек с клеймом на лбу,
Трудно двигая плечами,
Рубит первую избу.
Правдолюб, кому он ведом
В славе былей вековых?
Заклейменный, был он дедом
Русских прадедов моих.
Это он, покинув Тускарь,
С васильком на бердыше,
Шел на половцев от Курска,
Пил из Дона в камыше.
Это он в холодный вечер,
Как недавно на Орду,
Шел, хрипя, бояр увечить
В кровью меченом году.
Это он корой питался,
Брел к неведомым местам,
В книгах пасынком считался,

В тайных песнях сыном став.
Он лежит под этим валом,
Здесь его последний дом, —
Редким выстуком сказало
Сердце вещее о нем.
Тишина. Недвижен колос.
Пыль осела на полынь.
И звенит далекий голос
Самой близкой из былин.
И — не книжная — впервые
В сердце, бьющемся едва,
Открывается Россия
Чувством кровного родства.

Алексей ПРАСОЛОВ
(1930–1972)

НА ТИХОМ ДОНУ

Я увидел впервые
Трепет вольной струи,
Берега меловые,
Перекаты твои.

Не могу наглядеться,
Замирает душа, —
Будто здесь мое детство,
Моя юность прошла...

Будто смелый отарщик,
Я скакал на коне,
Слушал песни казачек
О донской старине...

Много видел ты браней,
Тихий батюшка Дон.
К чужеземцам незванным
Не ходил на поклон.

Помню: год сорок третий...
Ночь. Мороз огневой.
В кофту, в шубу одетый —
Немец в хате любой.

В сапогах на кровати,
Словно в доме своем.
Но средь ночи раскатом
Грохнул яростный гром:

Через вражьи землянки,
Путь расчистив огнем,

Танки, русские танки
С Дона шли напролом!

О године суровой
Много песен поют.
Сердце требует новой —
Песни, славящей труд.

Ты пройди до Цимлянской,
Погляди-ка окрест;
Все здесь кажется сказкой —
Не узнать этих мест.

Где рукам человека
На столетье работ —
Чудо нашего века —
Экскаватор идет.

На ковыльном просторе,
Под ветрами степей
Забушует здесь море
У станичных плетней.

Дон сверкнет светлолицый,
И в торжественный час
Своей кровной сестрице —
Волге руку подаст.

И под знаменем алым
Обновленной земли
Поплывут по каналу
Корабли, корабли.

Анатолий ЖИГУЛИН
(1930–2000)

НА РОДИНЕ

Не узнал я родного села
У железной дороги за Доном,
Там, где чистая речка текла,
Почва скована грязным бетоном.

И дымятся в цементной пыли
Вместо прежней зеленой равнины, —
Там, где лилии нежно цвели, —
Комья серой рассыпчатой глины.

Нет ни хат, ни веселых раки
Там, где пчелы под крышами жили.

И глухая старуха твердит:
— Осушили, сынок, осушили...

Ощущением горькой беды
Сердце тронули бабкины слезы...
А какие здесь были сады,
Заливные дуга, сенокосы!..

Здесь шуршала стена камыша,
И мосточек скрипел по соседству.
И рванулась обратно душа —
В золотое видение детства.

Сколько лет пролетело с тех пор
За войной, за бедою проклятой?..
Ах, гони поскорее, шофер!
В тридцать пятый гони,
В тридцать пятый...

Виктор БАРАБЫШКИН
(1930–2012)

СОЛДАТКА МАРЬЯ

Дон открылся за Яманью,
Свет церквушки за рекой.
Еду к полю за стихами,
За нетронутой строкой.

Шаль накинет бабка Маня —
Дед-покойник подарил, —
Павших воинов помянет,
Крест щепотью сотворив.

В узел стянутые пальцы
От годов и от трудов
Век такой для них достался:
Хлеб с извечной лебедой...

Нет у бабки ни медалей,
Ни других каких наград.
Обошли в свой срок, не дали —
Нынче поздно, говорят.
Нынче новые приметы...
Я ж тому безмерно рад,
Что живут пока на свете
Те солдатки без наград.

Что ж, что сеяли, косили...
Нет — и нет. Чего их ждать?

Ведь пришлось бы всю Россию
Поименно награждать.

Рад тому, что в добром здравье
Их, пожалуй, миллион...
Носит пенсию исправно
Сельсоветский почтальон.

Рассудить опять же надо —
Сколь воды ушло с тех пор,
Сколь металла на награды
Перелил монетный двор.

Рад, что там, за косогором,
Есть доньне у меня
Ото всех обид опора,
Ото всех сует броня.

Рад, что можно здесь напиться
Раз в году живой воды,
Хате старой поклониться
У согнувшейся вербы.

Это все — как детства вымпел...
Что касается наград —
Я бы им таблички выбил,
Каждой хате, в каждый ряд.

Чтоб в победный праздник Мая
Те слова — на всю страну:
«Здесь живет солдатка Марья,
Одолевшая войну».

Виктор ПАНКРАТОВ
(1931–2007)

ВОРОНЕЖСКАЯ ПЕСНЯ

Вновь улицы Воронежа
полны тепла рассветного.
И скачет солнце весело
на золотом коне...
И Дон под Семилуками,
и Усманка у Репного
зеленые окраины
качают на волне.

И вызревает радуга
для города любимого.
Успенкою петровскою
прославлены века.

Нет лучше этой пристани
для флота лебединого —
легко скользят крылатые
по небу облака...

И в перекличке с песнями
Кольцова и Никитина
торжественно над вязами
ударил вешний гром.
И город многопарусный —
как будто ждет отплытия
на синеве улыбчивой
за Бархатным бугром...

2002

Валентин СИДОРОВ
(1932–1999)

СТАРИННЫЕ НАЗВАНИЯ

Люблю старинные названья
Российских рек и городов.
Они как будто изваянья
Во мгле растаявших годов.

Лебязье тонет в хмурой хмари,
Но шею выгнула ветла,
И чудятся в густом тумане
Мне всплески белого крыла.

А на реке на Потудани
(Не потому ли По-ту-дань?)
Татары крымские топтали
Вот эту степь, вот эту даль.

А нынче здесь деревья дремлют,
И, превращенная в ручей,
Река с названьем древним-древним
Исчезла в мареве ночей.

И эхо мне не отзовется,
И все уйдет в урочный срок.
Но остается, остается
Едва мерцающий намек.

Он тянется к нам легким дымом
Из тех исчезнувших времен.
И с ними зыбко и незримо
Я именем соединен.

О Русь, летящая над Доном,
Я синевою твоей томим.
Я окольцован, околдован
Славянским именем твоим.

1966

Василий ЖИЛЯЕВ

ХРАМ ДЕТСТВА МОЕГО

Толпой растерзаны иконы.
Храм обещен, разорен.
За рощами, за тихим Доном,
Растаял поминальный звон...
Под сводом, некогда лазурным,
То ль обитает Божий Дух?
Лишь, занесенный ветром бурным,
Кружится голубиный пух.
Я зрю мальчонкой босоногим
Настенной росписи следы:
Христос идет в обличье строгом
Поверх бушующей воды...
В минуты грозные, лихие,
Один лишь знак Его руки —
И укрощен разгул стихии
И спасены ученики.
Меня крестили в храме этом.
И стал я, верно, потому
Чуть живописцем, чуть поэтом,
Подвластным Богу одному.
Жизнь во грехе прошла, в изломах...
Но как бы вижу до сих пор
Тот храм, избушки под соломой,
Плетни, песчаный косогор.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

* * *

То ли в Россоши, то ли в Рамони
Слышу ливенку издалека.
На задумчивый голос гармони
Отзовется вдруг сердца строка.
Поплывет она с музыкой рядом,
И подхватит ту песню мехов
Хор девичий за Доном и садом,
Чтоб до первых звучать петухов.
Что за грусть в ней и что за отрада,
В этой теме просторов и нив?

Ах, гармоника — семь пуговиц лада!
Но высок и раздолен мотив.
В нем — донского разлива приволье,
Соловьиных рулад виражи
И колосьев шуршание в поле,
И загадочность русской души.

Александра ТИРИЧЕНКО

* * *

Луна огромная над стогом,
И каждый шорох, словно крик.
Тьма разметалась по дорогам,
Мир непонятен и велик.
Берез прохладное дыханье,
В Дону — уснувшая вода.
И вдруг с порога мирозданья
Слезой падучая звезда
Скатилась медленно за крышу
И ярко вспыхнула в бору...
И голос родины я слышу,
Вот только слов не разберу.

Станислав НИКУЛИН *(1937–2011)*

ЛЕБЕДИ

Начало лета.
Близится закат.
Колдует тишина над тихим Доном.
Пройдет баржа —
Спокойно и знакомо
Глухие волны с миром говорят.

А рядом мой надежный давний друг
За удочкой одолевает скуку.
И вдруг какой-то непонятный звук
Ворвался в нашу сонную округу.

Белее снега, ландыша белей,
Как будто бы негаданно приснились,
Как семь надежд,
Семь белых лебедей
На гладь речную
Шумно опустились.

Сбежался сразу духовской народ.
«Должно с озер...» —
Судили и рядили.
А лебеди против течения вод
Не наяву, а словно в сказке, плыли.

Но вот буксир затарахтел опять,
Из-за речной излучины вырастая, —
Такое вряд ли больше увидеть:
Все семь надежд
Взметнулись в небо стаей.

Она тянула властно за собой
И вдруг, как озарение, пропала...
О дай-то Бог,
Чтоб нас над суетой
Земная красота приподнимала!

Анатолий ИОНКИН
(1938–2003)

БРАКОНЬЕРЫ

Тревожна ночь. Как шкура волчья, серы,
Обманчивы ее полутона.
Опять по Дону рыщут браконьеры,
Гремят снастями с самого темна.

Луна на воду след дрожащий стелет,
Но ловкачи — отчаянный народ:
Берут рыба, леща и даже стерлядь,
А их самих и леший не берет.

Мы слышим их тяжелое сопенье,
Их грубые и злые матерки.
Зажать бы их, как зверя, в оцепленье
И взять с поличным посреди реки!

Но мы молчим, мы очень ровно дышим,
И в эту ночь никто не будет бит.
Мы, может, спим и ничего не слышим,
И рыбинспектор тоже, может, спит.

Одна луна сквозь звездно-серый ситец
Ночного неба уж в который раз
Взывает тщетно: «Граждане, проснитесь!
Не реку грабят, граждане, а вас!»

Виктор БЕЛОВ

ГРОЗА НАД ХОПРОМ

Гроза ревела
Радостно и трубно.
Темнел Хопер
В притихших берегах.
И шла гроза
Огромным черным зубром,
Легко закинув солнце за рога.

И тени распластались
На приволье,
И чудилось, как в разных сторонах
Бросались ласточки
На стрелы молний,
Гася их в закипающих волнах.

Вдруг
На мгновенье
Небо осветилось
И с треском
Расколосось, как слюда,
Земля качнулась
И остановилась,
И хлынула веселая вода...

И после ливня
Над сосновым бором
Разлился тихий небывалый звон,
То радуги
Играли перебором
Своих цветов, протянутых за Дон.

А там, где птицы молнии гасили,
Всплывали в нескончаемой среде,
Кружились чаши
Белых-белых лилий,
И зубры шли,
Степенные,
К воде.

Евгений НОВИЧИХИН

ДОНСКОЙ РАССВЕТ

Упала в Дон
С дрожащим плеском
И скрылась в заводи
Звезда.

А вслед,
Натянутый, как леска,
Метнулся
Луч от перелеска,
Взвилась удилицем
Лоза.
Как щука,
Судорожно бьется
В листве застрявший
Ветерок.
И вновь
Волна
Качает солнце —
Огромный
рыжий
поплавок.

Виктор БЕЛИКОВ

НА МИРОНОВОЙ ГОРЕ

Какая ширь над этой высью!
Разлет полей и ленты рек.
Взошел — и сам себя возвысил
Пусть самый малый человек.

...Текут века легко и зримо,
Текут века, как облака.
И правотой неоспоримой
Сияет истины река.

По-над седыми ковылями,
Вдоль склонов, взгорий меловых,
По-над лугами и полями
Лишь тень былых орлов степных.

Их выбили, как те дружины,
Что в сечах зубрили мечи.
... Мемориалом та вершина
О битве яростно кричит.

Длинны неисчислимо списки
Героев тех великих лет.
А у подножья обелиска
Горит адонис-горицвет.

И ты, что — как цветок — исторгнут
Из недр земных,
У тех высот
Замри от горя и восторга,
От гордости за свой народ,

За ширь полей под этой высью,
За синий Дон, за дальний лес,
Века соединяя мыслью
Под светлым куполом небес.

2005

Виктор БУДАКОВ

ИНОБЫТИЕ

Большая излучина Дона,
Что она, откуда она, гигантская эта дуга?
Почему Дон течет столь причудливо
И как бы затрудняясь, куда ему течь?
Сначала свой путь он долго торит на юг,
Вдруг решительно поворачивает на восток,
А затем вновь выворачивает на юг,
И берег левый открыт Востоку,
А берег правый открыт Западу...
Словно глаза евразийца.
Наконец, Дон втекает в море,
И море поглощает его.
А может, дает иную, уже невидимую жизнь!

Не так ли и ты, плывущий по излучине жизни,
Открыт во все стороны света,
И незримая, необъятная сила
Разворачивает тебя то на свет, то на мрак,
И Добро и Зло рассекают твое сердце
И разрывают его вернее, чем инфаркт, —
Пока тебя не поглотит бездна, смерть,
Которая смерть ли есть?
Ибо так называемое небытие,
Быть может, всего лишь инобытие?
Или бытие вечное?
Спасение и бытие вечное!

Николай НИКОЛЮКИН

* * *

Лишь с Дона зимнюю остуду
Прогонят летние лучи,
Как горожане отовсюду
Спешат на берег, как грачи.

Здесь столько шума, столько звона,
И смех летит во все концы,

Средь отдыхающих у Дона
Есть наши бывшие птенцы.

Иной из них, расправив крылья,
Вспорхнет — и в город на завод.
Не хлебом поле пахнет, — пылью...
Его иное, мол, зовет.

Он рассуждает: жить здесь лихо,
Труд сельский вовсе не ценя,
Он знает гречку, а гречиху
Не отличит от ячменя.

Таких все меньше с каждым годом,
Но с каждым годом и больней,
Что не земля, а лишь природа
Влечет сюда красой своей.

Юрий КУЗНЕЦОВ (1941–2003)

ПЕТРАРКА

*И вот непривычная, но уже нескончаемая
вереница подневольного люда того и другого
пола омрачает этот прекраснейший город
скифскими чертами лица и беспорядочным
разбродом, словно мутный поток чистойшую
реку; не будь они своим покупателям милее,
чем мне, не радуи они глаз больше, чем мой, не
теснилось бы бесславное племя по здешним
узким переулкам, не печалило бы неприятными
встречами приезжих, привыкших к лучшим
картинам, но в глубине своей Скифии вместе с
худюю и бледною Нуждой среди каменистого
поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами
и ногтями рвало бы скудные растения.
Впрочем, об этом довольно.*

Петрарка. Из письма Квидо Сете,
Архиепископу Генуи. 1367 г. Венеция.

Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил — не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.

Так писал он заветным стилем,
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи былъем,
Что его омрачали когда-то.

Как-никак, шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.

Как магнит, потянул горизонт,
Где чужие горят палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.

В сорок третьем, на лютном ветру,
Итальянцы шатались, как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега, со скудных растений.

Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.

И никто от порога не гнал,
Хлеб и кровь разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.

Николай БЕЛЯНСКИЙ *(1943–2013)*

В РАННИЙ ЧАС

Дон заветный
В ранний час
Весь окутан
Синевою,
Бьет прибой
В крутой причал
Беспашанной головою.
Как дракон, туман ползет
В хмурых заводях
Излучин.
Вдруг проклюнул
Горизонт
Самый первый
Робкий лучик.
Жавороночья семья
Счет ведет
Напевом сольным.

Просыпается земля,
Вся заласканная солнцем.
А над кручей — облаков
Опрокинутые глыбы,
А под кручей — рыбаков,
Может, столько же,
Как рыбы.
Баркас рыбачий
Тарахтит
На всю округу.
Волны прут за ним,
Горбятся,
Словно борозды
За плугом.

Александр ГОЛУБЕВ

* * *

Потемнели астры под окном. Осень.
Заиграли золотом деньки.
Ясень древний голову возносит,
Вспоминая ночи у реки.

Там, за Доном, в гуще тополиной,
Позабыв все тяготы свои,
Над речной мерцающей стремниной
Майские страдали соловьи.

Слушал их во тьме далекий бакен,
Покосившись на речной проем.
И беспечно посылал им знаки
Голубым и трепетным огнем.

Пойте, мол, соловушки донские,
Чтоб вовеки голос ваш не стих.
Утешайте горести людские
И сердца весенних соловьих.

Отцветают астры под окном. Осень.
Над обрывом желтый листопад.
Память снова нехотя приносит
Временем не тронутый твой взгляд.

Так уж повелось на белом свете —
Отвечать за боль свою сполна.
Память помнит и за все ответит,
Если в ней и не твоя вина.

Галина УМЫВАКИНА

*Как на свете жить
Одинокому?*

А. Кольцов

Молчит вода в куге,
кружится лист на воле...
На Курской мы дуге
иль Куликовом поле?
Какая память в нас
болит, не умолкая,
что жизни нашей час
столетья окликает?!
Течет сквозь сердце Дон,
и сердцу дар отпущен
любить, как отчий дом,
Михайловского кущи.
И нынешних юнцов
пусть тот же путь не минет,
и к ним придет Кольцов,
как за два века Минин.
Пусть та же кровь гудит,
им наполняя жилы,
и та земля глядит,
где русским духом живы.
Все врут, что не навек
пришел ты, человече,
испить из этих рек,
пригубить этой речи.

Владимир ШУВАЕВ (1946–2014)

ДОНСКАЯ ОСЕНЬ

Я опять в этом доме
До утра, как навек!
Как пустынно Задонье!
Словно в разинский век...

Здравствуй, поздняя осень,
В нашем русском краю!
Словно храм перед сносом,
Замер лес на краю.

Гулко хлопает рама.
В доме сыро давно.

Как открытая рана,
Не закрыто окно.

Там, за ставнею древней,
Словно мать от плетня,
Смотрит старое время
В облик нашего дня.

И холодным вопросом
Для грядущих времен —
За меловым откосом
Изгибается Дон.

Дождь на лужах дробится
У прибрежных раки.
Одинокая птица
Через осень летит.

Через позднюю осень,
Не на шутку спеша,
Что с собою уносит
Эта птичья душа?

Что в тоске безъязыкой,
В поднебесной глуши,
Прорывается в крике
Неразумной души?

Есть ли смысл в этом крике,
Растворенном во мгле —
На огромной, великой,
На осенней земле?

Виктор ПЕТРОВ

КАЗАЧИЙ ПОМИН

М.А. Шолохову

Плыл по Дону красный закат:
был казак — и нет казака.

Принесут домой это «нет»,
как зарубленный белый свет.

Станет женка волосы рвать
на краю могильного рва.

Хоронить не хватит раки —
кто живой, так и он убит.

Родина моя без небес...
Ходит в черной кожанке бес,

носит маузер в кобуре
и взрывает храм на бугре.

Очи мертвые у реки
скроют лунные пятаки.

Прокричит мне ветер степной,
чтобы по стране стороной

я ходил, вроде не казак...
Все бы так, да совсем не так!

Конь ты мой, аллюр три креста,
поминальной чарки верста.

Горевать и про горе спеть,
где кровоточащая степь

вынимает душу весной —
только родины нет иной.

Владимир НЕВЯРОВИЧ

ДОН

Дон ты мой, величавый и статный,
Всевеликий и сердцу родной,
С богатырской душой необъятной,
Тихо воды несешь предо мной...

Высший замысел, слезы страданья,
Тайна времени, пульс бытия...
Ты частица звена мирозданья
И листок моего жития.

Так храни свои вечные тайны
И величием мой дух окрыли,
Чтобы звук этой песни венчальной
Не умолк в беспросветной дали.

Чтобы чувства души не остыли,
Чтобы образ твой видел я вновь,
Прославляя Отечества силы
И вселенскую Божью любовь!

Александр НЕСТРУГИН

РОДНОЕ

И Дон,
И палатка над самым обрывом...
И все, что зимою мне снилось, при мне.
А ночью как ухнет на озере Кривом
Неведомо кто — и озноб по спине.
Так тихо, тревожно...
Но стукнет моторка
За островом где-то, под той стороной —
И страхи уходят...
И слышится только
Мотора шумок, будто голос родной.
Безлюдно, угрюмо пространство ночное.
Но голос моторки доходит сквозь тьму,
И кажется: есть кто-то рядом со мною,
И он-то в обиду не даст никому...

Валентин НЕРВИН

* * *

...По Дону гуляет казак молодой.

Из песни

В пути за живою и мертвой водой
земная дорожка недолго петляет:
по Дону гуляет казак молодой,
а старый казак
по квартире гуляет.
Я знаю, бывлые заслуги не в счет —
вчерашние ангелы не приголубят;
уже самогон по усам не течет
и шашка не рубит,
и девки не любят.
А вечером я выхожу на балкон,
дышу химикатами и представляю,
что неподалеку находится Дон
и я на закате
по Дону гуляю...

Иван ЩЁЛОКОВ

* * *

За дымом — дым, за домом — дом,
А за домами — вольный Дон,
В нем облака и синь вверх дном,
И донник в дамбе — динь-донь-донь! —
Струит нежнейший аромат...

И всюду степь — вперед, назад...
И полдень будто виноват,
Что ширь — в охват, что даль — в огляд.

И думы только об одном:
И этот дым, и этот дом,
И за домами быстрый Дон,
Звон струй молочных о бидон, —
Все это — ты, твой сын, твой брат...
Никто ни в чем не виноват!

И голос сердца чист и горд:
За степь, за Дон и за народ,
За этот край лучей и гроз —
В него ты корнем, кровью врос,
Чтоб с дымом дом, а с домом Дон
Вливались в души: динь-донь-донь...

Светлана ЛЯШОВА

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Есть города: и молоды, и древни.
Кто выбирает Сочи, кто Москву.
А я опять спешу в свою деревню,
В стремящуюся к Дону Калитву.
Меня деревня держит все прочнее,
Я с ней еще по прадедам в родстве.
И с каждым вздохом чувствую сильнее,
Как прирастаю сердцем к Калитве.

Сергей ПОПОВ

* * *

Листья зашепчутся. Ветви шелохнутся. Кроны...
Ветер скользнет по вершинам на сонные склоны.
Ветер пройдет по степи и закружит над морем,
Пересечет побережье, вернется к предгорьям.

Тронутся кроны, как маятник, эти и эти.
Мах, полукруг. Вечный ветер идет по планете.
И неизвестны пути, перепутья круты.
Бог его знает, кто выдумал эти маршруты.
Как бы то ни было — он не расстанется с ними,
Будет гудеть в водостоках уснувшей Варшавы.
Ржавчина счистится, медленно выступит имя
На обелисковых досточках, где они ржавы.
Волны по Дону идут, гнутся травы на речке Каяле...
Да не с тобой ли на тех берегах мы стояли?
Ветер гулял. И неслоь по воде отраженье.
Ветер кружил. И поныне все длится круженье —
Запах знакомый прибрежного дыма и пыли...
Сколько колец, сколько судеб на свежем распиле...
Дым уплывает. И кроны качаются реже.
Ветер уходит к долинам других побережий.
В окна стучит, под случайною кровлей ночует.
Кто-то проснется: «Да это же ветер кочует».
Следом очнутя — как будто ни ветра, ни стука.
Вот и безветрие — тоже бессмертная штука.
Только взгляните — как кроны, как ветви спокойны.
Кто сочинил небылицы про ветры и войны?
Кто просыпается нынче — не я ли, не ты ли?
Кроны затихли, и ветви свинцово застыли.
С тем и заснем. Почему же тогда нам не спится?
Полночь тиха. И до трещин обветрены лица.
Что-то мы прослушать боимся — касанье ли, шорох?
Осенью листья на ветках сухие, как порох.
Осенью ветки на дереве, будто в обойме патроны...
Тише, очнитесь! Качнулись высокие кроны.

Ольга ЛУКЪЯНОВА

* * *

Птицы в небе — к ясну дню.
Бог им хлебushка насыпал.
Обе бабки на Дону
Ели аржаной, не ситный.
Дарья — песенна река.
Степанида — Русь смиренна.
Знают звезды, облака —
До четвертого колена
Моим предкам Дона высь
Да земелюшка царева,
Да судьбина Бога близ.
Так утюжили к Покрову
Черноземные поля.
Русь сияла, как яичко!

У них косточки болят.
Отдыхать им с непривычки.
И гляжу я ввысь впотьмах:
Кто там по небу все кружит?
Дед Серега, дед Кузьма.
Смотрят: как земельке служат.
И грохочет там, как гром,
Их заезженная бричка.
Им и небо — родный дом.
Русь — родимая синичка.
Я предстану средь ночи
Пред их слезны, ясны очи.
Внучка ваша, не ворчите.
И дончанка, между прочим.
Прогудят колокола,
Воздохнув, во след пришельцам:
Как там, на небе дела,
За дождей веселым шелестом?
Да за тридевять земель!
Здесь сладки меды, да грустно,
Что не взять с собой отсель
Дона ласковые гусли.
И иголок от сосны
Не набрать в подол рубахи.
И березовой весны —
Одуванчиковой пряжи —
Не возьмешь земную шаль,
И росы в ладоньей лодке,
И российскую печаль,
Из которой воздух соткан...

Департамент культуры Воронежской области.

**«Подъём»-регион» — приложение
к литературно-художественному журналу «Подъём».**

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); контактную информацию (тел., адрес электронной почты).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.
Дизайн обложки Новохатского В.Е.

На 1 стр. обложки фото Щёлокова И. А.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

*Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.*

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в
ООО «Тамбовский полиграфический союз».*

Подписано в печать 30.11.16. Формат 70x100 ¹/₁₆ Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.

Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»:
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru